Сочинения

И. А. КРЫЛОВА

Сочиненія

И. А. Крылова.

Томъ четвертый.

38.20.7.25

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
С. Т. Аксакова, подъ редакціей А. Г. Горнфельда;
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ автора;
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ автора;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора;
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ П. В. Быкова;
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ автора;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой;
Элизы Оржешко, подъ редакціей С. С. Зелинскаго;
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей Д. П. Сильчевскаго;
Гюи де-Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ З. А. Венгеровой;
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ М. А. Энгельгардта;
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями Ѳ. Д. Батюшкова и Е. В. Аничкова.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Л30 6-1 12-4

Л30 6-1 12-4

Полное собраніе сочиненій

И. А. Крылова.

Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія

В. В. Каллаша.

Томъ четвертый.

Стихотворенія и басни.

Рекомендовано особымъ циркуляромъ *Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и* ***допущено*** *въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.*

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., с. д. № 75.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

Предисловіе.

Въ настоящемъ, послѣднемъ томѣ собраны лирическія стихотворенія и басни Крылова.

Матеріалъ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ. Т. н. „басни въ IX книгахъ“ пріурочены нами, въ видѣ особаго отдѣла, къ началу 40-хъ годовъ. Мы безусловно противъ той хронологической перетасовки, которую произвелъ, напр., Кеневичъ въ своихъ изданіяхъ басенъ (70-ыхъ годовъ): 1) для самого Крылова его басни были чѣмъ то цѣльнымъ; надъ распредѣленіемъ басенъ по книгамъ онъ, судя по рукописямъ, тщательно работалъ самъ и руководился при этомъ извѣстными общими соображеніями (сходствомъ содержанія, одновременностью возникновенія и т. д.); 2) текстъ басенъ (мы беремъ его изъ посмертнаго изданія 1844 г.[1], съ исправленіемъ корректурныхъ недосмотровъ, вездѣ оговореннымъ) окончательно сложился къ началу 40-ыхъ годовъ, закрѣпленъ этимъ посмертнымъ изданіемъ; первоначальныя редакціи и варіанты могутъ быть отнесены только къ примѣчаніямъ; окончательную редакцію басенъ, въ текстѣ послѣдняго прижизненнаго изданія, и нужно трактовать, какъ произведеніе конца 30-ыхъ — начала

[1] Оно было напечатано еще при жизни Крылова (цензурное разрѣшеніе 1843 г.) и только разослано послѣ его смерти.

40-ыхъ годовъ; 3) хронологія большинства басенъ Крылова не можетъ быть точно установлена; хронологическія выкладки Кеневича въ его „Примѣчаніяхъ“ и изданіяхъ (повторенныя всѣми послѣдующими изданіями) основаны на рядѣ недоразумѣній (онъ часто не знаетъ мѣста первоначальнаго напечатанія отдѣльныхъ басенъ и нѣкоторыхъ изданій всѣхъ басенъ, не пользуется хронологическими указаніями рукописей, не обращаетъ вниманія на разницу года изданія басенъ и года ихъ цензурнаго разрѣшенія и т. д.); для многихъ басенъ даже невозможны приблизительныя хронологическія пріуроченія. Поэтому проще и правильнѣе не разбивать того, что соединилъ самъ Крыловъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оговоренныхъ въ примѣчаніяхъ, мы дозволили себѣ отступленіе отъ изданія басенъ 1844 г.: мѣстами въ немъ выпали стихи, нужные по смыслу, встрѣчавшіеся во всѣхъ прежнихъ изданіяхъ, необходимые для размѣра и риѳмы; встрѣчаются очевидныя опечатки, грубыя грамматическія ошибки и фантастическая разстановка знаковъ препинанія: одряхлѣвшій Крыловъ, внесшій послѣднія поправки въ текстъ, не могъ уже услѣдить за корректурами, да и раньше онъ, плохо зная русскую орѳографію, предоставлялъ ихъ пріятелямъ или наемнымъ лицамъ.

Что касается до другихъ стихотвореній и басенъ, то въ примѣчаніяхъ мы вездѣ оговариваемся, откуда беремъ текстъ.

Произведенія, приписываемыя Крылову и сколько-нибудь вызывающія сомнѣнія, выдѣлены въ особый

отдѣлъ, какъ и черновые наброски (безъ датъ) недоконченныхъ басенъ.

Количество отведенныхъ издателями печатныхъ листовъ не позволило намъ, къ сожалѣнію, дать настолько обстоятельныя вступительную статью и примѣчанія къ баснямъ, какъ бы этого намъ хотѣлось. Собранные мною огромные матеріалы для этого, какъ и отрывки переводовъ Крылова и „Сонной порошокъ", быть можетъ, увидятъ свѣтъ въ другомъ, научномъ изданіи.

Въ примѣчаніяхъ[1] сведено вкратцѣ все то, что мы находимъ нужнымъ для объясненія отдѣльныхъ басенъ и стихотвореній. Мы находили излишнимъ гоняться за проскользнувшими въ печать пріуроченіями басенъ Крылова къ отдѣльнымъ событіямъ и лицамъ, какъ это дѣлаетъ Кеневичъ: рамки басенъ слишкомъ широки и даютъ возможность для всевозможныхъ пріуроченій — post factum. Въ этомъ отношеніи мы приводили только то, что находили болѣе достовѣрнымъ и интереснымъ. Не гонялись мы также и за библіографическою полнотою варіантовъ, но указывали изъ нихъ все то, что сколько-нибудь характерно для Крылова и его творческихъ пріемовъ. Полнаго свода всѣхъ варіантовъ можно, конечно, требовать только отъ Академическаго изданія.

Мы изучили всѣ рукописи Крылова, принадлежащія общественнымъ учрежденіямъ, и извлекли изъ

[1] Подъ текстомъ — все непосредственно нужное для его пониманія и разсчитанное на „большую публику" (кромѣ нѣсколькихъ случаевъ помѣщенія всѣхъ примѣчаній, когда ихъ вообще было очень мало); примѣчанія болѣе сложныя и спеціальныя сгруппированы послѣ текстовъ, въ концѣ отдѣловъ.

нихъ все, что можетъ представлять общій интересъ. Мало пришлось намъ воспользоваться частными коллекціями: несмотря на всѣ усилія, намъ удалось познакомиться только съ одною изъ нихъ (А. К. Пожарскаго, черезъ посредство Б. Л. Модзалевскаго, которымъ считаемъ долгомъ принести свою искреннюю благодарность).

Почти всѣ, очень многочисленныя, письменныя и устныя, обращенія къ потомкамъ Олениныхъ и другихъ близкихъ къ Крылову лицъ остались втунѣ. Черта специфически русская . . .

Въ нелегкой работѣ надъ текстомъ и примѣчаніями намъ значительно помогли библіографическія указанія В. И. Саитова, С. А. Венгерова, А. І. Лященка и Ѳ. А. Витберга, съ обычнымъ радушіемъ подѣлившихся съ нами своими библіографическими свѣдѣніями. Имъ мы считаемъ себя особенно обязанными.

Художественныя приложенія исчерпываютъ всѣ извѣстные въ печати типы портретовъ Крылова. Коечто (видъ могилы, дома, гдѣ умеръ Крыловъ, Рамазановскій бюстъ, факсимиле и пр.) является впервые въ печати или въ новыхъ, болѣе схожихъ, воспроизведеніяхъ непосредственно съ оригиналовъ.

Спеціальная критика, конечно, отмѣтитъ пробѣлы и промахи въ нашемъ трудѣ, неизбѣжные и естественные при всей сложности предстоявшихъ намъ задачъ. Будемъ искренно благодарны за каждое фактическое, обоснованное и добросовѣстное указаніе.

Въ виду того, что въ концѣ нашего изданія напечатанъ указатель всѣхъ вошедшихъ въ него про-

изведеній Крылова (названія произведеній, приписываемыхъ ему, напечатаны курсивомъ, первыя цыфры указываютъ текстъ, слѣдующія — примѣчанія и упоминанія во вступительныхъ статьяхъ), къ настоящему тому мы не приложили подробнаго оглавленія.

Въ концѣ даны нѣкоторыя дополненія и болѣе существенныя поправки ко всему изданію.

Москва. 8 апрѣля 1905 г.

Вл. Каллашъ.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе V

Вступительная статья: Лирическія стихотворенія и басни Крылова XIII

Стихотворенія и басни (1786—1838) 3

Басни въ девяти книгахъ 113

Примѣчанія къ стихотвореніямъ и баснямъ (1786—1838) 335

Примѣчанія къ „Баснямъ въ девяти книгахъ“ 358

Приложенія.

I. Стихотворенія и басни, приписываемыя Крылову 441

Текстъ 443

Примѣчанія 456

II. Несбывшіеся творческіе замыслы Крылова . . . 466

III. Хронологическій списокъ „Басенъ въ IX книгахъ“ 473

IV. Указатель произведеній Крылова, ко всѣмъ 4 томамъ 476

V. Дополненія и поправки къ 4-мъ томамъ 484

Списокъ иллюстрацій.

Крыловъ въ старости. Рис. К. Брюллова . . . XII
(По фотографическому снимку Фишера съ оригинала, принадлежащаго Румянцевскому музею.)

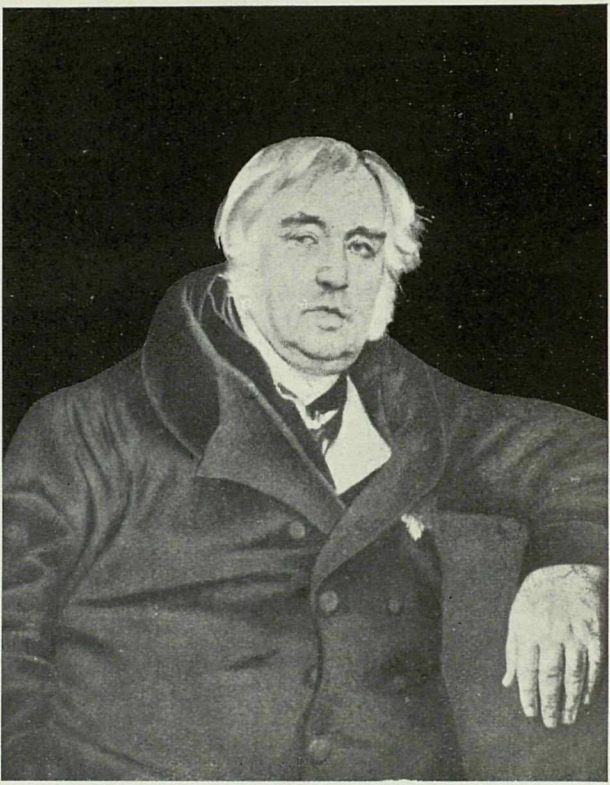
Памятникъ И. А. Крылову въ Лѣтнемъ саду, въ С.-Петербургѣ. Работы барона Клодта, открытъ въ 1855 г. 112

Крыловъ и „василекъ“. Рис. Сапожникова (1833) 124
(По фотографическому снимку съ гравюры, приложенной къ изданію басенъ 1834 г.)

Крыловъ въ старости. Рис. Агина (1844) . . . 276
(По фотографическому снимку съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ Д. В. Григоровича „Дѣдушка Крыловъ“, Спб., 1845.)

Могила И. А. Крылова на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры 320

Домъ, гдѣ жилъ и умеръ Крыловъ, въ С.-Петербургѣ (Васил. Остр., 1 лин., № 8) 332



Крыловъ въ старости.

К. Брюллова.

(рука пририсована однимъ изъ его учениковъ).

(По фотографическому снимку Фишера, съ оригинала.)

Лирическія стихотворенія и басни Крылова.

Поэтическій талантъ Крылова развивался очень медленно и туго. Первыя его стихотворныя попытки (напр., стихотворныя вставки въ „Кофейницѣ“ и другихъ раннихъ комедіяхъ Крылова, стихотворенія, которыми открывается настоящій томъ нашего изданія) прямо ужасны и по формѣ, и по содержанію: столь характерныя для нихъ насилія надъ акцентологіей и морфологіей языка во имя риѳмы и ритма, придуманные ad hoc нескладные неологизмы, грубая смѣсь книжныхъ и народныхъ лексическихъ элементовъ, тяжеловѣсное остроумничанье и крайняя шаблонность поэтическихъ образовъ — все это возвращаетъ насъ ко временамъ Тредьяковскаго и показываетъ, что Крыловъ-юноша немногому научился у Ломоносова, Сумарокова, Державина, Княжнина и Капниста. Но уже въ стихѣ „Филомелы“ („александрійскомъ“), затиснутомъ въ узкія рамки шестистопнаго ямба, виденъ большой шагъ впередъ. Отдѣльнымъ фразамъ нельзя отказать въ афористической сжатости и силѣ; поэтъ, который раньше искажалъ свою мысль и механически низалъ слова въ безуспѣшной погонѣ за правильностью риѳмы и ритма, теперь пріучается свободно владѣть ими. При всей наивности техники и неудовлетворительности драматическаго содержанія, по стиху эта пьеса безконечно выше раннихъ комедій Крылова. Стихотворенія, помѣщенныя въ „Зрителѣ“ и „С.-Петербургскомъ Меркуріи“, не выдѣляются изъ ряда посредственности. Въ нихъ изрѣдка попадаются счастливыя частности, удачные стихи, но въ общемъ они не выше стихотвореній не только литературнаго врага Крылова, Княжнина, но и близкаго къ нему по литературнымъ отношеніямъ Карабанова: не даромъ Плетневъ включилъ нѣкоторыя стихотворенія второго въ полное собраніе сочиненій Крылова. Въ эпиграммахъ и басняхъ Крылова этого времени совсѣмъ нѣтъ или очень

мало соли, сжатости и колоритности выраженій, народности образовъ — именно того, чѣмъ такъ выдвинулся Крыловъ впослѣдствіи. Длинноты, повторенія, слишкомъ настойчивая и прямолинейная тенденціозность, даже сантиментальность мѣстами, мало соотвѣтствующая вообще натурѣ Крылова, напряженность, злоупотребленіе шаблонными образами псевдоклассицизма, и „неблагородная изысканность“ (Плетневъ) отдѣльныхъ образовъ, слишкомъ очевидныя, не всегда идущія къ дѣлу заимствованія у предшественниковъ лишаютъ почти всѣ эти стихотворенія какого бы то ни было художественнаго значенія, но въ нихъ то и дѣло попадаются интересныя черты для біографіи и характеристики Крылова, тѣмъ болѣе драгоцѣнныя, что онѣ относятся къ тому періоду его жизни, о которомъ мы знаемъ слишкомъ мало, — очень яркія отраженія тогдашняго его настроенія, его взглядовъ и убѣжденій. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Крыловъ затрагиваетъ тѣ же темы, на которыхъ онъ подробно останавливался въ своихъ сатирическихъ статьяхъ (въ особенности „чужебѣсіе“).

Переходъ къ баснямъ, которыя сдѣлали Крылова изъ писателя извѣстнаго — писателя знаменитаго и классическаго, былъ случайнымъ и неожиданнымъ какъ для него самого, такъ и для его литературныхъ друзей.

Подобно всѣмъ другимъ писателямъ XVIII вѣка, Крыловъ пробовалъ себя во всевозможныхъ литературныхъ родахъ и видахъ. Онъ очень рано началъ писать басни. По свидѣтельству Лобанова (стр. 4), „первымъ его опытомъ въ стихахъ была басня, переведенная имъ на четырнадцатомъ году изъ Лафонтена, которую знатоки того времени, и между прочими И. И. Бецкій, хвалили, но время истребило ее“. Интересъ къ Лафонтену у будущаго баснописца былъ настолько великъ, что въ 1792 г. онъ даритъ своему пріятелю Клушину экземпляръ его сочиненій съ такою стихотворною припискою:

Залогомъ дружества прими Фонтена ты,
И пусть оно въ сердцахъ тогда у насъ увянетъ,
Когда богъ ясныхъ дней свѣтить нашъ міръ престанетъ,
Или Фонтеновы затмитъ кто красоты.

Крыловъ не чувствовалъ, что въ недалекомъ будущемъ ему предстояло во многихъ случаяхъ „затмить Фонтеновы красоты“...

Результаты двадцатилѣтней (съ 1786 г.) литературной дѣятельности не могли удовлетворить Крылова, человѣка вдумчиваго, наблюдательнаго и, по собственному признанію, самолюбиваго. Его журналы не пошли, сатирическія статьи, мало замѣченныя публикою, вызвали только правительственныя преслѣдованія, пьесы и стихотворенія не выдѣлялись, за немногими исключеніями, изъ ряда посредственности. Крыловъ долго искалъ „своей полочки“ и, сравнительно поздно, нашелъ ее въ баснѣ. Развитіе присущаго ему глубокаго и сильнаго сатирическаго дарованія не могло идти правильно при тогдашнихъ условіяхъ жизни, и ему пришлось вдвинуть свои сатирическія наблюденія въ узкія и тѣсныя рамки басни съ ея „истиною вполоткрыта“, сдѣлаться, подобно своему кроту въ баснѣ „Воспитаніе Льва“, „Великимъ звѣремъ на малыя дѣла“. Процессъ перерожденія сатирика въ баснописца совершался далеко не безболѣзненно. Близко знавшій Крылова Плетневъ еще при жизни баснописца (въ 1838 г., см. „Сочиненія и переписка“, т. I, стр. 344 и т. II, стр. 66) писалъ: „Можетъ быть, этотъ тѣсный горизонтъ идей, изъ-за котораго мудрено съ перваго шага предвидѣть обширное поле, нѣкогда породилъ въ немъ то отвращеніе къ апологической поэзіи, о которомъ не забылъ онъ до сихъ поръ. Любопытно слушать, когда онъ вспоминаетъ, что предшественникъ его, другой знаменитый баснописецъ, Дмитріевъ, началъ первый убѣждать его заниматься сочиненіемъ басенъ, прочитавъ переведенныя Крыловымъ въ праздное время три басни Лафонтена. Преодолѣвъ отвращеніе свое отъ этого рода и заглушивъ раннюю страсть къ драматической поэзіи, Крыловъ нѣсколько времени ограничивался то подражаніемъ, то передѣлкою извѣстныхъ басенъ“. Плетневъ вообще придаетъ большое значеніе Дмитріеву въ исторіи литературнаго превращенія Крылова. „Крыловъ особенно сблизился (въ Москвѣ) съ Дмитріевымъ. Желая войти съ нимъ въ такія сношенія, которыя касались бы предмета, для нихъ обоихъ равно занимательнаго, Крыловъ въ свободное время перевелъ изъ Лафонтена двѣ басни: „Дубъ и Трость“ и „Разборчивую Невѣсту“. Дмитріевъ, прочитавъ ихъ, нашелъ переводъ Крылова очень счастливымъ и достойнымъ прелестнаго подлинника. Тогда онъ началъ уговаривать будущаго соперника своего не покидать этого рода поэзіи, который, по

его мнѣнію, болѣе другихъ удался ему и можетъ со временемъ составить его славу. Крыловъ послѣдовалъ совѣту законнаго судіи въ этомъ дѣлѣ и въ Москвѣ же перевелъ еще изъ Лафонтена: „Старикъ и трое молодыхъ“. Двѣ первыя басни Дмитріевъ немедленно послалъ къ князю Шаликову для напечатанія въ № 1 его журнала „Московскій Зритель“ (1806).

О первоначальномъ отвращеніи Крылова къ баснѣ и о вліяніи на него Дмитріева мы имѣемъ еще другое, современное баснописцу извѣстіе: о нихъ упоминаетъ „Портретная и біографическая галлерея словесности, наукъ, художествъ и искусства въ Россіи“ (Спб., 1841, стр. 3). То же говоритъ и Лобановъ. По его словамъ (стр. 48), „Однажды, это было въ 1805 году, перечитывая Лафонтена, онъ вдругъ почувствовалъ желаніе передать нѣкоторыя изъ его басенъ, своимъ языкомъ, русскому народу. Работа закипѣла, басни готовы; и первый, радушно и искренно одобрившій его начинаніе — былъ И. И. Дмитріевъ, самъ баснописецъ и превосходный литераторъ. Возвышенная душа его, хотя съ перваго уже полета, вѣроятно, предвидѣла, какъ высоко поднимется его соперникъ, не могла удержаться, чтобы не настаивать, не побуждать его трудиться въ этомъ родѣ. „Это истинный вашъ родъ, наконецъ, вы нашли его“, сказалъ Дмитріевъ.

Неожиданный успѣхъ первыхъ басенъ заставилъ Крылова отнестись серьезнѣе къ этому литературному роду и даже, мало-по-малу, спеціализироваться на немъ. Идя по проторенной тропѣ и примѣняя громадную силу таланта и удивительную настойчивость (она была у Крылова при всей его лѣни: онъ самъ писалъ, что только начало для него трудно; увлеченный какой-нибудь идеею, онъ не останавливался ни передъ какими препятствіями) при филигранной обработкѣ литературныхъ бездѣлушекъ, онъ быстро завоевываетъ себѣ видное положеніе въ литературѣ, дѣлается „матодоромъ нашей словесности“ и всеобщимъ любимцемъ. Его ласкаетъ дворъ; благодаря покровительству императрицы и императора, его матеріальныя дѣла устраиваются блистательно; его на расхватъ приглашаютъ разные журналы и литературныя общества; передъ нимъ преклоняются писатели самыхъ разнообразныхъ направленій. По свидѣтельству „Портретной галлереи“ (стр. 4—5), „Чаще всего Крыловъ

читывалъ свои басни въ домѣ А. Н. Оленина и въ блистательномъ обществѣ любителей русскаго слова, собиравшемся у Державина. Здѣсь впечатлѣніе, производимое его коротенькими твореніями, было неимовѣрное: часто не находили мѣста въ залѣ; гости толпились около поэта, становились на стулья, столы и окна, чтобы не проронить ни слова, и эффектъ басни Крылова, прочитанной имъ самимъ, равнялся эффекту аріи Каталани, какъ говорилъ одинъ изъ тогдашнихъ его слушателей". Отдѣльныя выраженія басенъ быстро подхватывались и становились пословицами; при жизни Крылова разошлось по меньшей мѣрѣ семьдесятъ семь тысячъ экземпляровъ его басенъ—фактъ совершенно исключительный для того времени. Крыловъ несомнѣнно былъ популярнѣе всѣхъ своихъ современниковъ, даже Пушкина и Гоголя. Очень рано его басни были признаны лучшимъ чтеніемъ для дѣтей и народа, хотя онѣ зачастую затрагивали явленія, не подходящія для первыхъ и мало понятныя для второго.

Въ своемъ творческомъ развитіи Крыловъ двигался въ сторону наименьшаго сопротивленія. Смягченная сатира давала извѣстный исходъ основному настроенію души писателя и въ то же время не дразнила въ общемъ гусей цензурныхъ и административныхъ. Густая псевдо-классическая закваска, навѣянная главнымъ образомъ уроками Дмитревскаго, никогда не исчезала у Крылова, но ушла подъ спудъ, когда ему пришлось удовлетворять спросу на реализмъ и народность. Литературная мода заставляетъ его даже пользоваться отдѣльными подробностями сантиментализма, смѣшныя стороны котораго онъ понималъ слишкомъ хорошо, и злоупотребленіе которымъ онъ началъ осмѣивать очень рано. „Лукавый дѣдушка" многое таилъ про себя, и часто писалъ не то, что думалъ. Басенные звѣри давали ему возможность искусно припрятать свою затаенную мысль, свой „рѣзкій, охлажденный умъ", свой безысходный скептицизмъ. Рисуя звѣриные нравы, онъ не то осмѣивалъ ихъ, не то выставлялъ, какъ нѣчто законное, или во всякомъ случаѣ неизбѣжное. Въ результатѣ сложныхъ и тяжелыхъ жизненныхъ перипетій онъ приходитъ къ особой „обывательской морали"[1], которая пришлась по душѣ среднему

[1] См. прекрасную замѣтку Ю. И. Айхенвальда („Научное Слово" 1904 г., кн. X, стр. 136—138).

человѣку, и которую онъ облекъ въ блестящія краски колоритной народности, гибкаго и подвижного юмора, мнимонаивной проказливости разсказа, здороваго реализма, афористической сжатости и эпиграмматической мѣткости.

Самый характеръ басенныхъ обобщеній давалъ широкій просторъ для примѣненій и толкованій. Крыловъ, рисуя отдѣльные отрицательные случаи, и не собирался самъ восходить къ ихъ общимъ причинамъ, но эту работу за него производили болѣе вдумчивые и критически настроенные читатели. Въ области общихъ теоретическихъ идей онъ былъ человѣкомъ старомоднымъ, даже и въ началѣ своей литературной дѣятельности, и съ годами его консервативное настроеніе все болѣе и болѣе крѣпло. Только на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ тотъ фактъ, что имъ одинаково увлекаются „либералисты“ и „сервилисты“ Александровскихъ временъ, Арзамасцы и „отверженные Феба“ члены „Бесѣды“: одни обращали вниманіе на образъ, другіе цѣплялись за навязанныя ему идеи, и всѣ восторгались чудеснымъ, за немногими исключеніями, необыкновенно яркимъ и образнымъ языкомъ, гибкимъ стихомъ, который самыми звуками и теченіемъ своимъ передавалъ содержаніе,—простотою и естественностью замысла, рѣдкимъ остроумiемъ подробностей и самыхъ пріемовъ разсказа. Консерватизмъ не мѣшалъ Крылову затрогивать больные и опасные вопросы тогдашней русской жизни, хотя бы и въ „вполоткрыта“, въ „когтяхъ у кошки“ — цензуры. Запуганному обывательскому воображенію многія изъ его басенъ могли казаться и казались даже опасными. Объ этомъ говорилъ Загорѣцкій; подобный случай указываетъ кн. Одоевскій („Русскій Архивъ“ 1874, II, 18): „Еще въ недавнее время нашелся господинъ, который, по усердію къ пользѣ отечества, ходатайствовалъ о запрещеніи большей половины басенъ Крылова“.

Вѣчный антагонистъ Крылова, человѣкъ въ общемъ нелѣпый и смѣхотворный, гр. Хвостовъ, „провѣщился“ однажды очень знаменательнымъ замѣчаніемъ („Русская Старина“, 1893, іюль, 77): „Одинъ остроумецъ, вечеркомъ въ веселой компаніи, сказалъ, что Сумароковъ нашелъ басню въ полѣ, Хемницеръ привелъ ее въ городъ, Дмитріевъ ввелъ ее во дворецъ, Крыловъ вывелъ на площадь, а Измайловъ повелъ въ кабакъ“. Бездарный баснописецъ

хотѣлъ этимъ унизить своего счастливаго соперника, но нечаянно для себя указалъ его наиболѣе цѣнную особенность. Несомнѣнно, Крыловъ сыгралъ видную роль въ процессѣ нисхожденія нашей литературы „съ классическихъ вершинокъ“ „на толкучій рынокъ“ — жизни. Сначала безсознательно, въ силу стихійнаго развитія таланта, слабаго вліянія литературной школы и яркихъ отраженій провинціальной жизни и народной рѣчи, затѣмъ все сознательнѣе и сознательнѣе, нашъ баснописецъ вступалъ на путь реализма и народности, узаконивалъ какъ употребленіе „мужицкой“ рѣчи, такъ и изображеніе „мужицкой“ жизни, открывая этимъ широкіе горизонты для послѣдующей литературы.

Это отчасти отмѣтилъ Погодинъ еще въ 1823 году въ свойственномъ ему лапидарномъ стилѣ (Барсуковъ, I, 211): „О... Крыловѣ,—какъ все по русски—чудо! И медвѣдь Крылова—видно землякъ, что русскій“. Также наивно, но умно по существу оцѣнилъ литературныя заслуги Крылова его ничѣмъ не знаменитый братъ, человѣкъ мало развитой и необразованный, но отъ природы не глупый (Кеневичъ, 374): „Читалъ я басни г. Измайлова; но въ сравненіи съ твоими, какъ небо отъ земли; ни той плавности въ слогѣ, ни красоты нѣтъ, а особливо простоты, съ какою ты имѣешь секретъ писать, ибо твои басни грамотный мужикъ и солдатъ съ такою же пріятностью можетъ читать, хоть не понимая смысла оныхъ, какъ ученый... Читалъ и сочиненія г Жуковскаго, но онъ, какъ мнѣ кажется, пишетъ только для ученыхъ, и болѣе занимается вздоромъ, а потому слава его очень ограничена. А также г. Гнѣдичъ, человѣкъ высокоумный и щеголяетъ на поприщѣ славы между немногими. Но какъ ты, любезный тятенька, пишешь — это для всѣхъ: для малаго и для стараго, для ученаго и простого, и всѣ тебя прославляютъ... Басни твои, это не басни, а апостолъ“.

„Апостолъ“ — конечно, нѣсколько наивное выраженіе, но въ немъ заключается глубокій внутренній смыслъ, который хорошо чувствовали современники Крылова, подъ которымъ подпишутся и отдаленные потомки. Недаромъ кн. Вяземскій сказалъ:

Мудрецъ игривый и глубокій,
Простосердечное дитя,
И дочкамъ онъ давалъ уроки,
И батюшекъ училъ шутя.

Искусствомъ ловкаго обмана,
Гдѣ и кольнетъ изъ-подъ пера:
Такъ Петръ киваетъ на Ивана,
Иванъ киваетъ на Петра.
. . . . . .
Гдѣ нужно, онъ навесть умѣетъ
Свое волшебное стекло,
И въ зеркалѣ его яснѣетъ
Суровой истины чело.
Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ твари дань ему несутъ:
По дудкѣ нашего Орфея
Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ.
. . . . . .
Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ
И слава эта — наша быль.
И не забудутъ этой были
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ...

Отдѣлъ I.

Стихотворенія и басни.

(1786—1838.)

1.

Эпиграмма I къ N . . .

Ты здравымъ хвалишься умомъ вездѣ безстыдно,
Но здраваго ума въ дѣлахъ твоихъ не видно.
Или безпутно ты являешься надменъ,
Или некстати подлъ и слишкомъ униженъ;
На свѣтѣ рѣдкія ты вещи презираешь,
Тогда, какъ къ мелочнымъ почтителенъ бываешь;
Ты любишь вредное, отъ здраваго бѣжишь,
Въ надеждѣ ты пустой лѣта свои влачишь;
Или уныніе томитъ тебя напрасно,
Или на свѣтѣ семъ все кажется опасно;
Не ужасаешься зловредныхъ лишь вещей.
Послушай ты меня, послѣдуй мысли сей,
Что настоящее съ прошедшимъ съединится,
И будущее впредь, какъ бывшее, явится.
Ты блага твердаго не твердо лучшимъ чтишь,
Не вещію себя, ничтожествомъ манишь.

2.

Эпиграмма II часто вопрошающему.

Когда одинъ вопросъ въ бесѣдѣ сей наскучитъ,
Разборъ другихъ по семъ тебя подобно мучитъ.
Желаешь ли себѣ спокойствіе снискать?
Такъ больше дѣлать тщись ты, нежели[1] вопрошать.

---

[1] Нежель?

3.

Стыдливой игрокъ.

Случилось нѣкогда мнѣ быть въ шумливомъ мірѣ;
Сказать яснѣй, мнѣ быть случилося въ трактирѣ;
Хотя немного тамъ увидѣть льзя добра,
Однакожъ тутъ велась изрядная игра.
Изъ всѣхъ другихъ поудалѣе
Одинъ былъ рослой удалецъ,
Безпутства былъ онъ образецъ,
И карты ставилъ онъ и гнулъ смѣлѣе;
И вдругъ
Спустилъ всѣ деньги съ рукъ;
Спустилъ, а на кредитъ никто ему не вѣритъ,
Хоть, кажется, въ божбѣ Герой не лицемѣритъ.
Озлился мой болванъ
И карту съ транспортомъ поставилъ на кафтанъ.
Гляжу, чрезъ часъ Герой остался мой въ камзолѣ,
Какъ пень на чистомъ полѣ;
Тогда къ нему пришелъ
Отъ батюшки посолъ,
И говоритъ: „отецъ совсѣмъ твой умираетъ,
Съ тобой проститься онъ желаетъ,
И приказалъ къ себѣ просить.“
„Скажи ему“, сказалъ мой фаля[1]:
„Что здѣсь бубновая сразила меня краля[2];
Такъ онъ ко мнѣ самъ можетъ быть.
Ему сюда придти ни мало не обидно;
А мнѣ по улицѣ идти безъ сапоговъ,
Безъ платья, шляпы и чулковъ
Ужасно стыдно!“

---

[1] Простакъ, дуракъ.
[2] Дама (въ картахъ).

4.

Судьба игроковъ.

Вчерась пріятеля въ каретѣ видѣлъ я;
Бѣднякъ пріятель мой, я очень удивился:
Чѣмъ столько онъ разжился?
А онъ повѣдалъ мнѣ всю правду, не тая,
Что картами себѣ имѣнье онъ доставилъ,
И выше всѣхъ наукъ игру картежну ставилъ,
Сегодня же пѣшкомъ попался мнѣ мой другъ,
„Конечно“, я сказалъ, „спустилъ ужъ все ты съ рукъ?“
А онъ, какъ философъ, гласилъ въ своемъ отвѣтѣ:
„Ты знаешь, колесомъ вертится все на свѣтѣ!“

5.

Павлинъ и соловей.

Невѣжда въ физикѣ, а въ музыкѣ знатокъ
Услышалъ соловья, поющаго на вѣткѣ,
И хочется ему имѣть такого въ клѣткѣ.
Пріѣхавъ въ городокъ,
Онъ говоритъ: „Хотя я птицы той не знаю
И не видалъ,
Которой пѣніемъ я мысли восхищалъ,
Которую имѣть я столь желаю;
Но въ птичьемъ здѣсь ряду,
Конечно, много птицъ найду“.
Наполнясь мыслію такою,
Чтобъ выбрать птицъ на взглядъ,
Пришелъ бояринъ мой во птичій рядъ,
Съ набитымъ кошелькомъ, съ пустою головою.
Павлина видитъ онъ и видитъ соловья,
И говоритъ купцу: „не ошибаюсь я,
Вотъ мной желанная, прелестная пѣвица!
Нарядной бывши толь, нельзя ей худо пѣть;
Купецъ, мой другъ! скажи, что стоитъ эта птица?“

Купецъ ему въ отвѣтъ:
„Отъ птицы сей, сударь, хорошихъ пѣсней нѣтъ,
Возьмите соловья, сѣдяща близь павлина,
Когда вамъ надобно хорошаго пѣвца!“
Не мало то дивитъ невѣжду господина,
И, быть бояся онъ обманутъ отъ купца,
Прекрасна соловья негодной птицей числитъ,
И мыслитъ:
„Та птица перьями и тѣломъ такъ мала,
Не можно, чтобъ она пѣвицею была“.
Купивъ павлина, онъ покупкой веселится
И мыслитъ пѣніемъ павлина насладиться.
Летитъ домой,
И гостьѣ сей отвелъ рѣшетчатой покой;
А гостейка ему за выборы въ награду,
Пропѣла кошкою разовъ десятокъ сряду,
Мяуканьемъ своимъ невѣждѣ давши знать,
Что глупо голоса по перьямъ выбирать.
Подобно, какъ и сей бояринъ заключая,
Различность разумовъ пристрастно различая,
Нерѣдко жалуемъ того мы въ дураки,
Кто платьемъ не богатъ, не пышенъ волосами,
Кто не обнизанъ вкругъ перстнями и часами,
И злата у кого не полны сундуки.

6.

Не во время гости.

У Риѳмократа[1]
Случилася гостей полна палата;
Но онъ, имѣя много думъ,
На прозѣ и стихахъ помѣшанный свой умъ,

[1] Риѳмокрада?

И бывъ душой немного боленъ,
Гостьми не очень былъ доволенъ,
И спрашивалъ меня, какъ горю пособить,
Чтобъ ихъ скорѣе проводить:
Сбѣситься надобно, коль дома ихъ оставить,

А честно ихъ нельзя отправить
Изъ дому вонъ.
Но только сталъ свою читать онъ оду,
Не стало вдругъ народу,
И при второмъ стихѣ одинъ остался онъ.

7.

Ода Утро.

(Подражаніе французскому.)

Заря торжественной десницей
Снимаетъ съ неба темный кровъ
И сыплетъ бисеръ съ багряницей
Предъ освятителемъ міровъ.
Врата, хаосомъ вознесенны,
Рукою время потрясенны,
На вереяхъ своихъ скрыпятъ,
И разъяренны кони Феба[1]
Чрезъ верхъ сафирныхъ сводовъ неба,
Рыгая пламенемъ, летятъ.

Любимецъ грома горделивый
Свой дерзкой, быстрый взоръ стремитъ
Въ поля, гдѣ Фебъ неутомимый
Дни кругомъ пламеннымъ чертитъ.
Невинной горлицы стенанье
И филомелы[2] восклицанье,
Соединя свой нѣжный гласъ,
Любви желаньи повторяютъ,

[1] Аполлонъ, богъ солнца.
[2] Соловей.

И громкой пѣснью прославляютъ
Природу воскресившій часъ.

Отъ свѣта ризъ Зари багряныхъ,
Пастухъ, проснувшись въ шалашѣ,
Младой пастушки съ устъ румяныхъ
Сбираетъ жизнь своей душѣ.
Бѣжитъ онъ—въ жалобахъ Темира,
Вручаетъ рѣзвости Зефира
Волнисто злато мягкихъ власъ;
Любовь ея устами дышетъ,
Въ очахъ ея природа пишетъ
Печали нѣжной робкій гласъ [1].

Пастухъ въ кустахъ ее встрѣчаетъ;
Онъ розу въ даръ подноситъ ей;
Пастушка розой украшаетъ
Пучокъ трепещущихъ лилей.
Любовь, веселости и смѣхи
Въ кустахъ имъ ставятъ тронъ утѣхи;
Зефиръ, рѣзвясь, влечетъ покровъ
Съ красотъ сей граціи стыдливой:
Пастухъ, побѣдой горделивой,
Сталъ всѣхъ счастливѣй пастуховъ.

Къ водамъ, гдѣ вьетъ Зефиръ кудрями
Верьхи сребриста ручейка,
Путемъ, усыпаннымъ цвѣтами,
Ведетъ надежда рыбака.
Другъ нѣжный розъ, любовникъ Флоры [2],
Чиня съ ручьемъ безмолвны споры,
Противъ стремленья быстрыхъ водъ
Въ жилище рыбы уду мещетъ:
Она дрожитъ, рыбакъ трепещетъ
И добычь къ берегу ведетъ.

[1] Въ подлинникѣ „глазъ“—несомнѣнная опечатка.
[2] Богиня растительности.

Тотъ тѣсный кругъ, что Фебъ обходитъ,
Есть кругъ веселія для васъ:
Забавы, пастыри, выводитъ
Вамъ каждый день и каждый часъ.
Любовь Тирсисовой[1] рукою
Изъ Лиры льетъ восторгъ рѣкою
Прелестныхъ Грацій въ хороводъ.
Пастушекъ нѣжныхъ легки пляски,
Сердца томящія ихъ ласки
Недѣлей дѣлаютъ вамъ годъ.

Но—ахъ! въ кичливыхъ сихъ темницахъ,
Гдѣ страсть, владычица умовъ,
Природу заключа въ гробницахъ,
Намъ роетъ бѣдъ ужасныхъ ровъ,
Не гласъ Аврору[2] птицъ несчастныхъ
Встрѣчаетъ—вопль и стонъ несчастныхъ;
Она предъ сонмомъ страшныхъ бѣдъ,
Въ слезахъ кровавыхъ окропляясь,
Пороковъ нашихъ ужасаясь,
Блѣднѣя въ ужасѣ идетъ.

При видѣ пасмурной Авроры,
Скупой, отъ страха чуть дыша,
Срываетъ, трепеща, запоры
Съ мѣшковъ, гдѣ спитъ его душа.
Онъ зритъ богатства осклабляясь . . .
Съ лучами злата съединяясь,
Едва рождающійся день
Льютъ желчь на блѣдный видъ скупого
И кажутъ въ немъ страдальца злого
Въ адѣ мучимую тѣнь.

Уже рабъ счастія надменный
Вжигаетъ ложный ѳиміамъ,

[1] Пастухъ.
[2] Утренняя заря.

Гдѣ идолъ гордости смятенный,
Колебля пышный златомъ храмъ,
Паденья гордыхъ стѣнъ трепещетъ;
Но взоръ притворно тихій мещетъ:
Его ладью Зефиръ ведетъ...
Но только бурный вѣтръ застонетъ,
Съ ладьей во ужасѣ онъ тонетъ
Въ волнахъ глубокихъ черныхъ водъ.

Авроры всходомъ удивленна,
Смутясь роскошная жена
Пускаетъ стонъ, что отвлеченна
Отъ сладостныхъ забавъ она;
Власы разсѣянны сбираетъ;
Обманъ ей краски выбираетъ,
Чтобъ ими прелесть замѣнять.
Она своимъ горящимъ взоромъ
И сладострастнымъ разговоромъ
Еще старается плѣнять.

Во храмѣ, гдѣ, копая гробы,
Покрывши пѣною уста,
Кривя вѣсы по волѣ злобы,
Даетъ законы клевета
И, ризой правды покровенна,
Честей на тронѣ вознесенна,
Ласкаетъ лютаго жреца.
Онъ златомъ правду оцѣняетъ,
Невинность робку утѣсняетъ
И мучитъ злобою сердца.

Се путь, изрытый пропастями,
Усѣянъ множествомъ цвѣтовъ,
Куда, влекомые страстями,
Подъ мнимой прелестью оковъ,
Идутъ несчастны человѣки
Вкусить отравъ пріятныхъ рѣки

И, чувствы въ оныхъ погубя,
Въ ужасны пропасти ввергаться
И жаломъ совѣсти терзаться,
Низринувъ въ гибели себя.

8.

Ода на заключеніе мира Россіи со Швеціею.

Доколь сынъ гордыя Юноны [1],
Врагъ свойства мудрыхъ—тишины,
Ничтожа естества законы,
Ты станешь возжигать войны?
Подобно громамъ съединенны,
Доколѣ, Марсъ, трубы военны—
Убійства будутъ возглашать?
Когда воздремлешь ты отъ злобы?
Престанешь города во гробы,
Селеньи въ степи превращать?

Дни кротки мира пролетѣли,
Мѣстамъ видъ подалъ ты иной:
Гдѣ голосъ звонкой пѣлъ свирѣли,
Тамъ слышенъ фурій адскихъ вой.
Нимфъ нѣжныхъ скрылись хороводы,
Бросаются Найяды [2] въ воды,
Сонмъ рѣзвыхъ сатиръ [3] убѣжалъ.
Твой мечъ, какъ молнія, сверкаетъ;
Народы такъ онъ посѣкаетъ,
Какъ прежде серпъ тамъ класы жалъ.

Какой еще я ужасъ внемлю!
Куда мой духъ меня влечетъ!
Кровавый Понтъ [4] я зрю, не землю,

---

1 Марсъ, богъ войны.
2 Низшія морскія и рѣчныя божества.
3 Козлоногіе спутники Вакха.
4 Море.

Въ дыму тускнѣетъ солнца свѣтъ.
Я слышу стоны смертныхъ рода...
Не расторгается ль природа?
Не воскресаетъ ли Хаосъ?
Не рушится ль вселенна вскорѣ?..
Не въ адѣ ль я? Нѣтъ, въ Финскомъ морѣ,
Гдѣ поражаетъ Готфа[1] Россъ.

Гдѣ образъ естества кончины
Передо мной изображенъ:
Кипятъ кровавыя пучины,
И воздухъ молніей разженъ.
Тамъ плаваютъ горящи грады,
Не въ жизни, въ смерти тамъ отрады.
Повсюду слышно: „гибнемъ мы!“
Разятъ слухъ громы разъяренны.
Тамъ тьма подобна тьмѣ геенны;
Тамъ свѣтъ ужаснѣй самой тьмы.

Но что внезапу укрощаетъ
Отважны Россіянъ сердца?
Умолкъ мятежъ и не смущаетъ
Водъ финскихъ свѣтлаго лица.
Разсѣянъ мракъ, утихли стоны,
И Нереиды и Тритоны[2]
Вкругъ мирныхъ флаговъ собрались,
Побѣды Россіянъ воспѣли:
Въ поляхъ ихъ пѣсни возгремѣли
И по вселенной разнеслись.

Арей[3], спокойство ненавидя
Питая во груди раздоръ,
Вздохнулъ, оливны вѣтви видя,
И рекъ, отъ нихъ отвлекши взоръ:
„Къ тому ль, Россіяне суровы,
Ростутъ для васъ лѣса лавровы,

[1] Шведа.
[2] Низшія морскія божества.
[3] Марсъ.

Чтобы любить вамъ тишину?
Дивя весь свѣтъ своимъ геройствомъ,
Почто столь плѣнны вы спокойствомъ
И прекращаете войну?

Среди огня мечей и дыма
Я славу Римлянъ созидалъ,
Я богомъ былъ первѣйшимъ Рима,
Мной Римъ вселенной богомъ сталъ.
Мои одни признавъ законы,
Онъ грады жегъ и рушилъ троны,
Забаву въ злобѣ находилъ;
Онъ свѣту былъ страшнѣй геенны,
И на развалинахъ вселенны
Свою онъ славу утвердилъ.

А вы, перунами владѣя,
Страшнѣй бывъ Рима самого,
Не смерти ищете злодѣя,
Хотите дружества его.
О Россъ, оставь толь мирны мысли:
Побѣдами свой вѣкъ исчисли,
Вселенну громомъ востревожь.
Не милостьми плѣняй народы:
Разсѣй въ нихъ страхъ, лишай свободы,
Число невольниковъ умножь".

Онъ рекъ и, чая новой дани,
Стирая хладну кровь съ броней,
Ко пламенной готовилъ брани
Своихъ крутящихся коней...
Но вдругъ во пропасти подземны
Бѣгутъ, смыкая взоры темны,
Мятежъ, коварство и раздоръ:
Какъ гонитъ день ночны призраки,
Такъ гонитъ ихъ въ кромѣшны мраки
Одинъ Минервы[1] краткій взоръ.

[1] Богиня мудрости; имѣется въ виду Императрица Екатерина II.

Подобно, какъ луна блѣднѣетъ,
Увидя свѣтла дней Царя,
Такъ Марсъ мятется и темнѣетъ,
Въ Минервѣ бога мира зря.
Уносится, какъ вѣтромъ прахи:
Предъ нимъ летятъ смятеньи, страхи,
Ему сопутствуетъ весь адъ;
За нимъ лѣнивыми стопами
Влекутся, скрежеща зубами,
Болѣзни, рабство, бѣдность, гладъ.

И се на Сѣверѣ природа
Весенній образъ приняла.
Минерва Росскаго народа
Сердцамъ спокойство подала.
Рекла... и громовъ Россъ не мещетъ,
Рекла, и Финъ ужъ не трепещетъ;
Спокойны на моряхъ суда.
Дивясь, дѣла Ея велики
Нимфъ нѣжныхъ воспѣваютъ лики [1];
Ликуютъ села и града.

Таковъ есть Богъ: великъ во брани,
Ужасенъ въ гнѣвѣ онъ Своемъ,
Но коль простретъ въ знакъ мира длани,
Творца блаженства видимъ въ Немъ.
Какъ воскъ предъ Нимъ, такъ таетъ камень;
Рука Его какъ вихрь и пламень,
Колеблетъ основанье горъ;
Но въ милостяхъ Едемъ [2] рождаетъ,
Сердца и души услаждаетъ
Его единый тихій взоръ.

Ликуй, Россъ, видя на Престолѣ
Владычицу подобныхъ свойствъ;
Святой усердствуй волѣ;
Не бойся бѣдъ и неустройствъ.

[1] Хоры.
[2] Рай.

Вотще когтями гидры злоба
Тебѣ копаетъ двери гроба;
Вотще готовитъ чашу слезъ:
Одинъ глаголъ твоей Паллады [1]
Коварству становитъ преграды
И миръ низводитъ къ намъ съ небесъ.

О, сколь блаженны тѣ державы,
Гдѣ, къ подданнымъ храня любовь,
Монархи въ томъ лишь ищутъ славы,
Чтобъ, какъ свою, щадить ихъ кровь.
Народъ въ Царѣ отца тамъ видитъ,
Гдѣ Царь раздоры ненавидитъ;
Законы давъ, хранитъ ихъ самъ.
Тамъ златомъ ябеда не блещетъ,
Тамъ слабой сильныхъ не трепещетъ,
Тамъ тронъ подобенъ небесамъ.

Разсудкомъ люди не боятся
Себя возвысить отъ звѣрей,
Но имъ они единымъ льстятся
Вниманье заслужить Царей.
Невѣжество на чисты музы
Не смѣетъ налагать тамъ узы,
Не смѣетъ гнать оно наукъ,
Принявъ за правило не ложно,
Что истребить ихъ тамъ не можно,
Гдѣ Вѣнценосецъ музамъ другъ.

Тамъ тщетно клевета у трона
Пріемлетъ правды кроткій видъ:
Не помраченна зломъ корона
Для льстивыхъ устъ ея эгидъ [2].
Не лица тамъ, дѣла ихъ зримы:
Закономъ всѣ однимъ судимы —
Простый и знатный человѣкъ;
И во блаженной той державѣ,

[1] Минерва.
[2] Защита (въ подл. егидъ).

Царя ея къ безсмертной славѣ,
Цвѣтетъ златой Астреи [1] вѣкъ.

Но кто въ чертахъ сихъ не узнаетъ
Россіянъ счастливый предѣлъ?
Кто, видя ихъ, не вспоминаетъ
Екатерины громкихъ дѣлъ:
Она наукамъ храмы ставитъ,
Порокъ разитъ, невинность славитъ,
Даетъ художествамъ покой;
Подъ сѣнь ея текутъ народы
Вкушать Астреи кроткой годы,
Астрею видя въ Ней самой.

Она неправедной войною
Не унижаетъ Царскій санъ
И крови подданныхъ цѣною
Себѣ не ищетъ новыхъ странъ.
Враговъ, жалѣя, поражаетъ,
Когда судъ правый обнажаетъ
Разящій злобу мечъ Ея;
Во гнѣвѣ молніями блещетъ;
Ея десница громы мещетъ,
Но въ сердцѣ милость у Нея.

О ты, что свыше круга звѣздна
Сидишь, Царей суды внемля,
Тронъ Коего есть твердь небесна,
А ногъ подножіе земля!
Молитву чадъ Россіи вѣрныхъ,
Блаженству общества усердныхъ,
Внемли во слабой пѣснѣ сей:
Чтобъ Россовъ продолжить блаженство
И зрѣть ихъ счастья совершенство,
Давай подобныхъ имъ Царей!

Но что въ восторгѣ духъ дерзаетъ?
Куда стремлюся я въ сей часъ?..

[1] Богиня справедливости.

Кто сводъ лазурный отверзаетъ,
И чей я слышу съ неба гласъ?..
Вѣщаетъ Богъ Екатеринѣ:
„Владѣй, какъ Ты владѣешь нынѣ;
Народамъ правый судъ твори,
Въ лицѣ Твоемъ ко мнѣ языки
Воздвигнутъ пѣсни хвалъ велики,
Въ примѣръ Тебя возьмутъ цари.“

„Предѣлъ Россіянъ громка слава:
Къ тому Тебѣ Я далъ ихъ тронъ;
Угодна мнѣ Твоя держава,
Угоденъ правый Твой законъ.
Тобой взнесется Россъ высоко;
Я Росскій самъ храню престолъ“.
Онъ рекъ... и воздухъ всколебался,
Онъ рекъ... въ громахъ повторялся
Его Божественный глаголъ.

9.

А. И. Клушину.

Залогомъ дружества прими Фонтена [1] ты,
И пусть оно въ сердцахъ тогда у насъ увянетъ,
Когда богъ ясныхъ дней свѣтить нашъ міръ престанетъ,
Или Фонтеновы затмитъ кто красоты.

10.

Утѣшеніе Анютѣ.

Ты грустна, мой другъ Анюта;
Взоръ твой томенъ, видъ унылъ,
Бѣлой свѣтъ тебѣ постылъ,

[1] Лафонтенъ, знаменитый французскій баснописецъ (1621—1695).

Вѣкомъ кажется минута.
Грудь твоя, какъ легка тѣнь
При разсвѣтѣ исчезаетъ,
Иль, какъ въ знойный лѣтній день
Бѣлый воскъ отъ жару, таетъ.
Ты скучаешь — и съ тобой
Пошутить никто не смѣетъ.
Чуть Зефиръ косынку взвѣетъ
Иль станъ легкой, стройной твой
Онъ украдкой поцѣлуетъ,
Отъ него ты прочь бѣжишь.
Безъ улыбки ужъ глядишь,
Какъ любезную милуетъ
Рѣзвой, громкой соловей.
Не по мысли все твоей:
Все иль скучно, иль досадно,
Все не такъ и все не ладно.
Если тонкій вѣтерокъ
Розовой одинъ листокъ
На твою грудь бѣлу броситъ,
Иль твой другъ, Фидель[1] твоя,
Увиваясь вкругъ тебя,
Поцѣлуя лишь попроситъ, —
Ты досадуешь на нихъ.
Какъ ручей, изсохшій въ полѣ,
Не журчитъ по травкѣ болѣ,
Такъ твой рѣзвой нравъ утихъ.
Что жъ, мой другъ, тому виною?
Ты прекрасна, молода:
Разъ лишь встрѣтиться съ тобою -
И безъ сердца навсегда;
Разъ вдохнуть лишь вздохъ твой страстной,
Разъ тебя поцѣловать,
Только разъ — и трудъ напрасной
Будешь вольности искать.

---

[1] Маленькая собачонка Крыловской Анюты.

Взглянешь ты — въ насъ сердце таетъ,
Улыбнешься — кровь кипитъ,
И душа ужъ тамъ летаетъ,
Гдѣ любовь намъ рай сулитъ.
Я не льщу — спроси и то же
Всякой скажетъ за себя,
Пять минутъ съ тобой дороже,
Нежель вѣки безъ тебя.
Отчего жъ сей видъ унылой?
Льзя ль скучать, столь бывши милой?
Ты молчишь — твой томной взглядъ
Устремился на нарядъ.
Какъ въ нечаянны морозы,
Вышедъ на поблекшій лугъ,
Нѣжна Клоя[1], Флоры[2] другъ,
Воздыхая — и сквозь слезы
Видитъ поблѣднѣвши розы,
Такъ тебѣ, Анюта, жаль,
Что французски тонки фліоры,
Щегольскіе ихъ уборы,
Легки шляпки, ленты, шаль,
Какъ цвѣты отъ стужи, вянутъ.
Скоро ужъ они не станутъ
Вѣять вкругъ твоихъ красотъ.
Время счастья ихъ пройдетъ.
Скоро я пенять не стану,
Что французской тонкой фліоръ,
Равной легкому туману,
Мой заманивая взоръ,
Всѣ утѣхи обѣщаетъ
И, разсѣявши его,
Не открывши ничего,
Только сердце обольщаетъ,
И въ цвѣты французскихъ флоръ,
Въ сей любимой твой уборъ,

[1] Хлоя. [2] Богиня растительности.

Тихое твое дыханье
Перестанетъ жизнь вливать.
Ихъ волшебныхъ розъ сіянье
Ты не станешь затьмѣвать,
Передъ ихъ линòмъ[1] гордиться
Ты не будешь бѣлизной.
Украшая поясъ твой,
Во сапфиръ не претворится
Васильковая эмаль;
Чиста лондонская сталь
Въ немъ зарями не заблещетъ.
Чувствамъ сладкихъ ароматъ
На прелестный твой нарядъ
Флора Сенска не восплещетъ;
Шаль не будетъ развѣвать,
Около тебя взвиваясь,
И Зефиръ, подъ ней скрываясь,
Перестанетъ ужъ трепать
Бѣлу грудь твою высоку.
Чѣмъ снабжалъ парижской свѣтъ
Щегольской твой туалетъ,
Терпитъ ссылку то жестоку,
И всего того ужъ нѣтъ.
Вотъ вина всей грусти, скуки!
Этой горькой снесть разлуки,
Силъ въ тебѣ недостаетъ.
Такъ малиновка тосклива,
Слыша хлады зимнихъ дней,
Такъ грустна, летя съ полей,
Гдѣ была дружкомъ счастлива;
Такъ печаленъ соловей,
Зря, что хладъ долины коситъ,
Видя, что Борей разноситъ
Нѣжной листъ съ младыхъ древесъ,
Подъ которымъ онъ, зарею,

[1] Батистъ.

Громкой пѣснію своею
Оживлялъ тѣнистый лѣсъ.
Но тебѣ ль, мой другъ, опасна
Трата всѣхъ пустыхъ прикрасъ?
Ими ль ты была прекрасна?
Ими ль ты плѣняла насъ?
Ими ль пламенные взоры
Сладкой лили въ сердце ядъ!
И твои ль виной уборы,
Что волнуетъ кровь твой взглядъ?
Ахъ, Анюта, какъ же мало
Знаешь ты цѣнить себя!
Или зеркало скрывало,
Иль то тайна для тебя,
Что ты столь, мой другъ, прелестна?
Не уборомъ ты любезна,
Не нарядомъ хороша:
Всѣмъ нарядамъ ты — душа.
Нужны ль розонамъ румяны,
Чтобы цвѣтъ имѣть багряный?
Иль бѣлилы для лилей,
Чтобъ казаться имъ бѣлѣй?
Трудъ не будетъ ли напрасной
Свѣчку засвѣтить въ день ясной,
Чтобы солнышку помочь
Прогонять угрюму ночь?
Такъ, уборы, пышность, мода
Слабы всѣ передъ тобой:
Бывъ прекрасна, какъ природа,
Ты мила сама собой.

11.

Мое оправданіе къ Анютѣ.

Защищая полъ прелестный,
Аннушка, мой другъ любезной,
Часто ты пеняла мнѣ,

Что лишь слабости однѣ
Въ женщинахъ цѣню я строго,
И что нѣжныхъ тѣхъ заразъ,
Чѣмъ онѣ плѣняютъ насъ,
Нахожу я въ нихъ немного.
Удивляло то тебя,
Что писать про нихъ я смѣю;
Ты пеняла, что умѣю
Въ нихъ пороки видѣть я. —
Ты пеняла — я смѣялся,
Ты грозила — я шутилъ,
И тебя я не боялся,
И тебѣ самой не льстилъ!
Для меня казалось стыдно,
И досадно и обидно
Дѣвочкѣ въ пятнадцать лѣтъ,
Какъ судьѣ, давать отвѣтъ.
Но судьба здѣсь всѣмъ играетъ,
Видъ всему даетъ иной:
Часто роза тамъ блистаетъ,
Иней гдѣ мертвѣлъ сѣдой;
Гдѣ лежалъ бѣлъ снѣгъ пушистый,
Облака крутилъ Борей,
Флора, утренней зарей,
Стелетъ тамъ ковры душисты
Для любовныхъ олтарей.
Всѣ природѣ уступаютъ.
Превратяся воды въ ледъ,
Пусть Бореевъ презираютъ:
Придетъ часъ, онѣ растаютъ,
Вся ихъ твердость пропадетъ.
Ихъ теперь и вихри люты
Не возмогутъ всколебать;
Но настанутъ тѣ минуты,
Какъ, рѣзвясь, ихъ волновать
Станутъ вѣтерки восточны.
Сердце наше таково:

Твердо, холодно, какъ камень;
Но наступитъ часъ его,
Вспыхнетъ вдругъ, какъ лютый пламень.
Всѣ въ немъ страсти закипятъ,
И тогда одинъ ужъ взглядъ
Волновать его удобенъ,
И, вливая въ душу ядъ,
Душу связывать способенъ.
Но когда здѣсь все не впрокъ:
Можетъ быть, законъ природы
И моей уже свободы
Назначаетъ близкой срокъ.
Скоро, скоро, можетъ статься,
Заплачу большой цѣной
За вину, что воружаться
Смѣлъ на полъ я нѣжной твой;
Но теперь лишь оправдаться
Я желаю предъ тобой.
Зла тоскою не избудишь,
Грустью тучи не принудишь
Грозу мимо пронести.
Я еще вздохнуть успѣю,
Какъ совсѣмъ ужъ ослабѣю
Отъ бѣды себя спасти
И погибну невозвратно.
Такъ тебѣ то не пріятно,
Что на женщинъ я пишу,
Ихъ причуды поношу,
Открываю ихъ пороки,
Страсти пылки и жестоки,
Кои вредны иногда,
Странны и смѣшны всегда.
Но тебя ль я обижаю,
Коль порочныхъ поражаю?
Нѣтъ — тебя тѣмъ обожаю.
Твой лишь тихой, кроткой нравъ,
Не любя переговоровъ,

Колкихъ шутокъ, ссоръ и споровъ,
То твердитъ, что я не правъ,
И когда перомъ шутливымъ,
Не бранчивымъ, не брюзгливымъ
Глупость я колю одну;
Ты въ поступкѣ видишь этомъ,
Будто съ цѣлымъ женскимъ свѣтомъ
Злую я веду войну.
Такъ пастухъ въ лѣсу тѣнистомъ,
Голосомъ плѣняясь чистомъ
Милой пѣночки своей,
Чтобъ дать болѣ мѣста ей,
Прочь отъ дерева гоняетъ
Глупыхъ каркливыхъ воронъ,
Но тѣмъ пѣночку пугаетъ —
Робка пѣночка слетаетъ —
И ее теряетъ онъ,
Какъ пріятной, сладкой сонъ.
Но тебѣ ль, мой другъ любезной,
Страхъ присталъ сей безполезной?
Пусть Венера во сто лѣтъ,
Колотя въ поддѣльны зубы
И надувъ увядши губы,
Мнѣ проклятіе даетъ,
За вину, что слишкомъ строго
Заглянулъ къ ней въ туалетъ
И цѣнилъ его я много.
Но тебѣ въ томъ нужды нѣтъ.
Ты красотъ не покупаешь
Въ баночкахъ большой цѣной,
И природѣ лишь одной
Тѣмъ должна, чѣмъ ты плѣняешь.
Пусть пеняетъ на меня
Скромна, хитра щеголиха,
Пусть ворчитъ мнѣ изъ подтиха,
Мниму злость мою кляня.
Передъ ней, сказать неложно,

Не совсѣмъ я чистъ и правъ,
И не слишкомъ осторожно
Я открылъ лукавой нравъ,
Хитры замыслы, уловки,
Кои чаще у нея,
Нежель у мужа ея,
Модны головны обновки.
Не совсѣмъ я правъ и тѣмъ,
Что сказалъ за тайну всѣмъ,
Какъ она надъ нимъ играетъ;
Знаетъ къ статѣ похвалить;
Знаетъ къ статѣ слезы лить,
Къ статѣ часто обмираетъ,
И, воскреснувъ безъ него,
Мужа скромнаго сего
Лобъ счастливой убираетъ.
Пусть она бранитъ меня;
Передъ ней я очень грѣшенъ;
Но я тѣмъ, мой другъ, утѣшенъ,
Что я правъ передъ тобой:
Съ описаньемъ симъ несходенъ
Нравъ невинной, скромной твой:
Онъ пріятенъ, благороденъ —
Какъ тиха заря весной.
Ты притворства ненавидишь —
Нужды въ немъ себѣ не видишь —
И къ чему тебѣ оно?
Все судьбой тебѣ дано,
Чтобъ тобою восхищаться.
Для чего же притворяться?
Развѣ только для того,
Чтобъ любезной не казаться?
Пусть какъ хочетъ, такъ бранитъ
Рѣзвая меня Вѣтрана;
Пусть вездѣ она твердитъ,
Что я схожъ на грубіяна,
Что во мнѣ искусства нѣтъ

Тѣшить нѣжно модной свѣтъ.
Гнѣвъ ея ничуть не дивенъ:
Кто портретъ ея писалъ
И, писавъ его, не лгалъ,
Тотъ, конечно, ей противенъ.
Еслибъ я не разсказалъ,
Какъ сердца она мѣняетъ,
Какъ не рѣдко въ сутки разъ
Вѣрностью своей линяетъ,
Не храня своихъ заразъ;
И, какъ бабочка, летаетъ
Съ василька на василіокъ,
И съ кусточка на кустокъ.
Еслибъ я былъ скроменъ болѣ,
Еслибъ я смолчать умѣлъ,
Можетъ быть, съ другими въ долѣ
Сердцемъ бы ея владѣлъ;
Но въ блаженствѣ безъ препятства
Мало есть, мой другъ, пріятства —
Милъ соколъ намъ въ высокѣ —
Скучитъ скоро на рукѣ.
Пусть она кричитъ, какъ хочитъ;
Пусть языкъ, какъ бритву, точитъ:
Мнѣ не страшенъ гнѣвъ ея.
Но, писавъ портретъ Вѣтраны,
Хитрость, плутовство, обманы,
Чѣмъ тебѣ досаденъ я?
Ты ловить сердца не ищешь,
За побѣдами не рыщешь,
На гуляньи, въ маскарадъ,
Въ сосьете [1], въ спектакли, въ садъ.
И хотя ты всѣхъ плѣняешь
И умомъ и красотой;
Но сколь взглядъ опасенъ твой,
Всѣхъ ты менѣ это знаешь.

[1] Въ общество.

Передъ зеркаломъ, другъ мой,
Ты не учишь улыбаться,
Ни вздыхать, ни ужиматься,
Къ статѣ бросить томной взглядъ,
Иль лукавы сдѣлать глазки;
Щеголихъ подборны краски,
Весь ученой ихъ снарядъ,
Разставлять сердцамъ тенета,
Быть влюбленной, не любя —
Вся наука хитра эта
Не понятна для тебя.
У тебя, мой другъ, не въ модѣ
Съ сердцемъ быть глазамъ въ разводѣ,
Ты открыта — твой языкъ
Къ хитрой лести не привыкъ.
Плачешь ты или хохочешь
Не тогда, когда захочешь,
Но какъ сердце то велитъ.
Съ нимъ однимъ всегда согласны
Голосъ твой, глаза и видъ:
Отъ того они прекрасны.
Ахъ, когда бы весь твой полъ
Сходенъ былъ во всемъ съ тобою;
Кто бъ, мой другъ, былъ столько золъ
И съ душою столь слѣпою,
Чтобы не плѣняться имъ?
Слабымъ я перомъ моимъ
Лишь ему платилъ бы дани,
И оставилъ бы всѣ брани
Злымъ порокамъ и смѣшнымъ.
Съ лирой томной и согласной
Пѣлъ бы полъ я сей прекрасной;
И учился бъ лишь тому,
Чтобъ умѣть его прославить;
Къ статѣ — въ шуткахъ позабавить —
И пріятнымъ быть ему.

12.

Къ другу моему, А. И. К[1].

Скажи, любезный другъ ты мой,
Что сдѣлалось со мной такое?
Не сердце ль мнѣ дано другое?
Не разумъ ли мнѣ данъ иной? —
Какъ будто сладко сновидѣнье,
Моя исчезла тишина;
Какъ море въ лютое волненье,
Душа моя возмущена.
Едва одно желанье вспыхнетъ,
Спѣшитъ за нимъ другое въ слѣдъ;
Едва одна мечта утихнетъ,
Уже другая сердце рветъ.
Не столько вѣтры въ полѣ чистомъ
Колеблютъ гибкой бѣлой ленъ,
Когда, бунтуя съ ревомъ, свистомъ,
Деревья рвутъ изъ корня вонъ;
Не столько воды рѣкъ суровы,
Когда ко ужасу луговъ,
Весной алмазны рвутъ оковы
И ищутъ новыхъ береговъ;
Не столько и они ужасны,
Какъ страсти люты и опасны,
Которыя въ груди моей
Мое спокойство отравляютъ;
И, раздирая сердце въ ней,
Смущенный разумъ подавляютъ.
Такъ вотъ, мой другъ любезный, плодъ,
Который намъ сулятъ науки!
Теперь ученый весь народъ
Мои лишь множитъ только скуки.
Платонъ, Сенека, Епиктетъ[2]
Всѣ ихъ ученые соборы,

[1] Клушину.
[2] Т. е. философы вообще.

Всѣ ихъ угрюмы заговоры,
Чтобъ въ школу превратить весь свѣтъ,
Прекрасныхъ дѣвушекъ — въ Катоновъ[1]
И въ Гераклитовъ[2] всѣхъ Вѣтроновъ —
Все это только шумъ пустой.
Пусть вѣритъ имъ народъ простой,
А я, мой другъ, держусь той вѣры,
Что это лишь однѣ химеры,
Не такъ легко поправить міръ!
Скорѣй воскреснувъ новый Киръ
Иль Александръ безъ мѣры смѣлый[3],
Чтобъ расширить свои предѣлы,
Объявятъ всѣмъ звѣздамъ войну
И приступомъ возьмутъ луну;
Скорѣе Сенъ-Жермень[4] возстанетъ
И цѣлый свѣтъ опять обманетъ;
Скорѣй Вралинъ переродится,
Стихи картавить устыдится
И будетъ всѣми такъ любимъ,
Какъ нынѣ милъ однимъ глухимъ.
Скорѣй все это здѣсь случится; —
Но свѣтъ — останется, повѣрь,
Такимъ, каковъ онъ есть теперь;
А книги будутъ все плодиться.
Къ чему жъ прочелъ я столько книгъ,
Изъ нихъ ограду сердцу строя,
Когда одинъ лишь только мигъ —
И я навѣкъ лишенъ покоя? —
Когда лишь пара хитрыхъ глазъ,
Улыбка скромная, лукава, —
И филозофіи отрава
Дана въ одинъ короткой часъ.
Премудрымъ воружась Платономъ[5],

---

[1] Суровыхъ исполнителей долга.
[2] Печальныхъ, пессимистическихъ философовъ.
[3] Завоеватели.
[4] Надѣлавшій много шуму французскій шарлатанъ.
[5] Греческій философъ.

Угрюмымъ Юнгомъ[1], Фенелономъ[2]
Задумалъ цѣлый вѣкъ я свой
Противъ страстей стоять горой[3].
Кто жъ могъ тогда мнѣ быть опасенъ? —
Ужли дитя въ пятнадцать лѣтъ? —
Конечно — вотъ каковъ здѣсь свѣтъ! —
Ни въ чемъ надежды вѣрной нѣтъ;
И трудъ мой сталъ совсѣмъ напрасенъ,
Лишь встрѣтился съ Анютой я.
Угрюмость умерла моя —
Нагрѣлось сердце, закипѣло —
Съ умомъ спокойство отлетѣло.
Изъ всѣхъ наукъ тогда одна
Казалась только мнѣ важна —
Наука, коя вѣчно въ модѣ,
И честь приноситъ всей природѣ,
Которую въ пятнадцать лѣтъ
Едва ль не всякой узнаетъ,
Съ пріятностью лѣтъ тридцать учитъ,
Которою никто не скучитъ,
Доколѣ самъ не скученъ онъ; —
Гдѣ милъ, хотя тяжелъ законъ;
Въ которой сердцу нужны силы,
Хоть будь умокъ силенъ слегка;
Гдѣ трудность всякая сладка;
Въ которой даже слезы милы, —
Тѣ слезы, съ смѣхомъ пополамъ
Пролиты красотой стыдливой,
Когда, осмѣлясь стать счастливой,
Она даетъ блаженство намъ.
Наука нужная, пріятна,
Безъ коей трудно вѣкъ пробыть;
Наука всѣмъ равно понятна —
Умѣть любить и милымъ быть.

---

[1] Англійскій поэтъ, авторъ „Ночей“.
[2] Французскій писатель, авторъ „Телемака“.
[3] Въ подлинникѣ „герой“.

Вотъ чѣмъ тогда я занимался,
Когда съ Анютой повстрѣчался;
Изъ сердца Мудрецовъ прогналъ,
Въ немъ мѣсто ей одной лишь далъ,
И отъ ученья отказался.
Любовь дурачеству сродни:
Дѣля весь свѣтъ между собою,
Они, мой другъ, въ двоемъ одни
Владѣть согласно стали мною.
Вселяся въ сердце глубоко,
Въ немъ тысячи затѣй родили,
Всѣ пылки страсти разбудили,
Прогнавъ разсудокъ далеко.
Едва прошла одна недѣля,
Какъ я себя не узнавалъ:
Дичиться женщинъ пересталъ,
Болтливыхъ ихъ бесѣдъ искалъ —
И сталъ великой пустомеля.
Все въ нихъ казалось мнѣ умно:
Ужимки, къ щегольству охота,
Кокетство — даже и зѣвота —
Все нѣжно, все оживлено;
Все прелестью и жаромъ блещетъ,
Все мило, даже то лино [1],
Подъ коимъ бѣла грудь трепещетъ.
Густыя брови колесомъ
Меня къ утѣхамъ призывали;
Хотя нерѣдко уголькомъ
Онѣ написаны бывали;
Румянецъ сердце щекоталъ
Подобенъ розѣ свѣжей, алой;
Хоть на щекѣ сухой и вялой
Природу худо онъ игралъ;
Поддѣльна грудь изъ тонкихъ флеровъ,
Приманка взорамъ — сердцу ядъ —

Тонкое полотно, батистъ.

Была милѣй всѣхъ ихъ уборовъ,
Мой развлекая жадный взглядъ.
Увижу ли гдѣ въ модномъ свѣтѣ
Станъ тощей, скрученой [1], сухой,
Мнѣ кажется, что предъ собой
Я вижу Грацію въ корсетѣ.
Но если, другъ любезной мой,
Мнѣ ложны прелести столь милы,
И столь имѣютъ много силы
Мою кровь пылку волновать —
Представь же Аннушку прелестну,
Одной природою любезну —
Какъ нѣжной, полевой цвѣтокъ
Котораго лелеитъ Флора,
Румянитъ розова Аврора;
Котораго еще не могъ
Помять нахальной вѣтерокъ;
Представь — дай волю воображенью —
И разсуди ты это самъ,
Какому должно быть движенью,
Какимъ быть должно чудесамъ
Въ горящемъ сердцѣ, въ сердцѣ новомъ,
Когда ее увидѣлъ я? —
Обворожилась грудь моя
Ея улыбкой, взоромъ — словомъ:
Съ тѣхъ поръ, мой другъ, я самъ не свой.
Любовь мой умъ и сердце вяжетъ,
И, не заботясь, кто что скажетъ,
Хочу быть милымъ ей одной.
Всѣ дни мнѣ стали не досужны,
Твержу науку я любить —
Чтобъ женщинѣ любезнымъ быть,
Ты знаешь, намъ не книги нужны.
Пусть Аннушка моя умна,
Но все вѣдь женщина она.

---

[1] Такъ исправлено въ опечаткахъ изъ „скученой").

Для нихъ магниты, талисманы —
Желеты, пряжки и кафтаны —
Не рѣдко пуговка одна.
Я, правда, денегъ не имѣю;
Такъ что же? — Я занять умѣю! —
Проснувшись съ раннею зарею
Умножить векселя лечу —
Увижу ль на глазахъ сомнѣнье,
Чтобъ все разсѣять подозрѣнье,
Проценты клятвами плачу.
Нерѣдко милымъ быть желая,
Я передъ зеркаломъ верчусь
И, женской вкусъ къ ужимкамъ зная,
Ужимкамъ ловкимъ ихъ учусь;
Лицомъ различны строю маски,
Кривляю носикъ, губки, глазки
И, испужавшись самъ себя,
Ворчу, что вялая природа
Не доработала меня,
И такъ пустила, какъ урода.
Досада сильная беретъ,
Почто я выпущенъ на свѣтъ
Съ такою грубой головою —
Забывшись, рокъ я поношу,
И головы другой прошу
Не зная, чѣмъ и той я стою,
Которую теперь ношу.
Вотъ какъ любовь играетъ нами!
Какъ честью, скромной лицемѣръ;
Какъ службой, модной офицеръ;
Какъ жены хитрыя, мужьями.
Не день, какъ ты меня узналъ;
Не годъ, какъ мы друзья съ тобою;
Какъ ты, мой другъ, передо мною
Малѣйшей мысли не скрывалъ;
И самъ въ душѣ моей читалъ —
Скажи жъ: таковъ ли я бывалъ? —

Гос. Публич. Библиот. в Ленинград

Суетъ, бывало, ненавидя,
Въ тулупѣ лѣтомъ дома сидя,
Чиновъ я пышныхъ не искалъ;
И счастья въ томъ не полагалъ,
Чтобъ въ низкомъ важничать народѣ —
Въ прихожихъ ползать не ходилъ.
Мнѣ чинъ одинъ лишь лестенъ былъ,
Которой я ношу въ природѣ —
Чинъ человѣка — въ немъ лишь быть
Я ставилъ должностью, забавой;
Его достойно сохранить
Считалъ одной неложной славой.
Теперь, мой другъ, исчезъ тотъ мракъ,
И мыслю я совсѣмъ не такъ.
Отставка начала мнѣ скучить,
Хочу опять надѣть мундиръ —
„Какъ счастливъ тотъ, кто Бригадиръ!
„Кто можетъ вдругъ шестерку мучить?“ [1]
Кричу нерѣдко съ горяча,
И шлемъ и латы надѣваю,
Въ сраженьяхъ мыслію летаю,
Какъ рюмки, башни разбиваю,
И арміи рублю съ плеча;
Потомъ, въ торжественной минутѣ,
Я возвращаюся къ Анютѣ,
Покрытый лавровымъ вѣнкомъ;
Изрубленъ, кривъ, безъ рукъ и хромъ,
Изъ-подъ медвѣжьей теплой шубы
Замерзло сердце ей дарю;
И сквозь расколотые зубы
Про стару нѣжность говорю,
Тѣмъ конча все свое искусство,
Чтобъ раздразнить въ ней пылко чувство.
Бывало, мнѣ и нужды нѣтъ,
Гдѣ миръ, и гдѣ война сурова:

[1] Въ XVIII в. чинъ бригадира давалъ право на выѣздъ шестеркой.

Не слышу я — и самъ ни слова —
Иди какъ хочетъ здѣшній свѣтъ. —
Теперь, мой другъ, во все вплетаюсь
И нужнымъ быть вездѣ хочу;
То къ Западу съ войной лечу,
То важной мыслью занимаюсь
Европу миромъ подарить,
Иль свѣтъ по новому дѣлить —
И бывъ ни гдѣ ни въ чемъ ненуженъ,
Вездѣ проворенъ и досуженъ;
И все лишь только для того,
Чтобъ лучъ величья моего
Привлекъ ко мнѣ Анюту милу;
Чтобъ, зная цѣну въ немъ и силу —
Сдалась бы всею мнѣ душой
И стала бъ барыней большой.
Бывало, мнѣ покой мой сладокъ,
Честь выше злата я считалъ;
Съ богатствомъ совѣсть не равнялъ
И къ деньгамъ былъ ни чуть не падокъ.
Теперь хотѣлъ бы Крезомъ быть,
Чтобъ Аннушки любовь купить —
Индѣйски берега жемчужны
Теперь мнѣ надобны и нужны.
Не рѣдко мысленно беру
Я въ сундуки свои Перу[1],
И никакой не сдѣлавъ службы,
Хочу, чтобы судьбой изъ дружбы
За мной лишь было скрѣплено
Сибири золотое дно:
Чтобы имѣть большую славу
Анюту въ золотѣ водить,
Анюту съ золота кормить;
Ее на золотѣ — поить,
И деньги сыпать ей въ забаву.

[1] Государство въ Южной Америкѣ, славившееся своими богатствами.

Вотъ жизнь весть началъ я какую!
Жалѣй о мнѣ, мой другъ, жалѣй —
Одна мечта родитъ другую;
И всѣ — одна другой глупѣй —
Но что съ природой дѣлать станешь?
Ее, мой другъ, не перетянешь.
Быть можетъ, что когда-нибудь
Мой духъ опять остепенится;
Моя простынетъ жарка грудь —
И сердце будетъ тише биться,
И страсти мнѣ дадутъ покой.
Зло такъ, какъ благо, — здѣсь не вѣчно:
Я успокоюся, конечно;
Но гдѣ? — подъ гробовой доской!

13.

Ода на случай фейерверка,

сожженнаго 15 числа Сентября 1793 года на Царицынскомъ лугу въ Санктпетербургѣ.

Что чинъ природы премѣняетъ?
Куда ночная скрылась тѣнь?
Кто мракъ холодный прогоняетъ
И ночь преобращаетъ въ день?
Лазурны своды неба рдятся —
Тамъ солнцевъ тысячи родятся —
И изумленны взоры тмятъ;
Тамъ въ вихряхъ молніи блистаютъ
И небеса отъ жару таютъ;
Тамъ громы страшные гремятъ.
Не такъ ли въ смертныхъ громы мещетъ
Въ свирѣпомъ гнѣвѣ божество?
Но тамъ природа вся трепещетъ,
А здѣсь сіяетъ торжество.
Тамъ вихрь народы разметаетъ;
Тамъ все спастися убѣгаетъ

Въ дубравы темны, въ сердце горъ;
А здѣсь подъ пламенные своды,
Въ веселіи текутъ народы
Насытить любопытный взоръ.
И се подъ небесами слышно
Согласье стройно громкихъ лиръ.
Россія торжествуетъ пышно
Екатериной данный миръ.
Востокъ чудится изумленной
И вопіетъ: —ужель вселенной
Избранны Россы обладать?
Но кто жъ возстать на Росса смѣетъ,
Когда безстрашный Россъ умѣетъ
Ужасной молніей играть?

14.

Къ счастью.

Богиня рѣзвая, слѣпая,
Худыхъ и добрыхъ дѣлъ предметъ,
Въ которую влюбленъ весь свѣтъ,
Подъ часъ не къ статѣ слишкомъ злая,
Подъ часъ роскошна не въ попадъ,
Скажи, Фортуна дорогая,
За что у насъ съ тобой не ладъ?
За что ко мнѣ ты такъ сурова?
Ни въ путь со мной не молвишь слова,
Ни улыбнешься на меня?
И между тѣмъ, какъ я изъ ласки
Тебѣ умильны строю глазки,
Ты, важность гордую храня,
Едва меня примѣтить хочешь,
Иль въ доброй часъ, чуть-чуть съ легка
Блеснувши мнѣ изъ далека,
Меня надеждою волочишь.

Какъ мракъ бѣжитъ передъ зарей,
Какъ лань, гонима смертью злою,
Передъ свистящею стрѣлою;
Такъ ты бѣжишь передо мною
И хочешь скрыться вонъ изъ виду;
Когда другимъ все мнѣ въ обиду,
Ты льешься золотой рѣкой,
И въ томъ находишь всю забаву,
Чтобъ множить почесть ихъ и славу.
Но коль ко мнѣ ты такъ дика,
Позволь же, чтобъ хотя съ легка
Моя пропѣла скромна Лира
Твои причудливы дѣла,
И ихъ бы счетомъ отдала
На судъ всего честнова міра.
За что любимцевъ нѣжа сихъ,
Какъ внуковъ бабушка своихъ,
Вездѣ во всемъ имъ помогаешь,
Всегда во всемъ имъ потакаешь?
На зло завидливымъ умамъ,
Подъ облака ихъ взносишь домы,
Какъ чародѣйныя хоромы,
Какія въ сказкахъ слышны намъ.
На темны ледники холодны
Сбираешь вина превосходны
Со всѣхъ четырехъ свѣта странъ;
Арабски дороги металлы,
Индійски рѣдкіе кристаллы
Въ огрузлой сыплешь ихъ карманъ?
Когда, мой другъ, у насъ въ заводѣ
Ни яблоковъ моченыхъ нѣтъ
Приправить скромной нашъ обѣдъ;
Тогда ты, въ перекоръ природѣ,
Ихъ прихотливымъ вкусамъ льстишь,
И въ зимнихъ мѣсяцахъ жестокихъ
На пышныхъ ихъ столахъ, широкихъ,
Имъ сладки персики ростишь;

Румянишь сливы мягки, бѣлы.
И, претворя столъ въ райской садъ,
Въ фарфоры сыплешь виноградъ,
И дыни и арбузы спѣлы.
Когда весна вездѣ мертва,
Тогда у нихъ она жива.
Въ Крещенски, лютые морозы
На ихъ столахъ блистаютъ розы.
Ни въ чемъ для нихъ отказа нѣтъ!
Востокъ имъ вины рѣдки ставитъ,
Голландія червонцы плавитъ,
Имъ угождаетъ цѣлой свѣтъ.
Лукреціи[1] платки ихъ ловятъ,
И тѣ, которые злословятъ
Прелестно божество утѣхъ,
Для нихъ его не ставятъ въ грѣхъ.
Они лишь только пожелаютъ,
И въ жертву имъ сердца пылаютъ.
Пускай вздыхаетъ Адонисъ[2],
Пусть за побѣдами онъ рыщетъ;
Напрасно цѣлой вѣкъ просвищетъ:
Онъ въ Мессалинахъ[3] скромность сыщетъ
И встрѣтитъ святость у Лаисъ[4],
А имъ къ Весталкамъ ходъ свободенъ.
Съ тобой будь гадокъ, какъ Азоръ[5],
При счастьѣ гадокъ не укоръ:
Безъ роду будешь благороденъ,
Безъ красоты пригожъ и милъ.
Пусть изо всѣхъ надувшись силъ,
Герой о громкой славѣ грезитъ
На стѣны мечется и лѣзитъ,
Бокъ о бокъ трется съ смертью злой,

---

[1] Добродѣтельныя женщины.
[2] Красавецъ.
[3] Развратныхъ женщинахъ.
[4] Кокотокъ.
[5] Романическій герой, отличавшійся безобразіемъ, — подобнымъ ему, при наличности богатства, охотно отвѣчаютъ на любовь.

Бригады съ ногъ валитъ долой;
Пусть вѣчность онъ себѣ готовитъ;
И лбомъ отважно пули ловитъ;
Пусть ядры сыплетъ такъ, какъ градъ,
Все это будетъ не въ попадъ,
И трудъ его совсѣмъ напрасенъ,
Коль онъ съ тобою не согласенъ.
Какъ слабой слѣдъ весла въ волнахъ,
Едва родится, исчезаетъ;
Какъ лунный свѣтъ въ густыхъ парахъ,
Едва мелькнетъ и умираетъ,—
Такъ дѣлъ его геройскихъ плодъ
И малъ и бѣденъ и безпроченъ:
Ему какъ будто изуроченъ
Во храмъ болтливой славы входъ.
Никто его нигдѣ не знаетъ,
Онъ города беретъ въ полонъ:
О немъ никто не вспоминаетъ,
Какъ будто бъ въ свѣтѣ не былъ онъ;
И вся его награда въ томъ,
Что, дравшись двадцать лѣтъ иль болѣ,
Герой домой придетъ пѣшкомъ,
Всѣ зубы растерявши въ полѣ.
Но если ты кого въ герои
Захочешь, другъ мой, посвятить,
Ни брать тому не надо Трои,
Ни флотовъ жечь, ни Турковъ бить.
Пускай сидитъ онъ вѣчно дома,
Не лѣзетъ вонъ изъ колпака:
Военнаго не зная грома,
Онъ будетъ брать издалека
И страшны крѣпости и грады;
Въ Мадритѣ сидя, онъ осады
На пышный поведетъ Пекинъ,
Возьметъ приступомъ Византинъ
И, не знакомясь вѣкъ со шпагой,
Помпеевъ, Кесаревъ затмитъ,

И всю вселенну удивитъ
Своею храбростью, отвагой;
Его причислютъ къ чудесамъ,
И въ тѣ часы, когда онъ самъ
Не будетъ знать, чѣмъ онъ такъ славенъ,
Богамъ вдругъ сдѣлается равенъ
И возвеличенъ къ небесамъ.
Пусть горделивый суетится,
Чтобы чиновъ, честей добиться;
Пусть ищетъ случая блистать,
Законовъ строгимъ наблюденьемъ,
Разсудкомъ, истиной, ученьемъ,
И на чреду вельможи стать,
Какъ хочешь, будь ты такъ исправенъ,
Безчисленны труды терпи,
Работай день, и ночь не спи;
Но если для тебя не нравенъ,
Останешься послѣднимъ равенъ:
За правду знатью не любимъ,
За истину отъ всѣхъ гонимъ
Умрешь и бѣденъ и безславенъ.
А ты, схвативши дурака,
На зло уму, разсудку, чести
Чрезъ подлости, пронырства, лести,
Возносишь въ знать подъ облака.
Тебѣ и то въ немъ очень важно,
Что онъ у знатныхъ по утрамъ
Въ прихожихъ стѣны третъ отважно,
Развозитъ вѣсти по домамъ,
Исправной счетъ ведетъ рогамъ,
Изъ пользы такаетъ[1] и споритъ,
Умѣетъ къ статѣ подшутить,
Или, чтобъ время проводить,
Честныхъ людей безчестно ссоритъ,
И ты за то горой ему

[1] Поддакиваетъ.

Богатства сыплешь въ воздаянье —
Иль глупости и злодѣянья
У счастья служатъ всѣ въ найму?
Когда взгляну въ твои палаты,
Въ нихъ рѣдко виденъ мнѣ мудрецъ;
Но иль порочной, иль глупецъ.
Одинъ дурачится изъ платы,
Другой для выгоды своей,
Родни не зная, ни друзей,
Чтобы ладнѣе быть съ тобою,
Готовъ изъ міра сдѣлать Трою;
А ты, уму на перекоръ,
Ни въ малой съ нимъ не входишь споръ;
А ты его по шерсткѣ гладишь,
Къ честямъ ведешь и въ славу рядишь.
Пускай трудится домоводъ
Честнымъ трудомъ нажить имѣнье,
И истощаетъ все умѣнье
Съ приходомъ согласить расходъ;
Умѣть ко времени засѣять
И въ доброй часъ съ полей убрать;
Умѣть минуты не терять
И деньги такъ, какъ соръ, не вѣять;
Какъ будто бы изъ - подъ обуха
За трудъ ты платишь потовой,
Не къ статѣ у него засуха,
Не къ статѣ дождикъ проливной.
Прогнавъ градъ сильной полосою,
Ты имъ не рѣдко, какъ косою,
Мертвишь на нивахъ нѣжный плодъ;
Трудовъ награду истребляешь
И въ мигъ надежду погубляешь,
Которой онъ ласкался годъ.
А въ городѣ твоимъ стараньемъ
Шестеркинъ съ небольшимъ познаньемъ
Науки легкой банкъ метать
На рубль рубли стадами тянетъ,

Предъ нимъ Руте[1] — богатства мать
Едва загнется и увянетъ[2].
Съ рублемъ начавши такой,
Шестеркинъ мой почти въ два года
Разбогатѣлъ, какъ Воевода,
И скачетъ хватской четверней.
Ему что день, то новы сроки
Съ понтеровъ[3] собирать оброки.
Съ тѣхъ поръ, какъ ладенъ онъ съ тобой
Своимъ умѣньемъ и проворствомъ,
А болѣе твоимъ потворствомъ
Не сотню въ міръ пустилъ съ сумой.
Пускай другой въ трудахъ хлопочетъ,
На это мой герой хохочетъ,
Мораль такую въ грязь онъ мнетъ,
Трудами жить ни чуть не хочетъ,
Не сѣетъ онъ, а только жнетъ,
И веселенько вѣкъ живетъ.
Вотъ какъ ты, счастье, куролесишь;
Вотъ какъ неправду съ правдой вѣсишь!
Ласкаешь тѣмъ, въ комъ чести нѣтъ,
Уму и правдѣ досаждая,
Безумство, наглость награждая,
Ты портишь только здѣшній свѣтъ.
Я вижу ты, мой другъ, ужъ скучишь,
И, можетъ быть, меня проучишь
За то, что я немножко смѣлъ,
И правду высказать умѣлъ.
Послушай, я не кинусь въ сліозы:
Мнѣ шутка всѣ твои угрозы.
Что я стараюсь пріобрѣсть,
То не въ твоихъ рукахъ хранится;
А чѣмъ не можешь подѣлиться,
Того не можешь и унесть.

---

[1] Счастливая карта, благопріятствующая при азартныхъ играхъ.
[2] Банкометъ выигрываетъ даже тогда, когда по всѣмъ видимостямъ долженъ былъ проиграть.
[3] Кто ставитъ противъ банкомета.

15.

Мой отъѣздъ.

Пѣсня.

Уже близка минута
Разлуки моея;
Прости, прости, Анюта,
Ужъ скоро ѣду я.
Разставшися съ тобою,
Разстанусь я съ душою.
А ты, мой другъ, кто знаетъ,
Ты вспомнишь ли меня.
Позволь мнѣ въ утѣшенье
Хоть пѣсенкою сей
Открыть мое мученье
И скорбь души моей.
Пусть за меня въ разлукѣ
Она наполнитъ муки—
А ты, мой другъ, кто знаетъ,
Ты вспомнишь ли меня.
Моря переплывая,
Межъ камней, между горъ,
Тебя лишь, дорогая,
Искать мой станетъ взоръ.
Съ кѣмъ встрѣчусь, лишь одною
Займу его тобою;
А ты, мой другъ, кто знаетъ,
Ты вспомнишь ли меня.
Лѣсокъ, деревня, поле
— Все вспомнитъ предо мной
Мѣста, гдѣ въ тихой долѣ
Былъ счастливъ я съ тобой.
Все мнѣ тебя представитъ;
Все слезы лить заставитъ;
А ты, мой другъ, кто знаетъ,
Ты вспомнишь ли меня.
Вотъ лѣсъ, скажу, унылой,

Гдѣ вдругъ ты стала зла,
Потомъ улыбкой милой
Знакъ къ миру мнѣ дала.
Тамъ я съ тобой встрѣчался;
Здѣсь я тобой прельщался;
А ты, мой другъ, кто знаетъ,
Ты вспомнишь ли меня.
Предвижу, какъ въ оковы
Сердца къ тебѣ летятъ;
Сулятъ утѣхи новы,
Быть вѣрными сулятъ.
Увы, зря ихъ мученье,
Ихъ ласки, обоженье
Увы, мой другъ, кто знаетъ,
Ты вспомнишь ли меня.
Хоть вспомни, какъ тобою
Томится грудь моя,
И что, лишась покою,
Не льщусь надеждой я.
Ахъ, вспомни все мученье,
И это разлученье—
Мой другъ.—Мой другъ, кто знаетъ,
Ты вспомнишь ли меня!

16.

Стихи, назначенные послать къ . . . . при портретѣ Екатерины II,[1]

писанномъ перомъ на образецъ гравировки.

Махнувъ рукой, перекрестясь,
Къ тебѣ свой трудъ я посылаю
И только лишь того желаю,
Чтобъ это было въ добрый часъ.
Не думай, чтобъ мечталъ я гордо,
Что съ образцомъ мой схожъ портретъ!

[1] Е. И. Бенкендорфъ.

Я очень это знаю твердо,
Что мастера на свѣтѣ нѣтъ,
Кто бъ могъ изобразить въ картинѣ
Все то, чему дивится свѣтъ
Въ божественной Екатеринѣ.
Повѣритъ ли разсудокъ мой,
Чтобъ былъ искусникъ гдѣ такой,
Кто бъ живо хитрою рукой
Представилъ солнце на холстинѣ?
Не думай также, чтобъ тебя
Я, легкимъ почиталъ судьею
И, слабый вкусъ и глазъ любя,
Къ тебѣ съ работой шелъ моею.
Нѣтъ, нѣтъ, не столь я близорукъ!
Твои считая дарованья,
Браню себя я за желанье
Работу выпустить изъ рукъ.
Передъ твоимъ умомъ и вкусомъ,
Скажи, кто можетъ быть не трусомъ?
Въ тебѣ блестятъ дары ума,
Знакома съ кистью ты сама;
Тобой, какъ утро солнцемъ краснымъ,
Одушевлялось полотно,
И становилося [1] оно
Природы зеркаломъ прекраснымъ;
Нерѣдко, кажется, цвѣты
Брала изъ рукъ Ирисы [2] ты:
Все это очень мнѣ извѣстно.
Но, несмотря на все, что есть,
Тебѣ свой слабый трудъ поднесть
Пріятно мыслямъ, сердцу лестно.
Прими его почтенья въ знакъ,
И, не цѣня ни такъ, ни сякъ,
Чего никакъ онъ не достоенъ,
Поставь смиренно въ уголку,

[1] Въ подл. „становилось.“
[2] Богиня радуги.

И я счастливымъ нареку
Свой трудъ—и буду самъ спокоенъ.
Пусть видятъ недостатки въ немъ,
Но, критику оставя строгу,
Пусть вспомнятъ то, что часто къ Богу
Мы съ свѣчкой денежной идемъ.

17.

Подражаніе псалму XVII „Возлюблю Тя, Господи, крѣпости моея".

Къ Тебѣ, мой Богъ великій, вѣчный,
Желанья всѣ мои парятъ;
Сквозь тьму и бездну безконечны,
Гдѣ милліоны звѣздъ горятъ,
И гдѣ крутясь міры въ пучинахъ—
Твое величество гласятъ:
Великъ Господь, великъ и святъ
Вещей въ началахъ и кончинахъ!
Великъ величества Творецъ,
Въ бѣдахъ мнѣ щитъ, въ судѣ Отецъ.
Болѣзни взоръ мой помрачали;
Земля разверзлась подо мной;
Какъ сонмъ стѣсненныхъ тучъ, печали
Носились надъ моей главой.
Переставало сердце биться,
Потекъ по жиламъ смерти хладъ;
Уже ногой ступилъ я въ адъ,—
Но вспомнилъ къ Богу обратиться.
Сквозь небеса проникъ мой вздохъ—
И мой меня услышалъ Богъ.
И двигнулась и встрепетала
Земля, поверженная въ страхъ.
Отъ гнѣва Бога тьма возстала,
Содрогнулись сердца въ горахъ.

Взглянулъ Онъ—море возмутилось;
И вихри пламенны взвились,
И страшны громы раздались;
Снизшелъ—и небо преклонилось,
Сошелъ—и крѣпкою пятой
Сгустилъ онъ мраки подъ Собой.
И се — возсѣдъ на вихри скоры,
Несется облеченный въ тьму.
Предъ Нимъ кремнисты таютъ горы;
Курятся бездны въ слѣдъ Ему.
Какъ молнія, Его блистанье
Онъ рекъ,—и, грозный гласъ внемля,
Разсѣлась въ трепетѣ земля,
Вселенной вскрылись основанья;
И воды, въ страхѣ, безъ препонъ,
Текутъ смутясь изъ бездны вонъ.
Подвигнувшись толь страшной бранью,
Враговъ моихъ карая зломъ,
Мой Богъ Своею сильной дланью,
Какъ крѣпкимъ мѣднымъ щитомъ,
Покрылъ меня—и мнѣ ихъ стрѣлы,
Какъ ломкой и гнилой тростникъ:
Сколь Богъ мой страшенъ и великъ,
Столь тѣсны силы ихъ предѣлы!
Едва я возопилъ стеня,
Онъ двигнулъ громы на меня.
Пари, мой духъ, за круги звѣздны,
Любовью къ Богу вознесенъ;
Храни пути Его небесны—
И будешь въ гибеляхъ спасенъ.
Страшись людей коварныхъ, льстивыхъ
Бесѣда ихъ для сердца ядъ;
Съ святымъ ты будешь купно святъ;
Познаешь правду средь нелживыхъ.
Съ правдивымъ будешь ты правдивъ
И съ нечестивымъ нечестивъ.
Смиренныхъ щитъ! Смиритель гордыхъ!

Блесни зарями въ грудь мою,
И на столпахъ надежды твердыхъ
Твою я славу воспою:
Чрезъ горы препинаній ада
Переступлю, какъ исполинъ;
Перелечу, какъ сынъ орлинъ,
Чрезъ бездны, страшныя для взгляда —
И, вѣрой воспаленъ къ Царю,
Какъ солнце юно, возгорю.
Съ Тобой кого мнѣ устрашиться,
Кого бы я не превозмогъ?
Кто славою съ Тобой сравнится,
И гдѣ Тебя сильнѣйшій Богъ?
Гдѣ небо, гдѣ есть круги звѣздны
Для силъ и для боговъ иныхъ?
И гдѣ для молній есть Твоихъ
Недосягаемыя бездны?
Твоимъ лишь духомъ все живетъ,
Ты все—иного Бога нѣтъ.
Не Ты ль, вдохнувъ мнѣ силы многи,
Далъ крѣпость льва моимъ рукамъ,
Еленью скорость далъ мнѣ въ ноги
И орлю быстроту глазамъ?
Не Ты ль на брань меня иаставилъ,
Далъ мышцы мнѣ, какъ мѣдянъ лукъ?
Не Ты ль различны силы вдругъ,
Чѣмъ въ тысящахъ себя прославилъ,
Въ одномъ во мнѣ соединя,
Вѣнчалъ Царемъ земли меня?
Не силою ль Твоей взлетаетъ
Мой быстрый духъ на небеса,
Гдѣ солнцевъ тысяча блистаетъ,
Твои вѣщая чудеса?
Не силою ль Твоей великой
Причину міра мѣритъ онъ
И постигаетъ тотъ законъ,
Чѣмъ обуздалъ хаосъ Ты дикой,

Пространства раздѣлилъ мірамъ,
Далъ стройный видъ и бѣгъ тѣламъ?
Но гдѣ есть слово человѣка
Тебя обильно превознесть?
Въ комъ долгота найдется вѣка
Твои всѣ чудеса исчесть?
Пади, мой духъ, въ смиреньи многомъ
И свой не устремляй полетъ
Въ пучины, коимъ мѣры нѣтъ.
Чтобъ Бога знать, быть должно Богомъ,
Но чтобъ любить и чтить Его,
Довольно сердца одного.

1795.

18.

Ода. Вольное подражаніе псалму: „Господи, да не яростію Твоею“ и пр.

Смягчи, о Боже, гнѣвъ твой ярый,
Вины души моей забудь
И молній уклони удары,
Въ мою направленные грудь!
Престани въ тучахъ, въ облистаньяхъ
И въ бурныхъ пламенныхъ дыханьяхъ
Являть, колико судъ Твой строгъ;
Пролей надежду въ грудь унылу,
Яви Свою во благѣ силу
И буди въ милостяхъ мнѣ Богъ!
Стрѣлами острыми Твоими
Мнѣ сердце все изъязвлено
И, раздираемое ими,
Горитъ, какъ въ пламени оно;
Свои считая[1] преступленьи,
Въ стыдѣ, въ болѣзни, въ изумленьи

[1] Вар. счисляя.

Смыкаю я смущенный взоръ.
Нѣтъ предо мною свѣта дневна —
На мнѣ Твоя десница гнѣвна
Хладнѣе льдовъ, тягчѣе[1] горъ.
Всѣ скорби на меня зіяютъ
И плоть мою себѣ дѣлятъ.
Какъ воскъ, во мнѣ такъ кости таютъ,
И кровь моя, какъ острый ядъ;
Какъ трость ломка во время зною,
Какъ ломокъ ледъ въ рѣкахъ весною,
Такъ ломки ноги подо мной.
Все множитъ мнѣ болѣзней бремя:
Остановилась само время,
Чтобы продлить мой жребій злой.
Въ семъ злѣ, какъ въ возмущенномъ[2] морѣ.
Собравъ остатокъ слабый[3] силъ, —
Въ отчаяньѣ, въ надеждѣ, въ горѣ,
Къ Творцу міровъ я возопилъ,
Воззвалъ и сердцемъ встрепетался[4]:
То лучъ надежды мнѣ являлся,
То, вспомянувъ мои вины,
Терялъ я изъ очей свѣтъ красный,
Мечъ видѣлъ мщенія ужасный
И видѣлъ ада глубины.
Вкругъ моего собравшись ложа,
Съ унылой жалостью друзья,
Моей кончины ужасъ множа,
Казалось, взорами меня
Во гробъ холодной провожали.
Притворнымъ плачемъ мнѣ стужали
Враги сокрыты дней моихъ;
А я, какъ мертвъ, среди смятенья
Лежалъ безъ слуха, безъ движенья

[1] Вар. тяжеле.
[2] Вар. какъ бы въ тревожномъ морѣ.
[3] Вар. слабыхъ.
[4] Вар. колебался.

И устъ не отверзалъ своихъ.
Но въ страшную сію минуту,
Въ сей часъ, ужасный бытію —
Зря подъ ногами бездну люту
И предъ очами смерть мою,
Надеждой на Тебя отрадной,
Какъ въ жаръ поля росой прохладной,
Мой слабой духъ себя питалъ.
Хоть тѣломъ упадалъ я въ бездны,
Но духомъ за пространства звѣздны
Къ Тебѣ съ молитвой возлеталъ.
„Нѣтъ!“ рекъ я въ глубинѣ сердечной:
„Нѣтъ, не погибну я стеня:
Исторгнетъ Богъ мой сильный, вѣчный
Изъ смертныхъ челюстей меня,
И духъ мой не отдастъ Онъ аду,
Неправеднымъ врагамъ въ отраду;
Ихъ не свершится торжество;
Не посмѣется мнѣ ихъ злоба,
Что у дверей ужасныхъ гроба
Помочь безсильно Божество.
Творецъ! Внемли мое моленье
И гласу сердца Ты внемли:
Хотя ничтожное творенье,
Я прахъ невидный на земли,
Но что есть мало, что презрѣнно,
Тобою, Боже, сотворенно?
Прекрасенъ звѣздный Твой чертогъ:
Ты въ солнцахъ, Ты во громахъ[1] чуденъ —
Но гдѣ Ты чудесами скуденъ?
Ты и въ пылинкѣ тотъ же Богъ!
И я, къ тебѣ надеждой[2] полный,
Свой простираю томный гласъ:
Смири страстей свирѣпыхъ волны,
Въ которыхъ духомъ я погрязъ!

[1] Вар. и въ громахъ Ты.
[2] Вар. Надежды.

Мои велики преступленья:
Ихъ сердцу страшно исчисленье —
Но въ Судіѣ я зрю Отца.
Мой страшенъ грѣхъ, но онъ конеченъ,
А Ты, мой Богъ, Ты силенъ, вѣченъ;
Твоимъ щедротамъ нѣтъ конца!

19.

Вечеръ.

Не спѣши такъ, солнце красно,
Скрыть за горы свѣтлой взоръ!
Не тускнѣй ты, небо ясно!
Не темнѣй, высокой боръ!
Дайте мнѣ налюбоваться
На весенніе цвѣты!
Ахъ, не больно ль съ тѣмъ разстаться,
Въ чемъ Анюты красоты,
Въ чемъ душа ея блистаетъ!
Здѣсь ея со мною нѣтъ,
И мое такъ сердце таетъ,
Какъ въ волнахъ весенній ледъ.
Нѣтъ ея, и здѣсь туманомъ
Разстилается тоска.
Блекнутъ кудри василька,
И на розанѣ румяномъ
Виденъ тускъ издалека.
Тѣнь одна ея заразъ[1]
Въ сихъ цвѣтахъ мнѣ здѣсь отрадна.
Ночь, не будь ты такъ досадна,
Не скрывай ея отъ глазъ.
Здѣсь со мною милой нѣтъ.
Но взгляни, какъ расцвѣтаетъ
Въ розахъ сихъ ея портретъ!

[1] Прелестей.

Тотъ же въ нихъ огонь алѣетъ,
Та жъ румяность въ нихъ видна:
Такъ вполнехотя она,
Давши поцѣлуй, краснѣетъ.
Ахъ, но розы ли одни
Съ нею сходствомъ поражаютъ?
Всѣ цвѣты, здѣсь всѣ они
Мнѣ ее изображаютъ.
На которой ни взгляну —
Погляжу ли на лилеи:
Нѣжной Аннушкиной шеи
Вижу въ нихъ я бѣлизну;
Погляжу ли, какъ гордится
Ровнымъ стебелькомъ тюльпанъ —
И тотчасъ вообразится
Мнѣ Анютинъ стройной станъ;
Погляжу ль... Но солнце скрылось,
И свернулись всѣ цвѣты;
Ихъ сіяніе затмилось;
Ночь ихъ скрыла красоты.
Аннушка, мой другъ любезной!
Тускнетъ, тускнетъ сводъ небесной,
Тускнетъ — во груди[1] моей,
Ангелъ мой, твой видъ прелестной
Разгарается сильнѣй.
Сердце вдвое крѣпче бьется,
И по жиламъ холодъ льется —
Грудь стѣсненную мою
Въ ней замершій вздохъ подъемлетъ,
Хладный потъ съ чела я лью,
Пламень вдругъ меня объемлетъ...
Аннушка, душа моя!
Умираю — гасну я!

---

[1] Вар.: но въ груди.

20.

А. А. Ржевскому.

Мой критикъ, ты чутьемъ прославиться хотѣлъ,
Но ты и тутъ въ просакъ попался:
Ты говоришь, что мой герой н.....
Анъ нѣтъ, братъ, онъ у.....

21.

Посланіе о пользѣ страстей.

Почто, мой другъ, кричишь ты такъ на страсти
И ставишь ихъ виной всѣхъ нашихъ золъ?
Повѣрь, что намъ не сдѣлаютъ напасти
Любовь, вино, гульба и вкусный столъ.
Пусть мудрецы, нахмуря смуры брови,
Журятъ весь міръ, кладутъ посты на всѣхъ,
Бранятъ вино, улыбку ставятъ въ грѣхъ
И бунтъ хотятъ поднять противъ любови:
Они страстей не знаютъ всей цѣны,
Они вещамъ дать силы не умѣютъ;
Хотя твердятъ, что вещи всѣ равны,
Но воду пьютъ, а пива пить не смѣютъ.
По ихъ словамъ, полезенъ умъ одинъ;
Противъ него всѣ вещи въ мірѣ низки;
Онъ долженъ быть нашъ полный властелинъ;
Ему лишь въ честь вѣнцы и обелиски.
Онъ кажетъ намъ премудрые пути:
Спать на жесткѣ, не морщась пить изъ лужи,
Не прѣть въ жары, не мерзнуть вѣкъ отъ стужи
И, словомъ, быть безплотнымъ во плоти,
Чтобъ, навсегда разставшись съ заблужденьемъ,
Презря сей міръ, питаться — разсужденьемъ.

Но что въ умѣ на свѣтѣ безъ страстей?
Природа здѣсь для насъ, ея гостей,
Въ садахъ своихъ столъ пышный, вкусный ставитъ,
Для насъ въ землѣ сребро и злато плавитъ;
А мудрость намъ, нахмуря бровь, поетъ,
Что здѣсь во всемъ для нашихъ душъ отрава,
Что наши всѣ лишь въ томъ здѣсь только права,
Чтобъ намъ на все смотрѣть, разинувъ ротъ.
На что жъ такъ міръ богатъ и разновиденъ?
И для того ль вездѣ природа льетъ
Обиліе, чтобъ только дѣлать вредъ?
Величеству ея сей судъ обиденъ.
Повѣрь, мой другъ, весь этотъ мудрый шумъ
Между людей съ досады сдѣлалъ умъ,
И еслибъ мы ему дались на волю,
Терпѣли бы съ звѣрями равну долю,
Не смѣли бы возвесть на небо взоръ,
Питались бы кореньями сырыми,
Ходили бы нагими и босыми
И жили бы внутри глубокихъ норъ.
Какія мы ни видимъ перемѣны
Въ художествахъ, въ наукахъ, въ ремеслахъ,
Всему виной корысть, любовь иль страхъ,
А не запачканны безстрастны Діогены [1].
На что бъ вино и ткани дальнихъ странъ?
На что бы намъ огромныя палаты,
Коль были бы, мой другъ, мы всѣ Сократы [1]?
На что бы плыть за грозный океанъ,
Торговлею соединять народы?
А еслибы не плыть намъ черезъ воды,
Съ Уранією [2] на что бъ знакомство намъ?
Къ чему бы намъ служили всѣ науки?
Ужли на то, чтобъ жить, поджавши руки,
Какъ встарь живалъ нашъ праотецъ Адамъ?

---

[1] Философы-циники и стоики.
[2] Муза астрономіи.

Подъ деревомъ въ шалашикѣ убогомъ
Съ праматерью не пекся онъ о многомъ.
Виньолъ ему не строивалъ палатъ,
Онъ подъ ноги не слалъ ковровъ Персидскихъ,
Ни жемчуговъ не нашивалъ Бурмитскихъ,
Не изсѣкалъ онъ яшму иль агатъ
На пышные кубки для винъ превкусныхъ;
Не зналъ онъ рѣзьбь, альфресковъ, позолотъ
И по стѣнамъ не выставлялъ работъ
Рафаэловъ и Рубенсовъ искусныхъ.
Восточныхъ онъ не нашивалъ парчей;
Когда къ нему ночь темна приходила,
Свѣчами онъ не замѣнялъ свѣтила,
Не превращалъ въ дни ясные ночей.
Обѣдывалъ онъ просто безъ приборовъ
И не ѣдалъ съ фаянсовъ иль фарфоровъ.
Когда изъ тучъ осенній дождь ливалъ,
Подъ кожами зубъ объ зубъ онъ стучалъ
И, щуряся на пасмурность природы,
Пережидалъ конца дурной погоды,
Иль въ ближній лѣсъ, за легкимъ тростникомъ,
Ходилъ нагой и, вѣрно, босикомъ;
Потомъ, расклавъ хворостнику беремя,
Онъ сиживалъ съ женой у огонька
И проводилъ свое на свѣтѣ время
Въ шалашикѣ не лучше Калмыка.
Все для него равно на свѣтѣ было,
Ничто его на свѣтѣ не манило:
Такъ что жъ его на свѣтѣ веселило?
А все-таки золотятъ этотъ вѣкъ,
Когда труды природы даромъ брали,
Когда ея вещамъ цѣны не знали,
Когда, какъ скотъ, такъ пасся человѣкъ.
Повѣрь же мнѣ, повѣрь, мой другъ любезной,
Что нашъ златой, а тотъ былъ вѣкъ желѣзной,
И что тогда лишь люди стали жить,
Когда сталъ умъ страстямъ людей служить.

Тогда пути небесны намъ открылись,
Художества, науки водворились;
Тогда корысть пустилась за моря,
И въ ней весь міръ избралъ себѣ царя.
Тщеславіе родило Александровъ[1],
Гальеновъ[2] страхъ, насмѣшливость Менандровъ[3];
Среди морей явились корабли;
Среди полей богатыри-полканы.
Тамъ башни вдругъ, какъ будто великаны,
Встряхнулися и встали изъ земли,
Чтобъ вдаль блистать верхами золотыми.
Разстались съ звѣрями люди злыми,
И нужды, въ нихъ роями разродясь,
Со прихотьми умножили ихъ связь:
Солдату сталъ во брани нуженъ Кесарь,
Больному — врачъ, скупому — доброй слесарь.
Страсть къ роскоши связала крѣпче міръ;
Съ востока къ намъ шолкъ, яхонты, рубины,
Съ полудня шлютъ сыры, закуски, вины,
Сибирь даетъ мѣха, агатъ, порфиръ,
Китай — чаи, Левантъ намъ кофе ставитъ;
Тамъ сахару гора чрезъ океанъ,
Въ Европу мчась, валы сѣдые давитъ.
Искусниковъ со всѣхъ мы кличемъ странъ.
Упомнишь ли ихъ всѣхъ, моя ты Муза?
Хотимъ ли ѣсть? Дай повара Француза.
Британца дай намъ школить лошадей.
Женился ли, и Богъ даетъ дѣтей?
Имъ въ нянюшки мы ищемъ Англичанку.
Для оперы поставь намъ Италіанку;
Джонсонъ[4], обуй; Дюфо[4], всчеши намъ лобъ;
Умремъ, и тутъ — дай Нѣмца сдѣлать гробъ.

---

[1] Завоевателей.
[2] Врачей.
[3] Комическихъ писателей.
[4] Повидимому, извѣстные въ тѣ времена въ Петербургѣ иностранцы — сапожникъ и парикмахеръ.

Различныхъ странъ издѣлія везутся,
Мѣняются, дарятся, продаются.
Край свѣта плыть за ними нужды нѣтъ!
Я вкругъ себя зрю вкратцѣ цѣлый свѣтъ.
Тутъ легка шаль Персидска взоръ плѣняетъ
И бѣлу грудь отъ вѣтра охраняетъ.
Тамъ Англинской кареты щегольской
Чуть слышенъ стукъ, летя по мостовой.
Все движется и все живетъ мѣной,
Въ которой намъ указчикъ первой страсти.
Гдѣ ни взгляну, торговлю вижу я;
Дальнѣйшіе знакомятся края:
Знакомщикъ ихъ — причуды, роскошь, сласти.
Ты скажешь мнѣ: „но рѣдкіе умы?“
Постой! Возьмемъ людей великихъ мы:
Что было ихъ душою? Алчность славы
И страсть, чтобъ ихъ дѣламъ весь ахалъ міръ
Тамъ съ Музами божественной Омиръ [1],
Горацій тамъ для шутокъ и забавы,
Тамъ Апеллесъ [2] вливаетъ душу въ холстъ,
Тамъ Праксителъ [3] одушевляетъ камень,
Который былъ нескладенъ, грубъ и толстъ,
А онъ рѣзцомъ зажегъ въ немъ жизни пламень.
Чтобъ пріобрѣсть вниманіе людей,
На трехъ струнахъ поетъ боговъ Орфей,
А Діогенъ нагой садится въ кадку.
Не деньги имъ, такъ слава дорога,
Но попусту — не дѣлать ни шага
Одну и ту жъ имѣютъ всѣ повадку.
У мудрецовъ возьми лишь славу прочь,
Скажи, что ихъ покроетъ вѣчна ночь,
Умолкнутъ всѣ Платоны, Аристоты [4],
И въ школахъ вмигъ затворятся вороты.
Но страсти имъ движеніе даютъ:

[1] Гомеръ.
[2] Знаменитый греческій живописецъ.
[3] Знаменитый греческій скульпторъ.
[4] Философы.

Держася ихъ, въ храмъ славы всѣ идутъ;
Держася ихъ, людей нерѣдко мучатъ;
Держася ихъ, добру ихъ много учатъ.
Чтобъ заключить въ короткихъ мнѣ словахъ,
Вотъ что, мой другъ, скажу я о страстяхъ:
Онѣ ведутъ — науки къ совершенству,
Глупца ко злу, философа къ блаженству.
Хорошъ сей міръ, хорошъ, но безъ страстей
Онъ кораблю бъ былъ равенъ безъ снастей.

22.

Левъ и человѣкъ.

(Басня.)

Быть сильнымъ хорошо, быть умнымъ лучше вдвое.
Кто вѣры этому нейметъ,
Тотъ ясной здѣсь примѣръ найдетъ,
Что сила безъ ума сокровище плохое.

—

Раскинувши тенета межъ деревъ,
Ловецъ добычи дожидался:
Но какъ то, оплошавъ, самъ въ лапы льву попался.
„Умри, презрѣнна тварь!“ взревѣлъ свирѣпый левъ,
Разинувъ на него свой зѣвъ. —
„Посмотримъ, гдѣ твои права, гдѣ сила, твердость,
По коимъ ты въ тщеславіи своемъ
Всей твари, даже льва, быть хвалишься царемъ,
И у меня въ когтяхъ мы разберемъ,
Сразмѣрна ль съ крѣпостью твоей такая гордость!“
—„Не сила—разумъ намъ надъ вами верхъ[1] даетъ“,
Былъ человѣка льву отвѣтъ: —
„И я хвалиться смѣю,
Что я съ умѣньемъ то препятство одолѣю,
Отъ коего и съ силой, можетъ быть,
Ты долженъ будешь отступить“.
— „О вашемъ хвастовствѣ усталъ я сказки слушать“.

---

[1] Власть (изд. 1809 г.).

— „Не въ сказкахъ доказать, я дѣломъ то могу;
А, впрочемъ, ежели солгу,
То ты еще меня и послѣ можешь скушать.
Взгляни[1]: между деревьевъ сихъ,
Трудовъ моихъ
Раскинуту ты видишь паутину.
Кто лучше сквозь нее изъ насъ[2] пройдетъ?
Коль хочешь, я пролѣзу напередъ;
А тамъ посмотримъ, какъ и съ силой въ свой чередъ
Проскочишь ты ко мнѣ на половину.
Ты видишь: эта сѣть не каменна стѣна;
Малѣйшимъ вѣткомъ колеблется она;
Однако, съ силою одною,
Ты прямо сквозь нее едва ль пройдешь за мною".
Съ презрѣніемъ тенета обозрѣвъ,
„Ступай туда", сказалъ надменно левъ: —
„Вмигъ буду я къ тебѣ дорогою прямою".
Тутъ мой ловецъ, не тратя лишнихъ словъ,
Нырнулъ подъ сѣть, и льва принять готовъ.
Какъ изъ лука стрѣла, левъ вслѣдъ за нимъ пустился;
Но левъ подныривать подъ сѣти не учился:
Онъ въ сѣть ударился, но сѣти не прошибъ —
Запутался (ловецъ тутъ кончилъ споръ и дѣло) —
Искусство силу одолѣло,
И бѣдной левъ погибъ.

23.

Эпиграммы.

1.

Убогой этотъ домъ Василей Климычъ Зловъ
Съ большимъ раченьемъ
Своимъ построилъ иждивеньемъ.
И нищіе въ дому его же все трудовъ.

Въ экз. Чертковской библ. (1811 г.) двойная (кар. и черн.) поправка Крылова: „Вотъ посмотри".

[2] Изд. 1809: насъ туда.

2.

Любви Марбёфовой съ Летиціей приплодъ,
Досель былъ Геростратъ[1], сталъ нынѣ скороходъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ русскую страну Господь спасая,
Кутузовымъ смѣнить благоволилъ Барклая,
А чтобы русской—носъ не слишкомъ поднималъ,
Богъ Адмирала далъ.

3.

Эпитафія.

Подъ камнемъ симъ лежитъ прегнусной корсиканецъ,
Врагъ человѣчества, врагъ Бога, самозванецъ,
Которой кровію полсвѣта обагрилъ,
Всѣ состоянiи разстроилъ, раззорилъ,
А, наконецъ, и самъ для смертныхъ всѣхъ въ отраду
Открылъ себѣ онъ путь черезъ Россію къ аду.

4.

Французскій маршалъ Ней
Въ Можайскѣ принцомъ возвеличенъ
И прежде былъ Можайскъ отличенъ
Породою свиней.

24.

Е. П. Полторацкой

(при поднесеніи ей экземпляра басенъ).

За милую прелестну кружку,
Которой отвожу свою отъ жажды душку,
Съ которой только что не сплю
И такъ люблю,
Какъ маленькой дитя игрушку.

---

[1] Ради славы сжегъ храмъ Діаны Эфесской.

25.

П. Н. Львовой

(при поднесеніи ей экземпляра басенъ).

Счастливы басенки мои въ рукахъ твоихъ!
Люби и жалуй ихъ —
И, если иногда стихи мои не гладки,
Читая ихъ въ кругу друзей подъ вечерокъ,
Улыбкою своей ты скрадь ихъ недостатки:
И слабые стихи въ устахъ красавицъ сладки —
Такъ милъ намъ на груди у нихъ простой цвѣтокъ.

26.

Эпиграмма

(на гр. Хвостова).

Полезенъ ли другимъ о баснѣ сей урокъ —
Не знаю, а творцу бѣдняжкѣ онъ не въ прокъ!

27.

Эпиграмма рецензенту поэмы „Русланъ и Людмила".

Напрасно говорятъ, что критика легка.
Я критику читалъ „Руслана и Людмилы":
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка!

28.

Посланіе В. П. Ушаковой.

Варвара Павловна!
Обласканный не по заслугамъ,
И вамъ и вашимъ всѣмъ подругамъ

Крыловъ изъ кельи шлетъ поклонъ,
Гдѣ мухою укушенъ онъ.
Сидитъ раздутъ, какъ купидонъ —
Но не паѳосскій и не критскій [1],
А иль татарскій иль калмыцкій.
Что жъ дѣлать?.. надобно терпѣть!..
Но чтобъ у боли сбавить силы,
Нельзя ль меня вамъ пожалѣть?..
Вы такъ добры, любезны, милы,—
Что бъ вспомнить бѣднаго Крылова,
Когда десертъ пойдетъ вокругъ?..
Повѣрьте, онъ, изъ вашихъ рукъ,
Лѣкарствомъ будетъ для больнова!

29.

Пестрыя овцы.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно:
Онъ не на то въ лѣсахъ носилъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, но имъ давать расправу;
А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ!
Какъ сбыть ихъ и сберечь свою на свѣтѣ славу?
И вотъ къ себѣ зоветъ
Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ,
И имъ за тайну открываетъ,
Что, видя пеструю овцу, онъ всякій разъ
Глазами цѣлый день страдаетъ,
И что придетъ ему совсѣмъ лишиться глазъ,
И, какъ такой бѣдѣ помочь, совсѣмъ не знаетъ.
„Всесильный левъ!“ сказалъ, насупяся, медвѣдь: —
„На что тутъ много разговоровъ?
Вели безъ дальнихъ сборовъ
Овецъ передушить.—Кому о нихъ жалѣть?“

---

1 Мѣста рожденія Купидона по греческимъ преданіямъ.

Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
Смиренно говоритъ:—„О царь! нашъ добрый царь!
Ты, вѣрно, запретишь гнать эту бѣдну тварь
И не прольешь невинной крови.
Осмѣлюсь я совѣтъ иной произнести:
Дай повелѣнье ты луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ бы поскакать, побѣгать для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То прикажи овецъ волкамъ пасти.
Не знаю, какъ то мнѣ сдается,
Что родъ ихъ самъ собой переведется.
А между тѣмъ пускай блаженствуютъ онѣ;
И что бъ ни сдѣлалось, ты будешь въ сторонѣ".
Лисицы мнѣніе въ совѣтѣ силу взяло,
И такъ удачно въ ходъ пошло, что, наконецъ,
Не только пестрыхъ тамъ овецъ —
И гладкихъ стало мало.
Какіе жъ у звѣрей пошли на это толки?
Что левъ бы и хорошъ, да все злодѣи волки!

30.

Три поцѣлуя.

Въ осенній темный вечеръ,
Прижавшись на диванѣ,
Сквозь легкой сонъ я слушалъ,
Какъ вѣтры бушевали;
Вотъ вдругъ ко мнѣ подкрались
Три дѣвушки прекрасны:
„Какую бы съ нимъ шутку
Сыграть?" онѣ шептали.
„Прекрасную сыграемъ",
Одна изъ нихъ сказала:
„Но прежде мы посмотримъ,
Довольно ль спитъ онъ крѣпко:

Пусть каждая тихонько
Сонливца поцѣлуетъ,
И если не проснется,
Я знаю, что съ нимъ дѣлать!“
Тутъ каждая тихонько
Меня поцѣловала
И что жъ? Какое чудо!
Куда осенній холодъ,
Куда и осень дѣлась!
Мнѣ точно показалась,
Что вновь весна настала,
И сталъ опять я молодъ!

31.

Алексѣю Николаевичу Оленину

(при доставленіи послѣдняго [1] изданія басенъ).

Прими, мой добрый Меценатъ,
Даръ благодарности моей и уваженья.
Хоть въ нашъ блестящій вѣкъ, я слышалъ, говорятъ,
Что благодарность есть лишь чувство униженья;
Хоть, можетъ быть, инымъ я страненъ покажусь,
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь!
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что, на меня
Щедротъ Монаршихъ лучъ склоня,
Лѣнивой Музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ.
И, можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я бы умеръ весь для свѣта.
Но нынѣ, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной въ томъ назову?
При мысли сей мое живѣе сердце бьется.

[1] 1825 г.

Прими жъ мой скромный даръ теперь
И вѣрь,
Что благодарностью, не лестью онъ дается.

18 апрѣля 1826 г.

32.

Эпитафія.

Какъ утромъ на цвѣтахъ весенняя роса,
Едва она на сей землѣ блеснула,
Съ улыбкою на здѣшній міръ взглянула
И вознеслась къ себѣ на небеса.

33.

Эпиграмма.

Ѣстъ Федька съ водкой рѣдьку,
Ѣстъ водка съ рѣдькой Федьку.

34.

Маскарадное стихотвореніе.

Thalie.

(1830).

Про дѣвушку идетъ худая слава,
Что будто я весьма дурнова нрава,
И будто вся моя забава —
Расцѣнивать людей и на смѣхъ подымать.
Коль правду говорить, молва такая права:
Люблю, гдѣ случай есть, пороки пощипать —
Все лучше таки ихъ немножко унимать.
Однако жь здѣсь, я сколько ни глядѣла,
Придраться не къ чему, и это жаль: — безъ дѣла,
Я, право, ужъ боюсь, чтобъ я не потолстѣла
Какое жъ диво въ томъ?

Для добрыхъ только вашъ гостепріименъ домъ,
И вы однимъ своимъ небеснымъ взоромъ
Прочь гоните порокъ со всѣмъ его приборомъ.
Такъ! вижу только я здѣсь рѣзвость, игры, смѣхъ,
А это — не порокъ, спросите хоть у всѣхъ..
Къ чему жъ мнѣ попусту на ссору накупаться
И злые выпускать стихи?
Нѣтъ, нѣтъ, пора уняться,
А то еще меня осудятъ женихи,
И придетъ вѣкъ мнѣ въ дѣвушкахъ остаться!
Брюзжала я, теперь хочу полюбоваться,
Что есть завидная семья,
Великая и славою и властью,
И въ ней пріютъ семейственному счастью.
Такъ, на нее любуясь, я
Живущимъ въ хижинѣ сказала бъ справедливо:
Живите, какъ живутъ въ семьѣ прекрасной сей,
И даже въ хижинѣ своей
Вы рай увидите и будете счастливы!

35.

Эпиграмма.

Мой другъ, когда бы былъ ты Богъ,
Ты бъ глупости такой сказать не могъ!

36.

Маскарадное стихотвореніе.

(Кравчій. 1836).

По части кравческой, о царь, мнѣ рѣчь позволь,
И то, чего тебѣ желаю,
И то, о чемъ я умоляю,

Не морщась, выслушать изволь.
Желаю, нашъ отецъ, тебѣ я аппетита,
Чтобъ на день разъ хоть пять ты кушалъ бы до-сыта,
А тамъ бы спалъ, да почивалъ,
Да снова кушать бы вставалъ.
Вотъ жить здоровая манера!
Съ ней къ году — за то я, кравчій твой, берусь —
Ты будешь ужъ не бобъ, а будешь царь арбузъ!
Отецъ нашъ! не бери ты съ тѣхъ царей примѣра,
Которые не лакомо ѣдятъ,
За подданныхъ не спятъ
И только лишь того и смотрятъ и глядятъ,
Чтобъ были всѣ у нихъ довольны и счастливы;
Но, разсуди премудро самъ,
Что за житье съ такой заботой пополамъ,
И, бѣднымъ кравчимъ, намъ
Какой тутъ ждать себѣ награды?
Тогда хоть брось все наше ремесло!
Нѣтъ, не того бы мнѣ хотѣлось:
Я всякій день молюсь тепло,
Чтобы тебѣ, отецъ, пилось бы лишь да ѣлось,
А дѣло бы на умъ не шло!

37.

Эпитафія Е. М. Олениной.

Супруга нѣжная и другъ своихъ дѣтей,
Да успокоится она отъ жизни сей!
Въ безсмертьи, тамъ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханья,
Оставя по себѣ тоску семьѣ своей
И сладостныя вспоминанья.

38.

На переводъ „Альзиры“ (Карабанова).

Какъ Карабановъ взялъ „Альзиру“ перевесть,
И въ адѣ слухъ о томъ промчался,
Тогда Вольтеръ, вздохнувъ, признался,
Что точно грѣшникамъ по смерти мука есть!

39.

Эпиграмма.

(На переводъ поэмы: L'art poètique)

„Ты ль это, Буало?... Какой смѣшной нарядъ!
Тебя узнать нельзя: совсѣмъ перемѣнился!“
— „Молчи! нарочно я Графовымъ нарядился:
Сбираюсь въ маскарадъ“.

40.

Отрывокъ изъ „Одиссеи“.

Мужа повѣдай мнѣ, Муза, хитраго [1] странствія многи,
Имъ понесенны [2], когда былъ священнный Пергамъ испровергнутъ.
Много онъ видѣлъ градовъ и обычаевъ разныхъ народовъ;
Много, носясь по морямъ, претерпѣлъ сокрушеній сердечныхъ,
Пекшися всею душой о своемъ и друзей возвращеньѣ.
Но не спасъ онъ друзей и сподвижниковъ, сколько ни пекся.
Сами они отъ себя и своимъ безразсудствомъ погибли

---

[1] Сверху написано рукой И. А.: мудраго.
[2] Кои претекъ онъ зачеркнуто и сверху написано: имъ понесенны.

Буйные!—Тучныхъ воловъ они высокаго солнца [1]
Пожрали — онъ навѣкъ обрекъ ихъ не видѣть отчизны.
Ты, богиня, и Діева дщерь, намъ все то повѣдай.
Всѣ ужъ иные, кого не постигла горькая гибель,
Въ домы свои возвратились, войны избѣжавши и моря.
Онъ лишь одинъ по отчизнѣ тоскуя и вѣрной супругѣ,
Властью удержанъ былъ сильной божественной Нимфы Калипсы.
Въ утлыхъ [2] прекрасныхъ [3] пещерахъ она съ нимъ узъ брачныхъ желала.
Годъ же когда совершился, и новое лѣто настало,
Боги тогда присудили въ отчизну ему возвратиться,
Въ область Итаку—и тутъ не избѣгли трудовъ и злосчастій
Онъ и дружина его; боги всѣ къ нему умилились.
Только Посейдонъ одинъ гнѣвенъ жестоко былъ къ Одиссею,
Мужу божественну, доколь не вступилъ онъ на землю.
Но тогда былъ Посейдонъ далеко въ странѣ Еѳіоповъ.
Два Еѳіопскихъ народа земли на концахъ обитаютъ.
Тамъ, гдѣ солнце восходитъ, и тамъ, гдѣ солнце нисходитъ,
Жертвами тучныхъ воловъ и богатой стотельчною жертвой
Онъ отъ нихъ услаждался — боги же купно другіе
Были тогда на Олимпѣ, въ чертогахъ могущаго Дія.

41.

Пиръ.

Въ голодный годъ, чтобы утѣшить міръ,
Затѣялъ левъ богатый пиръ.
Разосланы гонцы и скороходы,

---

[1] Прежде написано было: свѣтозарнаго Ѳеба.
[2] Сначала написано было: темныхъ, но оно зачеркнуто.
[3] Прохладныхъ зачеркнуто, и рукой А. Н. Оленина написано сверху: прекрасныхъ. Прим. И. П. Быстрова.

Зовутъ гостей:
Звѣрей
И малой и большой породы.
На зовъ со всѣхъ сторонъ стекаются ко льву.
Какъ отказать такому зву?
Пиръ дѣло доброе и не въ голодны годы.
Вотъ приплелись туда жъ сурокъ, лиса и кротъ,
Да только часомъ опоздали,
И за столомъ гостей застали.
У кумушки лисы хлопотъ
На ту бѣду случился полонъ ротъ;
Сурокъ прохолился, промылся,
А кротъ съ дороги сбился.
Однакожъ натощакъ никто домой нейдетъ,
И, мѣсто подлѣ льва увидѣвши пустое,
Всѣ на него хотятъ продраться трое.
„Послушайте, друзья!“ сказалъ имъ барсъ:
„То мѣсто широко, да только не про васъ.
Тутъ придетъ слонъ и васъ сойти заставитъ,
Иль хуже: васъ онъ передавитъ.
И такъ,
Когда не хочется домой вамъ натощакъ,
Такъ оставайтесь у порогу:
Вы сыты будете, и это слава Богу.
Мѣста не ваши впереди:
Ихъ берегутъ звѣрямъ лишь крупнаго покроя;
А кто изъ мелочи не хочетъ кушать стоя,
Тотъ дома у себя сиди“ [1].

42.

Экспромтъ.

(А. А. Олениной).

Вотъ вамъ стихи!
Не кушайте ухи,

[1] Послѣдній стихъ — карандашная поправка вмѣсто: „Тотъ ранѣ приходи“.

А кушайте жаркое
Иль что-нибудь другое.
Затѣмъ покорный вашъ слуга
И гнусь предъ вами, какъ дуга.

43.

Эпиграмма.

Федулъ твердитъ, что Фока плутъ,
Его позоритъ и ругаетъ;
Но я не вижу толку тутъ:
Кто уголь сажею мараетъ.

44.

Шуточныя басни.

1.

Паукъ и громъ.

Передъ окномъ
Былъ домъ,
Ударилъ громъ,
И со стѣны паукъ
Вдругъ стукъ.
Упалъ, лежитъ,
Разинулъ ротъ, оскалилъ зубы
И шепотомъ сквозь губы
Вотъ что кричитъ:
„Когда бъ осломъ
Я созданъ былъ Зевесомъ,
Ходилъ бы лѣсомъ,
Меня бы громъ,
Тряся окномъ
И домъ,

Съ стѣны не могъ стряхнуть".

—

Насъ чаще съ высоты стараются сопхнуть.

2.

Оселъ и заяцъ.

Оселъ не птица.
Онъ не гораздъ летать,
Однакожъ для него не въ первой разъ хвастàть,
Мычать
И родъ звѣрей все увѣрять,
Что молодецъ и онъ летать,
Что онъ подъ облака взовьется, какъ синица,
Или царица
Орлица.
А заяцъ тутъ: „ну, ну-тка, полети!
Ахъ, ты косой трусиха!"
Оселъ рычитъ: „летаю, какъ орлица,
Но не хочу!" — „Пожалуй, захоти!"
Такъ мудро заяцъ отвѣчаетъ,
Оселъ бѣжитъ, скакаетъ,
И въ яму — хлопъ!
Не суйся въ ризы, коль не попъ!

3.

Комаръ и волкъ.

Комаръ
Жилъ у татаръ
Иль у казаръ.
Вдругъ волкъ
Къ нимъ въ двери толкъ.
Давай кричать
И комара кусать.
Комаръ испугался,
На печку забрался.
Тутъ волкъ ему:

„Съ печи тебя стяну!“
А тотъ: „нѣтъ, не достанешь,
Устанешь,
Отстанешь!“
А волкъ
Вдругъ скокъ
Къ нему тутъ на полати,
Да вотъ его и проглотилъ
А самъ таковъ и былъ.
И мнѣ пришло сказать тутъ кстати
[Что такъ бываетъ со робкими во рати]
Что сильный слабаго [изволитъ жрати]
Недавно погубилъ.

45.

Шуточныя эпитафіи.

1.

Игнашку чтобъ зарыть, немного хлопотали,
Покрыли фартухомъ и пудрой заметали,
И чтобы знали всѣ, кого сразилъ здѣсь рокъ,
То въ кучу пудрину воткнули гребешокъ.

2.

Общая надгробная.

Прохожій, посмотри: вотъ у сего пригорка
† Лѣнивецъ схороненъ, а подлѣ † Тараторка.

3.

Здѣсь бѣдная на-вѣкъ сокрыта Тараторка —
Скончалась отъ насмо̀рка.

4.

Для добраго
[Чтобы покрыть] Крылова,
Потребенъ камень намъ не менѣе Петрова,
И снизу положить, не сверху монументъ,
Но ахъ, Кулибина ужъ нѣтъ!

46.

Подражаніе псалму 71.

Боже, судъ Твой Цареви даждь, и правду Твою сыну Цареву.

Подай Царю Твой, Боже, судъ,
И правду дай Цареву сыну;
Да къ пользѣ царства приметъ трудъ,
Да истину хранятъ едину —
И кротко, какъ зарей зефиръ,
По всѣмъ странамъ прольется миръ.
Царь не предастъ сиротъ и вдовъ;
На тронъ въ лицѣ возсѣдши Бога,
Сомкнетъ уста клеветниковъ,
Спасетъ и нища и убога.
Какъ солнце вешнее съ высотъ,
Прольетъ на всѣхъ онъ лучъ щедротъ.
Какъ напояетъ землю дождь
И проникаетъ мягку волну;
Такъ сей ко счастью кроткій вождь
Прольетъ въ сердца отраду полну —
И не затьмитъ его лучей
Вся толща тучъ, весь мракъ ночей.
Къ нему народы потекутъ,
Какъ въ океанъ пространны рѣки;
Цари различны дань дадутъ;
Онъ возродитъ златые вѣки —
И гдѣ конецъ землѣ, морямъ,
Предѣлъ его державѣ тамъ.
Какъ безпредѣльный океанъ,
Его сокровища узрятся;
Среди его цвѣтущихъ странъ
Довольство съ миромъ водворятся —
И домъ его, ко славѣ скоръ,
Превыситъ верхъ Ливанскихъ горъ.
Его благословитъ народъ;
Рабы, какъ чадо будутъ, вѣрны.

Предупредятъ зари восходъ
Отъ всѣхъ ему хвалы усердны —
И, мудрости его внемля,
Ему восплещетъ вся земля.

47.

Подражаніе псалму 14.

Господи, кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ?

Кто, Боже, въ высотахъ эѳирныхъ
Святой Твой населяетъ дворъ?
Кто слышитъ, какъ, при звукахъ лирныхъ,
Поетъ Тебя пресвѣтлый хоръ?
И кто, въ святилищахъ небеснаго чертога,
Вкушаетъ сладость зрѣть величье, славу Бога?
Кто сердцемъ чистымъ, нелукавымъ
Стремится Твой законъ блюсти;
Кто не скользитъ во-слѣдъ неправымъ;
Чей въ вѣкъ языкъ не знаетъ лести,
И чья душа, въ словахъ и взорахъ безпорочныхъ,
Какъ полная луна, видна въ водахъ полночныхъ.
Кто на друга сѣтей не ставитъ,
Не соплетаетъ злыхъ клеветъ;
Боящихся кто Бога славитъ
И зломъ за зло не воздаетъ;
Кто въ самыхъ рубищахъ невинность чтить умѣетъ,
Злодѣевъ презирать и въ блескѣ счастья смѣетъ;
Кто клятву сохраняетъ свято,
Страшится слабыхъ поражать,
И лихвою презрѣнной злато
Свое не тщится умножать;
Кто на судѣ всегда едину правду любитъ
И за корысть убогаго не губитъ.
Кто съ сихъ путей не совратится
И сердце право соблюдетъ,
Тотъ, Боже, въ Твой чертогъ вселится,

Твоей увидитъ славы свѣтъ —
И тамъ, земныхъ суетъ оставя скоротечность,
Въ чистѣйшихъ радостяхъ онъ вкуситъ сладку вѣчность.

48.

Подражаніе псалму 96.

Господь воцарися, да радуется земля.

Взыграй, вся дышущая плоть!
Днесь воцарился твой Господь.
Промчите слухъ сей, вѣтры скоры,
Въ дальнѣйшіе земли концы.
Да скачутъ холмы, какъ тельцы;
Какъ овны, да взыграютъ горы
Средь кликовъ празднующихъ странъ,
И да восплещетъ океанъ!
Предыдетъ огнь и вихрь предъ Нимъ
И громъ ревущій въ кару злымъ;
Окрестъ несется мракъ стѣсненный,
Вьютъ вихри, дождь, и снѣгъ, и градъ,
И молніи Его блестятъ
Отъ края до края вселенной;
Нѣмѣетъ громъ; ему внемля,
Какъ море, зыблется земля.
На высотахъ Его престолъ;
Судьба міровъ — Его глаголъ;
Враговъ палящій пламень — взоры;
Речетъ — и огнь ихъ жретъ вокругъ;
Воззритъ — и тьмы падутъ ихъ вдругъ.
Какъ воскъ предъ Нимъ, такъ таютъ горы;
Земля — пѣвецъ Его чудесъ;
Вѣщатель славы — твердь небесъ.
О вы, пѣвцы боговъ иныхъ,
Сравните съ мертвой силой ихъ
Живого Бога силу живу —

И усрамитесь падать ницъ
Предъ изваяньемъ мерзкихъ лицъ,
Кладя на нихъ надежду лживу!
Они, какъ вы, лишь персть и прахъ;
Ограда ихъ — обманъ и страхъ.
Но Ты, мой Богъ, Творецъ міровъ,
Единъ превыше всѣхъ боговъ,
И вышній надо всей землею!
Воспой Его, правдивыхъ ликъ;
Единый Царь судебъ великъ:
Онъ силой все хранитъ Своею;
Въ немъ правымъ жизнь; въ немъ чистымъ свѣтъ —
И внѣ Его спасенья нѣтъ.

49.

Подражаніе псалму 93.

Богъ, отмщеній Господь, Богъ отмщеній не обинулся есть.

Несись на вихряхъ, мщеній Царь!
Возсядь въ громахъ, на тучахъ черныхъ
Судить строптивыхъ и упорныхъ,
Ступи на выи непокорныхъ
И въ гордыхъ молніей ударь.
Доколь вздымать имъ грудь надменну
И подпирать пороковъ тронъ,
Правдивыхъ гнать изъ свѣта вонъ?
Доколь Твой презирать законъ
И осквернять собой вселенну?
Куда ни обращусь, внемля,
Вездѣ ихъ мечъ, вездѣ угрозы.
Тамъ на невинности желѣзы,
Тамъ льются сирыхъ кровь и слезы;
Злодѣйствомъ ихъ полна земля.
Такъ, проливая крови рѣки,
Заграбя міръ себѣ въ удѣлъ,

Твердятъ они на грудахъ тѣлъ:
Господь не видитъ нашихъ дѣлъ
И не познаетъ ихъ во-вѣки.
Безумецъ, гдѣ твой умъ и слухъ?
Стряхни невѣжество глубоко;
Скажи хоть разъ, взнесясь высоко:
Ужели слѣпъ создавшій око,
И сотворившій ухо — глухъ?
Скажи, оставя мудрость лживу,
Безъ свѣта ли — Творецъ свѣтилъ?
Безсиленъ ли — Создатель силъ?
Безуменъ ли — Кто умъ въ насъ влилъ?
И мертвъ ли — давшій душу живу?
Блаженъ, о Боже, въ комъ Твой свѣтъ:
Онъ соблюдется цѣлъ Тобою,
Тогда какъ, окруженный мглою,
Въ изрытый ровъ своей рукою
Злодѣй со скрежетомъ падетъ.
Кто, кто съ мечемъ? Со мною рядомъ
Ко мнѣ поборникъ на убійцъ?
Кто на гонителей вдовицъ?
Никто, всѣхъ взоры пали ницъ —
И всѣхъ сердца страхъ облилъ хладомъ.
Никто — но Богъ, самъ Богъ со мной;
Самъ Богъ пріемлетъ грозны стрѣлы,
Вселенной двигнетъ онъ предѣлы,
Разрушитъ замыслы ихъ смѣлы
И съ широты смететъ земной.

50.

Подраженіе псалму 51.

Что хвалишися во злобѣ, сильне?

Что хвалишься во злобѣ, сильный
Что можешь наносить ты вредъ?
Глаголъ твой, лестію обильный,

Какъ ядомъ растворенный медъ;
Языкъ твой — бритва изощренна;
Въ груди кипитъ всѣхъ золъ геэнна.
Ты лживость паче правды любишь
И злобу паче доброты;
Скорбя, щадишь; ликуя, губишь;
Блаженствомъ ближнихъ мучимъ ты —
И правды обличенья смѣлы
Тебѣ суть громоносны стрѣлы.
Но се Господь судомъ, какъ громомъ,
Твое величіе сотретъ:
Съ твоимъ тебя расторгнетъ домомъ,
Отъ сердца кровныхъ оторветъ;
Твоихъ богатствъ изсушитъ рѣки
И родъ твой погаситъ навѣки.
Въ посмѣшище ты будешь правымъ;
Рекутъ, твою погибель зря:
Се мужъ, что сердцемъ столь лукавымъ
Мнилъ превозмочь судебъ Царя,
Богатствомъ лишь своимъ гордился,
И только зло сплетать стремился.
А я, какъ маслина богата,
Средь дома Божія цвѣту;
И блескъ честей и горы злата
Считая за одну мечту,
Лишь въ Богѣ все блаженство ставлю,
И славенъ тѣмъ, что Бога славлю.

51.

Подражаніе псалму 87.

Господи Боже спасенія моего, во дни воззвахъ.

О Боже, царь щедротъ, спасеній,
Внемли! Къ Тебѣ моихъ моленій
Свидѣтель — нощи всѣ и дни.
Я въ нощь свой одръ мочу слезами,

И въ день изсякшими глазами
Встрѣчаю мраки лишь одни.
Да пройдетъ вопль мой предъ Тобою
Шумящей, пламенной рѣкою:
Воззри — и слухъ ко мнѣ склони.
Въ груди моей лишь скорби люты;
Нѣтъ дня отрадна, нѣтъ минуты;
Тѣснится въ сердцѣ мукъ соборъ.
Уже, къ веселью неспособенъ,
Я блѣденъ, мертвецамъ подобенъ;
Уже ко гробу шагъ мой скоръ;
Уже въ моихъ я равенъ силахъ
Съ забвенными давно въ могилахъ,
Отъ коихъ отвратилъ Ты взоръ.
Всѣ гнѣва Твоего удары,
Какъ моря въ бурю волны яры,
Навелъ Ты на мою главу.
Тѣснимъ отъ ближнихъ, обезславленъ,
Друзьями презрѣнъ и оставленъ,
Средь кровныхъ чуждымъ я живу.
Въ одрѣ какъ въ гробѣ истлѣваю;
Но руки къ небу воздѣваю:
Къ Тебѣ и день и ночь зову.
Увы, иль стонъ живыхъ пороченъ?
Или для мертвыхъ Ты лишь мощенъ?
Они ль пѣвцы Твоихъ чудесъ?
Но кто воспѣлъ Тебя во гробѣ?
Кто возгласилъ въ земной утробѣ
Твой судъ, иль блескъ Твоихъ небесъ?
Кто имя Божье славословилъ?
И кто въ странѣ забвенья пролилъ
Хоть каплю благодарныхъ слезъ?
А я, едва заря настанетъ,
Едва свѣтило дня проглянетъ,
Огнемъ живымъ къ Тебѣ дышу —
И вмѣстѣ съ хоромъ опереннымъ
Подъ сводомъ неба озареннымъ

Твое величіе глашу.
Куда ни двигнуся ногою —
Какъ сердце я свое — съ собою
Хвалу чудесъ Твоихъ ношу.
Почто же, Богъ мой, презираешь,
Не внемлешь Ты и отрѣваешь
Вопль страждущей души моей?
Средь нужды, нищеты и горя,
Какъ средь бунтующаго моря,
Я взросъ отъ самыхъ юныхъ дней —
И днесь отъ бѣдства не избавленъ,
Какъ листъ изсохшій, я оставленъ
Среди пылающихъ огней.

52.

На случай грозы въ деревнѣ.

На что надъ рощей сей тѣнистой
Ты завываешь, бурный вѣтръ,
И надъ зелеными лугами
Тѣснитесь, грозны тучи, вы?
Кого во мракахъ, вихри люты,
Вы устрашить хотите здѣсь?
Чью грудь, громовые удары,
Желаете здѣсь вы[1] разразить?
Ахъ, на кого Ты воружаешь
Природу, гнѣвно Божество!
Не соловей ли кроткій, нѣжный
Причина гнѣва Твоего?
Не пѣночка ль невинной пѣснью
Тебя умѣла раздражить?
Или невинная овечка
Могла нарушить Твой законъ,
И воружить Тебя перуномъ

[1] Одно изъ этихъ словъ лишнее.

На сердце робкое свое,
На грудь, покрытую волною,
Подобну снѣгу бѣлизной,
А мягкостью подобну пуху?
Или смиренный селянинъ,
Въ избытокъ чуждый работая
И оживляя грудь свою
Нехитростною сельской пѣснью,
Могъ возбудить Твой страшный гнѣвъ?
Открой мнѣ, Царь міровъ несчетныхъ:
Ужли для нихъ навелъ Ты тьму
И повелѣлъ ударить громамъ,
И воздухъ раздирать перунамъ,
И вихрямъ дубы вырывать?
Для нихъ ли здѣсь природа стонетъ?
А тамъ, за полемъ вдалекѣ,
А тамъ, за бѣлыми стѣнами,
Изнѣженная роскошь дремлетъ:
Не громы слухъ ея мятутъ;
Предъ нею мусикійски хоры,
Согласьемъ сердце щекотя,
Поютъ порокамъ пѣсни хвальны
И сладострастье въ душу льютъ.
А тамъ гордецъ, надувшись грудью,
Тебѣ мечтаетъ равенъ быть
И по землѣ едва ступаетъ,
Чтя недостойнымъ ногъ своихъ
Ходить по той, кѣмъ онъ питаемъ
И отъ кого изшелъ на свѣтъ.
А тамо, львиными когтями
Корыстолюбье воружась,
Рыкая пламенемъ геэнскимъ,
Кричитъ: все собственность моя!
Моя земля, мои всѣ воды.
Огонь и самый воздухъ мой!
Кричитъ — и съ алчностью объемлетъ
Дальнѣйшіе края земли.

Здѣсь громъ — а тамъ спокойны люди
Порокамъ воздвигаютъ тронъ;
Здѣсь громъ — а тамъ они спокойно
Курятъ предъ ними ѳиміамъ —
И солнце ясно свѣтитъ тамъ,
И не смущается природа,
Нарушенъ видя свой законъ.
На нихъ, на нихъ, о Боже вѣчный,
Горами тучи Ты надвинь,
Разсыпь на нихъ свои перуны
И подъ ногами дерзкихъ сихъ
Разверзи пропасти земныя
И дно имъ ада покажи —
Чтобъ тамъ они узрѣли муки,
Чтобы оттоль сразились стономъ
Предмѣстниковъ своихъ во злѣ —
И чтобы, кровью заливаясь,
Имъ сердце въ трепетѣ рекло,
Что живъ пороковъ страшный мститель.

53.

Къ спящему дитяти.

Спи, любезное дитя,
Въ нѣдрахъ мира и покою,
Спи, мой другъ, поколь, стрѣлою
Время быстрое летя
Въ бездну вѣчности ужасной,
Не промчитъ зари твоей
Тихихъ и прекрасныхъ дней.
Спи, доколѣ взоръ твой ясной
Не встрѣчалъ тоски и бѣдъ,
И доколь путей къ веселью
Ты не ставишь трудной цѣлью:
Сердце съ жадностью не ждетъ
Славы, почестей, побѣдъ.

Спи, доколѣ весь твой свѣтъ
Ограниченъ колыбелью.
Спи, дитя: твой сладкій сонъ
Вспоминаетъ человѣка,
Какъ сыпалъ спокойно онъ
Въ нѣдрахъ золотого вѣка.
Какъ твои пріятны дни!
Какъ завидны мнѣ они!
Тамъ мечи раздоровъ блещутъ,
Растравляя бунтовъ ядъ;
Тамъ пожары, язвы, гладъ
Смерть въ поля и грады мещутъ:
А тебѣ, межъ грозныхъ тучъ,
Свѣтитъ тихій солнца лучъ.
Все вокругъ тебя спокойно,
Все пріятно, тихо, стройно.
Ты откроешь кроткій взоръ —
И пробудятся утѣхи,
Игры, радости и смѣхи.
Ты заснулъ — и весь твой дворъ
Прикорнулъ вкругъ колыбели:
У головъ сны милы сѣли;
Задремалъ желаній рой,
Рѣзвымъ утомясь порханьемъ;
Самъ зефиръ заснулъ съ тобой,
И едва своимъ дыханьемъ
Онъ колеблетъ пологъ твой.
Все съ тобою утихаетъ,
Все какъ будто въ пеленахъ;
Лишь улыбка на устахъ
У тебя не засыпаетъ
И вѣщаетъ ясно мнѣ,
Что счастливъ ты и во снѣ.
Спи, дитя, другъ милый мой!
Спи, доколь твой вѣкъ такъ нѣженъ.
Придетъ время, что сонъ твой
Такъ не будетъ безмятеженъ.

Золотой твой вѣкъ пройдетъ:
Вѣкъ тебя желѣзный ждетъ;
Ждутъ тебя сердца жестоки,
Ложна дружба, ложна честь;
Ждутъ развраты и пороки,
Чтобъ тебѣ погибель сплесть.
Вѣкъ наступитъ тотъ унылый;
Ты въ пространный свѣтъ войдешь —
Тьмы въ немъ горестей найдешь;
И тогда ужъ, другъ мой милый,
Такъ спокойно не заснешь.

54.

Уединеніе.

Среди лѣсовъ, стремнинъ и горъ,
Гдѣ звѣрь одинъ пустынный бродитъ,
Гдѣ гордость нищихъ не находитъ
И роскоши невѣдомъ взоръ,
Ужели я вдали отъ міра?
Иль скрежетъ злобы, бѣдныхъ стонъ
И здѣсь прервутъ мой сладкій сонъ?
Вѣщай, моя любезна лира!
Вдали — и шумный міръ исчезъ,
Исчезло съ міромъ преступленье;
Вдали — и здѣсь, въ уединеньѣ,
Не вижу я кровавыхъ слезъ.
Тамъ храмы какъ въ огнѣ горятъ,
Сребромъ и златомъ отягченны;
Верхи ихъ, къ облакамъ взнесенны,
Вѣнчанны молніей, блестятъ;
У ихъ подножья бѣдность стонетъ,
Едва на камняхъ смѣя сѣсть;
У хладныхъ ногъ ихъ кротость, честь
Въ своихъ слезахъ горючихъ тонетъ.
Тамъ роскошь, золотомъ блестя,

Зоветъ гостей въ свои палаты
И ставитъ имъ столы богаты,
Изнѣженнымъ ихъ вкусамъ льстя;
Но въ хрусталяхъ своихъ безцѣнныхъ
Она не вина раздаетъ:
Въ нихъ пѣнится кровавый потъ
Народовъ, ею разоренныхъ.
Тамъ, видъ приманчивыхъ забавъ
Пріемля, мрачные пороки
Влекутъ во пропасти глубоки,
Сердца и души обуявъ;
Природа дремлетъ тамъ безъ дѣйства;
Злосчастіе рождаетъ смѣхъ;
Болѣзни тамъ — плоды утѣхъ;
Величіе — плоды злодѣйства.
Оставимъ людямъ ихъ развратъ;
Пускай фортуну въ храмахъ просятъ,
И пусть гордятся тѣмъ, что носятъ
Въ очахъ блаженство, въ сердцѣ — адъ.
Гдѣ, гдѣ ихъ счастья совершенство?
За пышной ихъ утѣхой въ слѣдъ,
Какъ гарпія, тоска ползетъ, —
Завидно ль сердцу ихъ блаженство?
Гордясь златою чешуей,
Когда змѣя при солнцѣ бьется,
Отъ ней какъ лучъ пріятный льется
И разныхъ тысяча огней:
Тамъ синева блеститъ небесна,
Багряность тамъ зари видна —
И, кажется, горитъ она,
Какъ въ тучахъ радуга прелестна —
Горитъ; но сей огонь — призракъ!
Пылающа единымъ взглядомъ,
Она обвита вѣчнымъ хладомъ,
Въ ней ядъ, ея одежда — мракъ.
Подобно и величье міра
Единой внѣшностью манитъ:

Въ немъ угрызеній желчь кипитъ,
На немъ блеститъ одна порфира.
Но здѣсь, на лонѣ тишины,
Гдѣ все течетъ въ природѣ стройно,
Гдѣ сердце кротко и спокойно
И со страстями нѣтъ войны,
Здѣсь мягкій лугъ и чисты воды
Замѣна злату и сребру;
Здѣсь самъ веселья я беру
Изъ рукъ роскошныя природы.
Бывъ близки сердцу моему,
Они мое блаженство множатъ;
Ни въ комъ спокойства не тревожатъ
И слезъ не стоятъ никому.
Здѣсь по слѣдамъ, едва примѣтнымъ,
Природы чинъ я познаю;
Иль Бога моего пою
Подъ дубомъ, міру равнолѣтнымъ.
Пою — и съ именемъ Творца
Я зрю восторгъ въ растеньи дикомъ
При имени Его великомъ;
Я въ хладныхъ камняхъ зрю сердца;
По всей природѣ льется радость:
Ключъ рѣзвится, играетъ лѣсъ,
Верхи возносятъ до небесъ,
Одѣты сосны въ вѣчну младость.
Недвижны вѣтры здѣсь стоятъ
И ждутъ пронесть въ концы вселенной,
Что духъ поетъ мой восхищенный.
Великъ мой Богъ, великъ — Онъ святъ!
На лирѣ перстъ мой ударяетъ.
Онъ святъ! — поютъ со мной лѣса,
Онъ святъ! — вѣщаютъ небеса,
Онъ святъ! — громъ въ тучахъ повторяетъ.
Гордитесь, храмы, вышиной
И пышной роскошью, народы;
Я здѣсь, въ объятіяхъ природы,

Горжусь любезной тишиной,
Которую въ развратномъ мірѣ
Прочь гоните отъ сердца вы,
И кою на брегахъ Невы
Нашъ Росской Пиндаръ[1] пѣлъ на лирѣ.
Вдали отъ вашихъ гордыхъ стѣнъ,
Среди дубравъ густыхъ, тѣнистыхъ,
Среди ключей кристальныхъ, чистыхъ,
Въ пустынѣ тихой я блаженъ.
Не суетами развлекаться
Въ бесѣдахъ я шумливыхъ тщусь,
Не ползать въ низости учусь —
Учусь природѣ удивляться.
Здѣсь твердой и сѣдой гранитъ,
Не чувствуя ни стужъ, ни лѣта,
Являя страшну древность свѣта,
Безчисленность столѣтій спитъ.
Тамъ ключъ стремнины изсѣкаетъ,
Иль роетъ основанья горъ,
И, удивляя смертныхъ взоръ,
Трудъ тысячи вѣковъ являетъ.
Тамъ дубъ, отъ листьевъ обнаженъ,
По камнямъ корни простираетъ —
На холмъ облегшись, умираетъ,
Косою времени сраженъ.
Тамъ горы въ высотахъ эѳира
Скрываютъ верхъ отъ глазъ моихъ —
И, кажется, я вижу въ нихъ
Свидѣтелей рожденья міра.
Но что за громы вдалекѣ?
Не адъ ли страшный тамъ дымится?
Не пламя ль тартара крутится
Подобно воющей рѣкѣ?
Война, война течетъ кровава;
Законъ лежитъ, поверженъ мертвъ,

[1] Ломоносовъ.

Корысть алкаетъ новыхъ жертвъ
И новой крови жаждетъ слава.
Сомкнитесь, горы, вкругъ меня;
Сплетитеся, лѣса дремучи;
Завѣсой станьте, черны тучи,
Чтобъ злости ихъ не видѣлъ я.
Удары молніи опасны,
Въ дубравахъ страшенъ мракъ ночной,
Ужасенъ звѣря хищна вой —
Но люди болѣ мнѣ ужасны.

55.

Письмо о пользѣ желаній.

Наскуча вѣкъ желаньями терзаться,
Препятствомъ чтя ихъ къ благу моему,
Сжалъ сердце я и волю далъ уму,
Чтобы отъ нихъ навѣки отвязаться.
Все суета — такъ пишетъ Соломонъ;
Хоть нынѣ мы ученѣй древнихъ стали,
Но и они не все же вздоръ болтали —
Такъ, думалъ я, едва не правъ ли онъ.
Все суета, всѣ вещи точно равны —
Желанье лишь имъ цѣну наддаетъ,
Иль ихъ въ число дурныхъ вещей кладетъ,
Хотя одни другихъ не болѣ славны.
Чѣмъ худъ кремень? чѣмъ дорогъ такъ алмазъ?
Коль скажутъ мнѣ, что онъ блеститъ для глазъ —
Блеститъ и ледъ не менѣе подъ-часъ.
Такъ скажутъ мнѣ: по скольку вещи рѣдки,
По стольку имъ и цѣны будутъ ѣдки.
Опять не то — здѣсь Римска грязь рѣдка;
Она лишь къ намъ на ихъ медаляхъ входитъ;
Но ей никто торговли не заводитъ,
И Римска грязь — какъ наша грязь, гадка.
Рѣдка ихъ грязь — но Римскіе антики

Не по грязи цѣной велики;
Такъ, стало, тутъ оцѣнщикъ есть другой —
Желанье? Да, оно — никто иной,
И, вѣрьте мнѣ, оцѣнщикъ предурной.
Ему то мы привыкнувъ слѣпо вѣрить,
Привыкли все его аршиномъ мѣрить;
Оно то свѣтъ на свой рисуетъ ладъ;
Оно то есть томящій сердце ядъ.
На эту мысль попавъ, какъ на булавку,
Желаньямъ всѣмъ я тотчасъ далъ отставку.
Казалося, во мнѣ остыла кровь:
Прощай, чины, и слава, и любовь.
Плѣнясь моихъ высокихъ думъ покроемъ,
Всѣ вещи я своимъ поставилъ строемъ,
И мыслилъ такъ: всѣ счастья вдалекѣ
Плѣняютъ насъ; вблизи все скоро скучитъ;
Такъ все равно (не ясно ль это учитъ?),
Что быть въ вѣнцѣ, что просто въ колпакѣ;
Что быть творцомъ прекрасной Энеиды[1],
Отъ нѣжныхъ музъ почтенье заслужить,
Князей, царей и царства пережить;
Что быть писцомъ прежалкой героиды[2],
Иль, сократя высокихъ думъ расходъ,
Писать слегка про свой лишь обиходъ;
Что на поляхъ трофеи славны ставить,
Съ Румянцовымъ, съ Каменскимъ[3] тамъ гремѣть;
Отнять языкъ у зависти умѣть
И ненависть хвалить себя заставить;
Что, обуздавъ военный, пылкій духъ,
Щадя людей, бить, дома сидя, мухъ.
Пускай же свѣтъ вертится такъ, какъ хочетъ;
Пускай одинъ изъ славы вѣкъ хлопочетъ,
Другой, копя съ червонцами мѣшки,
На ордена, на знать не паля глаза,

[1] Виргиліемъ.
[2] Излюбленная поэтическая форма XVIII в. (Элегія, изображающая неудовлетворенную любовь боговъ и героевъ).
[3] Знаменитые сподвижники Суворова.

Однимъ кускомъ быть хочетъ сытъ два раза
И прячетъ рай за крѣпкіе замки:
Все это — вздоръ, мечтанье, пустяки!
Не лучше ли своихъ намъ нуждъ не множить,
Спокойно жить и свѣта не тревожить?
Чѣмъ менѣ нуждъ, тѣмъ менѣ зла придетъ;
Чѣмъ менѣ нуждъ, тѣмъ будетъ счастья болѣ;
А нужды всѣ желанье намъ даетъ.
Такъ, стало, зла умалить въ нашей волѣ.
Такъ точно! ключъ отъ рая я сыскалъ,
Сказалъ — и вдругъ желать я пересталъ.
Противникъ чувствъ, лишь разуму послушенъ,
Ко всѣмъ вещамъ сталъ хладенъ, равнодушенъ;
Не стало нуждъ; утихли страсти вдругъ;
Надежда, мой старинный, вѣрный другъ,
Въ груди моей себѣ не видя дѣла,
Другимъ сулить утѣхи полетѣла;
Обнявшись съ ней, ушли улыбки въ слѣдъ —
И кровь моя преобратилась въ ледъ.
Все скучно мнѣ и все постыло стало;
Ничто во мнѣ желанья не рождало.
Безъ горести, безъ скуки я терялъ;
Безъ радости я вновь пріобрѣталъ;
Равно встрѣчалъ потери и успѣхи;
Оставили меня и грусть и смѣхи;
Изъ глазъ вещей пропали дурноты,
Но съ ними ихъ пропали красоты —
И, тѣни снять желая прочь съ картины,
Оставилъ я бездушный видъ холстины.
Или, яснѣй — принявши за законъ,
Что̀ въ-старину говаривалъ Зенонъ[1],
Не къ счастію въ палаты я ворвался,
Не рай вкусилъ; но заживо скончался —
И съ трехъ зарей не чувствовать усталъ.
Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ: онъ точно рай сыскалъ —

[1] Вѣроятно, имѣется въ виду основатель стоической школы.

И, что чуднѣй, на небо не взлетая.
А я скажу, что это мысль пустая.
Коль это рай, такъ смѣло я стою,
Что мы въ аду, а камни всѣ въ раю.
Нѣтъ, нѣтъ, не то намъ надобно блаженство;
Съ желаніемъ на свѣтъ мы рождены.
На что же умъ и чувства намъ даны?
Умѣть желать — вотъ счастья совершенство!
Къ тому ль данъ слухъ, чтобы глухими быть?
На то ль языкъ, чтобъ вѣчно быть нѣмыми?
На то ль глаза, чтобы не видѣть ими?
На то ль сердца, чтобъ ими не любить?
Умѣй желать и доставай прилежно:
Съ трудомъ всегда пріятнѣй пріобрѣсть;
Умѣй труды не даромъ ты понесть —
Дурачество желать лишь безнадежно.
Препятство зломъ напрасно мы зовемъ;
Цѣна вещей для насъ лишь только въ немъ:
Препятствомъ въ насъ желанье возрастаетъ;
Препятствомъ вещь сильнѣй для насъ блистаетъ.
Нѣтъ счастья намъ, коль нѣтъ къ нему помѣхъ;
Не будетъ скукъ, не будетъ и утѣхъ.
Не тотъ счастливъ, кто счастьемъ обладаетъ:
Счастливъ лишь тотъ, кто счастья ожидаетъ.
Послушайте, я этотъ рай узналъ;
Я камнемъ сталъ, и три дня не желалъ:
Но цѣлый вѣкъ подобнаго покою
Я не сравню съ минутою одною,
Когда мнѣ, сквозь несчастья мрачныхъ тучъ,
Блисталъ въ глаза надежды лестный лучъ —
Когда, любя прекрасную Анюту,
Межъ страхами и межъ надежды жилъ.
Ахъ, еслибъ льзя, я бъ вѣкомъ заплатилъ
Надежды сей не годъ, не часъ — минуту!
Прочь, школами прославленный, покой,
Природы врагъ и смерти братъ родной!
Изъ сердца вонъ — и жди меня во гробѣ!

Проснитесь вновь, желанья, вы во мнѣ!
Явись при нихъ скорѣй, надежда мила!
Такъ — только въ васъ и важность и вся сила:
Блаженство дать вы можете однѣ.
Пусть мудрецы системы счастья пишутъ:
Всѣ мысли ихъ лишь гордостію дышутъ.
На что сердцамъ пустой давать законъ,
Коль теменъ имъ и безполезенъ онъ?
Системы ихъ не выучишь въ три вѣка:
Онѣ ведутъ къ безплоднымъ лишь трудамъ.
А я, друзья, скажу короче вамъ:
Желать и ждать — вотъ счастье человѣка.

56.

Выборъ изъ Пѣсни Пѣсней Соломона.

Подруги милыя, нарвите
Душистыхъ, мягкихъ травъ скорѣй —
И мнѣ изъ розъ и изъ лилей
Постель вы свѣжу настелите.
Подруги милы, я томлюся,
Въ любви я таю, какъ въ огнѣ,
Скорѣй цвѣтовъ насыпьте мнѣ:
На нихъ стрѣлой я протянуся.
Скажите мнѣ, любезныя пастушки:
Гуляючи по рощамъ, по лугамъ,
Любезный мой не встрѣтился ли вамъ?
Гдѣ онъ? не скройте отъ подружки.

Хоръ пастушекъ.

Скажи, прелестная дѣвица, намъ:
Кто сердцу твоему такъ драгоцѣненъ?
Какъ намъ узнать, кто милый твой?
Скажи ты намъ: каковъ собой
И чѣмъ онъ отъ другихъ отмѣненъ?

Мой милый здѣсь межъ пастуховъ
Блеститъ, какъ между васильковъ
Блистаетъ лилія душиста.
Или какъ между репейковъ
Цвѣтовъ царица — роза мшиста.
Кудрями волосы его
Волнуются вкругъ шеи бѣлой;
Румянецъ, какъ багрецъ [1], его;
Станъ стройный, видъ пріятный, смѣлый;
Огонь любви въ его глазахъ;
Улыбка нѣжна на устахъ;
Онъ въ поступи царю подобенъ,
Но кротокъ, нѣженъ и незлобенъ.
Величественъ, когда идетъ;
Но рѣчь его сладка, какъ медъ;
Его роскошное ласканье;
Духъ отнимаетъ цѣлованье;
Въ его объятіяхъ — любовь.
Весь день его искала я вездѣ —
Его, кѣмъ духъ, кѣмъ мысль и сердце страстно —
И цѣлый день искала я напрасно —
Любезнаго не встрѣтила нигдѣ.
Отдайте мнѣ его, лѣса густые,
Поля, луга и берега крутые!
Металась я по рощамъ, по лугамъ;
Взбѣгала я на превысоки горы —
Лишь странниковъ мои встрѣчали взоры;
Тоскѣ моей они смѣялись тамъ
И томное мнѣ сердце разрывали.
Напрасно ты въ исканьи тратишь дни,
Невѣренъ онъ, вѣщали мнѣ они:
Любезный твой — твой жаръ пренебрегаетъ;
За кѣмъ бѣжишь, тебя тотъ убѣгаетъ;
Напрасно здѣсь его твой ищетъ взоръ:
Любезный твой, какъ вихорь, скоръ —

---

[1] Пурпурная краска.

Уже дѣлятъ васъ пропасти глубоки,
Поля, лѣса и горы превысоки.
Но кто съ высокихъ сходитъ горъ?
Какъ солнце, видъ его прекрасенъ;
Какъ майскій день, и тихъ и ясенъ
Таковъ его прелестный взоръ.
Изъ глазъ катятся слезы;
Такъ утромъ, чистою росой
Унизанныя, свѣжи розы
Блестятъ небесною красой.
Амуры милые, летите
Навстрѣчу вы къ нему скорѣй –
Вы холодокъ отъ рѣчки сей
Къ нему, зефиры, понесите,
И съ луга чистаго сего,
Гоняя репейки косматы,
Душисты, легки ароматы,
Повѣйте кротко на него.
Приди, утѣшь меня въ моей тоскѣ ты слезной;
Приди, хоть часъ со мной побудь
И припади на бѣлу грудь,
На пламенную грудь твоей любезной!
Я, нѣжною своей рукой
До розовыхъ твоихъ ланитъ касаясь,
Твоимъ дыханьемъ упиваясь,
Свой пламень раздѣлю съ тобой;
Печаль твою разсѣю,
Своими вздохами твою тоску развѣю;
Смущенье утишу
Я ими,
И поцѣлуями своими
Твои я слезы осушу.
Жестокій, ты меня пренебрегаешь!
Или меня за смуглость презираешь?
Ахъ, если я смугла лицомъ,
Лучи виновны солнца въ томъ;
А грудь моя, тобою страстна,

Нѣжна, полна, прекрасна
И высока,
Бѣла, какъ тонкія въ день ясный облака;
Она на холмы тѣхъ высокихъ горъ походитъ,
Съ которыхъ вѣчно снѣгъ не сходитъ.
Что съ круглостью равно моихъ ланитъ?
И что пылчѣй любви огня,
Который въ сердцѣ у меня
И во глазахъ моихъ горитъ?
Какъ стройны пальмы юны,
Какъ прямы въ арфѣ струны,
Таковъ природой данъ
Мнѣ тонокъ, прямъ и строенъ станъ.
Я въ легкости зефирамъ равномѣрна.
Лишь чуть коли
Ты мнѣ покажешься вдали,
Тогда я по лугамъ, какъ молодая серна,
Рѣзвлюся, прыгаю, скачу —
И сердцемъ, какъ стрѣла, къ тебѣ лечу.
Но что зефиръ такъ тихо вѣетъ
Между ракитовыхъ кустовъ?
Кого онъ здѣсь будитъ не смѣетъ?
Какое легкое цвѣтовъ
Я чувствую благоуханье?
Ахъ, не любезнаго ль дыханье
Зефиръ въ мѣста сіи несетъ?
Ахъ, не оно ль, какъ сладкій медъ,
Въ мою грудь страстну, томну льется?
Не тщетно крѣпко сердце бьется —
Что вижу? Такъ; я зрю его!
О радость! я нашла того,
Кѣмъ столько дни мои мнѣ милы!
Завистниковъ я вижу лесть.
О небо, дай мнѣ столько силы,
Чтобъ эту радость перенесть!
Тамъ спитъ онъ подъ кустами въ полѣ —
Какъ ночь, печаль моя прошла.

Такъ, я любезнаго нашла —
И съ нимъ не разлучусь ужъ болѣ.
Подружки, не шумите!
Подружки, не смутите
Его вы сладкій сонъ!
Тамъ, скрывшися отъ зною,
Подъ тѣнью древъ густою,
Спитъ крѣпко, сладко онъ.
Подружки, не шумите!
Подружки, не смутите
Его вы сладкій сонъ!
О милое для сердца восхищенье!
Любезный мой
Со мной.
Но что за сладкое я слышу пѣнье?
Ахъ, это пѣночка поетъ свою любовь —
Въ движенье томное она приводитъ кровь.
О пѣночка, мой другъ, какъ ты, я такъ же вяну;
Какъ ты, я такъ же и люблю —
Пой, милый другъ, тебѣ я пособлю
И милаго будить тихонько стану.
Пробудись, мой другъ любезный,
И въ объятіяхъ моихъ
Ты почувствуй жаръ небесный,
Упоенъ любовью въ нихъ.
Встань; пойдемъ въ густыя рощи:
Милъ тамъ свѣтъ, пріятна тѣнь.
Кажется, стоитъ тамъ день
Рядомъ возлѣ тихой нощи.
Встань; пойдемъ съ тобой въ сады,
Гдѣ въ кустахъ цвѣты пестрѣютъ
И зефиры тихо вѣютъ,
Гдѣ румянитъ зной плоды.
Тамъ, мой другъ, въ тѣни глубокой,
Сядемъ мы подъ дубъ высокой
На ковры шелковыхъ травъ;
Тамъ, на грудь ко мнѣ припавъ,

Раздѣлишь ты пламень съ нею;
Тамъ, мой другъ, съ душой твоею
Душу страстную свою
Въ поцѣлуяхъ я солью.

57.

На новый годъ.

Къ надеждѣ.

Подруга нѣжная зефиру
Въ восточныхъ небесахъ видна;
Ужъ по небесному сапфиру
Румянитъ солнцу путь она;
Конямъ его ковры сплетаетъ
Изъ розовыхъ своихъ лучей —
И звѣзды, красоту ночей,
Въ румяны ризы увиваетъ.
Уже изъ нѣдръ восточныхъ водъ
Выводитъ солнце новый годъ.
Онъ жребій смертныхъ неизвѣстной
Въ покрытой урнѣ къ нимъ несетъ;
Полна привѣтливости лестной,
Надежда передъ нимъ летитъ;
Суля улыбкой утѣшенье,
Вливая взоромъ услажденье,
Поверхность урны золотитъ.
Польсти и мнѣ, надежда мила;
Крушиться сердцу не вели;
Польсти и счастье посули.
Ты мнѣ напрасно много льстила;
Но я не помню долго зла.
Какъ прежде, я тобой прельщался,
Твоей улыбкой восхищался —
Ты такъ же мнѣ теперь мила.

Хоть сердце вѣрить ужъ устало
Усмѣшкѣ ласковой твоей,
Но безъ тебя еще грустнѣй,
Еще ему тошнѣе стало.
Польсти ты сердцу моему;
Скажи, мой другъ, скажи ему,
Что съ новымъ годомъ счастье ново
Въ мои объятія идетъ,
И что несчастіе сурово
Съ протекшимъ годомъ пропадетъ.
Своею мантіей зеленой
Закрой печалей блѣдный видъ,
Которыя въ груди стѣсненной
Мнѣ сердце томное сулитъ.
На что предвидѣть такъ ихъ рано?
Ахъ, еслибъ, утро зря румяно,
Въ поляхъ предчувствовалъ цвѣтокъ,
Что тонкій, легкій вѣтерокъ
Не день ему сулитъ прекрасный,
Но передъ бурею ужасной
Проститься съ розами спѣшитъ;
Что вѣтры вслѣдъ текутъ упорны
И что, завившись въ тучи черны,
Паляща молнія бѣжитъ
Потрясть природы основанье;
Когда бъ все зрѣлъ издалека —
Не оживляло бы цвѣтка
Авроры тихое сіянье;
Когда бъ онъ это предузналъ,
Не чувствуя отрадъ ни малыхъ,
Не распускалъ бы кудрей алыхъ,
Съ тоски бъ заранѣе увялъ;
Но онъ спокойно расцвѣтаетъ.
Почто въ насъ сердце не цвѣтокъ?
Почто, послыша лютый рокъ,
Оно заранѣ обмираетъ?
Польсти, мой другъ, польсти ему;

Скажи ты сердцу моему,
Что не совсѣмъ оно напрасно
По Аннушкѣ такъ бьется страстно.
Скажи, что нѣкогда вздохъ мой
Горящей пламенной стрѣлой
До груди бѣлой донесется,
И что слеза съ моихъ очей,
Какъ искра тонкая, взовьется
И упадетъ на сердце къ ней.
Сули другимъ богатства рѣки;
Сули имъ славы громкой вѣки;
Сули имъ знатность и чины.
Кто спитъ — пусть утѣшаютъ
Того ласкающіе сны.
Они лишь чувства заглушаютъ —
И для меня не созданы.
Сули, коль хочешь, имъ короны —
Не свѣтомъ всѣмъ повелѣвать:
Отъ милой Аннушки законы
Хотѣлъ бы самъ я принимать;
Или въ глазахъ ея прекрасныхъ,
Во вздохахъ нѣжныхъ, томныхъ, страстныхъ
Хотѣлъ бы ихъ я узнавать.
Польсти же мнѣ, надежда мила —
И если наступившій годъ
Съ собою смерть мою несетъ —
Мой духъ о томъ не воздохнетъ:
Хочу, чтобъ только напередъ
Ты косу смерти позлатила
И мнѣ ее бы посулила
У сердца Аннушки моей.
Сули мнѣ тысячу смертей:
Судьбы приму я повелѣнье —
Лишь только бъ, сердцу въ утѣшенье,
Вкусить ихъ на устахъ у ней.
Не укорять я небо стану,
Но свой прославлю лестный рокъ,

Когда, подобно какъ цвѣтокъ,
Я на груди ея завяну.

58.

Блаженство.

Зефиръ съ ракитниковъ пушистыхъ
Авроринъ бисеръ осыпалъ;
На озерѣ въ зыбяхъ струистыхъ
Всходящій солнца лучъ игралъ.
То съ рѣзвой вѣтерковъ станицей
Онъ по водамъ мелькалъ зарницей;
То молніей вился въ травахъ;
То на пестрѣющихъ цвѣтахъ
Онъ въ яркихъ искрахъ разсыпался —
И лугъ, казалось, загорался.

Проснувшись, ручеекъ играетъ
Въ янтарныхъ, гладкихъ берегахъ:
То пѣну въ жемчугъ разсыпаетъ
На золотыхъ своихъ кудряхъ
И гордо по кремешкамъ льется,
Иль между розъ украдкой вьется,
Имъ на ушко любовь журчитъ;
То, закатясь въ лѣсокъ, молчитъ
И подъ столѣтнимъ дубомъ дремлетъ,
Иль соловьинымъ пѣснямъ внемлетъ.

За перловъ облакъ закатился,
Взвиваясь, жавронокъ стрѣлой —
И громкій, звонкій свистъ разлился
Подъ твердью свѣтлоголубой.
Граждане чистыхъ водъ безмолвны,
Играя, разсѣкаютъ волны,
Въ весельи встрѣтя новый день;
Пріятный свѣтъ, густая тѣнь,
Давая вольный путь отрадѣ,
Манятъ иль къ пользѣ, иль къ прохладѣ.

Вездѣ природы совершенство
Лучъ освѣтилъ всходяща дня;
Все чувствуетъ свое блаженство,
Все веселится вкругъ меня,
Все видитъ счастье подъ ногами,
Не гонится за нимъ морями:
Никто отъ счастья не далекъ.
Одинъ лишь только человѣкъ,
Гордясь свободой безъ свободы,
Блаженства ищетъ внѣ природы.
Ему лишь сводъ небесный низокъ,
Тѣсна обширность дальныхъ странъ;
Ему отъ юга сѣверъ близокъ
И мелокъ грозный океанъ.
Среди богатствъ — онъ нищъ и бѣденъ
Средь пользы — ядовитъ и вреденъ.
Онъ тѣмъ не сытъ въ алчбѣ своей,
Чего довольно твари всей.
Природа рай ему готовитъ —
Онъ въ немъ ужасный адъ становитъ.
Ему весна цѣлебны травы
Со ароматомъ въ дань несетъ,
И гряды съ овощемъ кудрявы
Горяще лѣто въ даръ даетъ.
Тамъ осень нивы позлащаетъ
И въ даръ ему ихъ посвящаетъ;
Сбирая виноградъ въ поляхъ,
Шампанско пѣнитъ въ хрусталяхъ;
Очистя воздухъ, смѣшанъ съ ядомъ,
Зима ему полезна хладомъ.
Но онъ дары ихъ презираетъ
И мощною своей рукой
Земли утробу раздираетъ;
Во адъ спускается живой
Геэнну дерзостью смущаетъ
И нагло тамо похищаетъ
У фурій корень страшныхъ бѣдъ —

Пороки въ золотѣ несетъ,
Въ селитрѣ[1] лютые пожары,
Въ мѣди громовые удары.
И се онъ въ громахъ гибель мещетъ,
Куда его достигнетъ взоръ;
Природа тамъ его трепещетъ,
Сердца трясутся крѣпкихъ горъ.
Напрасно левъ въ лѣса дремучи,
Напрасно ястребъ въ темны тучи
Скрываютъ въ робости свой слѣдъ:
Для силъ его предѣловъ нѣтъ.
Онъ въ небесахъ орлу опасенъ,
Онъ киту въ безднахъ водъ ужасенъ.
Такъ, онъ одинъ страдать назначенъ
Изъ чувствующихъ тварей всѣхъ;
Въ лучахъ блестящей славы мраченъ,
Унылъ въ объятіяхъ утѣхъ,
Среди забавъ тоскливъ и скученъ,
На тронѣ съ рабствомъ не разлученъ.
На что ни кинетъ мрачный взглядъ,
Изо всего сосетъ лишь ядъ;
Однихъ мечтаній ложныхъ жаждетъ —
И между благъ въ несчастьи страждетъ.
Ему покой и радость чужды:
Рожденъ желаньями кипѣть.
Его отрада — множить нужды,
Его мученье — ихъ терпѣть.
Средь брани ищетъ онъ покоя;
Среди покоя — алчетъ боя;
Въ неволѣ — врагъ земныхъ боговъ;
На волѣ — ищетъ злыхъ оковъ;
Онъ въ будущемъ лишь счастье видитъ
И въ настоящемъ ненавидитъ.
Такъ странникъ, ночью, въ часъ погоды,
Когда вихрь корни рветъ древесъ,

[1] Порохъ.

И въ бездны съ горъ бьютъ шумны воды,
Подъ черной тучей видитъ лѣсъ;
Почтя селенья близка знакомъ,
Къ нему стремится, все презрѣвъ —
И колкій тернъ и тигровъ ревъ;
А свѣтъ, сей свѣтъ ему любезный,
Манитъ на край бездонной бездны.
Имѣя разумъ ослѣпленный
И цѣну слабъ вещей познать,
Напрасно хочешь внѣ вселенной
Свое ты счастье основать.
Вотще свой рай ты удаляешь
И новы блага вымышляешь.
Умѣй цѣнить природы даръ
И, не взлетая, какъ Икаръ[1],
Познай вещей ты совершенство —
И ты въ себѣ найдешь блаженство.

59.

Сонетъ къ Нинѣ.

Нѣтъ мира для меня, хотя и брани нѣтъ;
Въ надеждѣ, въ страхѣ я; въ груди то хладъ, то пламень;
То вьюсь я въ небесахъ, то внизъ лечу, какъ камень;
То въ сердцѣ пустота, то весь въ немъ замкнутъ свѣтъ.
Та, кѣмъ позналъ мой духъ мученія суровы,
Ни быть рабомъ, ни быть свободнымъ не велитъ;
Ни послабляетъ мнѣ, ни тяготитъ оковы,
Ни смертью не грозитъ, ни жизни не сулитъ.
Гляжу не видя я — и молча призываю;
Ищу погибели — и помощи желаю;

[1] Который пытался летать на крыльяхъ, прилѣпленныхъ воскомъ.

Зову, гоню — кляну, объемлю тѣнь драгой.
Сквозь слезы я смѣюсь; въ печаляхъ трачу силы;
И жизнь и смерть равно душѣ моей постылы —
Вотъ, Нина, до чего я доведенъ тобой!

60.

Ночь.

Уже на западѣ остыломъ
Зари румяный слѣдъ угасъ,
И звономъ колоколъ унылымъ
Давно пробилъ полночный часъ;
Природу сладкій сонъ объемлетъ;
Зефиръ на свѣжихъ розахъ дремлетъ —
Не вьетъ онъ кудрей ручейка;
Вода, какъ зеркало гладка;
Листокъ отъ вѣтра не трясется,
И Филомела [1] не поетъ;
Нигдѣ, ни въ чемъ движенья нѣтъ —
Мое лишь сердце крѣпко бьется
И мнѣ покоя не даетъ,
Отъ глазъ моихъ сонъ сладкій гонитъ,
Уснули страсти у людей —
А тотъ, кто убѣгалъ страстей,
Изъ глазъ слезу горячу ронитъ,
Ихъ чувствуя въ груди своей.
Мои лишь вздохи нарушаютъ
Угрюмой ночи тишину
И другу злополучныхъ — сну
Закрыть глаза мои мѣшаютъ.
Дыханьемъ хладнымъ грудь тѣсня,
Послѣднія отъемля силы,
Изсохши, блѣдны и унылы
Стоятъ печали вкругъ меня.

[1] Соловей.

Приди, приди, о сонъ любезный,
И легкою своей рукой
Ихъ видъ страдающій и слезный
Хотя на часъ отъ глазъ закрой.
Но ты словамъ моимъ не внемлешь:
Иль отъ несчастныхъ ты бѣжишь,
Счастливцевъ маками даришь
И съ ними на диванахъ дремлешь?
Мой другъ, для нихъ ли созданъ ты?
Кто здѣсь блаженствомъ обладаетъ,
Чье сердце горестей не знаетъ,
На что тому твои мечты?
Онѣ его не утѣшаютъ,
Но, только память въ немъ затмивъ,
Ему лишь чувствовать мѣшаютъ,
Сколь много въ свѣтѣ онъ счастливъ.
Когда тебѣ онъ по̀дать платитъ,
Тогда онъ часъ веселья тратитъ.
Ахъ, еслибъ, Аннушку любя,
Я награжденъ былъ равной страстью.
Не нуженъ былъ бы ты мнѣ къ счастью,
Не призывалъ бы я тебя;
Не сномъ хотѣлъ бы подкрѣпляться,
Но чувствомъ лестнымъ наслаждаться,
Что милой Аннушкой любимъ;
Хотѣлъ бы чувствомъ нѣжнымъ симъ
И умирать и возраждаться;
Хотѣлъ бы силы имъ терять
И въ новыхъ силахъ обновляться.
Но если сердце мнѣ дано
Вкушать одно лишь огорченье:
Когда мнѣ всякій мигъ мученье,
Въ который чувствуетъ оно —
Къ чему тогда мнѣ служитъ время?
Къ чему тогда имъ дорожить?
Чтобъ умножать печали бремя,
Чтобъ долѣе въ мученьи жить?

Тогда часы лишь тѣ мнѣ святы,
Которые у жизни взяты
И сну безмолвному даны.
Я въ нихъ лишь только не страдаю
И слезъ не чувствую своихъ;
Я въ нихъ на-время умираю.
Приди жъ, природы обновленье,
Приди, пріятный, крѣпкій сонъ:
Прерви на-время мой ты стонъ
И сладкое пролей забвенье
На чувства пылкія мои.
Разсыпь вокругъ цвѣты свои;
Приди — и лестными[1] мечтами
Мое ты сердце обнови;
Приди — Анюты красотами
Мою грудь томну оживи,
Мнѣ въ лестныхъ видахъ представляйся:
Представь мнѣ, что она моя,
Что съ ней въ восторгахъ таю я,
Представь — и ввѣкъ не прерывайся.

61.

Отъѣздъ изъ деревни.

Прости, любезное село,
Столица мира дорогого;
Прости, ключъ чистый, какъ стекло,
И ты, тѣнистая дуброва,
Въ которой часто день бывалъ
Мнѣ такъ коротокъ, какъ минута,
Гдѣ часто соловей пѣвалъ
Такъ чисто, нѣжно, какъ Анюта.
Простите вы, мои друзья.
Изъ нѣдръ спокойства и свободы

[1] Обманчивыми.

Я ѣду въ мрачный гробъ природы —
Простите, въ городъ ѣду я.
Не воздухъ легкій, ароматный
Мнѣ будетъ грудь тамъ ожизлять:
Я ѣду въ міръ пустой, развратный
Сѣдую, знойну пыль глотать.
Когда зарей здѣсь развернутся
Цвѣты на бархатныхъ лугахъ,
И хоры птичекъ раздадутся
Въ тѣнистыхъ и густыхъ лѣсахъ;
Какъ соловьи начнутъ согласно
Будить и кликать солнце красно —
Тогда меня разбудитъ стукъ
Каретъ, по мостовой гремящихъ,
Иль съ грузами телѣгъ скрипящихъ,
Иль колокольный, скучный звукъ.
Какъ солнце здѣсь взойдетъ высоко,
И разгорится ясный день,
Вы, птички, скроетесь далеко
Густыхъ деревъ въ прохладну тѣнь,
Гдѣ жаръ и вѣтръ васъ не гоняютъ,
Гдѣ вамъ утѣхи сохраняютъ
Любови нѣжной алтари,
И гдѣ листочка два иль три
Чертоги царски замѣняютъ.
А я, когда наступитъ день,
Какъ мнѣ ни больно и ни лѣнь,
И какъ не безполезно свѣту,
Тащусь на завтракъ иль обѣдъ,
Играть въ бостонъ или въ пикетъ;
Иль, если картъ, къ несчастью, нѣтъ,
Тащусь зѣвать по этикету
И ползать въ суетахъ мірскихъ
Промежду глупостей людскихъ,
Гдѣ языки одни рѣчисты,
Гдѣ все добро на языкѣ,
Гдѣ дружба — почеркъ на пескѣ,

Гдѣ клятва — сòколъ въ высотѣ,
Гдѣ нравъ и сердце такъ же чисты
(Не въ гнѣвъ то буди городскихъ),
Какъ чистъ и легокъ воздухъ ихъ.
Когда у васъ на небосклонѣ
Потухнетъ алая заря
И, сонъ пріятный вамъ даря,
Ночь сядетъ на сапфирномъ тронѣ;
Уныло зашумятъ лѣса,
И въ хороводахъ звѣздъ прекрасныхъ,
Въ одеждахъ блѣдножелтыхъ, ясныхъ,
Взойдетъ луна на небеса;
Проступитъ блѣдность на вершинахъ
И, серебромъ свѣтясь, туманъ
Разстелется у васъ въ долинахъ,
Какъ утромъ тихій океанъ —
Тогда, не зная, что̀ заботы,
Невозмущенные тоской,
Въ роскошныхъ пеленахъ дремоты
Вы сладкій вкусите покой.
А я, когда за нашимъ градомъ,
Застывъ, потускнетъ небосклонъ,
И съ темной ночью придутъ рядомъ
Печальна мысль, мятежный сонъ,
Свѣтъ закатится съ яснымъ Фебомъ,
Но не замолкнетъ стонъ людской,
И подъ угасшимъ чернымъ небомъ
Раздастся глухо шумъ градской,
А я — тамъ, гдѣ все такъ нестройно
Въ цѣпяхъ шумливой суеты,
Средь роскоши и нищеты,
А я — засну ли тамъ спокойно?
Ахъ, нѣтъ, не сонъ, друзья, не сонъ —
Тогда мои мнѣ милы слезы,
И мысль одна пріятна мнѣ,
Чтобъ васъ увидѣть, хоть во снѣ,
Мои любезны дики розы,

И чтобъ у васъ, въ густой тѣни,
Кудрявы, юныя березы,
Воспѣть златые, сельски дни.

62.

Къ соловью.

Отъ чего сей свистъ унылый,
Житель рощей, другъ полей?
Не изъ города ль, мой милый,
Прилетѣлъ ты, соловей?
Не изъ клѣтки ль на свободу
Выпорхнулъ въ счастливый часъ,
И, еще силка страшась,
Робко такъ поешь природу?
Ахъ, не бойся — и по волѣ
Веселись, скачи и пой;
Здѣсь не въ городѣ мы — въ полѣ;
За прекрасный голосъ свой
Въ клѣткѣ здѣсь не насидишься,
И съ подружкой дорогой
За него не разлучишься.
Позабудь людей, другъ мой:
Всѣ приманки ихъ — отравы;
Всѣ ихъ умыслы — лукавы.
Здѣсь питье и кормъ простой,
Но вкуснѣе онъ на вѣткѣ,
При свободѣ чувствъ своихъ,
Нежель кормъ богатый ихъ
Въ золотой и пышной клѣткѣ.

Памятникъ И. А. Крылову

въ Лѣтнемъ саду, въ С.-Петербургѣ.

Работы барона Клодта, открытъ въ 1855 г.

Отдѣлъ II.

Басни въ девяти книгахъ.

Книга первая.

1.

Ворона и Лисица.

Ужь сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

—

Воронѣ гдѣ то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала;
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ, — Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ;
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
„Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ, право, сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой, и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты бъ у насъ была царь-птица!“
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,

Отъ радости въ зобу дыханье сперло —
И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

2.

Дубъ и Трость.

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
„По истинѣ, роптать ты въ правѣ на природу“,
Сказалъ онъ: „воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваяся и вихрямъ, и грозамъ,
Стою и твердъ, и прямъ,
Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ міромъ [1]:
Тебѣ все бурей, — мнѣ все кажется зефиромъ [2].
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой,
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго Эолова [3] владѣнья:
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья“.
— „Ты очень жалостливъ“, сказала Трость въ
отвѣтъ:
„Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь:
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь,
Такъ бури мало мнѣ вредятъ;

---

[1] Такъ въ изданіи 1844 г., хотя по смыслу скорѣе — міромъ
[2] Пріятный вѣтерокъ.
[3] Эолъ — богъ вѣтровъ.

Едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но — подождемъ конца!“
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ, и съ дождемъ шумящій аквилонъ[1].
Дубъ держится, — къ землѣ Тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ, и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

3.

Музыканты.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать;
Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку[2] любилъ
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать.
Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
Въ ушахъ у гостя затрещало,
И закружилась голова.
„Помилуй ты меня“, сказалъ онъ съ удивленьемъ:
„Чѣмъ любоваться тутъ? Твой хоръ
Горланитъ вздоръ!“
— „То правда“, отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ:
„Они немножечко дерутъ,
Зато ужъ въ ротъ хмельного не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ“.

---

[1] Сѣверо-восточный вѣтеръ.
[2] Въ данномъ случаѣ — пѣніе.

А я скажу: по мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

4.

Ворона и Курица.

Когда Смоленскій князь,
Противу дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ [1] сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ;
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собрались,
И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
„А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?“
Ей съ возу Курица кричитъ:
„Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ“.
— „Мнѣ что до этого за дѣло?“
Вѣщунья ей въ отвѣтъ; „я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ ваши сестры какъ хотятъ;
А вѣдь Воронъ ни жарятъ, ни варятъ:
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться;
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!“
Ворона подлинно осталась:
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

---

[1] Французамъ въ 1812 г. Кутузовъ — Смоленскій.

Такъ часто человѣкъ въ разсчетахъ слѣпъ и глупъ:
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься;
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься —
Попался, какъ ворона въ супъ!

5.

Ларчикъ.

Случается нерѣдко намъ
И трудъ, и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.

—

Къ кому то принесли отъ мастера Ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой Ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякій Ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату Механики мудрецъ.
Взглянувъ на Ларчикъ, онъ сказалъ: „Ларецъ
съ секретомъ;
Такъ; онъ и безъ замка;
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ исподтишка!
Я отыщу секретъ, и Ларчикъ вамъ открою:
Въ Механикѣ и я чего-нибудь да стою.“
Вотъ за Ларецъ принялся онъ;
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
„Не тутъ! не такъ, не тамъ!“ Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ, но, наконецъ, усталъ,

Отъ Ларчика отсталъ,
И, какъ открыть его, никакъ не догадался:
А Ларчикъ просто открывался.

6.

Лягушка и Волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться:
Она завистлива была —
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
„Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я съ него?“
Подругѣ говоритъ. — „Нѣтъ, кумушка, далеко!“
— „Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?“ — „Почти что ничего.“
— „Ну, какъ теперь?“ — „Все то жъ.“ Пыхтѣла
да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и — околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ?

7.

Разборчивая невѣста.

Невѣста-дѣвушка смышляла жениха.
Тутъ нѣтъ еще грѣха,
Да вотъ что грѣхъ: она была спесива.

Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ
(Красавица была немножко прихотлива:)
Ну, чтобы все имѣлъ — кто жъ можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть,
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть.
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ.
Но въ выборѣ ея и вкусъ, и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ,
А ей они на взглядъ —
Не женихи, а женишонки!
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ?
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;
А тотъ бы и въ чинахъ, да, жаль, карманы пусты;
То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ этакъ, тамъ не такъ;
Ну, не прійдетъ никто по мысли ей никакъ.
Посмолкли женихи, — годка два перепали;
Другіе новыхъ свахъ заслали:
Да только женихи середней ужъ руки.
„Какіе простаки!“
Твердитъ красавица: „по нихъ ли я невѣста?
Ну, право, ихъ затѣи не у мѣста!
И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила
Пойду ль я за кого изъ этихъ чудаковъ?
Какъ будто бъ я себя замужствомъ торопила;
Мнѣ жизнь дѣвическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться ничуть мнѣ не пристойно.“
Толпа и эта уплыла.
Потомъ, отказы слыша тѣ же,
Ужъ стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ,
Никто нейдетъ;

Еще минулъ годокъ, еще уплылъ годъ цѣлой:
Къ ней свахъ никто не шлетъ.
Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.
Зачнетъ считать своихъ подругъ
(А ей считать большой досугъ):
Та замужемъ давно, другую сговорили;
Ее какъ будто позабыли.
Закралась грусть въ красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ, тамъ — живости въ глазахъ;
Умильны ямочки пропали на щекахъ;
Веселость, рѣзвости какъ будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули;
Бѣда со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нея собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно;
А нынѣ, ахъ! ее зовутъ ужъ на бостонъ[1]!
Вотъ тутъ спесивица перемѣняетъ тонъ.
Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться:
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался, пошла:
И рада, рада ужъ была,
Что вышла за калѣку.

8.

Парнасъ.

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ
И по мірянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали,

[1] Карточная игра.

Кому то и Парнасъ[1] тогда отмежевали;
Хозяинъ новый сталъ пасти на немъОсловъ.
Ослы, не знаю какъ то, знали,
Что прежде Музы тутъ живали,
И говорятъ: „недаромъ насъ
Пригнали на Парнасъ:
Знать, Музы свѣту надоѣли,
И хочетъ онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли".
— „Смотрите же", кричитъ одинъ: „не унывай!
Я затяну, а вы не отставай!
Друзья, робѣть не надо!
Прославимъ наше стадо
И громче девяти сестеръ[2]
Подымемъ музыку и свой составимъ хоръ!
А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнасъ".
Одобрили Ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хоръ пѣвцовъ такую дичь занесъ,
Какъ будто тронулся обозъ,
Въ которомъ тысяча немазанныхъ колесъ.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ, потерявъ терпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.

—

Мнѣ хочется — невѣждамъ не во гнѣвъ —
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

---

[1] Гора, на которой, по греческимъ вѣрованіямъ, находились Аполлонъ и Музы.
[2] Музъ.

9.

Оракулъ.

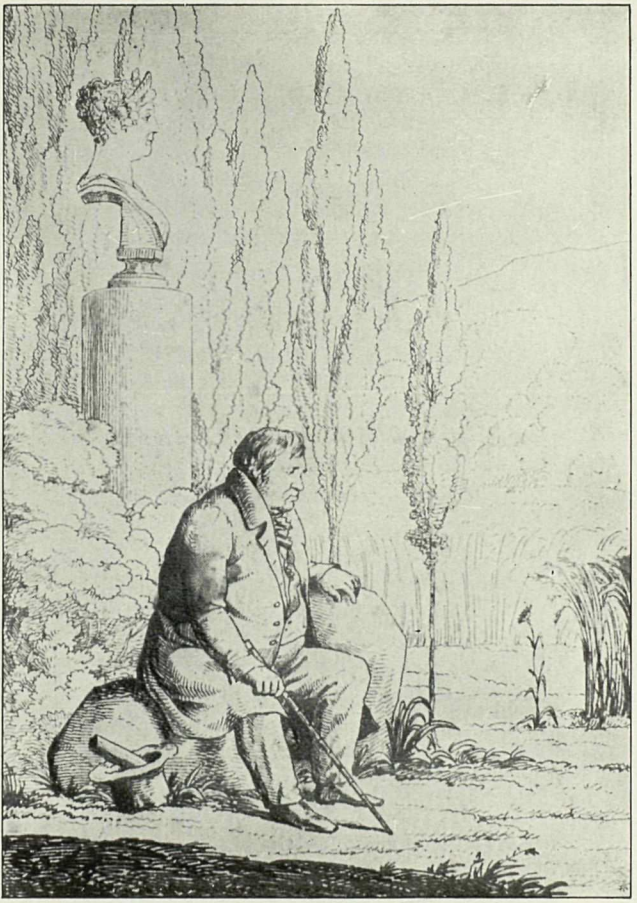
Въ какомъ то капищѣ былъ деревянный богъ,
И сталъ онъ говорить пророчески отвѣты
И мудрые давать совѣты.
Зато, отъ головы до ногъ
Обвѣшанъ и сребромъ, и златомъ,
Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ,
Заваленъ жертвами, мольбами заглушенъ
И ѳиміамомъ задушенъ.
Въ Оракула всѣ вѣрятъ слѣпо;
Какъ вдругъ — о чудо, о позоръ! —
Заговорилъ Оракулъ вздоръ,
Сталъ отвѣчать нескладно и нелѣпо;
И кто къ нему за чѣмъ ни подойдетъ,
Оракулъ нашъ что молвитъ, то совретъ;
Ну такъ, что всякій дивовался,
Куда пророческій въ немъ даръ дѣвался!
А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пустой, и саживались въ немъ
Жрецы вѣщать мірянамъ.
Итакъ,
Пока былъ умный жрецъ, кумиръ не путалъ вракъ;
А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолъ сталъ болванъ-болваномъ.

Я слышалъ — правда ль? — будто встарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

10.

Василекъ.

Въ глуши расцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины



Крыловъ и „василекъ“.

Рис. Сапожникова (1833).

(По фотографическому снимку съ гравюры, приложенной къ изданію басенъ 1834 г.)

И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру, между тѣмъ, онъ жалобно шепталъ:
„Ахъ, еслибы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило:
Быть можетъ, и меня оно бы оживило!“
— „Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!“
Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:
„Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,
И вянешь ты или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.
Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ,
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что са́мо время ихъ жалѣя, коситъ;
А ты ни пышенъ, ни пахучъ;
Такъ солнца ты своей докукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь!“
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству Флорину[1] разсыпало лучи,
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

—

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!

[1] Богиня растительности.

Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно,
Былинкѣ ль, кедру ли, благотворитъ равно,
И радость по себѣ, и счастье оставляетъ;
Зато и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.

11.

Роща и Огонь.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ, —
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще яснѣй,
Послушай басеньки моей.

—

Зимою Огонекъ подъ Рощей тлился;
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу Огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; Огонь мой чуть горитъ,
И, видя свой конецъ, такъ Рощѣ говоритъ:
„Скажи мнѣ, Роща дорогая!
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?“
— „Затѣмъ что, вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу“,
Огню такъ Роща отвѣчаетъ.
— „Бездѣлица!“ Огонь ей продолжаетъ:
„Лишь подружись со мной; тебѣ я помогу,
Я солнцевъ братъ и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ Огнѣ:

Зимой, когда кругомъ и снѣгъ, и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ,
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спесиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!"
Вотъ дѣло слажено; ужъ въ Рощѣ Огонекъ
Становится Огнемъ; Огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю Рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ,—и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться?

12.

Чижъ и Ежъ.

Уединеніе любя,
Чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя,
Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось,
И не за что; такъ какъ то пѣлось!
Вотъ въ блескѣ и во славѣ всей
Фебъ[1] лучезарный изъ морей
Поднялся.
Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,
И въ срѣтенье ему

[1] Солнце, богъ солнца.

Хоръ громкихъ соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раздался.
Мой Чижъ замолкъ. „Ты что жъ“,
Спросилъ его съ насмѣшкой Ежъ:
„Пріятель, не поешь?“
— „За тѣмъ, что голоса такого не имѣю,
Чтобъ Феба я достойно величалъ“,
Сквозь слезъ Чижъ бѣдный отвѣчалъ:
„А слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю“.

Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара[1] мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я бъ Александра[2] пѣлъ.

XIII.

Волкъ и Ягненокъ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ;
Тому въ Исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ;
Но мы Исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ какъ въ Басняхъ говорятъ.

Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться;
И надобно жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ Волкъ;
Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: „Какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ?
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву!“

---

[1] Величайшій греческій одистъ.
[2] Императоръ Александръ I.

— „Когда свѣтлѣйшій Волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ Свѣтлости его шаговъ я на сто пью;
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ;
Питья мутить ему никакъ я не могу".
— „Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ то нагрубилъ:
Я этого, пріятель, не забылъ!"
— „Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году",
Ягненокъ говоритъ. — „Такъ это былъ твой братъ".
— „Нѣтъ братьевъ у меня". — „Такъ это кумъ иль сватъ,
И, словомъ, кто-нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи",
— „Ахъ, я чѣмъ виноватъ?" — „Молчи, усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать".
Сказалъ, и въ темный лѣсъ Ягненка поволокъ.

14.

Обезьяны.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать,
И, Боже сохрани, какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.
Кто Обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.

Такъ въ Африкѣ, гдѣ много Обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тутъ тихо толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
„Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него такъ, право, нѣтъ конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ.
Ужъ мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ“... Глядь,
Онъ подлинно ушелъ, и сѣти имъ оставилъ.
„Что жъ“, говорятъ онѣ, — „и время намъ терять?
Пойдемъ-ка попытаться!“
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей.
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричатъ, визжатъ — веселье хоть куда!
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться!
Хозяинъ между тѣмъ стерегъ
И, видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками,
Онѣ — чтобъ на утекъ,
Да ужъ никто распутаться не могъ,
И всѣхъ ихъ по̀брали руками.

15.

Синица.

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочетъ море сжечь.
Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь.
Страхъ обнялъ жителей Нептуновой[1] столицы;
Летятъ стадами птицы;
А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ Океанъ, и жарко ли горѣть.
И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой де откупщикъ, и самый тороватый
Не давывалъ секретарямъ.
Толпятся: чуду всякъ заранѣе дивится,
Молчитъ и, на море глаза уставя, ждетъ;
Лишь изрѣдка иной шепнетъ:
„Вотъ закипитъ, вотъ тотчасъ загорится!“
Не тутъ то: море не горитъ.
Кипитъ ли хоть? — И не кипитъ.
И чѣмъ же кончились затѣи величавы?
Синица со стыдомъ въ свояси уплыла;
Надѣлала Синица славы,
А моря не зажгла.

–

Примолвить къ рѣчи здѣсь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что дѣломъ, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

---

[1] Богъ моря.

16.

Оселъ.

Когда вселенную Юпитеръ населялъ
И заводилъ различныхъ тварей племя,
То и Оселъ тогда на свѣтъ попалъ.
Но, съ умыслу ль или имѣя дѣлъ беремя,
Въ такое хлопотливо время
Тучегонитель[1] оплошалъ:
А вылился Оселъ почти, какъ бѣлка, малъ.
Осла никто почти не примѣчалъ,
Хоть въ спеси никому Оселъ не уступалъ.
Ослу хотѣлось бы повеличаться:
Но чѣмъ? Имѣя ростъ такой,
И въ свѣтѣ стыдно показаться.
Присталъ къ Юпитеру Оселъ спесивый мой,
И росту сталъ просить большого.
„Помилуй“, говоритъ: „какъ можно это снесть?
Львамъ, барсамъ и слонамъ вездѣ такая честь;
Притомъ, съ великаго и до меньшаго,
Все рѣчь о нихъ лишь, да о нихъ;
За что жъ къ Осламъ ты столько лихъ,
Что имъ честей нѣтъ никакихъ,
И объ Ослахъ никто ни слова?
А еслибъ ростомъ я съ теленка только былъ,
То спеси бы со львовъ и съ барсовъ я посбилъ,
И весь бы свѣтъ о мнѣ заговорилъ“.
Что день, то снова
Оселъ мой то жъ Зевесу пѣлъ,
И до того онъ надоѣлъ,
Что, наконецъ, моленія Ослова
Послушался Зевесъ, —
И сталъ Оселъ скотиной превеликой,
А, сверхъ того, ему такой данъ голосъ дикой,

[1] Прозваніе Зевса (Юпитера).

Что мой ушастый Геркулесъ[1]
Пораспугалъ было весь лѣсъ.
„Что то за звѣрь? какого роду?
Чай, онъ зубастъ? роговъ, чай, нѣтъ числа?“
Ну, только и рѣчей пошло, что про Осла.
Но чѣмъ все кончилось? Не минуло и году,
Какъ всѣ узнали, кто Оселъ:
Оселъ мой глупостью въ пословицу вошелъ,
И на Ослѣ ужъ возятъ воду.

—

Въ породѣ и въ чинахъ высокость хороша;
Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

17.

Мартышка и Очки.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стòитъ завести Очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ Очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ:
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тьфу пропасть!“ говоритъ она: „и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про Очки лишь мнѣ налгали,
А проку на̀ волосъ нѣтъ въ нихъ“.
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

—

[1] Въ смыслѣ — герой.

Къ несчастью, то жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь, — цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда познатнѣй,
То онъ ее еще и гонитъ.

18.

Два Голубя.

Два Голубя, какъ два родные брата, жили;
Другъ бе́зъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ, вѣрно, тамъ;
И радость, и печаль — все было пополамъ.
Не видѣли они, какъ время пролетало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда бъ хотѣть
Или отъ милой, иль отъ друга?
Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ — летѣть:
Увидѣть, осмотрѣть
Диковинки земного круга,
Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ молвой.
„Куда ты?“ говоритъ сквозь слезъ ему другой:
„Что пользы по свѣту таскаться?
Иль съ другомъ хочешь ты разстаться?
Безсовѣстный! когда меня тебѣ не жаль,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы ужасны
И все, чѣмъ странствія опасны!
Хоть подожди весны летѣть въ такую даль:
Ужъ я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь еще и кормъ и скуденъ такъ, и малъ;
Да, чу! и воронъ прокричалъ:
Вѣдь это, вѣрно, къ худу.
Останься дома, милый мой!
Ну, намъ вѣдь весело съ тобой!

Куда жъ еще тебѣ летѣть, не разумѣю;
А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротѣю.
Силки да коршуны, да громы только мнѣ
Казаться будутъ и во снѣ;
Все стану надъ тобой бояться я несчастья[1]:
Чуть тучка лишь надъ головой,
Я буду говорить: ахъ, гдѣ то братецъ мой?
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья?"
Растрогала рѣчь эта Голубка;
Жаль братца, да летѣть охота велика:
Она и разсуждать, и чувствовать мѣшаетъ.
„Не плачь, мой милый", такъ онъ друга утѣшаетъ:
„Я на три дня съ тобой, не больше, разлучусь.
Все на́скоро въ пути замѣчу на полетѣ
И, осмотрѣвъ, что есть диковиннѣй на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружку назадъ я ворочусь.
Тогда то будетъ намъ о чемъ повесть словечко!
Я вспомню каждый часъ и каждое мѣстечко;
Все разскажу: дѣла ль, обычай ли какой,
Иль гдѣ какое видѣлъ диво.
Ты, слушая меня, представишь все такъ живо,
Какъ будто бъ самъ леталъ ты по̀ свѣту со мной".
Тутъ — дѣлать нечего — друзья поцѣловались,
Простились и разстались.
Вотъ странникъ нашъ летитъ; вдругъ въ[2] встрѣчу
дождь и громъ;
Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь кругомъ.
Гдѣ дѣться? Къ счастью, дубъ сухой въ глаза
попался;
Кой-какъ угнѣздился, прижался
Къ нему нашъ Голубокъ.
Но ни отъ вѣтру онъ укрыться тутъ не могъ,
Ни отъ дождя спастись: весь вымокъ и продрогъ.
Утихъ помалу громъ. Чуть солнце просіяло,

---

[1] Въ изд. 1844 г. несомнѣнная опечатка — ненастья (см. ниже строчку, которая риѳмуетъ съ нею).

[1] Въ изд. 1844 г. пропущено.

Желанье позывать бѣдняжку далѣ стало.
Встряхнулся и летитъ, — летитъ и видитъ онъ:
Въ заглушьи подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка.
Спустился — въ сѣти тутъ попалась наша птичка!
Бѣды со всѣхъ сторонъ!
Трепещется онъ, рвется, бьется;
По счастью, сѣть стара: кой-какъ ее прорвалъ,
Лишь ножку вывихнулъ да крылышко помялъ!
Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несется.
Вотъ, пуще той бѣды, бѣда надъ головой!
Отколь ни взялся ястребъ злой;
Не взвидѣлъ свѣта Голубь мой!
Отъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машетъ.
Ахъ, силы вкороткѣ! совсѣмъ истощены!
Ужъ когти хищные надъ нимъ распущены;
Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашетъ.
Тогда орелъ, съ небесъ направя свой полетъ,
Ударилъ въ ястреба всей силой —
И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.
Межъ тѣмъ нашъ Голубъ милой,
Внизъ камнемъ ринувшись, прижался подъ плетнемъ.
Но тѣмъ еще не кончилось на немъ:
Одна бѣда всегда другую накликаетъ.
Ребенокъ, черепкомъ намѣтя въ Голубка —
Сей возрастъ жалости не знаетъ —
Швырнулъ, и раскроилъ високъ у бѣдняка.
Тогда то странникъ нашъ, съ разбитой головою,
Съ попорченымъ крыломъ, съ повихнутой ногою,
Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ.
Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!
Къ отрадѣ онъ своей,
Услуги, лѣкаря и помощь видитъ въ ней;
Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.

—

О вы, которые объѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите!

Вы эту басеньку прочтите,
И въ дальній путь такой пускайтеся не вдругъ.
Что бъ ни сулило вамъ воображенье ваше;
Но, вѣрьте, той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

19.

Червонецъ.

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ.
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье
И даже, нравовъ развращенье:
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не
растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.
Объ этой истинѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу книгу стало;
Да важно говорить не всякому пристало:
Такъ съ шуткой пополамъ
Я басней доказать ее намѣренъ вамъ.

Мужикъ, простакъ, какихъ вездѣ не мало,
Нашелъ Червонецъ на земли.
Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли;
Однакожъ пятаковъ пригоршни трои
Червонца на обмѣнъ крестьянину даютъ.
„Постой же“, думаетъ мужикъ: „дадутъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кой-что я такое,

Что у меня его съ руками оторвутъ".
Тутъ, взявъ песку, дресвы[1] и мѣлу
И натолокши кирпича,
Мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу
И со всего плеча
Червонецъ о кирпичъ онъ точитъ,
Дресвой деретъ,
Пескомъ и мѣломъ третъ;
Ну, словомъ, такъ, какъ жаръ, его поставить хочетъ.
И подлинно, какъ жаръ, Червонецъ заигралъ;
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю Червонецъ потерялъ.

20.

Троеженецъ

Какой то грѣховодникъ
Женился отъ живой жены еще на двухъ.
Лишь до Царя о томъ донесся слухъ
(А Царь былъ строгъ и не охотникъ
Такимъ соблазнамъ потакать),
Онъ Многоженца вмигъ велѣлъ подъ судъ отдать
И выдумать ему такое наказанье,
Чтобъ въ страхъ привесть народъ,
И покуситься бы никто не могъ впередъ
На столь большое злодѣянье:
„А коль увижу де, что казнь ему мала,
Повѣшу тутъ же всѣхъ судей вокругъ стола".
Судьямъ худыя шутки:
Въ холодный потъ кидаетъ ихъ боязнь.
Судьи толкуютъ трои сутки,
Какую бъ выдумать преступнику имъ казнь.
Ихъ есть и тысячи; но опытами знаютъ,

[1] Легко разсыпающійся рѣчной камень, употребляющійся для чистки металловъ и полированія.

Что все онѣ людей отъ зла не отучаютъ.
Однакожъ, наконецъ, ихъ надоумилъ Богъ.
Преступникъ призванъ въ судъ, для объявленья
Судейскаго рѣшенья,
Которымъ, съ общаго сужденья,
Приговорили: женъ отдать ему всѣхъ трехъ.
Народъ суду такому изумился
И ждалъ, что Царь велитъ повѣсить всѣхъ судей;
Но не прошло четырехъ дней,
Какъ Троеженецъ удавился:
И этотъ приговоръ такой надѣлалъ страхъ,
Что съ той поры на трехъ женахъ
Никто въ томъ царствѣ не женился.

21.

Безбожники.

Былъ въ древности народъ, къ стыду земныхъ
племенъ,
Который до того въ сердцахъ ожесточился,
Что противу боговъ вооружился.
Мятежныя толпы, за тысячью знаменъ,
Кто съ лукомъ, кто съ пращей[1], шумя несутся въ
Зачинщики, изъ удалыхъ головъ, [поле.
Чтобы поджечь въ народѣ буйства болѣ,
Кричатъ, что судъ небесъ и строгъ, и безтолковъ
Что боги или спятъ, иль правятъ безразсудно;
Что проучить пора ихъ безъ чиновъ;
Что, впрочемъ, съ ближнихъ горъ каменьями не
трудно
На небо дошвырнуть въ боговъ
И заметать Олимпъ стрѣлами.
Смутяся дерзостью безумцевъ и хулами,

---

[1] Орудіе, посредствомъ котораго мечутъ камни.

Къ Зевесу весь Олимпъ[1] съ мольбою приступилъ,
Чтобы бѣду онъ отвратилъ;
И даже весь совѣтъ боговъ тѣхъ мыслей былъ,
Что, къ убѣжденію бунтующихъ, не худо
Явить хоть небольшое чудо:
Или потопъ, иль съ трусомъ[2] громъ,
Или хоть каменнымъ ударить въ нихъ дождемъ.
„Пождемъ“,
Юпитеръ рекъ: „а если не смирятся
И въ буйствѣ прекоснятъ[3], безсмертныхъ не боясь,
Они отъ дѣлъ своихъ казнятся“.
Тутъ съ шумомъ въ воздухѣ взвилась
Тьма камней, туча стрѣлъ отъ войскъ богомятежныхъ;
Но съ тысячью смертей, и злыхъ, и неизбѣжныхъ,
На собственныя ихъ обрушились главы.

—

Плоды невѣрія ужасны таковы;
И вѣдайте, народы, вы,
Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства толки смѣлы,
Чѣмъ противъ Божества вооружаютъ васъ, —
Погибельный вашъ приближаютъ часъ,
И обратятся всѣ въ громовыя вамъ стрѣлы.

22.

Орелъ и Куры.

Желая свѣтлымъ днемъ вполнѣ налюбоваться,
Орелъ поднебесью леталъ
И тамъ гулялъ,
Гдѣ молніи родятся.
Спустившись, наконецъ, изъ облачныхъ вышинъ,
Царь-птица отдыхать садится на овинъ.
Хоть это для Орла насѣстокъ незавидный;

---

[1] Всѣ олимпійскіе боги.
[2] Землетрясеніе.
[3] Будутъ упорствовать.

Но у Царей свои причуды есть:
Быть можетъ, онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь,
Иль не было вблизи, ему по чину сѣсть
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что за мысль; но только, что Орелъ
Немного посидѣлъ
И тутъ же на другой овинъ перелетѣлъ.
Увидя то, хохлатая насѣдка
Толкуетъ такъ съ своей кумой:
„За что Орлы въ чести такой?
Неужли за полетъ, голубушка-сосѣдка!
Ну, право, если захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу.
Не будемъ же впередъ такія дуры,
Чтобъ почитать Орловъ знатнѣе насъ.
Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ;
Да ты же видѣла сейчасъ,
Что понизу они летаютъ такъ, какъ куры".
Орелъ отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:
„Ты права, только не совсѣмъ:
Орламъ случается и ниже куръ спускаться;
Но курамъ никогда до облакъ не подняться!"

Когда таланты судишь ты, —
Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно
Но, чувствуя, что въ нихъ и сильно и прекрасно,
Умѣй различны ихъ постигнуть высоты.

Книга вторая.

1.

Лягушки, просящія царя.

Лягушкамъ стало не угодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсѣмъ не благородно
Безъ службы и на волѣ жить.
Чтобъ горю пособить,
То стали у боговъ Царя онѣ просить.
Хоть слушать всякій вздоръ богамъ бы и не сродно,
На сей, однакожъ, разъ послушалъ ихъ Зевесъ:
Далъ имъ Царя. Летитъ къ нимъ съ шумомъ Царь
съ небесъ,
И плотно такъ онъ треснулся на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство:
Со всѣхъ Лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шопотомъ Царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что Царь на диво имъ былъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ;
Дородствомъ, ростомъ великанъ.
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ Царѣ лишь было худо:

Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ никто:
Со страхомъ на него глядятъ онѣ, и то
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку;
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому бъ не приглядѣлся свѣтъ,
То и онѣ сперва отъ страху отдохнули,
Потомъ къ Царю подползть съ преданностью дерзнули:
Сперва передъ Царемъ ничкомъ;
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ;
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которыя еще поудалѣй,
Къ Царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ.
Въ три дня наскучило съ такимъ Царемъ житье.
Лягушки новое челобитье,
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу
Далъ подлинно Царя на славу!
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,
Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство Журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ иного нраву [1]:
Не любитъ баловать народа своего;
Онъ виноватыхъ ѣстъ: а на судѣ его
Нѣтъ правыхъ никого;
Зато ужъ у него,
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ черный годъ.
Въ Лягушкахъ каждый день великій недочетъ.
Съ утра до вечера ихъ Царь по царству ходитъ,
И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,

[1] Такъ въ изданіи 1844 г., но для риѳмы къ „расправа“ слѣдовало бы „нрава“.

Тотчасъ засудитъ и — проглотитъ
Вотъ пуще прежняго и кваканье, и стонъ,
Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ Царя инова;
Что нынѣшній ихъ Царь глотаетъ ихъ, какъ мухъ;
Что даже имъ нельзя (какъ это ни ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконецъ, ихъ Царь тошнѣе имъ засухъ.
„Почто жъ вы прежде жить счастливо не умѣли?
Не мнѣ ль, безумныя“, вѣщалъ имъ съ неба гласъ:
„Покоя не было отъ васъ?
Не вы ли о Царѣ мнѣ уши прошумѣли?
Вамъ данъ былъ Царь, — такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ:
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ;
Другой вамъ данъ, — такъ этотъ очень лихъ:
Живите жъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже!“

2.

Левъ и Барсъ.

Когда то, въ старину,
Левъ съ Барсомъ велъ предолгую войну
За спорные лѣса, за дебри, за вертепы.
Судиться по правамъ — не тотъ у нихъ былъ нравъ;
Да сильные жъ въ правахъ бываютъ часто слѣпы.
У нихъ на это свой уставъ:
Кто одолѣетъ, тотъ и правъ.
Однако, наконецъ, не вѣчно жъ драться —
И когти притупятся:
Герои по правамъ рѣшились разобраться;
Намѣрились дѣла военны прекратить,
Окончить всѣ раздоры,
Потомъ, какъ водится, миръ вѣчный заключить
До первой ссоры.

„Назначимъ же скорѣй
Мы отъ себя секретарей“,
Льву предлагаетъ Барсъ: — „и какъ ихъ умъ
разсудитъ,
Пустъ такъ и будетъ.
Я, напримѣръ, къ тому опредѣлю кота:
Звѣрекъ хоть неказистъ, да совѣсть въ немъ чиста;
А ты осла назначь: онъ знатнаго же чина,
И, къ слову молвить здѣсь,
Куда онъ у тебя завидная скотина!
Повѣрь, какъ другу, мнѣ: совѣтъ и дворъ твой весь
Его копытца врядъ ли стоютъ.
Положимся жъ на томъ,
На чемъ
Съ моимъ котишкомъ онъ устроитъ“.
И Левъ мысль Барса утвердилъ
Безъ спору;
Но только не осла — лисицу нарядилъ
Онъ отъ себя для этого разбору,
Примолвя про себя (какъ видно, зналъ онъ свѣтъ):
„Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ, вѣрно, проку
нѣтъ“.

3.

Вельможа и Философъ.

Вельможа, въ праздный часъ толкуя съ Мудрецомъ
О томъ, о семъ,
„Скажи мнѣ“, говоритъ: — „ты свѣтъ довольно
знаешь,
И, будто въ книгѣ, ты въ сердцахъ людей читаешь:
Какъ это, что мы ни начнемъ,
Суды ли, общества ль учены заведемъ,
Едва успѣемъ оглянуться,
Какъ первые невѣжи тутъ вотрутся?
Ужли отъ нихъ совсѣмъ лѣкарства нѣтъ?“

— „Не думаю“, сказалъ Мудрецъ въ отвѣтъ: —
„И съ обществами та жъ судьба (сказать межъ нами),
Что съ деревянными домами“.
— „Какъ?“ — „Такъ же: я вотъ свой достроилъ сими днями;
Хозяева въ него еще не вобрались,
А ужъ сверчки давно въ немъ завелись“.

4.

Моръ звѣрей.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ, моръ,
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри.
Въ адъ распахнулись настежь двери:
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высям горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы.
Неумолимая, какъ сѣно, коситъ ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы.
Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ.
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ:
Не давитъ волкъ овецъ и смиренъ, какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ;
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубь врознь живетъ,
Любви въ поминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье!
Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ.
Тащатся шагъ-за-шагъ, чуть держатся въ нихъ души
Сбрелись и, въ тишинѣ царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза и приложили уши.
„О други!“ началъ Левъ: — „по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,

Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ!
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
Итакъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь — хоть это мнѣ и больно —
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ — за что? — совсѣмъ безвинно! —
Диралъ безчинно;
А иногда — кто безъ грѣха? —
Случалось, дралъ и пастуха:
И въ жертву предаюсь охотно.
Но лучше бъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесть
Свои грѣхи: на комъ ихъ болѣ есть,
Того бы въ жертву и принесть,
И было бы богамъ то болѣе угодно".
— „О, царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты",
Лисица говоритъ: — „въ грѣхъ это ставишь ты.
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,
То прійдетъ съ голоду пропасть намъ, наконецъ;
При томъ же, нашъ отецъ,
Повѣрь, что это честь большая для овецъ,
Когда ты ихъ изволишь кушать.
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ:
Ихъ чаще такъ учить, имъ это по-дѣломъ;
Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спесью дышетъ,
И нашими себя вездѣ царями пишетъ".

Окончила Лиса; за ней, на тотъ же ладъ,
Льстецы Льву то же говорятъ,
И всякій доказать спѣшитъ на перехватъ,
Что даже не въ чемъ Льву просить и отпущенья.
За Львомъ Медвѣдь и Тигръ, и Волки въ свой чередъ
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно погрѣшенья;
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ.
И всѣ, кто были тутъ богаты
Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный Волъ имъ такъ мычитъ:
„И мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ:
Ни отъ кого себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ“.
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ Медвѣди, Тигры, Волки:
„Смотри, злодѣй какой:
Чужое сѣно ѣсть! Ну, диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги?
Его, безчинника, съ рогатой головой,
Его принесть богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасть, и нравы отъ заразы!
Такъ, по его грѣхамъ у насъ и моръ такой!“
Приговорили —
И на костеръ Вола взвалили.

—

И въ людяхъ такъ же говорятъ:
Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

———

5.

Собачья дружба.

У кухни подъ окномъ,
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ, лежа, грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись —
И вѣжливые жъ псы, притомъ,
Ни на кого не лаютъ днемъ —
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
„Что можетъ“, говоритъ Полканъ, „пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Не спить безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастьѣ все свое блаженство ставить!
Вотъ еслибъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась:
Скажу я смѣло,
Мы бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло“.
— „А что же? это дѣло!“
Барбосъ отвѣтствуетъ ему: —
„Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки;
И изъ чего? Спасибо господамъ:
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
Притомъ же, право, стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней;
А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,

Почти совсѣмъ не видно".
—„Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена",
Вскричалъ Полканъ: — „дай лапу!" — „Вотъ она!"
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться;
Не знаютъ съ радости, къ кому и приравняться:
„Орестъ мой!" — „Мой Пиладъ"[1] Прочь свары,
зависть, злость!
Тутъ поваръ на бѣду ихъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся:
Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья вверхъ летятъ:
Насилу, наконецъ, ихъ розлили водою.

—

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва ль не одинаки:
Послушать, — кажется, одна у нихъ душа,
А только кинь имъ кость, такъ что̀ твои собаки!

6.

Раздѣлъ.

Имѣя общій домъ и общую контору
Какіе то честные торгаши
Наторговали денегъ гору;
Окончили торги, и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,
Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
„Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ!"
Кричитъ одинъ изъ нихъ: „ступайте,

[1] Классическій примѣръ дружбы.

А счеты послѣ мы сведемъ!“
— „Мнѣ только тысячу мою сперва додайте“,
Шумитъ другой: —
„Я съ мѣста не сойду долой“.
— „Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счеты ясны!“
Еще одинъ кричитъ. — „Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны!
Да какъ, за что, и почему?“
Забывши, что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ до того шумѣли,
Что захватило ихъ въ дыму,
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

—

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что, чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей.

7.

Бочка.

Пріятель своего пріятеля просилъ,
Чтобъ Бочкою его дня на три онъ ссудилъ.
Услуга въ дружбѣ — вещь святая!
Вотъ, еслибъ дѣло шло о деньгахъ, рѣчь иная:
Тутъ дружба въ сторону, и можно бъ отказать;
А Бочки для чего не дать?
Какъ возвратилася она, тогда опять
Возить въ ней стали воду.
И все бы хорошо, да худо только въ томъ:
Та Бочка для вина брана откупщикомъ,
И настоялась такъ въ два дня она виномъ,
Что винный духъ пошелъ отъ ней во всемъ:
Квасъ, пиво ли сварятъ, ну даже и въ съѣстномъ.
Хозяинъ бился съ ней близъ году:

То выпаритъ, то ей провѣтриться даетъ;
Но чѣмъ ту Бочку ни нальетъ,
А винный духъ все вонъ нейдетъ;
И съ Бочкой, наконецъ, онъ принужденъ разстаться.

—

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться;
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться.

8.

Волкъ на псарнѣ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку.
Псари кричатъ: „ахти, ребята, воръ!“
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
„Огня!“ кричатъ: „огня!“ Пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры
Иначалъ такъ: „Друзья, къ чему весь этотъ шумъ?

Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я"...— „Послушай-ка, сосѣдъ",
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ: —
„Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой".
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

9.

Ручей.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
Услыша пастуха, Ручей журчитъ сердито:
„Рѣка несытая! что, еслибъ дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно, и открыто,
И всякій видѣлъ бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай бы, со стыда ты землю сквозь прорыла
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь водЪ,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла;
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки и каждаго кусточка!

Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро".
Такъ говорилъ Ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.
И что жъ? Не минуло недѣли,
Какъ туча ливная надъ ближнею горой
Разсѣлась:
Богатствомъ водъ Ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но, ахъ! куда въ Ручьѣ смиренность дѣлась!
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяетъ дубы:
Лишь трески слышны вдалекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

—

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало въ нихъ воды!

10.

Лисица и Сурокъ.

„Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?"
Лисицу спрашивалъ Сурокъ.
— „Охъ, мой голубчикъ-куманекъ!
Терплю напраслину, и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей,
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой,

Въ трудахъ куска не доѣдала,
Ночей не досыпала,
И я жъ за то подъ гнѣвъ подпала;
А все по клеветамъ. Ну, самъ подумай ты:
Кто жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы?
Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся!
Ну, видывалъ ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтобъ этому была причастна я грѣху?
Подумай, вспомни хорошенько".
— „Нѣтъ, кумушка; а видывалъ частенько,
Что рыльцо у тебя въ пуху".

—

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ:
И подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А смотришь, помаленьку
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но какъ не согрѣшишь, не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

11.

Прохожіе и Собаки.

Шли два пріятеля вечернею порой
И дѣльный разговоръ вели между собой;
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняжка тявкнула на нихъ;
За ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ Собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ было уже Прохожій камень взялъ.

„И, полно братецъ!“ тутъ другой ему сказалъ:
„Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю“.
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять —
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать.

—

Завистники, на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ да отстанутъ.

12.

Стрекоза и Муравей.

Попрыгунья Стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ, и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужъ не поетъ;
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный!
Злой тоской удручена,
Къ Муравью ползетъ она:
„Не оставь меня, кумъ милой!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!“

— „Кумушка, мнѣ странно это:
Да работала ль ты въ лѣто?“
Говоритъ ей Муравей.
— „До того ль, голубчикъ, было!
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило“.
— „А, такъ ты...“ — „Я безъ души
Лѣто цѣлое всё пѣла“.
— „Ты всё пѣла? это дѣло:
Такъ поди же, попляши!“

13.

Лжецъ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой то дворянинъ (а, можетъ быть, и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
„Нѣтъ“, говоритъ: — „что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ то прямо рай!
И вспомнишь, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо:
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ всё видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ,
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору“.

— „Что за диковина!“ пріятель отвѣчалъ: —
„На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду;
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
До половины не дойдетъ —
Провалится, и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ“.
—„А какова у васъ рѣка?“
— „Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ,
Вѣдь съ гору,—кажется, ты такъ сказалъ о немъ?“
— „Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ“.
— „Повѣрить трудно!
Однакожъ, какъ ни чудно,
А всё чудѣнъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ Лжеца никакъ не подымаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо“.
— „Ну, не такое еще диво;
Вѣдь, надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы;
Что тамъ за домы:
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть!“
— „Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,

Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однакожъ, мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...“
— „Послушай-ка“, тутъ перервалъ мой Лжецъ:—
„Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду“.

14.

Орелъ и Пчела.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

—

Увидя, какъ Пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ Орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
„Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка,
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ:
Да кто же послѣ разберетъ
И отличитъ твои работы?
Я, право, не пойму охоты
Трудиться цѣлый вѣкъ, и что жъ имѣть въ виду?
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду!
Какая разница межъ нами!
Когда, расширяся шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ,

Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться".
Пчела отвѣтствуетъ: „Тебѣ хвала и честь!
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть".

15.

Заяцъ на ловлѣ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;
На чистомъ полѣ задавили
И дѣлятъ межъ собой,
Кто что себѣ достанетъ;
А Заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ.
„Ба, ты, косой",
Кричатъ ему: „пожаловалъ отколѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ".
— „Вотъ, братцы!" Заяцъ отвѣчалъ:
„Да изъ лѣсу то кто жъ?—все я его пугалъ,
И къ вамъ поставилъ прямо въ поле
Сердечнаго дружка! "
Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно,
Но показалось такъ забавно,
Что Зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.

—

Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

16.

Щука и Котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

—

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ;
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.
„Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?“
Сталъ Щукѣ Васька говорить:
„Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится“.
— „И, полно, куманекъ! Вотъ нѣвидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей“.
— „Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!“ Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ, видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

17.
Волкъ и Кукушка.

„Прощай, сосѣдка!“ Волкъ Кукушкѣ говорилъ:—
„Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!
Все тѣ жъ у васъ и люди, и собаки:
Одинъ другого злѣй; и хоть ты ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки“.
— „А далеко ль сосѣду путь?
И гдѣ такой народъ благочестивый,
Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу?“
— „О, я прямехонько иду
Въ лѣса Аркадіи счастливой.
Сосѣдка, то-то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война;
Какъ агнцы, кротки человѣки,
И молокомъ текутъ тамъ рѣки;
Ну, словомъ, царствуютъ златыя времена!
Какъ братья, всѣ другъ съ другомъ поступаютъ,
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.
Скажи жъ сама, голубка, мнѣ,
Не мило ль, даже и во снѣ,
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости! не поминай насъ лихомъ!
Ужъ то-то тамъ мы заживемъ —
Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ!
Не такъ, какъ здѣсь: ходи съ оглядкой днемъ,
И не засни спокойно на ночлегѣ“.
— „Счастливый путь, сосѣдъ мой дорогой!“

Кукушка говоритъ:—„а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возьмешь съ собой?“
— „Ужъ кинуть, вздоръ какой!“
— „Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы“.

—

Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:
Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернется,
А первый самъ ни съ кѣмъ не уживется.

18.

Пѣтухъ и Жемчужное Зерно.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ Жемчужное Зерно,
И говоритъ: „Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнятъ!
А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно“.

—

Невѣжи судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

19.

Крестьянинъ и Работникъ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:

Всѣ взапуски его цѣнятъ,
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

—

Старикъ-Крестьянинъ съ Батракомъ
Шелъ подъ вечеръ, лѣскомъ,
Домой, въ деревню, съ[1] сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ Крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И, гдѣ бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику.
„Степанушка родной, не выдай, милой!“
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился Батраку.
Вотъ, новый Геркулесъ[2], со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ, и замертво упалъ:
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; Крестьянинъ всталъ,
И онъ же Батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
„Помилуй“ говоритъ:—„за что?“—„За что, болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!“

20.
Обозъ.

Съ горшками шелъ Обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.

Въ подл. „къ“ — несомнѣнная опечатка.
Силачъ, богатырь.

Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
„Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится, какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо! криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро бы было въ гору
Или въ ночную пору,
А то и по̀дъ-гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!“
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только по̀дъ-гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ;
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ— бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

—

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

———

21.

Вороненокъ.

Орелъ
Изъ-подъ небесъ на стадо налетѣлъ
И выхватилъ ягненка;
А вòронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ.
Взманило это Вороненка,
Да только думаетъ онъ такъ: „ужъ брать, такъ брать,
А то и когти что марать!
Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты;
Ну, только ль въ стадѣ что ягняты?
Вотъ я, какъ захочу
Да налечу,
Такъ царскій подлинно кусочекъ подхвачу!“
Тутъ Воронъ поднялся надъ стадомъ,
Окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ:
Изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ
Высматривалъ, сличалъ, и выбралъ, наконецъ,
Барана, да какого?
Прежирнаго, прематерого,
Который доброму бъ и волку былъ въ подъемъ.
Изладясь, на него спустился,
И въ шерсть ему, что силы есть, вцѣпился.
Тогда то онъ узналъ, что дòбычь не по немъ,
Что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ
Тулупъ такой былъ прекосматый,
Густой, всклокоченный, хохлатый,
Что изъ него когтей не вытеребилъ вонъ
Затѣйникъ нашъ крылатый,
И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ,
Съ барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы онъ не могъ летать,
Ему всѣ крылья окорнали,
И дѣтямъ отдали играть.

—

Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ,
Коль мелкій плутъ
Большому плуту подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.

22.

Слонъ на воеводствѣ.

Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

—

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ Слонъ.
Хоть, кажется, слоновъ и умная порода,
Однако же въ семьѣ не безъ урода:
Нашъ Воевода
Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ умыслу онъ мухи не обидитъ.
Вотъ добрый Воевода видитъ:
Вступило отъ овецъ прошеніе въ Приказъ:
„Что волки-де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ“.
—„О плуты!“ Слонъ кричитъ:—„какое преступленье!
Кто грабить далъ вамъ позволенье?“
А волки говорятъ: „Помилуй, нашъ отецъ!
Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ овецъ?
А что онѣ кричатъ, такъ овцы глупы:
Всего то придетъ съ нихъ съ сестры по шкуркѣ снять,
Да и того имъ жаль отдать“.
—„Ну то-то жъ!“ говоритъ имъ Слонъ:—„смотрите!
Неправды я не потерплю ни въ комъ:
По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите;
А больше ихъ не троньте волоскомъ“

23.

Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья
И говоритъ ему: „послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ль подлинно твое умѣнье?“
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры[1];
Затихли вѣтерки замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
„Изрядно“, говоритъ:—„сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился“.
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и — полетѣлъ за тридевять полей.

—

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!

Конецъ второй книги.

---

[1] Утренняя заря.

Книга третья.

1.

Откупщикъ и Сапожникъ.

Богатый Откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ,
Ѣлъ сладко, вкусно пилъ;
По всякій день давалъ пиры, банкеты;
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и винъ, чего ни пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ край,
И, словомъ, кажется, въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь Откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужъ Божьяго ль боится онъ суда,
Иль, просто, труситъ раззориться,
Да только все ему не крѣпко какъ то спится.
А, сверхъ того, хоть иногда
Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда:
Богъ далъ ему пѣвца, сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ
Сапожникъ, но такой пѣвунъ и весельчакъ,
Что съ утренней зари и до обѣда,
Съ обѣда до ночи безъ умолку поетъ,
И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ.
Какъ быть и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобъ отъ пѣнья его отвадить?

Велѣть молчать: такъ власти нѣтъ;
Просилъ: такъ просьба не беретъ.
Придумалъ, наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ.
Пришелъ сосѣдъ.
„Пріятель дорогой, здорово!“
— „Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово“.
— „Ну, что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?“
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ).
— „Дѣлишки, баринъ? Да не худо!“
— „Такъ оттого то ты такъ веселъ, такъ поешь?
Ты, стало, счастливо живешь?“
— „На Бога грѣхъ роптать, и что жъ за чудо?
Работою заваленъ я всегда;
Хозяйка у меня добра и молода:
А съ доброю женой, кто этого не знаетъ,
Живется какъ то веселѣй“.
— „И деньги есть?“—„Ну, нѣтъ, хоть лишнихъ не бываетъ,
Зато нѣтъ лишнихъ и затѣй“.
— „Итакъ, мой другъ, ты быть богаче не желаешь?“
— „Я этого не говорю;
Хоть Бога и за то, что есть, благодарю;
Но самъ ты, баринъ, знаешь,
Что человѣкъ, пока живетъ,
Все хочетъ болѣе: таковъ ужъ здѣшній свѣтъ.
Я чай, вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало;
И мнѣ бы быть богатѣй не мѣшало“.
— „Ты дѣло говоришь, дружокъ:
Хоть при богатствѣ намъ есть также непріятства,
Хоть говорятъ, что бѣдность не порокъ,
Но все ужъ коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства.
Возьми же, вотъ тебѣ рублевиковъ мѣшокъ:
Ты мнѣ за правду полюбился.
Поди: дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,
И къ нуждѣ ихъ ты береги!
Пятьсотъ рублей тутъ вѣрнымъ счетомъ.

Прощай!“ Сапожникъ мой,
Схватя мѣшокъ, скорѣй домой
Не бѣгомъ, лѣтомъ.
Примчалъ гостинецъ подъ полой,
И той же ночи въ подземельѣ
Зарылъ мѣшокъ—и съ нимъ свое веселье!
Не только пѣсенъ нѣтъ, куда дѣвался сонъ
(Узналъ безсонницу и онъ!);
Все подозрительно, и все его тревожитъ;
Чуть ночью кошка заскребетъ,
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ:
Похолодѣетъ весь, и ухо онъ приложитъ.
Ну, словомъ, жизнь пошла, хоть кинуться въ рѣку.
Сапожникъ бился, бился,
И, наконецъ, за умъ хватился:
Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ Откупщику,
И говоритъ: „Спасибо на пріятствѣ!
Вотъ твой мѣшокъ, возьми его назадъ:
Я до него не зналъ, что худо спятъ.
Живи ты при своемъ богатствѣ;
А мнѣ, за пѣсни и за сонъ,
Не надобенъ и милліонъ“.

2.

Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ Крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть и, на просторѣ,
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ:
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по-міру поди съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!

Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
„Нельзя ли“, говоритъ,—„помочь бѣдѣ моей?“
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ,
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: „Эхъ, свѣтъ!
Не надобно былò тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ“.
Сватъ Климычъ говоритъ: „Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить“.
— „Эхъ, братцы, это все не такъ“
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
„Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ Жучки; я бы радъ сосѣда дорогого
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить“.
И словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

—

На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямь;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ, и глухъ.

3.

Хозяинъ и Мыши.

Коль въ домѣ станутъ воровать,
А нѣтъ прилики вору,

То берегись клепать,
Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору:
Ты вора этимъ не уймешь
И не исправишь,
А только добрыхъ слугъ съ двора бѣжать заставишь,
И отъ меньшой бѣды въ большую попадешь.

—

Купчина выстроилъ амбары,
И въ нихъ поклалъ съѣстные всѣ товары;
А чтобъ мышиный родъ ему не навредилъ,
Такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ.
Спокоенъ отъ Мышей Купчина;
По кладовымъ и день и ночь дозоръ;
И все бы хорошо, да сдѣлалась причина:
Въ дозорныхъ появился воръ.
У кошекъ, какъ у насъ (кто этого не знаетъ?),
Не безъ грѣха въ надсмотрщикахъ бываетъ.
Тутъ, чѣмъ бы вора подстеречь
И наказать его, а правыхъ поберечь,
Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
Услыша приговоръ такой замысловатый,
И правый тутъ, и виноватый
Скорѣй съ двора долой.
Безъ кошекъ сталъ Купчина мой;
А Мыши лишь того и ждали, и хотѣли:
Лишь кошки вонъ, онѣ — въ амбаръ,
И въ двѣ иль три недѣли
Поѣли весь товаръ.

———

4.

Слонъ и Моська.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно, на показъ.
Извѣстно, что Слоны въ диковинку у насъ, —

Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, навстрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
„Сосѣдка, перестань срамиться“,
Ей шафка говоритъ: „тебѣ ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ“.
— Эхъ, эхъ!“ ей Моська отвѣчаетъ:
„Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на Слона!“

5.

Волкъ и Волченокъ.

Волченка Волкъ, начавъ помалу пріучать
Отцовскимъ промысломъ питаться,
Послалъ его опушкой прогуляться;
А между тѣмъ велѣлъ прилежнѣй примѣчать,
Нельзя ль гдѣ счастья имъ отвѣдать,
Хоть, захватя грѣха,
На счетъ бы пастуха
Позавтракать иль пообѣдать.
Приходитъ ученикъ домой
И говоритъ: „Пойдемъ скорѣй со мной!
Обѣдъ готовъ; ничто не можетъ быть вѣрнѣе:
Тамъ подъ горой
Пасутъ овецъ, одна другой жирнѣе;
Любую стоитъ лишь унесть
И съѣсть;

А стадо таково, что трудно перечесть".
— „Постой-ка", Волкъ сказалъ: „сперва мнѣ вѣдать надо,
Каковъ пастухъ у стада?
— „Хоть говорятъ, что онъ
Не плохъ, заботливъ и уменъ;
Однако стадо я обшелъ со всѣхъ сторонъ
И высмотрѣлъ собакъ: онѣ совсѣмъ не жирны
И плохи, кажется, и смирны".
— „Меня такъ этотъ слухъ",
Волкъ старый говоритъ, „не очень къ стаду манитъ;
Коль подлинно не плохъ пастухъ,
Такъ онъ плохихъ собакъ держать не станетъ.
Тутъ тотчасъ попадешь въ бѣду!
Пойдемъ-ка, я тебя на стадо наведу,
Гдѣ сбережемъ вѣрнѣй мы наши шкуры:
Хотя при стадѣ томъ и множество собакъ,
Да самъ пастухъ дуракъ;
А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры".

6.

Обезьяна.

Какъ хочешь, ты трудись;
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.

—

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился:
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился;
Мужикъ работникъ былъ прямой.
Зато, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: „спасибо, исполать!"

Мартышку это въ зависть вводитъ:
Хвалы приманчивы — какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И, наконецъ, она, пыхтя, насилу дышитъ;
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

7.

Мѣшокъ.

Въ прихожей на полу,
Въ углу,
Пустой мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался;
Какъ вдругъ
Мѣшокъ нашъ въ честь попался,
И, весь червонцами набитъ,
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежитъ.
Хозяинъ самъ его лелѣетъ,
И бережетъ Мѣшокъ онъ такъ,
Что на него никакъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха сѣсть не смѣетъ;
А, сверхъ того, съ Мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ:
Пріятель ли къ хозяину приходитъ,
Охотно о Мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ;
А ежели Мѣшокъ открытъ,
То всякій на него умильно такъ глядитъ;

Когда же кто къ нему подсядетъ,
То вѣрно ужъ его потреплетъ иль погладитъ.
Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести,
Мѣшокъ завеличался,
Заумничалъ, зазнался;
Мѣшокъ заговорилъ, и началъ вздоръ нести;
О всемъ и рядитъ онъ, и судитъ:
И то не такъ,
И тотъ дуракъ,
И изъ того то худо будетъ.
Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ
Хоть онъ такую дичь несетъ,
Что уши вянутъ;
Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,
Что имъ съ червонцами Мѣшокъ
Что̀ ни скажи, всему дивиться станутъ.
Но долго ль былъ Мѣшокъ въ чести, и слылъ съ умомъ,
И долго ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы потаскали;
А тамъ онъ выброшенъ, и слуху нѣтъ о немъ.

—

Мы басней никого обидѣть не хотѣли;
Но сколько есть такихъ Мѣшковъ
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли;
Иль между игроковъ,
Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ, пополамъ съ грѣхомъ, богаты стали;
Съ которыми теперь и графы, и князья —
Друзья;
Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ запросто въ бостонъ [1]!
Велико дѣло — милліонъ!

[1] Карточная игра.

Однакоже, друзья, вы столько не гордитесь!
Сказать ли правду вамъ тишкомъ?
Не дай Богъ, если раззоритесь:
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ Мѣшкомъ.

8.

Котъ и Поваръ.

Какой то Поваръ, грамотей,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька-Котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
„Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!“
Тутъ Ваську Поваръ укоряетъ: —
„Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?
(А Васька все-таки курченка убираетъ).
Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ,
А ты ... ахти, какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
„Котъ-Васька плутъ! котъ-Васька воръ!
И Ваську-де не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню:
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!“
(А Васька слушаетъ да ѣстъ).
Тутъ риторъ[1] мой, давъ волю словъ теченью,

---

[1] Ораторъ, краснобай.

Не находилъ конца нравоученью.
Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ-Васька все жаркое съѣлъ.

—

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить:
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по—пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

9.

Левъ и Комаръ.

Безсильному не смѣйся,
И слабаго обидѣть не моги!
Мстятъ сильно иногда безсильные враги;
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся!
Послушай басню здѣсь о томъ,
Какъ больно Левъ за спесь наказанъ Комаромъ.
Вотъ что о томъ я слышалъ стороною:
Сухое къ Комару явилъ презрѣнье Левъ:
Зло взяло Комара: обиды не стерпѣвъ,
Собрался, поднялся Комаръ на Льва войною.
Самъ ратникъ, самъ трубачъ, пищитъ во всю гортань,
И вызываетъ Льва на смертоносну брань.
Льву смѣхъ, но нашъ Комаръ не шутитъ;
То съ тылу, то въ глаза, то въ уши Льву онъ трубитъ,
И, мѣсто высмотрѣвъ и время улуча,
Орломъ на Льва спустился
И Льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ впился.
Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на трубача.
Увертливъ нашъ Комаръ, да онъ же и не труситъ!
Льву сѣлъ на самый лобъ, и Львину кровь сосетъ.

Левъ голову крутитъ, Левъ гривою трясетъ;
Но нашъ герой свое несетъ:
То въ носъ забьется Льву, то въ ухо Льва укуситъ.
Вздурился Левъ,
Престрашный поднялъ ревъ,
Скрежещетъ въ ярости зубами,
И землю онъ деретъ когтями.
Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ.
Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей; все кроется, бѣжитъ;
Отколь у всѣхъ взялися ноги,
Какъ будто бы пришелъ потопъ или пожаръ!
И кто жъ? Комаръ
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги!
Рвался, метался Левъ и, выбившись изъ силъ,
О землю грянулся и миру запросилъ.
Насытилъ злость Комаръ; Льва жалуетъ онъ миромъ:
Изъ Ахиллеса[1] вдругъ становится Омиромъ[2],
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

10.

Огородникъ и Философъ.

Весной въ своихъ грядахъ такъ рылся Огородникъ,
Какъ будто бы хотѣлъ онъ вырыть кладъ:
Мужикъ ретивый былъ работникъ,
И дюжъ, и свѣжъ на взглядъ;
Подъ огурцы одни онъ взрылъ съ полсотни грядъ.
Дворъ обо дворъ съ нимъ жилъ охотникъ
До огородовъ и садовъ,
Великій краснобай, названный другъ природы,
Недоученный Философъ,
Который лишь изъ книгъ болталъ про огороды;

---

1 Изъ героя — пѣвцомъ, восхвалявшимъ героевъ.
2 Гомеромъ.

Однакожъ, за своимъ онъ вздумалъ самъ ходить,
И тоже огурцы садить;
А между тѣмъ смѣялся такъ сосѣду:
„Сосѣдъ, какъ хочешь, ты потѣй,
А я съ работою моей
Далеко отъ тебя уѣду;
И огородъ твой при моемъ
Казаться будетъ пустыремъ.
Да, правду говорить, я и тому дивился,
Что огородишко твой кое-какъ идетъ.
Какъ ты еще не раззорился?
Ты, чай, вѣдь никакимъ наукамъ не учился?“
— „И некогда“, сосѣда былъ отвѣтъ: —
„Прилежность, навыкъ, руки,
Вотъ всѣ мои тутъ и науки:
Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ даетъ“.
— „Невѣжа! возставать противъ наукъ ты смѣешь?“
— „Нѣтъ, баринъ, не толкуй моихъ такъ криво словъ:
Коль ты что путное затѣешь,
Я перенять всегда готовъ“.
„А вотъ, увидишь ты, лишь лѣта бъ намъ дождаться“...
„Но, баринъ, не пора ль за дѣло приниматься?
Ужъ я кой-что посѣялъ, посадилъ,
А ты и грядъ еще не взрылъ“.
— „Да, я не взрылъ, за недосугомъ:
Я все читалъ
И вычиталъ,
Чѣмъ лучше: заступомъ ихъ взрыть, сохой иль плугомъ;
Но время еще не уйдетъ“.
— „Какъ васъ, а насъ оно не очень ждетъ“,
Послѣдній отвѣчалъ,—и тутъ же съ нимъ разстался,
Взявъ заступъ свой;
А Философъ пошелъ домой,
Читалъ, выписывалъ, справлялся,
И въ книгахъ рылся, и въ грядахъ,

Съ утра до вечера въ трудахъ.
Едва съ одной работой сладитъ,
Чуть на грядахъ лишь что взойдетъ:
Въ журналахъ новость онъ найдетъ —
Все перероетъ, пересадитъ
На новый ладъ и образецъ.
Какой же вылился конецъ?
У Огородника взошло все и поспѣло:
Онъ съ прибылью, и въ шляпѣ дѣло;
А Философъ—
Безъ огурцовъ.

11.

Крестьянинъ и Лисица.

„Скажи мнѣ, кумушка, что у тебя за страсть
Куръ красть?“
Крестьянинъ говоритъ Лисицѣ, встрѣтясь съ нею.
„Я, право, о тебѣ жалѣю!
Послушай, мы теперь вдвоемъ,
Я правду всю скажу: вѣдь въ ремеслѣ твоемъ
Ни на волосъ добра не видно.
Не говоря уже, что красть и грѣхъ, и стыдно,
И что бранитъ тебя весь свѣтъ;
Да дня такого нѣтъ,
Чтобъ не боялась ты, за ужинъ иль обѣдъ,
Въ курятникѣ оставить шкуры!
Ну, стоютъ ли того всѣ куры?“
— „Кому такая жизнь сносна!“
Лисица отвѣчаетъ:
„Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,
Что даже мнѣ и пища не вкусна.
Когда бъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!
Да что же дѣлать? Нужда, дѣти;
Притомъ же иногда, голубчикъ-кумъ,

И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ,
Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно острый ножъ".
— „Ну, что жъ?"
Крестьянинъ говоритъ:—„коль вправду ты не лжешь,
Я отъ грѣха тебя избавлю,
И честный хлѣбъ тебѣ доставлю;
Наймись курятникъ мой отъ лисъ ты охранять:
Кому, какъ не Лисѣ, всѣ лисьи плутни знать?
Зато ни въ чемъ не будешь ты нуждаться,
И станешь у меня, какъ въ маслѣ сыръ, кататься".
Торгъ слаженъ, и съ того жъ часа
Вступила въ караулъ Лиса.
Пошло у мужика житье Лисѣ привольно;
Мужикъ богатъ, всего Лисѣ довольно;
Лисица стала и сытѣй,
Лисица стала и жирнѣй,
Но все не сдѣлалась честнѣй:
Некраденый кусокъ пріѣлся скоро ей;
И кумушка тѣмъ службу повершила,
Что, выбравъ ночку потемнѣй,
У куманька всѣхъ куръ передушила.

—

Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ;
А вору дай хоть милліонъ —
Онъ воровать не перестанетъ.

12.

Воспитаніе Льва.

Льву, Кесарю лѣсовъ, Богъ сына даровалъ.
Звѣриную вы знаете породу:
У нихъ, не какъ у насъ; у насъ ребенокъ году,

Хотя бъ онъ царскій былъ, и глупъ, и слабъ, и малъ,
А годовалый Львенокъ
Давно ужъ вышелъ изъ пеленокъ.
Такъ къ году Левъ-отецъ не шуткой думать сталъ,
Чтобы сынка невѣжей не оставить,
Въ немъ царску честь не уронить,
И чтобъ, когда сынку придется царствомъ править,
Не сталъ бы за сынка народъ отца бранить.
Кого жъ бы попросить, нанять или заставить
Царевича Царемъ на выучку поставить?
Отдать его Лисѣ? Лиса умна,
Да лгать великая охотница она;
А со лжецомъ во всякомъ дѣлѣ мука:
Такъ это, думалъ Царь, не царская наука.
Отдать Кроту? О немъ молва была,
Что онъ во всемъ большой порядокъ любитъ:
Безъ ощупи шага не ступитъ,
И всякое зерно для своего стола
Онъ самъ и чиститъ, самъ и лупитъ;
И словомъ, слава шла,
Что Кротъ великій звѣрь на малыя дѣла;
Бѣда лишь, подъ носомъ глаза Кротовы зорки,
Да вдаль не видятъ ничего;
Порядокъ же Кротовъ хорошъ, да для него;
А царство Львиное гораздо больше норки.
Не взять ли Барса? Барсъ отваженъ и силенъ;
А, сверхъ того, великій тактикъ [1] онъ;
Да Барсъ политики не знаетъ,
Гражданскихъ правъ совсѣмъ не понимаетъ:
Какіе жъ царствовать уроки онъ подастъ?
Царь долженъ быть судья, министръ и воинъ;
А Барсъ лишь рѣзаться гораздъ;
Такъ и дѣтей учить онъ царскихъ не достоинъ.
Короче: звѣри всѣ и даже самый слонъ,
Который былъ въ лѣсахъ почтенъ,

[1] Хорошо знаетъ военный строй.

Какъ въ Греціи Платонъ[1],
Льву все еще казался не уменъ
И не ученъ.
По счастью или нѣтъ (увидимъ это вскорѣ),
Услышавъ про царево горе,
Такой же царь, пернатыхъ царь, Орелъ,
Который велъ
Со Львомъ пріязнь и дружбу,
Для друга сослужить большую взялся службу,
И вызвался самъ Львенка воспитать.
У Льва, какъ гору съ плечъ, свалило.
И подлинно: чего, казалось, лучше было,
Царевичу царя въ учители сыскать?
Вотъ Львенка снарядили
И отпустили
Учиться царствовать къ Орлу.
Проходитъ годъ и два; межъ тѣмъ, кого ни спросятъ,
О Львенкѣ ото всѣхъ лишь слышатъ похвалу:
Всѣ птицы чудеса о немъ въ лѣсахъ разносятъ.
И, наконецъ, приходитъ срочный годъ,
Царь-Левъ за сыномъ шлетъ.
Явился сынъ; тутъ царь сбираетъ весь народъ,
И малыхъ, и большихъ сзываетъ;
Сынка цѣлуетъ, обнимаетъ
И говоритъ ему онъ такъ: „Любезный сынъ,
По мнѣ наслѣдникъ ты одинъ;
Я въ гробъ уже гляжу, а ты лишь въ свѣтъ вступаешь;
Такъ я тебѣ охотно царство сдамъ,
Скажи теперь при всѣхъ лишь намъ,
Чему ученъ ты, что ты знаешь,
И какъ ты свой народъ счастливымъ сдѣлать чаешь?“
— „Папа“, отвѣтствовалъ сынокъ: — „я знаю то,
Чего не знаетъ здѣсь никто;
И отъ Орла до Перепелки,

[1] Какъ мудрецъ, философъ.

Какой гдѣ птицѣ болѣ водъ,
Какая чѣмъ изъ нихъ живетъ,
Какія яица несетъ,
И птичьи нужды всѣ сочту вамъ до иголки!
Вотъ отъ учителей тебѣ мой аттестатъ:
У птицъ недаромъ говорятъ,
Что я хватаю съ неба звѣзды;
Когда жъ намѣренъ ты правленье мнѣ вручить,
То я тотчасъ начну звѣрей учить
Вить гнѣзды".
Тутъ ахнулъ царь и весь звѣриный свѣтъ;
Повѣсилъ головы Совѣтъ,
А Левъ-старикъ поздненько спохватился,
Что Львенокъ пустякамъ учился,
И не добро онъ говоритъ:
Что пользы нѣтъ большой тому знать птичій бытъ,
Кого звѣрьми владѣть поставила природа,
И что важнѣйшая наука для царей:
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

13.

Старикъ и трое молодыхъ.

Старикъ садить сбирался деревцо.
„Ужъ пусть бы строиться; да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта!"
Такъ, Старику смѣясь въ лицо,
Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали.
„Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали,
То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ.
Неужли будешь ты второй Маѳусаилъ[1]?

---

[1] Библейскій патріархъ, прожившій 969 лѣтъ.

Оставь, старинушка, свои работы:
Тебѣ ли затѣвать толь дальніе разсчеты?
Едва ли для тебя текущій вѣренъ часъ!
Такіе замыслы простительны для насъ;
Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью, и силой,
А старику пора знакомиться съ могилой".
— „Друзья!" смиренно имъ отвѣтствуетъ Старикъ:—
„Изъ дѣтства я къ трудамъ привыкъ;
А если отъ того, что̀ дѣлать начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю,
То, признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь.
Кто добръ, не все лишь для себя трудится.
Сажая деревцо, и тѣмъ я веселюсь,
Что если отъ него самъ тѣни не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится:
И это для меня ужъ плодъ.
Да можно ль и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ?
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лицъ?
Ахъ, въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!
Кто знаетъ: можетъ быть, что вашъ и ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ".
Какъ имъ сказалъ Старикъ, такъ послѣ то и было.
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ;
Надеждой счастіе сперва ему польстило,
Но бурею корабль разбило:
Надежду и пловца—все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власти,
За роскошь, нѣгу и за страсти,
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А третій въ жаркій день холоднаго испилъ
И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до смерти залѣчили.

Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ добрый Старичокъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

14.

Дерево.

Увидя, что топоръ крестьянинъ несъ,
„Голубчикъ“, Деревцо сказало молодое: —
„Пожалуй, выруби вокругъ меня ты лѣсъ;
Я не могу расти въ покоѣ;
Ни солнца мнѣ не виденъ свѣтъ,
Ни для корней моихъ простору нѣтъ,
Ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы:
Такіе надо мной онъ сплесть изволилъ своды!
Когда бъ не отъ него расти помѣха мнѣ,
Я въ годъ бы сдѣлалась красою сей странѣ,
И тѣнью бы моей покрылась вся долина;
А нынѣ тонко я, почти какъ хворостина“.
Взялся крестьянинъ за топоръ,
И Дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ Деревца большой очистился просторъ;
Но торжество его недолго было!
То солнцемъ Дерево печетъ,
То градомъ, то дождемъ сѣчетъ,
И вѣтромъ, наконецъ, то Деревцо сломило.
„Безумное!“ ему сказала тутъ змѣя: —
„Не отъ тебя ль бѣда твоя?
Когдабъ, укрытое въ лѣсу, ты возрастало,

Тебѣ бъ вредить ни зной, ни вѣтры не могли:
Тебя бы старыя деревья берегли;
А еслибъ нѣкогда деревьевъ тѣхъ не стало,
И время ихъ бы отошло,
Тогда, въ свою чреду, ты столько бъ возросло,

Усилилось и укрѣпилось,
Что нынѣшней бѣды съ тобой бы не случилось,
И бурю, можетъ быть, ты бъ выдержать могло!“

15.

Гуси.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
„Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ Гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ; [1]
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!“
— „А вы хотите быть за что отличены?“
Спросилъ прохожій ихъ. — „Да наши предки ...“ —
„Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?“
— „Да наши предки Римъ спасли!“ [1]

---

[1] Гуси своимъ крикомъ обратили вниманіе на прокрадывавшихся ночью къ Капитолію враговъ (Галловъ) и тѣмъ предупредили его взятіе.

— „Все такъ, да вы что сдѣлали такое?“
— „Мы? Ничего!“—„Такъ что жъ и добраго въ васъ
есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по-дѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое“.

—

Баснь эту можно бы и болѣ пояснить,
Да чтобъ гусей не раздразнить.

16.

Свинья.

Свинья на барскій дворъ когда то затесалась;
Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонь наслонялась;
Въ сору, въ навозѣ извалялась;
Въ помояхъ по уши досыта накупалась;
И изъ гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
„Ну, что жъ, Хавронья, тамъ ты видѣла такого?“
Свинью спросилъ пастухъ: —
„Вѣдь йдетъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ,
А въ домѣ такъ одно богатѣе другого?“
Хавронья хрюкаетъ: „ну, право, порютъ вздоръ.
Я не примѣтила богатства никакого:
Все только лишь навозъ да соръ;
А, кажется, ужъ не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ“.

—

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть!
Но какъ же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худое видѣть?

17.

Муха и дорожные.

Въ Іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ[1]
Тащился.
Кони измучились, и, кучеръ какъ ни бился,
Пришло хоть стать. Слѣзаетъ съ козелъ онъ,
И лошадей, мучитель,
Съ лакеемъ въ два кнута тиранитъ съ двухъ сторонъ;
А легче нѣтъ. Ползутъ изъ колымаги[2] вонъ
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель.
Но, знать, рыдванъ былъ плотно нагруженъ,
Что лошади, хотя его тронули,
Но въ гору по песку едва-едва тянули.
Случись тутъ Мухѣ быть. Какъ горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокругъ повозки суетится:
То подъ носомъ юлитъ у коренной,
То лобъ укуситъ пристяжной,
То, вмѣсто кучера, на козлы вдругъ садится;
Или, оставя лошадей,
И вдоль, и поперекъ шныряетъ межъ людей;
Ну, словно откупщикъ на ярмаркѣ, хлопочетъ,
И только плачется на то,
Что ей ни въ чемъ, никто
Никакъ помочь не хочетъ.
Гуторя слуги вздоръ, плетутся вслѣдъ шажкомъ;
Учитель съ барыней шушукаютъ тишкомъ;
Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ,
Ушелъ съ служанкой въ боръ искать грибовъ на ужинъ:
И Муха всѣмъ жужжитъ, что только лишь она

---

[1] Старинный экипажъ, тяжелый и неуклюжій.
[2] Старинный тяжелый экипажъ для продолжительныхъ путешествій.

О всемъ заботится одна.
Межъ тѣмъ лошадушки, шагъ-за-шагъ, понемногу
Встащилися на ровную дорогу.
„Ну!“, Муха говоритъ: — „теперя слава Богу!
Садитесь по мѣстамъ, и добрый всѣмъ вамъ путь,
А мнѣ ужъ дайте отдохнуть:
Меня насилу крылья носятъ“.

—

Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые вездѣ хотятъ себя приплесть,
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

18.

Орелъ и Паукъ.

За облака Орелъ
На верхъ Кавказскихъ горъ поднялся;
На кедрѣ тамъ столѣтнемъ сѣлъ,
И зримымъ подъ собой пространствомъ любовался.
Казалось, что оттоль онъ видѣлъ край земли:
Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли;
Здѣсь рощи и луга цвѣли
Во всемъ весеннемъ ихъ уборѣ;
А тамъ сердитое Каспійско море,
Какъ вóрона крыло, чернѣлося вдали.
„Хвала тебѣ, Зевесъ, что, управляя свѣтомъ,
Ты разсудилъ меня снабдить такимъ полетомъ,
Что неприступной я не знаю высоты“,
Орелъ къ Юпитеру взываетъ: —
„И что смотрю оттоль на міра красоты,
Куда никто не залетаетъ“.
— „Какой же ты хвастунъ, какъ погляжу!“
Паукъ ему тутъ съ вѣтки отвѣчаетъ: —
Да ниже ль я тебя, товарищъ, здѣсь сижу?“
Орелъ глядитъ: и подлинно, Паукъ,
Надъ самымъ имъ раскинувъ сѣть вокругъ,

На вѣточкѣ хлопочетъ,
И, кажется, Орлу заткать онъ солнце хочетъ.
„Ты какъ на этой высотѣ?“
Спросилъ Орелъ: — „и тѣ,
Которые полетъ отважнѣйшій имѣютъ,
Не всѣ сюда пускаться смѣютъ;
А ты безъ крылъ и слабъ; неужли ты доползъ?“
— „Нѣтъ, я бъ на это не рѣшился“.
— „Да какъ же здѣсь ты очутился?“
— „Да я къ тебѣ же прицѣпился.
И снизу на хвостѣ ты самъ меня занесъ;
Но здѣсь и безъ тебя умѣю я держаться;
И такъ передо мной прошу не величаться,
И знай, что я“ ... Тутъ вихрь, отколѣ ни возьмись,
И сдунулъ Паука опять на самый низъ.

—

Какъ вамъ, а мнѣ такъ кажутся похожи
На этакихъ нерѣдко Пауковъ
Тѣ, кои безъ ума и даже безъ трудовъ,
Тащатся вверхъ, держась за хвостъ вельможи
А надуваютъ грудь,
Какъ будто бъ силою ихъ Богъ снабдилъ орлиной:
Хоть стоитъ вѣтру лишь пахнуть,
Чтобъ ихъ унесть и съ паутиной.

19.

Лань и Дервишъ [1].

Младая Лань, своихъ лишась любезныхъ чадъ,
Еще сосцы млекомъ имѣя отягченны,
Нашла въ лѣсу двухъ малыхъ волченятъ,
И стала выполнять долгъ матери священный,
Своимъ питая ихъ млекомъ.

[1] Мусульманскій отшельникъ.

Въ лѣсу живущій съ ней одномъ
Дервишъ, ея поступкомъ изумленный,
„О безразсудная!“ сказалъ: — „къ кому любовь,
Кому свое ты млеко расточаешь?
Иль благодарности отъ ихъ ты роду чаешь?
Быть можетъ, нѣкогда (иль злости ихъ не знаешь?)
Они прольютъ твою же кровь“.
„Быть можетъ“, Лань на это отвѣчала: —
„Но я о томъ не помышляла,
И не желаю помышлять;
Мнѣ чувство матери одно теперь лишь мило,
И молоко мое меня бы тяготило,
Когда бъ не стала я питать“.

—

Такъ истинная благость
Безъ всякой мзды добро творитъ:
Кто добръ, тому избытки въ тягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлитъ.

20.

Собака.

У барина была Собака шаловлива,
Хоть нужды не было Собакѣ той ни въ чемъ.
Иная бы такимъ житьемъ
Была довольна и счастлива,
И не подумала бы красть;
Но ужъ у ней была такая страсть:
Что изъ мясного ни достанетъ,
Въ минуту стянетъ.
Хозяинъ сладить съ ней не могъ,
Какъ онъ ни бился,
Пока его пріятель не вступился.
И въ томъ ему совѣтомъ не помогъ.
„Послушай“, говоритъ: — „хоть, кажется, ты строгъ,

Но ты лишь красть Собаку пріучаешь,
Затѣмъ, что краденый кусокъ
Всегда ей оставляешь;
А ты ее впередъ хоть меньше бей,
Да кражу отнимай у ней".
Едва лишь на себѣ Собака испытала
Совѣтъ разумный сей, —
Шалить Собака перестала.

21.

Орелъ и Кротъ.

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

—

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, Орелъ съ Орлицею вдвоемъ
Задумали навѣкъ остаться въ немъ,
И, выбравши вѣтвистый дубъ, высокой,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша Кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ,
И скоро, можетъ быть, свалится;
Такъ, чтобъ Орелъ гнѣзда на немъ не вилъ.
Но кстати ли Орлу принять совѣтъ изъ норки
И отъ Крота? А гдѣ же похвала,
Что у Орла
Глаза такъ зорки?
И что за стать Кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ многаго съ Кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря, —

И новоселье у царя
Поспѣло скоро у царицы.
Все счастливо: ужъ есть и дѣти у Орлицы.
Но что жъ? — Однажды, какъ зарей
Орелъ изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился,
И подавило имъ Орлицу и дѣтей.
Отъ горести не взвидя свѣту,
„Несчастный!“ онъ сказалъ: —
„За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣту.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный Кротъ совѣтъ могъ добрый дать?“
— „Когда бы ты не презрѣлъ мною“,
Изъ норки Кротъ сказалъ: — „то вспомнилъ бы, что рою
Свои я норы подъ землей,
И что, случаясь близъ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу вѣрнѣй“.

Конецъ третьей книги.

Книга четвертая.

1.

Квартетъ.

Проказница-Мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть Квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки — дерутъ, а толку нѣтъ.
„Стой, братцы, стой!“ кричитъ Мартышка: — „погодите! —
Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я, прима[1], сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!“
Разсѣлись, начали Квартетъ;
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
„Постойте жъ, я сыскалъ секретъ“,
Кричитъ Оселъ: „мы, вѣрно, ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ“.

[1] Первая скрипка.

Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все-таки Квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье.
„Пожалуй“, говорятъ: — „возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!“
— „Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй“,
Имъ отвѣчаетъ Соловей: —
„А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь“.

2.

Листы и Корни.

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
„Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?

У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами".
— „Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ",
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
— „Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно?
Вы кто такіе тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами стали?"
Листы, по дереву шумя, залепетали.
— „Мы тѣ",
Имъ снизу отвѣчали:[1]
„Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?
Мы — корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ:
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится, —
Не станетъ дерева, ни васъ".

3.

Волкъ и Лисица.

Охотно мы даримъ,
Что намъ не надобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
Затѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

—

Лиса, курятинки накушавшись досыта
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный Волкъ тащится.

---

[1] Этотъ стихъ пропущенъ въ изд. 1844 — несомнѣнно, случайно, такъ какъ его требуетъ смыслъ, и его даютъ всѣ другія изданія.

„Что, кумушка, бѣды!“ онъ говоритъ: —
„Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ; —
Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло хоть удавиться!“
— „Неужли?“ — „Право такъ“. — „Бѣдняжка-куманекъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:
Я куму услужить готова“.
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мяснова!
Да про запасъ Лиса ни слова!
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по-уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

4.

Бумажный Змѣй.

Запущенный подъ облака,
Бумажный Змѣй, примѣтя свысока
Въ долинѣ мотылька,
„Повѣришь ли!“ кричитъ:—„чуть-чуть тебя мнѣ видно;
Признайся, что тебѣ завидно
Смотрѣть на мой высокій столь полетъ“.
— „Завидно? Право, нѣтъ!
Напрасно о себѣ ты много такъ мечтаешь!
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.
Такая жизнь, мой свѣтъ,
Отъ счастія весьма далеко,
А я хоть, правда, невысоко,
Зато лечу,
Куда хочу;
Да я же такъ, какъ ты, въ забаву для другого,
Пустого,
Вѣкъ цѣлый не трещу“.

5.

Лебедь, Щука и Ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ, —
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.

—

Однажды Лебедь, Ракъ да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ, — судить не нам;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

9.

Скворецъ.

У всякаго талантъ есть свой;
Но часто, на успѣхъ прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшный былъ конецъ.

—

Какой то смолоду Скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякій Скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ частью;

Но Скворушка услышь, что хвалятъ соловья —
А Скворушка завистливъ былъ, къ несчастью —
И думаетъ: „постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ".
И подлинно запѣлъ,
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ,
То верещалъ козленкомъ,
То не путемъ
Мяукалъ онъ котенкомъ;
И, словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньёмъ
Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ.

7.

Прудъ и Рѣка.

„Что это", говорилъ Рѣкѣ сосѣдній Прудъ:—
„Какъ на тебя ни взглянешь,
А вѣчно все твои текутъ!
Неужли таки ты, сестрица, не устанешь?
Притомъ же, вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкія суда,
То долговязые плоты ты носишь;
Ужъ я не говорю про лодки, челноки —
Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высохъ бы съ тоски.
Въ сравненіи съ твоимъ, какъ жребій мой пріятенъ!
Конечно, я не знатенъ,
По картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ,
Мнѣ не бренчитъ похвалъ какой-нибудь гуслистъ:
Да это, право, все пустое!
Зато я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,

Лежу и въ нѣгѣ, и въ покоѣ;
Не только что судовъ
Или плотовъ,
Мнѣ здѣсь не для чего страшиться:
Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ;
И много, ежели случится,
Что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.
Что беззаботную замѣнитъ жизнь такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не движась, я смотрю на суету мірскую,
И философствую сквозь сонъ".
— „А, философствуя, ты помнишь ли законъ",
Рѣка на это отвѣчаетъ: —
„Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ?
И если стала я великою рѣкой,
Такъ это оттого, что, кинувши покой,
Послѣдую сему уставу;
Зато по всякій годъ,
Обиліемъ и чистотою водъ,
И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу,
И буду, можетъ быть, еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ,
И о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь".
Слова ея сбылись: она течетъ понынѣ:
А бѣдный Прудъ годъ-отъ-году все глохъ,
Заволоченъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой
И, наконецъ, совсѣмъ изсохъ.

—

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь.
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

8.

Тришкинъ кафтанъ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ—
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ;
Лишь на четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали?
Однакоже смѣется Тришкѣ всякъ;
А Тришка говоритъ: „Такъ я же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю".
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

—

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

9.

Механикъ.

Какой то молодецъ купилъ огромный домъ;
Домъ, правда, дѣдовскій, но строенный на славу:
И прочность, и уютъ — все было въ домѣ томъ,
И домъ бы всѣмъ пришелъ ему по нраву,
Да только то бѣды —
Немножко далеко стоялъ онъ отъ воды.
„Ну, что жъ?" онъ думаетъ: — „въ своемъ добрѣ я властенъ;
Такъ домъ мой, какъ онъ есть,

Велю машинами къ рѣкѣ я перевесть
(Какъ видно, молодецъ механикой былъ страстенъ!).
Лишь сани подъ него подвесть,
Подрывшись напередъ ему подъ основанье;
А тамъ уже, изладя на каткахъ,
Я вòротомъ, куда хочу, все зданье
Поставлю, будто на рукахъ.
И что еще, чего не видано на свѣтѣ:
Когда перевозить туда мой будутъ домъ,
Тогда подъ музыкой съ пріятелями въ немъ,
Пируя за большимъ столомъ,
На новоселье я поѣду, какъ въ каретѣ".
Плѣняся глупостью такой,
И къ дѣлу приступилъ тотчасъ Механикъ мой:
Рабочихъ подрядилъ, подъ домомъ рылся, рылся,
Ни денегъ, ни заботъ нимало не берегъ;
Однакожъ дома онъ перетащить не могъ,
И только до того добился,
Что домъ его свалился.

—

Какъ много у людей
Затѣй,
Которыя еще опаснѣй и глупѣй!

10.

Пожаръ и Алмазъ.

Изъ малой искры ставъ пожаромъ,
Огонь, въ стремленьи яромъ,
По зданьямъ разлился въ глухой полночный часъ.
При общей той тревогѣ,
Потерянный Алмазъ
Едва сквозь пыль мелькалъ, валяясь по дорогѣ.
„Какъ ты, со всей своей игрой",
Сказалъ Огонь,—„ничтоженъ предо мной!
И сколь навычное потребно зрѣнье,

Чтобъ различить тебя, при маломъ отдаленьи,
Или съ простымъ стекломъ, иль съ каплею воды,
Когда въ нихъ лучъ иль мой, иль солнечный играетъ!
Ужъ я не говорю, что все тебѣ бѣды,
Что на тебя ни попадаетъ:
Бездѣлка—ленты лоскутокъ;
Какъ часто блескъ твой затмѣваетъ,
Вокругъ тебя одинъ, обвившись, волосокъ!
Не такъ легко затьмить мое сіянье,
Когда я, въ ярости моей,
Охватываю зданье.
Смотри, какъ всѣ усилія людей
Противъ себя я презираю;
Какъ съ трескомъ все, что встрѣчу, пожираю,—
И зарево мое, играя въ облакахъ,
Окрестностямъ наводитъ страхъ!"
— „Хоть противъ твоего мой блескъ и бѣденъ",
Алмазъ отвѣтствуетъ:—„но я безвреденъ;
Не укоритъ меня никто ничьей бѣдой,
И лучъ досаденъ мой
Лишь зависти одной;
А ты блестишь лишь тѣмъ, что разрушаешь.
Зато, всей силой съединясь,
Смотри, какъ рвутся всѣ, чтобъ ты скорѣй погасъ.
И чѣмъ ты яростнѣй пылаешь,
Тѣмъ ближе, можетъ быть, къ концу".
Тутъ силой всей народъ тушить Пожаръ принялся;
На утро дымъ одинъ и смрадъ по немъ остался;
Алмазъ же вскорѣ отыскался,
И лучшею красой сталъ царскому вѣнцу.

11.

Пустынникъ и Медвѣдь.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться;

Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

—

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокой,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой:
Утѣшно намъ и грусть, и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: „а лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?“
—„Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова“.
Такъ и Пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ;
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ не говорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ;
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.

Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
„Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу".
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла—
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: „молчи жъ, ужъ я тебя, вооруху!"
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врознь раздался,
И Мишинъ другъ лежать на-долго тамъ остался!

12.

Цвѣты.

Въ отворенномъ окнѣ богатаго покоя,
Въ фарфоровыхъ, расписанныхъ горшкахъ,
Цвѣты поддѣльные, съ живыми вмѣстѣ стоя,
На проволочныхъ стебелькахъ

Качалися спесиво
И выставляли всѣмъ красу свою на-диво.
Вотъ дождикъ началъ накрапать.
Цвѣты тафтяные Юпитера тутъ просятъ:
Нельзя ли дождь унять;
Дождь всячески они ругаютъ и поносятъ.
„Юпитеръ!“ молятся:—„ты дождикъ прекрати;
Что въ немъ пути,
И что его на свѣтѣ хуже?
Смотри, нельзя по улицѣ пройти:
Вездѣ лишь отъ него и грязь, и лужи“.
Однакоже Зевесъ не внялъ мольбѣ пустой,
И дождь себѣ прошелъ своею полосой.
Прогнавши зной,
Онъ воздухъ прохладилъ; природа оживилась,
И зелень вся какъ будто обновилась.
Тогда и на окнѣ Цвѣты живые всѣ
Раскинулись во всей своей красѣ,
И стали отъ дождя душистѣй,
Свѣжѣе и пушистѣй.
А бѣдные Цвѣты поддѣльные съ тѣхъ поръ
Лишились всей красы, и брошены на дворъ,
Какъ соръ.

—

Таланты истинны за критику не злятся:
Ихъ повредить она не можетъ красоты;
Одни поддѣльные цвѣты
Дождя боятся.

13.

Крестьянинъ и Змѣя.

Змѣя къ Крестьянину пришла проситься въ домъ,
Не по-пустому жить безъ дѣла, —
Нѣтъ, нянчить у него дѣтей она хотѣла:
Хлѣбъ слаще, нажитый трудомъ!

„Я знаю“, говоритъ она,—„худую славу,
Которая у васъ, людей,
Идетъ про Змѣй,
Что всѣ онѣ презлого нраву;
Изъ древности гласитъ молва,
Что благодарности онѣ не знаютъ;
Что нѣтъ у нихъ ни дружбы, ни родства;
Что даже собственныхъ дѣтей онѣ съѣдаютъ.
Все это можетъ быть; но я не такова:
Я съ-роду никого не только не кусала,
Но такъ гнушаюсь зла,
Что жало у себя я вырвать бы дала,
Когда бъ я знала,
Что жить могу безъ жала;
И, словомъ, я добрѣй
Всѣхъ Змѣй.
Суди жъ, какъ буду я любить твоихъ дѣтей!“
—„Коль это“, говоритъ Крестьянинъ,—„и не ложно,
Все мнѣ принять тебя не можно:
Когда примѣръ такой
У насъ полюбятъ,
Тогда вползутъ сюда за доброю Змѣей,
Одной,
Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ.
Да, кажется, голубушка моя,
И потому съ тобой мнѣ не ужиться,
Что лучшая Змѣя,
По мнѣ, ни къ чорту не годится“.

—

Отцы, понятно ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я? ..

14.

Крестьянинъ и Разбойникъ.

Крестьянинъ, заводясь домкомъ,
Купилъ на ярмаркѣ подойникъ да корову,
И съ ними сквозь дуброву

Тихонько брелъ домой проселочнымъ путемъ,
Какъ вдругъ Разбойнику попался.
Разбойникъ Мужика, какъ липку, ободралъ.
„Помилуй“, всплачется Крестьянинъ:—„я пропалъ,
Меня совсѣмъ ты доканалъ!
Годъ цѣлый я купить коровушку сбирался,
Насилу этого дождался дня“.
— „Добро, не плачься на меня“,
Сказалъ, разжалобясь, Разбойникъ: —
„И подлинно, вѣдь мнѣ коровы не доить;
Ужъ такъ и быть,
Возьми себѣ назадъ подойникъ“.

15.

Любопытный.

„Пріятель дорогой, здорово! гдѣ ты былъ“?
— „Въ Кунсткамерѣ[1], мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!“
— „А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?“
— „Да развѣ тамъ онъ?“ — „Тамъ“. — „Ну, братецъ, виноватъ:
Слона то я и не примѣтилъ“.

---

[1] Музей рѣдкостей и древностей. Здѣсь—въ смыслѣ зоологическаго музея.

16.

Левъ на ловлѣ.

Собака, Левъ да Волкъ съ Лисой
Въ сосѣдствѣ какъ то жили,
И вотъ какой
Между собой
Они завѣтъ всѣ положили:
Чтобъ имъ звѣрей собща ловить
И, что наловится, все по-ровну дѣлить.
Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала,
И шлетъ къ товарищамъ пословъ,
Чтобъ шли дѣлить счастливый ловъ:
Добыча, право, не дурная!
Пришли, пришелъ и Левъ; онъ, когти разминая
И озираючи товарищей кругомъ,
Дѣлежъ располагаетъ,
И говоритъ: „мы, братцы, вчетверомъ".
И начетверо онъ оленя раздираетъ,
„Теперь, давай дѣлить! Смотрите же, друзья:
Вотъ эта часть моя
По договору;
Вотъ эта мнѣ, какъ Льву, принадлежитъ безъ спору;
Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;
А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протянетъ,
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ".

17.

Конь и Всадникъ.

Какой то Всадникъ такъ Коня себѣ нашколилъ,
Что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ,
Не шевеля почти и поводовъ:
Конь слушался его лишь словъ.

„Такихъ коней и взнуздывать напрасно“,
Хозяинъ нѣкогда сказалъ:—
„Ну, право, вздумалъ я прекрасно!“
И, въ поле выѣхавъ, узду съ Коня онъ снялъ.
Почувствуя свободу,
Сначала Конь прибавилъ только ходу
Слегка,
И, вскинувъ голову, потряхивая гривой,
Онъ выступкой пошелъ игривой,
Какъ будто тѣша Сѣдока.
Но, смѣтя, какъ надъ нимъ управа не крѣпка,
Взялъ скоро волю Конь ретивой:
Вскипѣла кровь его, и разгорѣлся взоръ;
Не слушая словъ всадниковыхъ болѣ,
Онъ мчитъ его во весь опоръ
Чрезъ[1] все широко поле.
Напрасно на него несчастный Всадникъ мой
Дрожащею рукой
Узду накинуть покушался:
Конь болѣ лишь серчалъ и рвался,
И сбросилъ, наконецъ, съ себя его долой;
А самъ, какъ бурный вихрь, пустился,
Не взвидя свѣта, ни дорогъ,
Поколь, въ оврагъ со всѣхъ махнувши ногъ,
До смерти не убился.
Тутъ въ горести Сѣдокъ,
„Мой бѣдный Конь!“ сказалъ:—„я сталъ виною
Твоей бѣды!
Когда бы не снялъ я[2] съ тебя узды, —
Управилъ бы навѣрно я тобою;
И ты бы ни меня не сшибъ,
Ни смертью бъ самъ столь жалкой не погибъ!“

—

Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа

[1] Въ изд. 1894 г. „чрезо“.
[2] Вѣроятно, описка вмѣсто „я не снялъ“.

Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

18.

Крестьяне и Рѣка.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья
Отъ разоренья,
Что рѣчки имъ и ручейки
При водополье причиняли,
Пошли просить себѣ управы у Рѣки,
Въ которую ручьи и рѣчки тѣ впадали.
И было что на нихъ донесть!
Гдѣ озими разрыты;
Гдѣ мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!
А та Рѣка течетъ такъ смирно, хоть и пышно;
На ней стоятъ большіе города,
И никогда
За ней такихъ проказъ не слышно;
Такъ, вѣрно, ихъ она уйметъ,
Между собой Крестьяне разсуждали.
Но что жъ? Какъ подходить къ Рѣкѣ поближе стали
И посмотрѣли, такъ узнали,
Что половину ихъ добра по ней несетъ.
Тутъ, по-пусту не заводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потомъ взглянулись межъ собой
И, покачавши головой,
Пошли домой;
А отходя проговорили:
„На что и время тратить намъ!
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ“.

19.

Добрая Лисица.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое;
Но, нѣтъ, за ней должны еще погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ
И холодъ,
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
„Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ видя;
И сердце чье объ нихъ не заболитъ?“
Лисица птицамъ говоритъ,
На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:—
„Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей;
Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните;
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните;
Что дѣла добраго святѣй!
Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь:
Не лучше ль дать себя немножко ощипать,
И перьемъ бы твоимъ постельку ихъ устлать?
Вѣдь по-пусту жъ его ты растеряешь.
Ты, жавронокъ, чѣмъ по верхамъ
Тебѣ кувыркаться, кружиться,
Ты бъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
Чтобъ съ сиротами подѣлиться.
Ты, горлинка, твои птенцы ужъ подросли,
Промыслить кормъ они и сами бы могли:
Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да, вмѣсто матери, къ малюткамъ сѣла,
А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ
Берёгъ.
Ты бъ, ласточка, ловила мошекъ,

Полакомить безродныхъ крошекъ.
А ты бы, милый соловей—
Ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ—
Межъ тѣмъ, пока зефиръ ихъ съ гнѣздышкомъ
качаетъ,
Ты бъ убаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.
Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
Вы бъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца, и что“ ... При сихъ словахъ,
Малютки бѣдныя всѣ трое,
Не могши съ-голоду сидѣть въ покоѣ,
Попадали къ Лисѣ нанизъ.
Что жъ кумушка?—Тотчасъ ихъ съѣла:
И поученья не допѣла.

—

Читатель, не дивись!
Кто добръ поистинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ;
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ часто только добръ на счетъ другого,
Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого.
На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ —
Съ-родни моей Лисѣ.

20.

Мірская сходка.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей, —
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, снаровку.

—

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ.
Стараньемъ кумушки-лисицы

Словцо о немъ замолвлено у львицы;
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали бы, что смотритъ левъ на лицы,
То велѣно звѣриный весь народъ
Созвать на общій сходъ
И разспросить того, другого,
Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ иль худого.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны.
На сходкѣ голоса чинъ-чиномъ собраны;
Но противъ волка нѣтъ ни слова,
И волка велѣно въ овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ, вѣрно, были?
Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ то и забыли!
А ихъ то бы всего нужнѣй спросить.

Конецъ четвертой книги

Книга пятая.

1.

Демьянова уха.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай".
— „Сосѣдушка, я сытъ по горло". — „Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!"
— „Я три тарелки съѣлъ". — „И полно, что за счеты;
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!"
Такъ потчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однакоже еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю. „Вотъ друга я люблю!"
Вскричалъ Демьянъ: — „зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!"
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,

Схватя въ охабку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

—

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во-время не умѣешь
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза, и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

2.
Мышь и Крыса.

„Сосѣдка! слышала ль ты добрую молву?“
Вбѣжавши, Крысѣ Мышь сказала: —
„Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву:
Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!“
— „Не радуйся, мой свѣтъ“,
Ей Крыса говоритъ въ отвѣтъ: —
„И не надѣйся по-пустому!
Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То, вѣрно, льву не быть живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!“

—

Я сколько разъ видалъ, примѣтьте это сами:
Когда боится трусъ кого,
То думаетъ, что на того
Весь свѣтъ глядитъ его глазами.

3.
Чижъ и Голубь.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня.
Бѣдняжка въ ней и рвался, и метался,

А Голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
„Не стыдно ль“, говоритъ: — „средь бѣла дня
Попался!
Не провели бы такъ меня:
За это я ручаюсь смѣло“.
Анъ смотришь: тутъ же самъ запутался въ силокъ.
И дѣло:
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ!

4.

Водолазы.

Какой то древній царь впалъ въ страшное сомнѣнье:
Не болѣе ль вреда, чѣмъ пользы, отъ наукъ?
Не разслабляетъ ли сердецъ и рукъ
Ученье?
И не разумнѣе ль поступитъ онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлетъ вонъ?
Но такъ какъ этотъ царь, свой украшая тронъ,
Душою всей радѣлъ своихъ народовъ счастью,
И для того
Не дѣлалъ ничего
По прихоти иль по пристрастью,
То приказалъ собрать совѣтъ,
Въ которомъ всякой бы, хоть слогомъ некудрявымъ,
Но съ толкомъ лишь согласно здравымъ,
Свое представилъ: да иль нѣтъ;
То есть: ученымъ вонъ изъ царства убираться,
Или по-прежнему въ томъ царствѣ оставаться?
Однакожъ, какъ совѣтъ ни толковалъ:
Кто самъ свой голосъ подавалъ,
Кто голосъ подавалъ работы секретарской, —
Всякъ только дѣло затемнялъ,
И въ нерѣшимости запутывалъ умъ царскій.
Кто говорилъ, что неученье тьма;
Что не далъ бы намъ Богъ ума,

Ни дара постигать вещей небесныхъ,
Когда бы Онъ хотѣлъ,
Чтобъ человѣкъ не болѣ разумѣлъ
Животныхъ безсловесныхъ,
И что, согласно съ цѣлью сей,
Ученье къ счастію ведетъ людей.
Другіе утверждали,
Что люди отъ наукъ лишь только хуже стали;
Что все ученье бредъ,
Что отъ него лишь нравамъ вредъ,
И что за просвѣщеньемъ вслѣдъ
Сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали.
Короче: съ обѣихъ сторонъ,
И дѣло выводя, и вздоры,
Бумаги исписали горы,
А о наукахъ споръ остался нерѣшенъ.
Царь сдѣлалъ болѣе: созвавъ отвсюду онъ
Разумниковъ, изъ нихъ установилъ собранье,
И о наукахъ споръ имъ предложилъ на судъ,
Но способъ былъ и этотъ худъ,
Затѣмъ, что царь имъ далъ большое содержанье:
Такъ въ голосахъ между собой разладъ
Для нихъ былъ настоящій кладъ;
И еслибы имъ волю дали,
Они бъ донынѣ толковали,
Да жалованье брали.
Но такъ какъ царь казною не шутилъ,
То онъ, примѣтя то, ихъ скоро распустилъ.
Межъ тѣмъ часъ-отъ-часу впадалъ въ сомнѣнье болѣ.
Вотъ какъ то вышелъ онъ, сей мыслью занятъ, въ поле,
И видитъ предъ собой
Пустынника, съ сѣдою бородой
И съ книгою въ рукахъ большой.
Пустынникъ важный взоръ имѣлъ, но не угрюмый:
Привѣтливость и доброта
Улыбкою его украсили уста,
А на челѣ слѣды глубокой видны думы.

Монархъ съ пустынникомъ вступаетъ въ разговоръ,
И, видя въ немъ познанія несчетны,
Онъ проситъ мудреца рѣшить тотъ важный споръ:
Науки болѣе ль полезны или вредны?
„Царь!“ старецъ отвѣчалъ: — „позволь, чтобъ предъ тобой
Открылъ я притчею простой,
Что размышленья мнѣ внушили многолѣтны“.
И, съ мыслями собравшись, началъ такъ:
„На берегу, близъ моря,
Жилъ въ Индіи рыбакъ;
Проведши долгій вѣкъ и бѣдности, и горя,
Онъ умеръ, и троихъ оставилъ сыновей;
Но дѣти, видя,
Что съ нуждою они кормились отъ сѣтей,
И ремесло отцовско ненавидя,
Брать дань богатѣе задумали съ морей
Не рыбой,—жемчугами;
И, зная плавать и нырять,
Ту подать доправлять
Пустились сами.
Однакожъ былъ успѣхъ различенъ всѣхъ троихъ:
Одинъ, лѣнивѣе другихъ,
Всегда по берегу скитался;
Онъ, даже, не хотѣлъ ни ногъ мочить своихъ,
И жемчугу того лишь дожидался,
Что выброситъ къ нему волной:
А съ лѣностью такой
Едва-едва питался.
Другой,
Трудовъ нимало не жалѣя
И выбирать умѣя
Себѣ по силѣ глубину,
Богатыхъ жемчуговъ нырялъ искать по дну
И жилъ, всечасно богатѣя.
Но третій, алчностью къ сокровищамъ томимъ,
Такъ разсуждалъ съ собой самимъ:

„Хоть жемчугъ находить близъ берега и можно,
Но, кажется, какихъ сокровищъ ждать не должно,
Когда бы удалося мнѣ
Достать морское дно на самой глубинѣ?
Тамъ горы, можетъ быть, богатствъ несчетныхъ:
Коралловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ,
Которы стоитъ лишь достать
И взять".
Сей мыслію плѣнясь, безумецъ вскорѣ
Въ открытое пустился море
И, выбравъ, гдѣ была чернѣе глубина,
Въ пучину кинулся; но, поглощенный ею,
За дерзость, не доставши дна,
Онъ жизнью заплатилъ своею.
„О, царь!" примолвилъ тутъ мудрецъ:
„Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ;
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою".

5.

Госпожа и двѣ служанки.

У Барыни, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Двѣ были дѣвушки, Служанки, коихъ часть
Была съ-утра и до глубокой ночи,
Рукъ не покладывая, прясть.
Не стало бѣднымъ дѣвкамъ мочи:
Имъ будни, праздникъ—все равно;
Нѣтъ угомона на старуху:
Днемъ перевесть она не дастъ за пряжей духу;
Зарей, гдѣ спятъ еще, а ужъ у нихъ давно
Пошло плясать веретено.
Быть можетъ, иногда бъ старуха опоздала,

Да въ домѣ томъ проклятый былъ пѣтухъ:
Лишь онъ вспоетъ,—старуха встала,
Накинетъ на себя шубейку и треухъ[1],
У печки огонекъ вздуваетъ,
Бредетъ, ворча, къ прядильщицамъ въ покой,
Расталкиваетъ ихъ костлявою рукой,
А заупрямятся—клюкой,
И сладкій на зарѣ ихъ сонъ перерываетъ.
Что будешь дѣлать съ ней?
Бѣдняжки морщатся, зѣваютъ, жмутся,
И съ теплою постелею своей,
Хотя не хочется, а разстаются.
Назавтрее опять, лишь прокричитъ пѣтухъ,
У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка та же:
Ихъ будятъ, и морятъ на пряжѣ.
„Добро же ты, нечистый духъ!“
Сквозь зубы пряхи тѣ на пѣтуха ворчали: —
„Безъ пѣсенъ бы твоихъ мы, вѣрно, болѣ спали;
Ужъ надъ тобою быть грѣху!“
И, выбравши случай, безъ сожалѣнья
Свернули дѣвушки головку пѣтуху.
Но что жъ? Онѣ себѣ тѣмъ ждали облегченья;
Анъ въ дѣлѣ вышелъ оборотъ
Совсѣмъ не тотъ:
То правда, что пѣтухъ ужъ болѣ не поетъ —
Злодѣя ихъ не стало;
Да Барыня, боясь, чтобъ время не пропало,
Чуть лягутъ, не даетъ почти свести имъ глазъ,
И рано такъ будитъ ихъ стала всякій разъ,
Какъ рано пѣтухи и съ-роду не пѣвали.
Тутъ поздно дѣвушки узнали,
Что изъ огня онѣ да въ полымя попали.

—

Такъ, выбраться желая изъ хлопотъ,
Нерѣдко человѣкъ имѣетъ участь ту же:

[1] Старинный головной уборъ.

Однѣ лишь только съ рукъ сживетъ,
Глядишь—другія нажилъ хуже!

6.

Камень и Червякъ.

„Какъ расшумѣлся здѣсь! какой невѣжа!
Про дождикъ говоритъ на нивѣ Камень, лежа:
„А рады всѣ ему, пожалуй посмотри!
И ждали такъ, какъ гостя дорогого,
А что же сдѣлалъ онъ такого?
Всего то шелъ часа два-три.
Пускай же обо мнѣ разспросятъ:
Такъ я ужъ вѣки здѣсь; тихъ, скроменъ завсегда,
Лежу смирнехонько, куда меня ни бросятъ;
А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.
Не даромъ, право, свѣтъ поносятъ:
Въ немъ справедливости не вижу я никакъ".
— „Молчи!" сказалъ ему Червякъ: —
„Сей дождикъ, какъ его ни кратко было время,
Лишенную засухой силъ,
Обильно ниву напоилъ,
И земледѣльца онъ надежду оживилъ;
А ты на нивѣ сей пустое только бремя!"

Такъ хвалится иной, что служитъ сорокъ лѣтъ;
А проку въ немъ, какъ въ этомъ Камнѣ, нѣтъ.

7.

Медвѣдь у Пчелъ.

Когда то, о веснѣ, звѣрями
Въ надсмотрщики Медвѣдь былъ выбранъ надъ ульями.
Хоть можно бъ выбрать тутъ другого повѣрнѣй,

Затѣмъ, что къ меду Мишка падокъ,
Такъ не было бъ оглядокъ;
Да спрашивай ты толку у звѣрей!
Кто къ ульямъ ни просился,
Съ отказомъ отпустили всѣхъ,
И, какъ на смѣхъ,
Тутъ Мишка очутился;
Анъ вышелъ грѣхъ:
Мой Мишка потаскалъ весь медъ въ свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,
По формѣ нарядили судъ,
Отставку Мишкѣ дали
И приказали,
Чтобъ зиму пролежалъ въ берлогѣ старый плутъ.
Рѣшили, справили, скрѣпили;
Но меду все не воротили.
А Мишенька и ухомъ не ведетъ:
Со свѣтомъ Миша распрощался,
Въ берлогу теплую забрался,
И лапу съ медомъ тамъ сосетъ,
Да у моря погоды ждетъ.

8.

Зеркало и Обезьяна.

Мартышка, въ Зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой;
„Смотри-ка“, говоритъ: — „кумъ милый мой!
Что это тамъ за рожа?
Какіе у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А, вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть“.
— „Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,

Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?“
Ей Мишка отвѣчалъ;
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь по-пусту пропалъ.

—

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ.
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку не чистъ, всѣ это знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

9.

Комаръ и Пастухъ.

Пастухъ подъ тѣнью спалъ, надѣяся на псовъ.
Примѣтя то, змѣя изъ-подъ кустовъ
Ползетъ къ нему, вонъ высунувши жало;
И Пастуха на свѣтѣ бы не стало:
Но, сжаляся надъ нимъ, Комаръ, что было силъ,
Сонливца укусилъ.
Проснувшися, Пастухъ змѣю убилъ;
Но прежде Комара съ-просонья такъ хватилъ,
Что бѣднаго его какъ не бывало.

—

Такихъ примѣровъ есть не мало:
Коль слабый сильному, хоть движимый добромъ,
Открыть глаза на правду покусится,
Того и жди, что то же съ нимъ случится,
Что съ Комаромъ.

10.

Крестьянинъ и Смерть.

Набравъ валежнику[1] порой холодной, зимной,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ, и думалъ самъ съ [собой:
„Куда я бѣденъ, Боже мой!
Нуждаюся во всемъ; къ тому жъ жена и дѣти,
А тамъ подушное, боярщина[2], оброкъ...
И выдался ль когда на свѣтѣ
Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ?“
Въ такомъ унынiи, на свой пеняя рокъ,
Зоветъ онъ смерть; она у насъ не за горами,
А за плечами:
Явилась вмигъ
И говоритъ: „Зачѣмъ ты звалъ меня, старикъ?“
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
Едва промолвить могъ бѣднякъ, оторопѣвъ:
„Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку“.

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

---

[1] Буреломный лѣсъ и хворостъ.
[2] Барщина

11.

Рыцарь.

Какой то Рыцарь въ старину,
Задумавши искать великихъ приключеній,
Собрался на войну
Противу колдуновъ и противъ привидѣній;
Вздѣлъ латы и велѣлъ къ крыльцу подвесть коня;
Но прежде, нежели въ сѣдло садиться,
Онъ долгомъ счелъ къ коню съ сей рѣчью обратиться:
„Послушай, ретивой и вѣрный конь, меня:
Ступай черезъ поля, чрезъ горы, чрезъ дубравы,
Куда глаза твои глядятъ,
Какъ рыцарски законы намъ велятъ,
И путь отыскивай въ храмъ славы!
Когда жъ Карачуновъ[1] я злобныхъ усмирю,
Въ супружество княжну китайскую добуду,
И царства два-три покорю,
Тогда трудовъ твоихъ, мой другъ, я не забуду;
Съ тобой всю славу раздѣлю:
Конюшню, какъ дворецъ огромный,
Построить для тебя велю,
А лѣтомъ отведу луга тебѣ поемны;
Теперь знакомъ ты мало и съ овсомъ,
Тогда жъ пойдетъ у насъ обиліе во всемъ:
Ячмень твой будетъ кормъ, сыта медова — пойло".
Тутъ Рыцарь прыгъ въ сѣдло, и бросилъ повода,
А лошадь молодца, не ѣздя никуда,
Прямехонько примчала въ стойло.

---

[1] Смертоносныя уродливыя существа нашей демонологіи (срв. „задать карачуна").

12.

Тѣнь и Человѣкъ.

Шалунъ какой то тѣнь свою хотѣлъ поймать:
Онъ къ ней, она впередъ; онъ шагу прибавлять,
Она туда жъ; онъ, наконецъ, бѣжать:
Но чѣмъ онъ прытче, тѣмъ и тѣнь скорѣй бѣжала,
Все не даваясь, будто кладъ.
Вотъ мой чудакъ пустился вдругъ назадъ;
Оглянется: а тѣнь за нимъ ужъ гнаться стала.

Красавицы! слыхалъ я много разъ...
Вы думаете что? Нѣтъ, право, не про васъ;
А что бываетъ то жъ съ Фортуною[1] у насъ;
Иной лишь трудъ и время губитъ,
Стараяся настичь ее изъ силы всей;
Другой, какъ кажется, бѣжитъ совсѣмъ отъ ней:
Такъ нѣтъ, за тѣмъ она сама гоняться любитъ.

13.

Крестьянинъ и Топоръ.

Мужикъ, избу рубя, на свой Топоръ озлился;
Пошелъ Топоръ въ худыхъ; Мужикъ взбѣсился.
Онъ самъ нарубитъ вздоръ,
А виноватъ во всемъ Топоръ;
Бранить его, хоть какъ, Мужикъ найдетъ причину.
„Негодный!“ онъ кричитъ однажды: — „съ этихъ
поръ
Ты будешь у меня обтесывать тычину,
А я, съ моимъ умѣньемъ и трудомъ,
Притомъ съ досужестью моею,
Знай, безъ тебя пробавиться умѣю,
И сдѣлаю простымъ ножомъ,

[1] Счастье, удача.

Чего другой не срубитъ топоромъ":
— „Рубить, что мнѣ велишь, моя такая доля",
Смиренно отвѣчалъ Топоръ на окрикъ злой: —
„Итакъ, хозяинъ мой,
Твоя святая воля:
Готовъ тебѣ я всячески служить;
Да только ты смотри, чтобъ послѣ не тужить:
Меня ты по-пусту иступишь,
А все ножомъ избы не срубишь".

14.

Левъ и Волкъ.

Левъ убиралъ за завтракомъ ягненка;
А собачонка,
Вертясь вкругъ царскаго стола,
У Льва изъ-подъ когтей кусочекъ урвала;
И Царь звѣрей то снесъ, не огорчась ни мало:
Она глупа еще и молода была.
Увидя то, на мысли Волку вспало,
Что Левъ, конечно, не силенъ,
Коль такъ смиренъ;
И лапу протянулъ къ ягненку также онъ.
Анъ вышло съ Волкомъ худо:
Онъ самъ ко Льву попалъ на блюдо.
Левъ растерзалъ его, примолвя такъ: „Дружокъ!
Напрасно, смотря на собачку,
Ты вздумалъ, что тебѣ я также дамъ потачку:
Она еще глупа, а ты ужъ не щенокъ!"

15.

Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ.

Собака, Человѣкъ да Кошка, да Соколъ
Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ вѣчной,

Нелестной, искренней, чистосердечной.
У нихъ былъ общій домъ, едва ль не общій столъ:
Клялись дѣлить они и радость, и заботу,
Другъ другу помогать,
Другъ за̀ друга стоять,
И, если надо, другъ за друга умирать.
Вотъ какъ то вмѣстѣ всѣ, отправясь на охоту,
Мои друзья
Далеко отъ дому отбились,
Умаялися, утомились
И отдохнуть пристали у ручья.
Тутъ задремали всѣ, кто лежа, кто и сидя;
Какъ вдругъ изъ лѣсу шасть
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть.
Бѣду такую видя,
Соко̀лъ — на воздухъ, Кошка — въ лѣсъ,
И Человѣкъ тутъ съ жизнью бы простился;
Но вѣрный Песъ
Со звѣремъ злымъ барахтаться схватился,
Въ него вцѣпился,
И, какъ медвѣдь его жестоко ни ломалъ,
Какъ ни ревѣлъ отъ боли и отъ злости,
Песъ, прохватя его до кости,
Повисъ на немъ и зубъ не разжималъ,
Доколѣ съ жизнію всѣхъ силъ не потерялъ.
А Человѣкъ? Къ стыду, изъ насъ не всякой
Сравнится въ вѣрности съ собакой!
Пока медвѣдь былъ занятъ дракой,
Онъ, подхватя ружье свое съ собой,
Пустился безъ души домой.

—

На языкѣ легка и ласка, и услуга;
Но въ нужде лишь узнать прямого можно друга.
Какъ рѣдки таковы друзья!
И то сказать, какъ часто видѣлъ я,
Что такъ, какъ въ баснѣ сей былъ вѣрный Песъ
оставленъ, —

Такъ тотъ,
Кто изъ хлопотъ
Былъ другомъ вырученъ, избавленъ,
Его же покидалъ въ бѣдѣ,
Его же и ругалъ вездѣ.

16.

Подагра и Паукъ.

Подагру съ Паукомъ самъ адъ на свѣтъ родилъ:
Слухъ этотъ Лафонтенъ[1] по свѣту распустилъ.
Не стану я за нимъ вывѣшивать и мѣрить,
Насколько правды тутъ, и какъ, и почему;
Притомъ же, кажется, ему,
Зажмурясь, въ басняхъ можно вѣрить.
И, стало, нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что адомъ рождены Подагра съ Паукомъ.
Какъ выросли они, и подоспѣло время
Пристроить дѣтокъ къ должностямъ
(Для добраго отца большія дѣти — бремя,
Пока они не по мѣстамъ!),
То, отпуская въ міръ ихъ къ намъ,
Сказалъ родитель имъ: „Подите
Вы, дѣтушки, на свѣтъ, и землю раздѣлите!
Надежда въ васъ большая есть,
Что оба вы мою поддержите тамъ честь,
И оба людямъ вы равно надоѣдите.
Смотрите же: отселѣ напередъ,
Кто что̀ изъ васъ въ удѣлъ себѣ возьметъ:
Вонъ, видите ль вы пышные чертоги?
А тамъ, вонъ, хижины убоги?
Въ однихъ—просторъ, довольство, красота;
Въ другихъ — и тѣснота,
И трудъ, и нищета“.

---

1 У Лафонтена есть басня такого же содержанія („Подагра и Паукъ“).

— „Мнѣ хижинъ ни за что не надо“,
Сказалъ Паукъ. — „А мнѣ не надобно палатъ“,
Подагра говоритъ: — „пусть въ нихъ живетъ мой братъ.
Въ деревнѣ, отъ аптекъ подалѣ, жить я рада;
А то меня тамъ станутъ доктора
Гонять изъ каждаго богатаго двора“.
Такъ смолвясь, братъ съ сестрой пошли, явились въ мірѣ.
Въ великолѣпнѣйшей квартирѣ
Паукъ владѣніе себѣ отмежевалъ:
По шкафамъ пышнымъ, расцвѣчонымъ,
И по карнизамъ золочонымъ
Онъ паутину разостлалъ,
И мухъ бы вдоволь нахваталъ,
Но къ разсвѣту, едва съ работою убрался,
Пришелъ и щеткою все смелъ слуга долой.
Паукъ мой терпѣливъ: онъ къ печкѣ перебрался;
Оттолѣ Паука метлой.
Туда, сюда Паукъ, бѣдняжка мой;
Но гдѣ основу ни натянетъ,
Иль щетка, иль крыло вездѣ его достанетъ
И всю работу изорветъ,
А съ нею и его частехонько смететъ.
Паукъ въ отчаяньи, и за городъ идетъ
Увидѣться съ сестрицей.
„Чай, въ селахъ“, говоритъ, — „живетъ она царицей“.
Пришелъ — а бѣдная сестра у мужика
Несчастнѣй всякаго на свѣтѣ Паука:
Хозяинъ съ ней и сѣно коситъ,
И рубитъ съ ней дрова, и воду съ нею носитъ:
Примѣта у простыхъ людей,
Что чѣмъ подагру мучишь болѣ,
Тѣмъ ты скорѣй

Избавишься отъ ней.
„Нѣтъ, братецъ“, говоритъ она: — „не жизнь мнѣ
въ полѣ!“
А братъ
Тому и радъ:
Онъ тутъ же съ ней удѣломъ обмѣнялся;
Вползъ въ избу къ мужику, съ товаромъ разобрался
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткалъ и потолокъ, и стѣны, и углы.
Подагра же — тотчасъ въ дорогу;
Простилася съ селомъ;
Въ столицу прибыла и въ самый пышный домъ
Къ Превосходительству сѣдому сѣла въ ногу.
Подагрѣ рай! Пошло житье у старика:
Не сходитъ съ нимъ она долой съ пуховика.
Съ тѣхъ поръ съ сестрою братъ ужъ болѣ не
видался;
Всякъ при своемъ у нихъ остался,
Доволенъ участью равно:
Паукъ по хижинамъ пустился неопрятнымъ,
Подагра же пошла по богачамъ и знатнымъ;
И оба дѣлаютъ умно.

17.

Левъ и Лисица.

Лиса, не видя сроду Льва,
Съ нимъ встрѣтясь, со страстей осталась чуть жива.
Вотъ, нѣсколько спустя, опять ей Левъ попался;
Но ужъ не такъ ей страшенъ показался.
А третій разъ потомъ
Лиса и въ разговоръ пустилася со Львомъ.

—

Иного такъ же мы боимся,
Поколь къ нему не приглядимся.

18.

Хмель.

Хмель выбѣжалъ на огородѣ
И вкругъ сухой тычинки виться сталъ;
А въ полѣ близко дубъ молоденькій стоялъ.
„Что въ этомъ пользы есть уродѣ,
Да и во всей его породѣ?“
Такъ про дубокъ тычинкѣ Хмель жужжалъ: —
„Ну, какъ его сравнить съ тобою?
Ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною.
Хоть листьемъ, правда, онъ одѣтъ,
Да что за жесткость, что за цвѣтъ!
За что его земля питаетъ?“
Межъ тѣмъ, едва недѣля протекаетъ,
Хозяинъ на дрова тычинку ту сломилъ,
А въ огородъ дубокъ пересадилъ.
И трудъ ему съ большимъ успѣхомъ удается:
Дубокъ и принялся, и отпрыски пустилъ;
Посмотришь, около него мой Хмель ужъ вьется,
И дубу отъ него вся честь и похвала!

—

Такіе жъ у льстеца поступки и дѣла:
Онъ на тебя несетъ тьму небылицъ и бредней,
И какъ ты хочешь, такъ трудись,
Но у него въ хорошихъ быть не льстись;
А только въ случай попадись —
Онъ первый явится въ передней.

19.

Слонъ въ случаѣ.

Когда то въ случай [1] Слонъ попалъ у Льва.
Въ минуту по лѣсамъ прошла о томъ молва,

[1] Здѣсь — въ смыслѣ милость, фаворъ.

И такъ, какъ водится, пошли догадки:
Чѣмъ въ милость втерся Слонъ?
Не то красивъ, не то забавенъ онъ;
Что за пріемъ, что за ухватки!
Толкуютъ звѣри межъ собой.
— „Когда бы“, говоритъ, вертя хвостомъ, Лисица,
„Былъ у него пушистый хвостъ такой,
Я не дивилась бы“. — „Или, сестрица“,
Сказалъ медвѣдь: — „хотя бы по когтямъ
Онъ сдѣлался случайнымъ,
Никто того не счелъ бы чрезвычайнымъ;
Да онъ и безъ когтей, то всѣмъ извѣстно намъ“.
— „Да не вошелъ ли онъ въ случай клыками?“
Вступился въ рѣчь ихъ волъ:
„Ужъ не сочли ли ихъ рогами?“
— „Такъ вы не знаете“, сказалъ оселъ,
Ушами хлопая: — „чѣмъ могъ онъ полюбиться,
И въ знать добиться?
А я такъ отгадалъ:
Безъ длинныхъ бы ушей онъ въ милость не попалъ“.

—

Нерѣдко мы, хотя того не примѣчаемъ,
Себя въ другихъ охотно величаемъ.

20.

Туча.

Надъ изнуренною отъ зноя стороною
Большая туча пронеслась;
Ни каплею ея не освѣжа одною,
Она большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась,
И щедростью своей хвалилась предъ горою.

„Что сдѣлала добра
Ты щедростью такою?“
Сказала ей гора: —
„И какъ смотрѣть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты бъ область цѣлую отъ голода спасла;
А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно“.

21.

Клеветникъ и Змѣя.

Напрасно про бѣсовъ болтаютъ,
Что справедливости совсѣмъ они не знаютъ;
А правду тожъ они нерѣдко наблюдаютъ:
Я и примѣръ тому здѣсь приведу.
По случаю какому то, въ аду
Змѣя съ Клеветникомъ въ торжественномъ ходу
Другъ другу первенства оставить не хотѣли,
И зашумѣли:
Кому изъ нихъ идти приличнѣй напередъ?
А въ адѣ первенство, извѣстно, тотъ беретъ,
Кто ближнему надѣлалъ больше бѣдъ.
Такъ въ спорѣ семъ, и жаркомъ, и не маломъ,
Передъ Змѣею Клеветникъ
Свой выставлялъ языкъ;
А передъ нимъ Змѣя своимъ хвалилась жаломъ;
Шипѣла, что нельзя обиды ей снести,
И силилась его переползти.
Вотъ, Клеветникъ, было, за ней ужъ очутился;
Но Вельзевулъ[1] не потерпѣлъ того:
Онъ самъ, спасибо, за него
Вступился
И осадилъ назадъ Змѣю,
Сказавъ: „Хоть я твои заслуги признаю,

---

1 Сатана.

Но первенство ему по правдѣ отдаю;
Ты зла, твое смертельно жало;
Опасна ты, когда близка;
Кусаешь безъ вины (и то не мало!),
Но можешь ли язвить ты такъ издалека,
Какъ злой языкъ Клеветника,
Отъ коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями?
Такъ, стало, онъ тебя вреднѣй:
Ползи же ты за нимъ, и будь впередъ смирнѣй".
Съ тѣхъ поръ клеветники въ аду почетнѣй змѣй.

22.

Фортуна и Нищій.

Съ истертою и ветхою сумой
Бѣдняжка-нищенькій подъ-оконьемъ таскался
И, жалуясь на жребій свой,
Нерѣдко удивлялся,
Что люди, живучи въ богатыхъ теремахъ,
По горло въ золотѣ, въ довольствѣ и сластяхъ,
Какъ ихъ карманы ни набиты,
Еще не сыты!
И даже до того,
Что, безъ пути алкая
И новаго богатства добывая,
Лишаются нерѣдко своего
Всего.
Вонъ бывшій, напримѣръ, того хозяинъ дому
Пошелъ счастливо торговать;
Расторговался въ пухъ. Тутъ, чѣмъ бы перестать
И достальной свой вѣкъ спокойно доживать,
А промыселъ оставить свой другому, —
Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ;
Ждалъ горы золота; но корабли разбило:
Сокровища его всѣ море поглотило;

Теперь они на днѣ,
И видѣлъ онъ себя богатымъ, какъ во снѣ.
Другой, тотъ въ откупа пустился,
И нажилъ было милліонъ,
Да мало: захотѣлъ его удвоить онъ,
Забрался по-уши и вовсе разорился.
Короче, тысячи такихъ примѣровъ есть;
И по дѣломъ: знай честь!
Тутъ Нищему Фортуна вдругъ предстала
И говоритъ ему:
„Послушай, я помочь давно тебѣ желала;
Червонцевъ кучу я сыскала;
Подставь свою суму;
Ее насыплю я, да только съ уговоромъ:
Все будетъ золото, въ суму что̀ попадетъ;
Но если изъ сумы что̀ на полъ упадетъ,
То сдѣлается соромъ.
Смотри жъ, я напередъ тебя остерегла!
Мнѣ велѣно хранить условье наше строго;
Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтобъ вынести она могла“.
Едва отъ радости мой Нищій дышитъ,
И подъ собой земли не слышитъ!
Расправилъ свой кошель, и щедрою рукой
Тутъ полился въ него червонцевъ дождь златой.
Сума становится ужъ тяжеленька.
„Довольно ль?“—„Нѣтъ, еще“.— „Не треснула бъ?“
—„Не бойсь“.
— „Смотри, ты Крезомъ[1] сталъ“. — „Еще, еще маленько:
Хоть горсточку прибрось“.
— „Эй, полно! Посмотри, сума ползетъ ужъ врозь“.
— „Еще щепоточку“. Но тутъ кошель прорвался,
Разсыпалась казна и обратилась въ прахъ;

---

[1] Богачомъ.

Фортуна скрылася; одна сума въ глазахъ,
И Нищій нищенькимъ по-прежнему остался.

23.

Лягушка и Юпитеръ.

Живущая въ болотѣ, подъ горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась,
Нашла тамъ тинистый въ лощинѣ уголокъ
И завела домокъ
Подъ кустикомъ, въ тѣни, межъ травки, какъ раекъ.
Однакожъ имъ она недолго веселилась:
Настало лѣто, съ нимъ жары,
И дачи Квакушки такъ сдѣлалися сухи,
Что, ногъ не замоча, по нимъ бродили мухи.
„О, боги!“ молится Лягушка изъ норы: —
„Меня вы, бѣдную, не погубите,
И землю вровень хоть съ горою затопите,
Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала бы вода!“
Лягушка вопитъ безъ умолку,
И, наконецъ, Юпитера бранитъ,
Что нѣту въ немъ ни жалости, ни толку.
„Безумная!“ Юпитеръ говоритъ
(Знать, не былъ онъ тогда сердитъ): —
„Какъ квакать по-пусту тебѣ охота!
И чѣмъ мнѣ для твоихъ затѣй
Перетопить людей,
Не лучше ль внизъ тебѣ стащиться до болота?“

—

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, постыло,
И кои думаютъ: „лишь мнѣ бы ладно было,
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ“.

24.

Лиса-строитель.

Какой то левъ большой охотникъ былъ до куръ;
Однакожъ у него онѣ водились худо;
Да это и не чудо:
Къ нимъ доступъ былъ свободенъ черезчуръ.
Такъ ихъ то крали,
То сами куры пропадали.
Чтобъ этому помочь убытку и печали,
Построить вздумалъ левъ большой курятный дворъ,
И такъ его ухитить и уладить,
Чтобы воровъ совсѣмъ отвадить,
А курамъ было бъ въ немъ довольство и просторъ.
Вотъ льву доносятъ, что Лисица
Большая строить мастерица —
И дѣло ей поручено;
Съ успѣхомъ начато и кончено оно:
Лисой къ нему приложено
Все, и старанье, и умѣнье.
Смотрѣли, видѣли: строенье — заглядѣнье!
А, сверхъ того, все есть, чего ни спросишь тутъ:
Кормъ подъ носомъ, вездѣ натыкано насѣстокъ,
Отъ холоду и жару есть пріютъ,
И укромонныя[1] мѣстечки для насѣдокъ.
Вся слава Лисанькѣ и честь!
Богатое дано ей награжденье
И тотчасъ повелѣнье:
На новоселье куръ не медля перевесть.
Но есть ли польза въ перемѣнѣ?
Нѣтъ: кажется и крѣпокъ дворъ
И плотенъ, и высокъ заборъ,
А куръ часъ-отъ-часу все менѣ.
Отколь бѣда, придумать не могли.
Но Левъ велѣлъ стеречь. Кого жъ подстерегли?

[1] Укромныя.

Тое жъ Лису-злодѣйку.
Хоть правда, что она свела строенье такъ,
Чтобы не вòрвался въ него никто никакъ,
Да только для себя оставила лазейку.

25.

Напраслина.

Какъ часто, что-нибудь мы сдѣлавши худого,
Кладемъ вину въ томъ на другого,
И какъ нерѣдко говорятъ:
„Когда бъ не онъ, и въ умъ бы мнѣ не впало!“
А ежели людей не стало,
Такъ ужъ лукавый виноватъ,
Хоть тутъ его совсѣмъ и не бывало.
Примѣровъ тьма тому. Вотъ вамъ изъ нихъ одинъ:
Въ Восточной сторонѣ какой то былъ Браминъ [1],
Хоть на словахъ и теплой вѣры,
Но не таковъ своимъ житьемъ
(Есть и въ Браминахъ лицемѣры);
Да это въ сторону, а дѣло только въ томъ,
Что въ братствѣ онъ своемъ
Одинъ былъ правила такого,
Другіе жъ всѣ житья святого;
И, что всего ему тошнѣй,
Начальникъ ихъ былъ нраву прекрутого;
Такъ преступить никакъ устава ты не смѣй.
Однако жъ мой Браминъ не унываетъ:
Вотъ постный день, а онъ смекаетъ,
Нельзя ли разрѣшить на сырное тайкомъ?
Досталъ яйцо, полуночи дождался,
И, свѣчку вздувши съ огонькомъ,
На свѣчкѣ печь яйцо принялся;
Ворочаетъ его легонько у огня,

[1] Индійскій жрецъ.

Не сводитъ глазъ долой, и мысленно глотаетъ,
А про начальника, смѣяся, разсуждаетъ:
„Не уличишь же ты меня,
Длиннобородый мой пріятель!
Яичко съѣмъ-таки я всласть".
Анъ тутъ тихонько шасть
Къ Брамину въ келью [1] надзиратель,
И, видя грѣхъ такой,
Отвѣту требуетъ онъ грозно.
Улика на лицо, и запираться поздно!
„Прости, отецъ святой,
Прости мое ты прегрѣшенье!"
Такъ взмолится Браминъ сквозь слезъ: —
„И самъ не знаю я, какъ впалъ во искушенье;
Ахъ, наустилъ меня проклятый бѣсъ!"
А тутъ бѣсенокъ, изъ-за печки,
„Не стыдно ли", кричитъ, — всегда клепать на насъ!
Я самъ лишь у тебя учился сей же часъ,
И, право, вижу въ первый разъ,
Какъ яица пекутъ на свѣчкѣ".

26.

Фортуна въ гостяхъ.

На укоризну мы Фортунѣ тароваты:
Кто не въ чинахъ, кто не богатъ,
За все про все ее бранятъ;
А поглядишь, такъ сами виноваты.
Слѣпое счастіе, шатаясь межъ людей,
Не вѣчно у вельможъ гоститъ и у царей;
Оно и въ хижинѣ твоей,
Быть можетъ, погостить когда-нибудь пристанетъ;
Лишь время не терять умѣй,
Когда оно къ тебѣ заглянетъ;

[1] Въ подлинникѣ „въ келію".

Минута съ нимъ одна, кто ею дорожитъ,
Терпѣнья годы наградитъ.
Когда жъ ты не умѣлъ при счастьѣ поживиться,
То не Фортунѣ ты, себѣ за то пеняй,
И знай,
Что, можетъ, вѣкъ она къ тебѣ не возвратится.

—

Домишко старенькій край города стоялъ;
Три брата жили въ немъ и не могли разжиться:
Ни въ чемъ имъ какъ то не спорится.
Кто что̀ изъ нихъ ни затѣвалъ,
Все остается безъ успѣха,
Вездѣ потеря иль помѣха;
По ихъ словамъ, вина Фортуны въ томъ была.
Вотъ невидимкой къ нимъ Фортуна забрела,
И, тронувшись ихъ бѣдностью большою,
Имъ помогать рѣшилась всей душою,
Какія бы они ни начали дѣла,
И прогостить у нихъ все лѣто.
Все лѣто: шутка ль это!
Пошли у бѣдняковъ дѣла другой статьей.
Одинъ изъ нихъ хоть былъ торгашъ плохой,
А тутъ, что ни продастъ, ни купитъ,
Барышъ на всемъ большой онъ слупитъ;
Забылъ совсѣмъ, что есть накладъ,
И скоро сталъ, какъ Крезъ, богатъ.
Другой въ Приказъ пошелъ: иною бы порою
Завязъ онъ въ писаряхъ съ своею головою;
Теперь ему со всѣхъ сторонъ
Удача:
Что дастъ обѣдъ, что сходитъ на поклонъ, —.
Иль чинъ, иль мѣсто схватитъ онъ;
Посмотришь: — у него деревня, домъ и дача.
Теперь вы спросите: что жъ третій получилъ?
Вѣдь, вѣрно, и ему Фортуна помогала?
Конечно: съ нимъ она почти не отдыхала.
Но третій братъ все лѣто мухъ ловилъ,

И такъ счастливо,
Что диво!
Не знаю, прежде онъ бывалъ ли въ томъ гораздъ,
А тутъ труды его не втуне:
Какъ ни взмахнетъ рукой — благодаря Фортунѣ,
Ни разу промаху не дастъ.
Вотъ гостья, между тѣмъ, у братьевъ нагостилась,
И далѣ въ путь пустилась.
Два брата въ барышахъ: одинъ изъ нихъ богатъ,
Другой еще притомъ въ чинахъ; а третій братъ
Клянетъ судьбу, что онъ Фортуной злою
Оставленъ лишь съ сумою.

—

Читатель, будь ты самъ судьею;
Кто жъ въ этомъ виноватъ?

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ КНИГИ.

Книга шестая.

I.

Волкъ и Пастухи.

Волкъ, близко обходя пастушій дворъ
И видя, сквозь заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно Пастухи барашка потрошатъ,
А псы смирнехонько лежатъ,
Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ:
„Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья,
Когда бы это сдѣлалъ я!“

2.

Кукушка и Горлинка.

Кукушка на суку печально куковала.
„Что, кумушка, ты такъ грустна?“
Ей съ вѣтки ласково Голубка ворковала: —
„Или о томъ, что миновала
У насъ весна,
И съ ней любовь, спустилось солнце ниже,
И что къ зимѣ мы стали ближе?“
—„Какъ, бѣдной, мнѣ не горевать?“
Кукушка говоритъ: — „будь ты сама судьею:

Любила счастливо я нынѣшней весною,
И, наконецъ, я стала мать;
Но дѣти не хотятъ совсѣмъ меня и знать:
Такой ли чаяла отъ нихъ я платы?
И не завидно ли, когда я погляжу,
Какъ увиваются вкругъ матери утяты,
Какъ сыплютъ къ курицѣ дождемъ по зву цыпляты;
А я, какъ сирота, однимъ-одна сижу,
И, что есть дѣтская привѣтливость, не знаю".
— „Бѣдняжка! о тебѣ сердечно я страдаю;
Меня бы нелюбовь дѣтей могла убить,
Хотя примѣръ такой не рѣдокъ.
Скажи жъ: такъ, стало, ты ужъ вывела и дѣтокъ?
Когда же ты гнѣздо успѣла свить?
Я этого и не видала:
Ты все порхала да летала".
— „Вотъ вздоръ, чтобъ столько красныхъ [дней
Въ гнѣздѣ я, сидя, растеряла:
Ужъ это было бы всего глупѣй!
Я яица всегда въ чужія гнѣзды клала".
— „Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?"
Ей Горлинка на то сказала.

—

Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И нелюбовь — всегда порокъ;
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ, —
Не вы ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?

3.

Гребень.

Дитяти маменька расчесывать головку
Купила частый Гребешокъ.

Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку:
Играетъ, иль твердитъ изъ азбуки урокъ,
Свои все кудри золотыя,
Волнистыя, барашкомъ завитыя
И мягкія, какъ тонкій ленъ,
Любуясь Гребешкомъ, расчесываетъ онъ.
И что за Гребешокъ! не только не терѣбитъ,
Нигдѣ онъ даже не зацѣпитъ:
Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ.
Нѣтъ Гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
Случись, однакоже, что Гребень затерялся.
Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
Всклокотилъ волосы копной.
Лишь няня къ волосамъ, дитя подыметъ вой:
„Гдѣ Гребень мой?“
И Гребень отыскался,
Да только въ головѣ ни взадъ онъ, ни впередъ,
Лишь волосы до слезъ деретъ.
„Какой ты злой, Гребнишка!“
Кричитъ мальчишка.
А Гребень говоритъ: „Мой другъ, все тотъ же я;
Да голова всклокочена твоя“.
Однако жъ мальчикъ мой, отъ злости и досады,
Закинулъ Гребень свой въ рѣку:
Теперь имъ чешутся Наяды[1].

Видалъ я на своемъ вѣку,
Что также съ правдой поступаютъ:
Поколѣ совѣсть въ насъ чиста,
То правда намъ мила, и правда намъ свята,
Ее и слушаютъ, и принимаютъ;
Но только сталъ кривить душей,
То правду далѣ отъ ушей.
И всякой, какъ дитя, чесать волосъ не хочетъ,
Когда ихъ склочетъ.

---

[1] Низшія морскія и водныя вообще божества.

4.

Скупой и Курица.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать
(Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ,
Да рыться лѣнь), такъ я намѣренъ
Вамъ басню старую сказать.

—

Вотъ что въ ребячествѣ читалъ я про Скупого.
Былъ человѣкъ, который никакого
Не зналъ ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ Курицу имѣлъ (какъ это не завидно!),
Котора яица несла,
Но не простыя,
А золотыя.
Иной бы и тому былъ радъ,
Что понемногу онъ становится богатъ;
Но этого Скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Что, взрѣзавъ Курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.
Итакъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. И что же? Въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нея простые потроха.

5.

Двѣ бочки.

Двѣ Бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.
Вотъ первая — себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется,

Другая вскачь несется.
Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,
И пыль столбомъ;
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмется,
Ее заслышавши издалека;
Но какъ та Бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

—

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку;
Кто дѣловъ [1] истинно, — тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

6.

Алкидъ [2].

Алкидъ, Алкмены сынъ,
Столь славный мужествомъ и силою чудесной,
Однажды, проходя межъ скалъ и межъ стремнинъ
Опасною стезей и тѣсной,
Увидѣлъ на пути: свернувшись, будто ежъ,
Лежитъ чуть видное — не знаетъ, что такое.
Онъ раздавить его хотѣлъ пятой. И что жъ?
Оно раздулося и стало болѣ вдвое.
Отъ гнѣву вспыхнувъ, тутъ Алкидъ
Тяжелой палицей [3] своей его разитъ.
Глядитъ —
Оно страшнѣй становится лишь съ виду:
Толстѣетъ, бухнетъ и растетъ,
Застановляетъ солнца свѣтъ
И заслоняетъ путь собою весь Алкиду.

---

[1] Дѣловитъ.
[2] Геркулесъ.
[3] Въ изд. 1844 г, „палищей“.

Онъ бросилъ палицу, и передъ чудомъ симъ
Сталъ въ удивленьи недвижимъ.
Тогда ему Аѳина [1] вдругъ предстала.
„Оставь напрасный трудъ, мой братъ!“ она сказала:—
„Чудовищу сему названіе — Раздоръ.
Не тронуто, — его едва примѣтитъ взоръ;
Но если кто съ нимъ вздумаетъ сразиться, —
Оно отъ браней лишь тучнѣе становѝтся,
И вырастаетъ выше горъ“.

7.

Апеллесъ [2] и Осленокъ.

Кто самолюбіемъ чрезъ мѣру пораженъ,
Тотъ милъ себѣ и въ томъ, чѣмъ онъ другимъ смѣшонъ;
И часто тѣмъ ему случается хвалиться,
Чего бы долженъ онъ стыдиться.

—

Съ Осленкомъ встрѣтясь, Апеллесъ
Зоветъ себѣ Осленка въ гости.
Въ Осленкѣ заиграли кости!
Осленокъ хвастовствомъ весь душитъ лѣсъ,
И говоритъ звѣрямъ: „Какъ Апеллесъ мнѣ скученъ,
Я имъ размученъ:
Ну, все зоветъ къ себѣ, гдѣ съ нимъ ни встрѣчусь я.
Мнѣ кажутся, мои друзья,
Намѣренъ онъ съ меня писать Пегаса[3]“.
— „Нѣтъ“, Апеллесъ сказалъ, случася близко тутъ: —
„Намѣряся писать Мидасовъ судъ[4],

---

[1] Богиня мудрости, сестра Геркулеса по Зевесу.
[2] Знаменитый греческій художникъ.
[3] Крылатый конь бога поэзіи Аполлона.
[4] Аполлонъ, разгнѣвавшись на то, что царь Мидасъ предпочелъ игру бога рѣки Марсія его игрѣ, далъ Мидасу ослиныя уши.

Хотѣлъ съ тебя списать я уши для Мидаса;
И коль пожалуешь ко мнѣ, я буду радъ:
Ослиныхъ мнѣ ушей и много хоть встрѣчалось,
Но этакихъ, какими ты богатъ,
Не только у ослятъ,
Ни даже уословъ мнѣ видѣть не случалось".

8.

Охотникъ.

Какъ часто говорятъ въ дѣлахъ: еще успѣю;
Но надобно признаться въ томъ,
Что это говорятъ, спросяся не съ умомъ,
А съ лѣностью своею.
Итакъ, коль дѣло есть, скорѣй его кончай,
Иль послѣ на себя ропщи, не на случай,
Когда оно тебя застанетъ невзначай.
На это басню вамъ скажу я, какъ умѣю.

—

Охотникъ, взявъ ружье, патронницу, суму
И друга вѣрнаго по нраву и обычью,
Гектòра, — въ лѣсъ пошелъ за дичью,
Не зарядя ружья, хоть былъ совѣтъ ему,
Чтобъ зарядилъ ружье онъ дома.
„Вотъ вздоръ!" онъ говоритъ: „дорога мнѣ знакома,
На ней ни воробья не видѣлъ я родясь;
До мѣста жъ ходу цѣлый часъ,
Такъ зарядить еще успѣю я сто разъ".
Но что жъ? Лишь вонъ изъ жила
(Какъ будто бы надъ нимъ Фортуна подшутила),
По озерку
Гуляютъ утки цѣлымъ стадомъ;
И нашему бъ тогда Стрѣлку
Легко съ полдюжины однимъ зарядомъ
Убить,

И на недѣлю съ хлѣбомъ быть,
Когда бъ не отложилъ ружья онъ зарядить.
Теперь къ заряду онъ скорѣе; только утки
На это чутки:
Пока съ ружьемъ возился онъ,
Онѣ вскричали, встрепенулись,
Взвились — и за лѣса веревкой потянулись,
А тамъ изъ виду скрылись вонъ.
Напрасно по лѣсу Стрѣлокъ потомъ таскался,
Ни даже воробей ему не попадался;
А тутъ къ бѣдѣ еще бѣда:
Случись тогда
Ненастье.
Итакъ, Охотникъ мой,
Измокши весь, пришелъ домой
Съ пустой сумой;
А все-таки пенялъ не на себя — на счастье.

9.

Мальчикъ и Змѣя.

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватилъ Змѣю и, вòзрившись, отъ страха
Сталъ блѣденъ, какъ его рубаха.
Змѣя, на Мальчика спокойно посмотря,
„Послушай“, говоритъ: — „коль ты умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.
На сей разъ Богъ проститъ; но берегись впередъ,
И знай, съ кѣмъ шутишь!“

10.

Пловецъ и Море.

На берегъ выброшенъ кипящею волной,
Пловецъ съ усталости въ сонъ крѣпкій погрузился;
Потомъ, проснувшися, онъ Море клясть пустился.

„Ты“, говоритъ: — „всему виной!
Своей лукавой тишиной
Маня къ себѣ, ты насъ прельщаешь,
И, заманя, насъ въ безднахъ поглощаешь“.
Тутъ Море, на себя взявъ Амфитриды [1] видъ,
Пловцу явяся, говоритъ:
„На что винишь меня напрасно!
Плыть по водамъ моимъ ни страшно, ни опасно.
Когда жъ свирѣпствуютъ морскія глубины,
Виной тому одни Эоловы [2] сыны:
Они мнѣ не даютъ покою.
Когда не вѣришь мнѣ, то испытай собою:
Какъ вѣтры будутъ спать, отправь ты корабли,
Я неподвижнѣе тогда земли“.

—

И я скажу: совѣтъ хорошъ, не ложно;
Да плыть на парусахъ безъ вѣтру невозможно.

11.

Оселъ и Мужикъ.

Мужикъ на лѣто въ огородъ
Нанявъ Осла, приставилъ
Воронъ и воробьевъ гонять нахальный родъ.
Оселъ былъ самыхъ честныхъ правилъ:
Ни съ хищностью, ни съ кражей незнакомъ;
Не поживился онъ хозяйскимъ ни листкомъ,
И птицамъ, грѣхъ сказать, чтобы давалъ потачку;
Но Мужику барышъ былъ съ огорода плохъ.
Оселъ, гоняя птицъ, со всѣхъ ослиныхъ ногъ,
По всѣмъ грядамъ и вдоль, и поперекъ,
Такую поднялъ скачку,
Что въ огородѣ все примялъ и притопталъ.

---

[1] Богиня моря.
[2] Богъ вѣтра.

Увидя тутъ, что трудъ его пропалъ,
Крестьянинъ на спинѣ ослиной
Убытокъ выместилъ дубиной.
„И ништо!“ всѣ кричатъ: „скотинѣ по-дѣломъ: —
Съ его ль умомъ
За это дѣло браться!“

—

А я скажу, не съ тѣмъ, чтобъ за Осла вступаться:
Онъ, точно, виноватъ (съ нимъ сдѣланъ и расчетъ):
Но, кажется, не правъ и тотъ,
Кто поручилъ Ослу стеречь свой огородъ.

12.

Волкъ и Журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
Зато на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ Волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ Журавль случился.
Вотъ кой-какъ знаками сталъ Волкъ его манить,
И проситъ горю пособить.
Журавль свой носъ по шею
Засунулъ къ Волку въ пасть и съ трудностью большею
Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.
„Ты шутишь!“ звѣрь вскричалъ коварный: —
„Тебѣ за трудъ? Ахъ, ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ?
Поди жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся“.

13.

Пчела и Мухи.

Двѣ Мухи собрались летѣть въ чужіе краи,
И стали подзывать съ собой туда Пчелу:
Имъ насказали попугаи
О дальнихъ сторонахъ большую похвалу.
Притомъ же имъ самимъ казалося обидно,
Что ихъ, на родинѣ своей,
Вездѣ гоняютъ изъ гостей;
И даже до чего (какъ людямъ то не стыдно,
И что они за чудаки!):
Чтобъ поживиться имъ не дать сластями
За пышными столами,
Придумали отъ нихъ стеклянны колпаки;
А въ хижинахъ на нихъ злодѣи пауки.
„Путь добрый вамъ“, Пчела на это отвѣчала: —
„А мнѣ
И на моей пріятно сторонѣ.
Отъ всѣхъ за соты я любовь себѣ сыскала,
Отъ поселянъ и до вельможъ.
Но вы летите,
Куда хотите!
Вездѣ вамъ будетъ счастье то жъ:
Не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны,
А рады пауки лишь будутъ вамъ
И тамъ“.

—

Кто съ пользою отечеству трудится,
Тотъ съ нимъ легко не разлучится;
А кто полезнымъ быть способности лишенъ,
Чужая сторона тому всегда пріятна:
Не бывши гражданинъ, тамъ менѣ презрѣнъ онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна.

14.

Муравей.

Какой то Муравей былъ силы непомѣрной,
Какой не слыхано ни въ древни времена;
Онъ даже (говоритъ его историкъ вѣрной)
Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна!
Притомъ и въ храбрости за чудо почитался:
Гдѣ бъ ни завидѣлъ червяка,
Тотчасъ въ него впивался,
И даже хаживалъ одинъ на паука.
А тѣмъ вошелъ въ такую славу
Онъ въ муравейникѣ своемъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что о немъ.
Я лишнія хвалы считаю за отраву;
Но этотъ Муравей былъ не такого нраву:
Онъ ихъ любилъ,
Своимъ онъ чванствомъ мѣрилъ,
И всѣмъ имъ вѣрилъ;
А ими, наконецъ, такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться,
Чтобъ силой тамъ повеличаться.
На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спесиво всползъ,
И въѣхалъ въ городъ очень пышно;
Но, ахъ, какой для гордости ударъ!
Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ;
А про него совсѣмъ не слышно:
У всякаго забота тамъ своя.
Мой Муравей, то взявъ листокъ, потянетъ,
То припадетъ онъ, то привстанетъ:
Никто не видитъ Муравья.
Уставши, наконецъ, тянуться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,
Который у воза хозяйскаго лежалъ:

„Не правда ль, надобно признаться,
Что въ городѣ у васъ
Народъ безъ толку и безъ глазъ?
Возможно ль, что меня никто не примѣчаетъ,
Какъ ни тянусь я цѣлый часъ;
А, кажется, у насъ
Меня весь муравейникъ знаетъ".
И со стыдомъ отправился домой.

—

Такъ думаетъ иной,
Затѣйникъ,
Что онъ въ подсолнечной гремитъ,
А онъ — дивитъ
Свой только муравейникъ.

15.

Пастухъ и Море.

Пастухъ въ Нептуновомъ [1] сосѣдствѣ близко жилъ:
На взморьѣ, хижины уютной обитатель,
Онъ стада малаго былъ мирный обладатель,
И вѣкъ спокойно проводилъ.
Не зналъ онъ пышности, зато не зналъ и горя,
И долго участью своей
Довольнѣй, можетъ быть, онъ многихъ былъ царей.
Но, видя, всякій разъ, какъ съ Моря
Сокровища несутъ горами корабли,
Какъ выгружаются богатые товары,
И ломятся отъ нихъ амбары,
И какъ хозяева ихъ въ пышности цвѣли,
Пастухъ на то прельстился;
Распродалъ стадо, домъ, товаровъ накупилъ,
Сѣлъ на корабль, и за Море пустился.
Однако же походъ его не дологъ былъ;

[1] Богъ моря.

Обманчивость, Морямъ природну,
Онъ скоро испыталъ: лишь берегъ вонъ изъ глазъ,
Какъ буря поднялась;
Корабль разбитъ, пошли товары кò дну,
И онъ насилу спасся самъ.
Теперь опять, благодаря Морямъ,
Пошелъ онъ въ пастухи, лишь съ разницею тою,
Что прежде пасъ овецъ своихъ,
Теперь пасетъ овецъ чужихъ
Изъ платы. Съ нуждою [1], однакожъ, хоть большою, —
Чего не сдѣлаешь терпѣньемъ и трудомъ? —
Не спивъ того, не съѣвъ другова,
Скопилъ деньжонокъ онъ, завелся стадомъ снова,
И сталъ опять своихъ овечекъ пастухомъ.
Вотъ, нѣкогда, на берегу морскомъ,
При стадѣ онъ своемъ
Въ день ясный сидя
И видя,
Что на Морѣ едва колышется вода
(Такъ Море присмирѣло),
И плавно съ пристани бѣгутъ по ней суда,
„Мой другъ!“ сказалъ: — „опять ты денегъ захо-
Но ежели моихъ — пустое дѣло! [тѣло,
Ищи кого иного ты провесть,
Отъ насъ тебѣ была ужъ честь.
Посмотримъ, какъ другихъ заманишь,
А отъ меня впередъ копейки не достанешь“.

—

Баснь эту лишнимъ я почелъ бы толковать,
Но какъ здѣсь къ слову не сказать,
Что лучше вѣрнаго держаться,
Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться!
Найдется тысячу несчастныхъ отъ нее
На одного, кто не былъ ей обманутъ.

---

[1] Въ изд. 1844 г. „нуждой“.

А мнѣ, что говорить ни станутъ,
Я буду все твердить свое:
Что впереди — Богъ вѣсть; а что мое — мое!

16.

Крестьянинъ и Змѣя.

Къ Крестьянину вползла Змѣя
И говоритъ: „Сосѣдъ, начнемъ жить дружно!
Теперь меня тебѣ стеречься ужъ не нужно;
Ты видишь, что совсѣмъ другая стала я,
И кожу нынѣшней весной перемѣнила".
Однакожъ Мужика Змѣя не убѣдила.
Мужикъ схватилъ обухъ
И говоритъ: — „Хоть ты и въ новой кожѣ
Да сердце у тебя все то же".
И вышибъ изъ сосѣдки духъ.

—

Когда извѣриться въ себѣ ты дашь причину,
Какъ хочешь, ты мѣняй личину:
Себя подъ нею не спасешь,
И, что съ Змѣей, съ тобой случиться можетъ то жъ.

17.

Лисица и Виноградъ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ,
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись!
А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;
Лишь то бѣда — висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись попусту часъ цѣлой,

Пошла и говоритъ съ досадою: „Ну, что жъ?
На взглядъ то онъ хорошъ,
Да зеленъ — ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь“.

18.

Овцы и Собаки.

Въ какомъ то стадѣ у Овецъ,
Чтобъ Волки не могли ихъ болѣе тревожить,
Положено число Собакъ умножить.
Что жъ? Развелось ихъ столько, наконецъ,
Что Овцы отъ волковъ, то правда, уцѣлѣли;
Но и Собакамъ надо жъ ѣсть:
Сперва съ Овечекъ сняли шерсть,
А тамъ, по жеребью, съ нихъ шкурки полетѣли,
А тамъ осталося всего Овецъ пять-шесть,
И тѣхъ Собаки съѣли.

19.

Медвѣдь въ сѣтяхъ.

Медвѣдь
Попался въ сѣть.
Надъ смертью издали шути, какъ хочешь, смѣло;
Но смерть вблизи — совсѣмъ другое дѣло.
Не хочется Медвѣдю умереть.
Не отказался бы мой Мишка и отъ драки,
Да весь опутанъ сѣтью онъ,
А на него со всѣхъ сторонъ
Рогатины и ружья, и собаки:
Такъ драка не по немъ.
Вотъ хочетъ Мишка взять умомъ,
И говоритъ ловцу: „Мой другъ, какой виноѵ

Я проступился предъ тобою?
За что моей ты хочешь головы?
Иль вѣришь клеветамъ напраснымъ на медвѣдей,
Что злы они? Ахъ, мы совсѣмъ не таковы!
Я, напримѣръ, пошлюсь на всѣхъ сосѣдей,
Что изо всѣхъ звѣрей мнѣ только одному
Никто не сдѣлаетъ упрека,
Чтобъ мертваго я тронулъ человѣка".
— „То правда", отвѣчалъ на то ловецъ ему: —
„Хвалю къ усопшимъ я почтеніе такое;
Зато, гдѣ случай ты имѣлъ,
Живой ужъ отъ тебя не вырывался цѣлъ,
Такъ лучше бы ты мертвыхъ ѣлъ,
И оставлялъ живыхъ въ покоѣ".

20.

Колосъ.

На нивѣ, зыблемый погодой, Колосокъ,
Увидя за стекломъ въ теплицѣ
И въ нѣгѣ, и въ добрѣ взлелѣянный цвѣтокъ,
Межъ тѣмъ какъ онъ и мошекъ вереницѣ,
И бурямъ, и жарамъ, и холоду открытъ,
Хозяину съ досадой говоритъ:
„За что вы, люди, такъ всегда несправедливы,
Что кто умѣетъ вашъ утѣшить вкусъ иль глазъ,
Тому ни въ чемъ отказа нѣтъ у васъ;
А кто полезенъ вамъ, къ тому вы нерадивы?
Не главный ли доходъ твой съ нивы:
А, посмотри, въ какой небрежности она!
Съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ ты здѣсь въ землю сѣмена,
Укрылъ ли подъ стекломъ когда насъ отъ ненастья,
Велѣлъ ли насъ полоть иль согрѣвать,
И приходилъ ли насъ въ засуху поливать?

Нѣтъ: мы совсѣмъ расти оставлены на счастье;
Тогда какъ у тебя цвѣты,
Которыми ни сытъ, ни богатѣешь ты,
Не такъ, какъ мы, закинуты здѣсь въ полѣ, —
За стеклами растутъ въ пріютѣ, въ нѣгѣ, въ холѣ.
Что если-бы о насъ ты столько клалъ заботъ?
Вѣдь въ будущій бы годъ
Ты собралъ бы самъ-сотъ,
И съ хлѣбомъ караванъ отправилъ бы въ столицу.
Подумай, выстрой-ка пошире намъ теплицу".
— „Мой другъ", хозяинъ отвѣчалъ:
„Я вижу, ты моихъ трудовъ не примѣчалъ.
Повѣрь, что главныя мои о васъ заботы.
Когда бъ ты зналъ, какой мнѣ стоили работы
Расчистить лѣсъ, удобрить землю вамъ,
И не было конца моимъ трудамъ.
Но толковать теперь ни время, ни охоты,
Ни пользы нѣтъ.
Дождя жъ и вѣтру ты проси себѣ у неба;
А еслибъ умный твой исполнилъ я совѣтъ,
То былъ бы безъ цвѣтовъ, и былъ бы я безъ хлѣба".

—

Такъ часто добрый селянинъ,
Простой солдатъ иль гражданинъ,
Кой съ кѣмъ свое сличая состоянье,
Приходятъ иногда въ роптанье:
Имъ можно то жъ почти сказать и въ оправданье.

21.

Мальчикъ и Червякъ.

Не льстись предательствомъ ты счастіе сыскать!
У самыхъ тѣхъ всегда въ глазахъ предатель низокъ,
Кто при нуждѣ его не ставитъ въ грѣхъ ласкать;
И первый завсегда къ бѣдѣ предатель близокъ.

—

Крестьянина Червякъ просилъ его пустить
Въ свой садъ на лѣто погостить.
Онъ обѣщалъ вести себя тамъ честно,
Не трогая плодовъ, листочки лишь глодать,
И то, которые ужъ станутъ увядать.
Крестьянинъ судитъ: „Какъ пристанища не дать?
Ужли отъ Червяка въ саду мнѣ будетъ тѣсно?
Пускай его себѣ живетъ.
Притомъ же важнаго убытку быть не можетъ,
Коль онъ листочка два-три сгложетъ“.
Позволилъ, и Червякъ на дерево ползетъ;
Нашелъ подъ вѣточкой пріютъ отъ непогодъ;
Живетъ безъ нужды, хоть непышно,
И про него совсѣмъ не слышно.
Межъ тѣмъ ужъ золотитъ плоды лучистый Царь[1].
Вотъ, въ самомъ томъ саду, гдѣ также спѣть все стало,
Наливное, сквозное, какъ янтарь,
При солнцѣ яблоко на вѣткѣ дозрѣвало.
Мальчишка былъ давно тѣмъ яблокомъ плѣненъ,
Изъ тысячи другихъ его замѣтилъ онъ,
Да доступъ къ яблоку мудренъ.
На яблоню Мальчишка лѣзть не смѣетъ,
Ее тряхнуть онъ силы не имѣетъ,
И, словомъ, яблоко достать не знаетъ какъ.
Кто жъ въ кражѣ Мальчику помочь взялся? — Червякъ.
„Послушай“, говоритъ: — „я знаю это, точно
Хозяинъ яблоки велѣлъ снимать;
Такъ это яблоко обоимъ намъ непрочно;
Однакожъ я берусь его достать,
Лишь подѣлись со мной. Себѣ ты можешь взять
Противу моего хоть вдесятеро болѣ;
А мнѣ и самой малой доли
На цѣлый станетъ вѣкъ глодать“.

---

[1] Солнце.

Условье сдѣлано: Мальчишка согласился;
Червякъ — на яблоню и работать пустился;
Онъ яблоко въ минуту подточилъ.
Но что жъ въ награду получилъ?
Лишь только яблоко упало,
И съ сѣмечками съѣлъ его Мальчишка мой;
А какъ за долей сползъ Червякъ долой,
То Мальчикъ Червяка расплющилъ подъ пятой:
И такъ ни Червяка, ни яблока не стало.

22.
Похороны.

Въ Египтѣ въ старину велось обыкновенье,
Когда кого хотятъ пышнѣе хоронить,
Наемныхъ плакальщицъ пускать за гробомъ выть.
Вотъ, нѣкогда, на знатномъ погребеньѣ,
Толпа сихъ плакальщицъ, поднявши вой,
Покойника отъ жизни скоротечной
Въ домъ провожала вѣчной
На упокой.
Тутъ странникъ, думая, что, въ горести сердечной,
То рвется вся покойника родня,
„Скажите“, говоритъ: — „не рады ли бъ вы были,
Когда бъ его вамъ воскресили?
Я Магъ; на это есть возможность у меня:
Мы заклинанія съ собой такія носимъ —
Покойникъ оживетъ сейчасъ“.
— „Отецъ!“ вскричали всѣ: „обрадуй бѣдныхъ насъ!
Одной лишь милости притомъ мы просимъ,
Чтобъ сутокъ черезъ пять
Онъ умеръ бы опять.
Въ живомъ въ немъ не было здѣсь проку никакова,
Да врядъ ли будетъ и впередъ;
А какъ умретъ,
То выть по немъ наймутъ насъ, вѣрно, снова“.

—

Есть много богачей, которыхъ смерть одна
Къ чему-нибудь годна.

23.

Трудолюбивый Медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березника и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
А не дается ремесло.
Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта,
И говоритъ: „Сосѣдъ, что за причина эта?
Деревья такі я ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?“
— „Въ томъ“, отвѣчалъ сосѣдъ, —
„Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньѣ“.

24.

Сочинитель и Разбойникъ.

Въ жилище мрачное тѣней
На судъ предстали предъ судей,
Въ одинъ и тотъ же часъ: Грабитель
(Онъ по большимъ дорогамъ разбивалъ
И въ петлю, наконецъ, попалъ);
Другой былъ славою покрытый Сочинитель:
Онъ тонкій разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ.

Вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ,
Былъ, какъ Сирена[1], сладкогласенъ
1, какъ Сирена, былъ опасенъ.
Въ аду обрядъ судебный скоръ;
Нѣтъ проволочекъ безполезныхъ:
Въ минуту сдѣланъ приговоръ.
На страшныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
Повѣшены большихъ чугунныхъ два котла:
Въ нихъ виноватыхъ разсадили.
Дровъ подъ Разбойника большой костеръ взвалили;
Сама Мегера[2] ихъ зажгла,
И развела такой ужасный пламень,
Что трескаться сталъ въ сводахъ адскихъ камень.
Судъ къ Сочинителю, казалось, былъ не строгъ:
Подъ нимъ сперва чуть тлѣлся огонекъ;
Но тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣ разгарался.
Вотъ вѣки протекли, огонь не унимался.
Ужъ подъ Разбойникомъ давно костеръ погасъ;
Подъ Сочинителемъ онъ злѣй съ часу на часъ.
Не видя облегченья,
Писатель, наконецъ, кричитъ среди мученья,
Что справедливости въ богахъ нимало нѣтъ;
Что славой онъ наполнилъ свѣтъ,
И ежели писалъ немножко вольно,
То слишкомъ ужъ за то наказанъ больно:
Что онъ не думалъ быть Разбойника грѣшнѣй.
Тутъ передъ нимъ, во всей красѣ своей,
Съ шипящими между волосъ змѣями,
Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
Изъ адскихъ трехъ сестеръ[3] явилася одна.
„Несчастный!“ говоритъ она:
„Ты ль Провидѣнію пеняешь?
И ты ль съ Разбойникомъ себя равняешь?
Передъ твоей ничто его вина.

[1] Сирены — полурыбы, полуженщины, привлекавшія мореходцевъ своимъ пѣніемъ и затѣмъ губившія ихъ.
[2] Завѣдывающая адскими мученіями.
[3] Эвмениды, богини мести и угрызеній совѣсти.

По лютости своей и злости
Онъ вреденъ былъ,
Пока лишь жилъ.
А ты... уже твои давно истлѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаяся, вѣкъ отъ вѣку лютѣетъ.
Смотри (тутъ свѣтъ ему узрѣть она дала),
Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною!
Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,
Отчаянье отцовъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены? — Тобою.
Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальства, власти,
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти
И связи общества рвался расторгнуть? — Ты.
Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?
Не ты ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ
И страсти, и порокъ?
И вонъ, опоена твоимъ ученьемъ,
Тамъ цѣлая страна
Полна
Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до погибели доведена тобой!
Въ ней каждой капли слезъ и крови ты — виной.
И смѣлъ ты на боговъ хулой вооружиться?
А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ!
Терпи жъ: здѣсь по дѣламъ тебѣ и казни мѣра!“
Сказала гнѣвная Мегера —
И крышкою захлопнула котелъ.

25.

Ягненокъ.

Какъ часто я слыхалъ такое разсужденье:
„По-мнѣ пускай, что хочешь, говорятъ,
Лишь былъ бы я въ душѣ невиноватъ!“
Нѣтъ; надобно еще умѣнье,
Коль хочешь въ людяхъ ты себя не погубить,
И добрую наружность сохранить.
Красавицы! вамъ знать всего нужнѣе,
Что слава добрая вамъ лучше всѣхъ прикрасъ,
И что она у васъ
Весенняго цвѣтка нѣжнѣе.
Какъ часто и душа, и совѣсть въ васъ чиста;
Но лишній взглядъ, словцо, одна неосторожность
Язвить злословью васъ даетъ возможность, —
И ваша слава ужъ не та.
Ужели не глядѣть? ужель не улыбаться?
Не то я говорю; но только всякій шагъ
Вы свой должны обдумать такъ,
Чтобъ было не къ чему злословью и придраться.

—

Анюточка[1], мой другъ!
Я для тебя и для твоихъ подругъ
Придумалъ басенку. Пока еще ребенкомъ,
Ты вытверди ее; не нынѣ, такъ впередъ
Съ нея сберешь ты плодъ.
Послушай, что случилося съ Ягненкомъ.
Поставь свою ты куклу въ уголокъ;
Разсказъ мой будетъ коротòкъ.
Ягненокъ сдуру,
Надѣвши волчью шкуру,
Пошелъ по стаду въ ней гулять:
Ягненокъ лишь хотѣлъ пощеголять;
Но псы, увидѣвши повѣсу,

[1] Маленькая Оленина (Анна Алексѣевна, впослѣдствіи Андро).

Подумали, что волкъ пришелъ изъ лѣсу,
Вскочили, кинулись къ нему, свалили съ ногъ,
И прежде, нежели опомниться онъ могъ,
Чуть по клочкамъ его не расхватили.
По счастью, пастухи, узнавъ, его отбили;
Но побывать у псовъ не шутка на зубахъ:
Бѣдняжка отъ такой тревоги
Насилу доволокъ въ овчарню ноги;
А тамъ онъ сталъ хирѣть, потомъ совсѣмъ зачахъ,
И простоналъ весь вѣкъ свой безъ умолка.
А еслибы Ягненокъ былъ уменъ, —
И мысли бы боялся онъ
Похожимъ быть на волка.

Конецъ шестой книги.

Книга седьмая.

1.

Совѣтъ мышей.

Когда то вздумалось Мышамъ себя прославить,
И, несмотря на кошекъ и котовъ,
Свести съ ума всѣхъ ключницъ, поваровъ,
И славу о своихъ дѣлахъ трубить заставить
Отъ погребовъ до чердаковъ;
А для того Совѣтъ назначено составить,
Въ которомъ засѣдать лишь тѣмъ, у коихъ хвостъ
Длиной во весь ихъ ростъ:
Примѣта у Мышей, что тотъ, чей хвостъ длиннѣе,
Всегда умнѣе
И расторопнѣе вездѣ.
Умно ли то, теперь мы спрашивать не будемъ;
Притомъ же объ умѣ мы сами часто судимъ
По платью иль по бородѣ.
Лишь нужно знать, что съ общаго сужденья
Все длиннохвостыхъ брать назначено въ Совѣтъ:
У коихъ же хвоста, къ несчастью, нѣтъ,
Хотя бъ лишились ихъ онѣ среди сраженья,
Но такъ какъ это знакъ иль неумѣнья,
Иль нерадѣнья,
Такихъ въ Совѣтъ не принимать,
Чтобъ изъ-за нихъ своихъ хвостовъ не растерять!
Все дѣло слажено; повѣщено собранье,

Какъ ночь настанетъ на дворѣ;
И, наконецъ, въ мушномъ ларѣ
Открыто засѣданье.
Но лишь позаняли мѣста,
Анъ, глядь, сидитъ тутъ крыса безъ хвоста.
Примѣтя то, сѣдую Мышь толкаетъ
Мышенокъ молодой,
И говоритъ: „Какой судьбой
Безхвостая здѣсь съ нами засѣдаетъ?
И гдѣ же дѣлся нашъ законъ?
Дай голосъ, чтобъ ее скорѣе выслать вонъ.
Ты знаешь, какъ народъ безхвостыхъ нашъ не любитъ;
И можно ль, чтобъ она полезна намъ была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только насъ, подполицу всю сгубитъ“ [1].
А Мышь въ отвѣтъ: — “Молчи! все знаю я сама;
Да эта крыса мнѣ кума.“

2.

Мельникъ.

У Мельника вода плотину прососала;
Бѣда бъ не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить;
А течь день-ото-дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
„Эй, Мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!“
А Мельникъ говоритъ: „Далеко до бѣды;
Не море надо мнѣ воды,
И ею мельница по весь мой вѣкъ богата“.
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.

[1] Въ изд. 1844 г. „губитъ“.

И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жорновъ, мельница не служитъ.
Хватился Мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь
Вотъ, у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
„Негодныя!“ кричитъ: — „хохлатки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю, гдѣ достать,
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать.“
И въ нихъ полѣномъ хвать!
Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ подворье.

—

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.
Съ такою бережью диковинка ль, что домъ
Скорешенько пойдетъ вверхъ дномъ?

3.

Булыжникъ и Алмазъ.

Потерянный Алмазъ валялся на пути;
Случилось, наконецъ, купцу его найти.
Онъ отъ купца
Царю представленъ,
Имъ купленъ, въ золотѣ оправленъ
И украшеніемъ сталъ царскаго вѣнца.
Узнавъ про то, Булыжникъ развозился,
Блестящею судьбой Алмаза онъ прельстился,
И, видя мужика, его онъ проситъ такъ:

„Пожалуйста, землякъ,
Возьми меня въ столицу ты съ собою!
За что здѣсь подъ дождемъ и въ слякоти я ною?
А нашъ Алмазъ въ чести, какъ говорятъ.
Не понимаю я, за что онъ въ знать попался?
Со мною сколько лѣтъ здѣсь рядомъ онъ валялся;
Такой же камень онъ, и мнѣ набитый братъ.
Возьми жъ меня. Какъ знать? Коль тамъ я покажуся,
То также, можетъ быть, на дѣло пригожуся".
Взялъ камень мужичокъ на свой тяжелый возъ.
И въ городъ онъ его привезъ.
Ввалился камень мой, и думаетъ, что разомъ
Засядетъ рядомъ онъ съ Алмазомъ;
Но вышелъ для него случай совсѣмъ иной:
Онъ точно въ дѣло взятъ, но взятъ для мостовой.

4.

Мотъ и Ласточка.

Какой то молодецъ,
Въ наслѣдство получа богатое имѣнье,
Пустился въ мотовство, и при большомъ радѣньѣ
Спустилъ все чисто; наконецъ,
Съ одною шубой онъ остался,
И то лишь для того, что было то зимой —
Такъ онъ морозовъ побоялся.
Но, Ласточку увидя, малый мой,
И шубу промоталъ. Вѣдь это всѣ, чай, знаютъ,
Что ласточки къ намъ прилетаютъ
Передъ весной;
Такъ въ шубѣ, думалъ онъ, нѣтъ нужды никакой;
Къ чему въ ней кутаться, когда во всей природѣ
Къ весенней клонится пріятной все погодѣ,
И въ сѣверную глушь морозы загнаны? —
Догадки малаго умны;

Да только онъ забылъ пословицу въ народѣ,
Что ласточка одна не дѣлаетъ весны.
И подлинно: опять отколь взялись морозы,
По снѣгу хрупкому скрипятъ обозы,
Изъ трубъ столбами дымъ, въ оконницахъ стекло
Узорами заволокло.
Отъ стужи малаго прошибли слезы,
И Ласточку свою, предтечу теплыхъ дней,
Онъ видитъ на снѣгу замерзшую. Тутъ къ ней,
Дрожа, насилу могъ онъ вымолвить сквозь [зубы:
„Проклятая! сгубила ты себя;
А, понадѣясь на тебя,
И я теперь не во-время безъ шубы!“

5.

Плотичка.

Хоть я и не пророкъ,
Но, видя мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется,
Пророчество почти всегда мнѣ удается:
Что крылышки сожжетъ мой мотылекъ.
Вотъ, милый другъ, тебѣ сравненье и урокъ!
Онъ и для взрослаго, хорошъ и для ребенка.
Ужли вся басня тутъ? ты спросишь; погоди:
Нѣтъ, это только побасенка,
А басня будетъ впереди,
И къ ней я напередъ скажу нравоученье.
Вотъ, вижу новое въ глазахъ твоихъ сомнѣнье:
Сначала краткости, теперь ужъ ты
Боишься длинноты.
Что жъ дѣлать, милый другъ; возьми терпѣнье!
Я самъ того жъ боюсь.
Но какъ же быть? Теперь я старѣ становлюсь:
Погода къ осени дождливѣй,
А люди къ старости болтливѣй.
Но чтобы дѣла мнѣ не выпустить изъ глазъ,

Крыловъ въ старости.

Рис. Агина (1844).

То выслушай: слыхалъ я много разъ,
Что, легкіе проступки ставя въ малость,
Въ нихъ извинить себя хотятъ
И говорятъ:
За что винить тутъ? это шалость,
Но эта шалость намъ къ паденью первый шагъ;
Она становится привычкой, послѣ — страстью,
И, увлекая насъ въ порокъ съ гигантской властью,
Намъ не даетъ опомниться никакъ.
Чтобы тебѣ живѣй представить,
Какъ на себя надѣянность вредна,
Позволь мнѣ басенькой себя ты позабавить;
Теперь изъ-подъ пера сама идетъ она,
И можетъ съ пользою тебя наставить.

—

Не помню, у какой рѣки,
Злодѣи царства водяного,
Пріютъ имѣли рыбаки.
Въ водѣ, по близости у берега крутого,
Плотичка рѣзвая жила.
Проворна и притомъ лукава,
Небоязливаго была Плотичка нрава:
Вкругъ удочекъ она вертѣлась, какъ юла.
И часто съ ней рыбакъ свой промыслъ клялъ съ досады.
Когда, за пожданье онъ, въ чаяньѣ награды,
Закинетъ уду, глазъ не сводитъ съ поплавка:
Вотъ, думаетъ, взяла; въ немъ сердце встрепенется;
Взмахнетъ онъ удой: глядь—крючокъ безъ червяка;
Плутовка, кажется, надъ рыбакомъ смѣется,
Сорветъ приманку, увернется,
И, хоть ты что, обманетъ рыбака.
„Послушай“, говоритъ другая ей Плотица: —
„Не сдобровать тебѣ, сестрица!
Иль мало мѣста здѣсь въ водѣ,
Что ты всегда вкругъ удочекъ вертишься?
Боюсь я: скоро ты съ рѣкой у насъ простишься.

Чѣмъ ближе къ удочкамъ, тѣмъ ближе и къ бѣдѣ.
Сегодня съ рукъ сошло, а завтра — кто порука?“
Но глупымъ, что глухимъ разумныя слова.
„Вотъ“, говоритъ моя Плотва: —
„Вѣдь я не близорука!
Хоть хитры рыбаки, но страхъ пустой ты брось:
Я вижу хитрость ихъ насквозь.
Вотъ видишь уду! вонъ закинута другая!
Ахъ, вотъ еще, еще! Смотри же, дорогая,
Какъ хитрецовъ я проведу!“
И къ удочкамъ стрѣлой пустилась;
Рванула съ той, съ другой, на третьей зацѣпилась,
И, ахъ, попалася въ бѣду!
Тутъ поздно бѣдная узнала,
Что лучше бы бѣжать опасности сначала.

6.

Крестьянинъ и Змѣя.

Когда почтенъ быть хочешь у людей, —
Съ разборомъ заводи знакомства и друзей!

—

Мужикъ съ Змѣею подружился.
Извѣстно, что Змѣя умна:
Такъ вкралась къ Мужику она,
Что ею только онъ и клялся, и божился.
Съ тѣхъ поръ всѣ прежніе пріятели, родня,
Никто къ нему ногой не побываетъ.
„Помилуйте“, Мужикъ пеняетъ: —
„За что вы всѣ покинули меня?
Иль угостить жена васъ не умѣла?
Или хлѣбъ-соль моя вамъ надоѣла?“
— „Нѣтъ“, кумъ Матвѣй сказалъ ему въ отвѣтъ: —
„Къ тебѣ бы рады мы, сосѣдъ;

И никогда ты насъ (объ этомъ слова нѣтъ)
Не огорчилъ ничѣмъ, не опечалилъ:
Но что за радость, разсуди,
Коль, сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой другъ кого, подползши, не ужалилъ?“

7.

Свинья подъ Дубомъ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась жолудей досыта, до отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
„Вѣдь это дереву вредитъ“.
Ей съ дубу воронъ говоритъ: —
„Коль корни обнажишь оно засохнуть можетъ“.
— „Пусть сохнетъ“, говоритъ Свинья: —
„Ничуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я,
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю;
Лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю“.
— „Неблагодарная!“ промолвилъ Дубъ ей тутъ: —
„Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ“.

Невѣжда такъ же въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье,
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

8.

Паукъ и Пчела.

По мнѣ таланты тѣ не годны,
Въ которыхъ Свѣту пользы нѣтъ,
Хоть иногда имъ и дивится Свѣтъ.

—

Купецъ на ярмарку привезъ полотны;
Они такой товаръ, что надобны для всѣхъ.
Купцу на торгъ пожаловаться грѣхъ:
Покупщиковъ отбою нѣтъ; у лавки
Доходитъ иногда до давки.
Увидя, что товаръ такъ ходко идетъ съ рукъ,
Завистливый Паукъ
На барыши купца прельстился;
Задумалъ на продажу ткать,
Купца затѣялъ подорвать,
И лавочку открыть въ окошкѣ самъ рѣшился.
Основу основалъ, проткалъ насквозь всю ночь,
Поставилъ свой товаръ на диво,
Засѣлъ, надувшися, спесиво,
Отъ лавки не отходитъ прочь
И думаетъ: лишь только день настанетъ,
То всѣхъ покупщиковъ къ себѣ онъ переманитъ.
Вотъ день насталъ; но что жъ? Проказника метлой
Смели и съ лавочкой долой.
Паукъ мой бѣсится съ досады.
„Вотъ“ говоритъ: „жди праведной награды!
На весь я свѣтъ пошлюсь, чье тонѣе тканье:
Купцово, иль мое?“
— „Твое: кто въ этомъ спорить смѣетъ!“
Пчела отвѣтствуетъ: „извѣстно то давно;
Да что въ немъ проку, коль оно
Не одѣваетъ и не грѣетъ?“

———

9.

Лисица и Оселъ.

„Отколѣ умная бредешь ты голова?“
Лисица, встрѣтяся съ Осломъ, его спросила.
— „Сейчасъ лишь ото льва!
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила:
Бывало, зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я, безъ памяти, бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ, отъ этого урода;
А нынѣ, въ старости, и дряхлъ, и хилъ,
Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.
Повѣришь ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ,
И поплатился онъ старинными долгами!
Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему
По-своему:
Кто зубомъ, кто рогами“ ...
„Но ты коснуться льва, конечно, не дерзнулъ?“
Лиса Осла перерываетъ.
— „Вотъ-на!“ Оселъ ей отвѣчаетъ:
„А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыта знаетъ!“

—

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,
Не смѣютъ на тебя поднять они и взгляды;
Но упади лишь съ высоты —
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

10.

Муха и Пчела.

Въ саду, весной, при легкомъ вѣткѣ,
На тонкомъ стебелькѣ

Качалась Муха, сидя,
И, на цвѣткѣ Пчелу увидя,
Спесиво говоритъ: „Ужъ какъ тебѣ не лѣнь
Съ утра до вечера трудиться цѣлый день!
На мѣстѣ бы твоемъ я въ сутки захирѣла.
Вотъ, напримѣръ, мое
Такъ, право, райское житье!
За мною только лишь и дѣла,
Летать по баламъ, по гостямъ:
И — молвить, не хвалясь, — мнѣ въ городѣ знакомы
Вельможъ и богачей всѣ домы.
Когда бъ ты видѣла, какъ я пирую тамъ!
Гдѣ только свадьба, именины —
Изъ первыхъ я ужъ вѣрно тутъ,
И ѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,
И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вины,
И прежде всѣхъ гостей
Беру, что вздумаю, изъ лакомыхъ сластей;
Притомъ же, жалуя полъ нѣжной,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой иль шейкѣ бѣлоснѣжной“.
— „Все это знаю я“, отвѣтствуетъ Пчела:
„Но и о томъ дошли мнѣ слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирахъ лишь морщатся отъ Мухи,
Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домъ,
Тебя гоняютъ со стыдомъ“.
— „Вотъ“, Муха говоритъ: „гоняютъ! что жъ такое?
Коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое“.

11.

Змѣя и Овца.

Змѣя лежала подъ колодой
И злилася на цѣлый свѣтъ;

У ней другого чувства нѣтъ,
Какъ злиться: создана ужъ такъ она природой.
Ягненокъ въ близости рѣзвился и скакалъ;
Онъ о Змѣѣ совсѣмъ не помышлялъ.
Вотъ, выползши, она въ него вонзаетъ жало:
Въ глазахъ у бѣдняка туманно небо стало;
Вся кровь отъ яду въ немъ горитъ.
„Что сдѣлалъ я тебѣ?“ Змѣѣ онъ говоритъ.
— „Кто знаетъ? Можетъ быть, ты съ тѣмъ сюда забрался,
Чтобъ раздавить меня“, шипитъ ему Змѣя:
„Изъ осторожности тебя караю я“.
— „Ахъ, нѣтъ!“ онъ отвѣчалъ — и съ жизнью тутъ разстался.

—

Въ комъ сердце такъ сотворено,
Что дружбы, ни любви не чувствуетъ оно,
И ненависть одну ко всѣмъ питаетъ,
Тотъ всякаго своимъ злодѣемъ почитаетъ.

12.

Котелъ и Горшокъ.

Горшокъ съ Котломъ большую дружбу свелъ;
Хотя и познатнѣй породою Котелъ,
Но въ дружбѣ что за счетъ? Котелъ горой за свата;
Горшокъ съ Котломъ за-панибрата;
Другъ безъ друга они не могутъ быть никакъ;
Съ утра до вечера другъ съ другомъ неразлучно;
И у огня имъ порознь скучно;
И, словомъ, вмѣстѣ всякій шагъ,
И съ очага, и на очагъ.
Вотъ вздумалось Котлу по свѣту прокатиться,
И друга онъ съ собой зоветъ;
Горшокъ нашъ отъ Котла никакъ не отстаетъ
И вмѣстѣ на одну телѣгу съ нимъ садится.

Пустилися друзья по трясской мостовой,
Толкаются въ телѣгѣ межъ собой.
Гдѣ горки, рытвины, ухабы —
Котлу бездѣлица; Горшки натурой слабы:
Отъ каждаго толчка Горшку большой накладъ;
Однакожъ онъ не думаетъ назадъ,
И глиняный Горшокъ тому лишь радъ,
Что онъ съ Котломъ чугуннымъ такъ сдружился.
Какъ странствія ихъ были далеки,
Не знаю; но о томъ я точно извѣстился,
Что цѣлъ домой Котелъ съ дороги воротился,
А отъ Горшка одни остались черепки.

—

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство въ любви и дружбѣ вещь святая.

13.

Дикія Козы.

Пастухъ нашелъ зимой въ пещерѣ Дикихъ Козъ.
Онъ въ радости боговъ благодаритъ сквозь слезъ:
„Прекрасно“, говоритъ: — „ни клада мнѣ не надо,
Теперь мое прибудетъ вдвое стадо;
И не доѣмъ, и не досплю,
А милыхъ Козочекъ къ себѣ я прикормлю,
И паномъ заживу у насъ во всемъ полѣсьѣ.
Вѣдь пастуху стада, что барину помѣстье:
Онъ съ нихъ оброкъ волной[1] беретъ,
И масла, и сыры скопляетъ;
Подчасъ онъ тожъ и шкурки съ нихъ деретъ;
Лишь только кормъ онъ самъ имъ промышляетъ;
А корму на зиму у пастуха запасъ!“
Вотъ отъ своихъ овецъ къ гостямъ онъ кормъ таскаетъ;

[1] Шерстью.

Голубитъ ихъ, ласкаетъ;
Къ нимъ на день ходитъ по сту разъ;
Ихъ всячески старается привадить.
Убавилъ корму у своихъ,
Теперь, покамѣстъ, не до нихъ,
И со своими жъ легче сладить:
Сѣнца имъ бросить по клочку,
А станутъ приступать, такъ дать имъ по толчку,
Чтобъ менѣе въ глаза совались.
Да только вотъ бѣда: когда пришла весна,
То Козы Дикія всѣ въ горы разбѣжались:
Не по утесамъ жизнь казалась имъ грустна;
Свое же стадо захирѣло
И все почти переколѣло:
И мой пастухъ пошелъ къ веснѣ[1] съ сумой,
Хотя зимой
На барыши въ умѣ разсчитывалъ прекрасно.

—

Пастухъ! тебѣ теперь я молвлю рѣчь:
Чѣмъ въ Дикихъ Козъ терять свой кормъ напрасно,
Не лучше ли бы козъ домашнихъ поберечь?

14.

Соловьи.

Какой то птицеловъ
Весною наловилъ по рощамъ Соловьевъ.
Пѣвцы разсажены по клѣткамъ и запѣли,
Хоть лучше бъ по лѣсамъ гулять они хотѣли:
Когда сидишь въ тюрьмѣ, до пѣсенъ ли ужъ тутъ?
Но дѣлать нечего: поютъ,
Кто съ горя, кто отъ скуки.
Изъ нихъ одинъ бѣдняжка Соловей
Терпѣлъ всѣхъ болѣ муки:

[1] Эти слова въ изд. 1844 г. пропущены, въ другихъ же есть и требуются смысломъ.

Онъ разлученъ съ подружкой былъ своей.
Ему тошнѣе всѣхъ въ неволѣ.
Сквозь слезъ изъ клѣтки онъ посматриваетъ въ поле;
Тоскуетъ день и ночь;
Однакожъ думаетъ: „Злу грустью не помочь;
Безумный плачетъ лишь отъ бѣдства,
А умный ищетъ средства,
Какъ дѣломъ горю пособить;
И, кажется, бѣду могу я съ шеи сбыть:
Вѣдь насъ не съ тѣмъ поймали, чтобы скушать.
Хозяинъ, вижу я, охотникъ пѣсни слушать;
Такъ если голосомъ ему я угожу,
Быть можетъ, тѣмъ себѣ награду заслужу,
И онъ мою неволю окончаетъ".
Такъ разсуждалъ — и началъ мой пѣвецъ:
И пѣснью онъ зарю вечерню величаетъ,
И пѣснями восходъ онъ солнечный встрѣчаетъ.
Но что же вышло, наконецъ?
Онъ только отягчилъ свою тѣмъ злую долю:
Кто худо пѣлъ, для тѣхъ давно
Хозяинъ отворилъ и клѣтки, и окно,
И распустилъ ихъ всѣхъ на волю;
А мой бѣдняжка Соловей,
Чѣмъ пѣлъ пріятнѣй и нѣжнѣй,
Тѣмъ стерегли его плотнѣй.

15.

Голикъ[1].

Запачканный Голикъ попалъ въ большую честь:
Ужъ онъ половъ не будетъ въ кухняхъ месть;
Ему поручены господскіе кафтаны
(Какъ видно, слуги были пьяны).

[1] Вѣникъ.

Вотъ развозился мой Голикъ:
По платью барскому безъ устали колотитъ,
И на кафтанахъ онъ какъ будто рожь молотитъ.
И подлинно, что трудъ его великъ.
Бѣда лишь въ томъ, что самъ онъ грязенъ, неопря-
Что жъ пользы отъ его труда? [тенъ:
Чѣмъ больше чиститъ онъ, тѣмъ только больше
пятенъ.

—

Бываетъ столько же вреда,
Когда
Невѣжда не въ свои дѣла вплетется,
И поправлять труды ученаго возьмется.

16.

Крестьянинъ и Овца.

Крестьянинъ позвалъ въ судъ Овцу:
Онъ уголовное взвелъ на бѣдняжку дѣло;
Судья — лиса: оно въ минуту закипѣло.
Запросъ отвѣтчику, запросъ истцу,
Чтобъ разсказать по пунктамъ и безъ крика:
Какъ было дѣло, въ чемъ улика?
Крестьянинъ говоритъ: „Такого то числа,
Поутру у меня двухъ куръ не досчитались:
Отъ нихъ лишь косточки да перышки остались;
А на дворѣ одна Овца была“.
Овца же говоритъ: она всю ночь спала;
И всѣхъ сосѣдей въ томъ въ свидѣтели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А, сверхъ того, она совсѣмъ не ѣстъ мяснова.
И приговоръ лисы вотъ, отъ слова до слова:
„Не принимать никакъ резоновъ[1] отъ овцы:

[1] Здѣсь — въ смыслѣ „оправданій“.

Понеже[1] хоронить концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны;
По справкѣ жъ явствуетъ, что въ сказанную ночь —
Овца отъ куръ не отлучалась прочь;
А куры очень вкусны,
И случай былъ удобенъ ей;
То я сужу, по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла;
И вслѣдствіе того казнить Овцу,
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу".

17.

Скупой.

Какой то домовой стерегъ богатый кладъ,
Зарытый подъ землей; какъ вдругъ ему нарядъ
Отъ демонскаго воеводы —
Летѣть за тридевять земель на многи годы;
А служба такова: хоть радъ или не радъ,
Исполнить должно повелѣнье.
Мой домовой въ большомъ недоумѣньѣ,
Какъ безъ себя сокровище сберечь?
Кому его стеречь?
Нанять смотрителя, построить кладовыя:
Расходы надобно большіе;
Оставить такъ его: такъ можетъ кладъ пропáсть;
Нельзя ручаться ни за сутки;
И вырыть могутъ, и украсть:
На деньги люди чутки.
Хлопочетъ, думаетъ, и вздумалъ, наконецъ.
Хозяинъ у него былъ скряга и скупецъ.
Духъ, взявъ сокровище, является къ Скупому
И говоритъ: „Хозяинъ дорогой!

---

[1] Такъ какъ

Мнѣ въ дальнія страны показанъ путь изъ дом
А я всегда доволенъ былъ тобой:
Такъ на прощаньѣ, въ знакъ пріязни,
Мои сокровища принять не откажись!
Пей, ѣшь и веселись,
И трать ихъ безъ боязни!
Когда же придетъ смерть твоя,
То твой одинъ наслѣдникъ я:
Вотъ все мое условье;
А, впрочемъ, да продлитъ судьба твое здоровье!"
Сказалъ, и въ путь. Прошелъ десятокъ лѣтъ, другой.
Исправя службу, домовой
Летитъ домой
Въ отечески предѣлы.
Что жъ видитъ? О, восторгъ! Скупой съ ключомъ въ рукѣ
Отъ голода издохъ на сундукѣ,
И всѣ червонцы цѣли.
Тутъ Духъ опять свой кладъ
Себѣ присвоилъ,
И былъ сердечно радъ,
Что сторожъ для него ни денежки не стоилъ.

—

Когда у золота, скупой не ѣстъ, не пьетъ —
Не домовому ль онъ червонцы бережетъ?

18.

Богачъ и Поэтъ.

Съ великимъ Богачомъ Поэтъ затѣялъ судъ,
И Зевса умолялъ онъ за себя вступиться.
Обоимъ велѣно на судъ явиться.
Пришли: одинъ и тощъ, и худъ,
Едва одѣтъ, едва обутъ;
Другой весь въ золотѣ и спесью весь раздутъ.

„Умилосердися, Олимпа самодержецъ!
Тучегонитель, громовержецъ[1]!“
Кричитъ Поэтъ: — „чѣмъ я виновенъ предъ тобой,
Что съ юности терплю Фортуны злой гоненье?
Ни ложки, ни угла: и все мое имѣнье
Въ одномъ воображеньѣ;
Межъ тѣмъ, когда соперникъ мой,
Безъ выслугъ, безъ ума, равно съ твоимъ кумиромъ,
Въ палатахъ окруженъ поклонниковъ толпой,
Отъ роскоши и нѣги заплылъ жиромъ“.
— „А это развѣ ничего,
Что въ поздній вѣкъ твоей достигнутъ лиры звуки?“
Юпитеръ отвѣчалъ:—„а про него
Не только правнуки, не будутъ помнить внуки.
Не самъ ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ?
Ему жъ въ пожизненность я блага міра далъ.
Но вѣрь, коль вещи бы онъ болѣ понималъ,
И еслибы съ его умомъ была возможность
Почувствовать свою передъ тобой ничтожность,—
Онъ болѣе бъ тебя на жребій свой роптalъ“.

19.

Волкъ и Мышенокъ.

Изъ стада сѣрый Волкъ
Въ лѣсъ овцу затащилъ, въ укромный уголокъ,
Ужъ, разумѣется, не въ гости:
Овечку бѣдную обжора ободралъ,
И такъ ее онъ убиралъ,
Что на зубахъ хрустѣли кости.
Но какъ ни жаденъ былъ, а съѣсть всего не могъ;
Оставилъ къ ужину запасъ, и подлѣ легъ
Понѣжиться, вздохнуть отъ жирнаго обѣда.
Вотъ, близкаго его сосѣда,

[1] Обычные въ греческой поэзіи эпитеты Зевса.

Мышонка запахомъ пирушки привлекло.
Межъ мховъ и кочекъ онъ тихохонько подкрался,
Схватилъ кусокъ мясца и съ нимъ скорѣй убрался
Къ себѣ домой, въ дупло.
Увидя похищенье,
Волкъ мой
По лѣсу поднялъ вой;
Кричитъ онъ: „Караулъ! разбой!
Держите вора! Разоренье:
Расхитили мое имѣнье!“

—

Такое жъ въ городѣ я видѣлъ приключенье:
У Климыча-судьи часишки воръ стянулъ,
И онъ кричитъ на вора: „караулъ!“

20.

Два мужика.

„Здорово, кумъ Ѳаддей!“ — „Здорово, кумъ Егоръ!“
— „Ну, каково, пріятель, поживаешь?“
— „Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ,
И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ“.
— „Какъ такъ? Плохая кумъ игрушка!“
— „Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчой пошелъ дать корму лошадямъ:
Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ то заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?“—„Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь—я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я, тожъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезчуръ, признаться, я хлебнулъ

Съ друзьями полугару [1];
А чтобъ въ хмелю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ;
Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка".
— „Пеняйте на себя, друзья!"
Сказалъ имъ сватъ Степанъ:—„коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчою худо,
Да врядъ не хуже ль и въ потьмахъ".

21.

Котенокъ и Скворецъ.

Въ какомъ то домѣ былъ Скворецъ,
Плохой пѣвецъ;
Зато ужъ филосòфъ презнатный,
И свелъ съ Котенкомъ дружбу онъ.
Котенокъ былъ ужъ котикъ преизрядный,
Но тихъ и вѣжливъ и смиренъ.
Вотъ какъ то былъ въ столѣ Котенокъ обдѣленъ.
Бѣдняжку голодъ мучитъ:
Задумчивъ бродитъ онъ, скучаючи постомъ;
Поводитъ ласково хвостомъ
И жалобно мяучитъ.
А филосòфъ Котенка учитъ,
И говоритъ ему: „Мой другъ, ты очень простъ,
Что терпишь добровольно постъ;
А въ клѣткѣ надъ носомъ твоимъ виситъ щегленокъ:
Я вижу, ты прямой Котенокъ".

---

[1] Дешевая водка, плохо очищенная. Названіе объясняется тѣмъ, что при извѣстной температурѣ она могла горѣть (спиртъ сгоралъ, а вода оставалась).

— „Но совѣсть“... — „Какъ ты мало знаешь свѣтъ!
Повѣрь, что это сущій бредъ
И слабыхъ душъ одни лишь предразсудки,
А для большихъ умовъ—пустыя только шутки!
На свѣтѣ кто силенъ,
Тотъ дѣлать все воленъ.
Вотъ доказательства тебѣ, и вотъ примѣры“.
Тутъ, выведя ихъ на свои манеры,
Онъ философію всю вычерпалъ до дна.
Котенку натощакъ понравилась она:
Онъ вытащилъ и съѣлъ щегленка.
Разлакомилъ кусокъ такой Котенка,
Хотя имъ голода онъ утолить не могъ.
Однакоже второй урокъ
Съ большимъ успѣхомъ слушалъ,
И говоритъ Скворцу: „Спасибо, милый кумъ!
Наставилъ ты меня на умъ“.
И, клѣтку разломавъ, учителя онъ скушалъ.

22.

Двѣ Собаки.

Дворовый вѣрный песъ,
Барбосъ,
Который барскую усердно службу несъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.
Къ ней ластяся, какъ будто бы къ роднѣ,
Онъ, съ умиленья чуть не плачетъ,
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
„Ну, что, Жужутка, какъ живешь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?

Вѣдь, помнишь: на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?“
— „На счастье грѣхъ роптать“, Жужутка отвѣчаетъ:—
„Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ;
Живу въ довольствѣ и добрѣ,
И ѣмъ, и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся съ бариномъ; а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь?“—„Я“, отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ:—
„Живу по-прежнему: терплю и холодъ,
И голодъ,
И, сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю, и мокну подъ дождемъ;
А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случáй попалъ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межъ тѣмъ какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?“ — „Чѣмъ служишь! Вотъ прекрасно!“
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:—
„На заднихъ лапкахъ я хожу“.

—

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ.

23.

Кошка и Соловей.

Поймала Кошка Соловья,
Въ бѣдняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
„Соловушка, душа моя!

Я слышу, что тебя вездѣ за пѣсни славятъ,
И съ лучшими пѣвцами рядомъ ставятъ.
Мнѣ говоритъ лиса-кума,
Что голосъ у тебя такъ звонокъ и чудесенъ,
Что отъ твоихъ прелестныхъ пѣсенъ
Всѣ пастухи, пастушки—безъ ума.
Хотѣла бъ очень я сама
Тебя послушать.
Не трепещися такъ; не будь, мой другъ, упрямъ;
Не бойся: не хочу совсѣмъ тебя я кушать.
Лишь спой мнѣ что-нибудь—тебѣ я волю дамъ
И отпущу гулять по рощамъ и лѣсамъ.
Въ любви я къ музыкѣ тебѣ не уступаю,
И часто, про себя мурлыча, засыпаю".
Межъ тѣмъ мой бѣдный Соловей
Едва-едва дышалъ въ когтяхъ у ней.
„Ну, что же?" продолжаетъ Кошка:—
„Пропой, дружокъ, хотя немножко".
Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только что пищалъ.
„Такъ этимъ то лѣса ты восхищалъ?"
Съ насмѣшкою она спросила:—
„Гдѣ жъ эта чистота и сила,
О коихъ всѣ безъ умолку твердятъ?
Мнѣ скученъ пискъ такой и отъ моихъ котятъ.
Нѣтъ, вижу, что въ пѣньѣ ты вовсе не искусенъ.
Все безъ начала, безъ конца [1],
Посмотримъ, на зубахъ каковъ то будешь вкусенъ!"
И съѣла бѣднаго пѣвца
До крошки.

—

Сказать ли на ушко яснѣе мысль мою?
Худыя пѣсни Соловью
Въ когтяхъ у кошки.

---

[1] Этотъ стихъ, нужный для риѳмы и существующій въ другихъ изданіяхъ, ошибочно пропущенъ въ изд. 1844 г.

24.

Рыбьи пляски.

Имѣя въ области своей
Не только что лѣса, но даже вòды,
Левъ сòбралъ на совѣтъ звѣрей:
Кого бъ надъ рыбами поставить въ воеводы?
Какъ водится, пошли на голоса [1].
И выбрана была Лиса.
Вотъ Лисынька на воеводство сѣла.
Лиса примѣтно потолстѣла.
У ней былъ мужичокъ, пріятель, сватъ и кумъ;
Они вдвоемъ взялись за умъ:
Межъ тѣмъ какъ съ бережку Лисица рядитъ, судитъ,—
Кумъ рыбку удитъ,
И дѣлитъ съ кумушкой ее, какъ вѣрный другъ.
Но плутни не всегда удачно сходятъ съ рукъ.
Левъ какъ то взялъ по слухамъ подозрѣнье,
Что у него въ судахъ скривилися вѣсы,
И, улуча свободные часы,
Пустился самъ свое осматривать владѣнье.
Онъ идетъ берегомъ; а добрый куманекъ,
Наудя рыбъ, расклалъ у рѣчки огонекъ
И съ кумушкой попировать сбирался;
Бѣдняжки прыгали отъ жару, кто какъ могъ:
Всякъ, видя близкій свой конецъ, метался.
На мужика разинувъ зѣвъ,
„Кто ты, что дѣлаешь?“ спросилъ сердито Левъ.
— „Великій Государь!“ отвѣтствуетъ плутовка
(У Лисыньки всегда въ запасѣ есть уловка),—
„Великій Государь!
Онъ у меня здѣсь главный секретарь:
За безкорыстіе уваженъ всѣмъ народомъ;
А это караси, все жители воды:

---

[1] Этотъ стихъ, нужный для риѳмы и существующій въ другихъ изданіяхъ, въ изд. 1844 г. ошибочно пропущенъ.

Мы всѣ пришли сюды
Поздравить, добрый Царь, тебя съ твоимъ приходомъ".
— „Ну, какъ здѣсь идетъ судъ? Доволенъ ли вашъ край?"
— „Великій Государь, здѣсь не житье имъ—рай:
Лишь только бъ дни твои безцѣнные продлились".
(А рыбки между тѣмъ на сковородкѣ бились).
—„Да отчего же", Левъ спросилъ:—„скажи ты мнѣ,
Хвостами такъ онѣ и головами машутъ?"
— „О, мудрый Левъ!" Лиса отвѣтствуетъ:—„онѣ
На радости, тебя увидя, пляшутъ".
Не могши болѣ Левъ тутъ явной лжи стерпѣть,
Чтобъ не безъ музыки плясать народу,
Секретаря и воеводу
Въ своихъ когтяхъ заставилъ пѣть.

25.

Прихожанинъ.

Есть люди: будь лишь имъ пріятель,
То первый ты у нихъ и геній, и писатель;
Зато уже другой,
Какъ хочешь, сладко пой,
Не только, чтобъ отъ нихъ похвалъ себѣ дождаться,—
Въ немъ красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, можетъ быть, я тѣмъ немного досажу,
Но, вмѣсто басни, быль на это имъ скажу.

—

Во храмѣ проповѣдникъ
(Онъ въ краснорѣчіи Платона [1] былъ наслѣдникъ)
Прихожанъ поучалъ на добрыя дѣла.
Рѣчь сладкая, какъ медъ, изъ устъ его текла.

---

[1] Знаменитый русскій проповѣдникъ, митрополитъ московскій Платонъ (1737 — 1812).

Въ ней правда чистая, казалось, безъ искусства,
Какъ цѣпью золотой,
Возъемля къ небесамъ всѣ помыслы и чувства,
Сей обличала міръ, исполненный тщетой.
Душъ пастырь кончилъ поученье;
Но всякъ ему еще внималъ и, до небесъ
Вознесщенный, въ сердечномъ умиленьѣ
Не чувствовалъ своихъ текущихъ слезъ.
Когда жъ изъ Божьяго міряне вышли дому,
„Какой пріятный даръ!“
Изъ слушателей тутъ сказалъ одинъ другому:
„Какая сладость, жаръ!
Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца народа!
А у тебя, сосѣдъ, знать черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понималъ?“—„Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать:
Вѣдь я не здѣшняго прихода“.

26.

Ворона.

Когда не хочешь быть смѣшонъ,
Держися званія, въ которомъ ты рожденъ.
Простолюдинъ со знатью не роднися;
И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися,
А помни свой ты чаще ростъ.

—

Утыкавши себѣ павлинымъ перьемъ хвостъ,
Ворона съ павами пошла гулять спесиво
И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріятели ея
Всѣ заглядятся, какъ на диво;
Что Павамъ всѣмъ она сестра

И что пришла ея пора
Быть украшеніемъ Юнонина [1] двора.
Какой же вышелъ плодъ ея высокомѣрья?
Что Павами она ощипана кругомъ,
И что, бѣжавъ отъ нихъ, едва не кувыркомъ,
Не говоря ужъ о чужомъ,
На ней и своего осталось мало перья.
Она, было, назадъ къ своимъ; но тѣ совсѣмъ
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ея затѣи тѣмъ,
Что отъ Воронъ она отстала,
А къ Павамъ не пристала.

—

Я эту басенку вамъ былью поясню
Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала,
Чтобъ въ знатную войти родню.
Приданаго за ней полмилліона.
Вотъ выдали Матрену за Барона.
Что жъ вышло? Новая родня ей колетъ глазъ
Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась;
А старая за то, что къ знатнымъ приплелась:
И сдѣлалась моя Матрена
Ни Пава, ни Ворона.

Конецъ седьмой книги.

Павлины считались птицами, посвященными Юнонѣ.

Книга восьмая.

1.

Левъ состарѣвшійся.

Могучій Левъ, гроза лѣсовъ,
Постигнутъ старостью, лишился силы:
Нѣтъ крѣпости въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ,
Чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ,
И самого едва таскаютъ ноги хилы.
А что всего больнѣй,
Не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей,
Но всякъ, за старыя обиды Льва, въ отмщенье,
Наперерывъ ему наноситъ оскорбленье:
То гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ,
То зубомъ волкъ рванетъ,
То острымъ рогомъ волъ боднетъ.
Левъ бѣдный въ горѣ толь великомъ,
Сжавъ сердце, терпитъ все, и ждетъ кончины злой,
Лишь изъявляя ропотъ свой
Глухимъ и томнымъ рыкомъ;
Какъ видитъ, что оселъ туда жъ, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть,
И смотритъ мѣсто лишь, гдѣ бъ было побольнѣе.
„О боги!“ возопилъ, стеная, Левъ тогда: —
„Чтобъ не дожить до этого стыда,

Пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе!
Какъ смерть моя ни зла —
Все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла".

2.

Левъ, Серна и Лиса.

По дебрямъ гнался Левъ за Серной;
Уже ее онъ настигалъ
И взоромъ алчнымъ пожиралъ
Обѣдъ себѣ въ ней, сытный, вѣрный.
Спастись, казалось, ей нельзя ни какъ:
Дорогу обоимъ пересѣкалъ оврагъ;
Но Серна легкая всѣ силы натянула;
Подобно изъ лука стрѣлѣ,
Надъ пропастью она махнула,
И стала супротивъ на каменной скалѣ.
Мой Левъ остановился.
На эту пору другъ его вблизи случился:
Другъ этотъ былъ — Лиса.
„Какъ!" говоритъ она: — „съ твоимъ проворствомъ, силой,
Ужели ты уступишь Сернѣ хилой?
Лишь пожелай, тебѣ возможны чудеса;
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То, вѣрно, перескочишь.
Повѣрь же совѣсти и дружбѣ ты моей:
Не стала бы твоихъ отваживать я дней,
Когда бъ не знала
И крѣпости, и легкости твоей".
Тутъ кровь во Львѣ вскипѣла, заиграла;
Онъ бросился со всѣхъ четырехъ ногъ;
Однакожъ пропасти перескочить не могъ:
Стремглавъ слетѣлъ и — до смерти убился.
А что жъ его сердечный другъ?

Онъ по-тихохоньку въ оврагъ спустился,
И, видя, что ужъ Льву ни лести, ни услугъ
Не надо болѣ,
Онъ, на просторѣ и на волѣ,
Справлять поминки другу сталъ,
И въ мѣсяцъ до костей онъ друга оглодалъ.

3.

Крестьянинъ и Лошадь.

Крестьянинъ засѣвалъ овесъ;
То видя, Лошадь молодая
Такъ про себя ворчала, разсуждая:
„За дѣломъ столько онъ овса сюда принесъ!
Вотъ, говорятъ, что люди насъ умнѣе:
Что можетъ быть безумнѣй и смѣшнѣе,
Какъ поле цѣлое изрыть,
Чтобъ послѣ разсорить
На немъ овесъ свой по-пустому?
Стравилъ бы онъ его иль мнѣ, или гнѣдому;
Хоть курамъ бы его онъ вздумалъ разбросать,
Все было бъ болѣе похожо то на стать;
Хоть спряталъ бы его: я видѣла бъ въ томъ скупость;
А по-пусту бросать! Нѣтъ, это просто глупость".
Вотъ къ осени, межъ тѣмъ, овесъ тотъ убранъ былъ,
И нашъ Крестьянинъ имъ того жъ Коня кормилъ.

Читатель! вѣрно, нѣтъ сомнѣнья,
Что не одобришь ты конева разсужденья;
Но съ самой древности, въ нашъ даже вѣкъ,
Не такъ ли дерзко человѣкъ
О волѣ судитъ Провидѣнья,
Въ безумной слѣпотѣ своей,
Не вѣдая Его ни цѣли, ни путей?

4.

Бѣлка.

У Льва служила Бѣлка,
Не знаю, какъ и чѣмъ; но только дѣло въ томъ,
Что служба Бѣлкина угодна передъ Львомъ;
А угодить на Льва, конечно, не бездѣлка.
Зато обѣщанъ ей орѣховъ цѣлый возъ;
Обѣщанъ — между тѣмъ все время улетаетъ;
А Бѣлочка моя нерѣдко голодаетъ,
И скалитъ передъ Львомъ зубки свои сквозь слезъ.
Посмотритъ: по лѣсу то тамъ, то сямъ мелькаютъ
Ея подружки въ вышинѣ;
Она лишь глазками моргаетъ, а онѣ
Орѣшки, знай себѣ, щелкаютъ да щелкаютъ;
Но наша Бѣлочка къ орѣшнику лишь шагъ,
Глядитъ — нельзя никакъ:
На службу Льву ее то кличутъ, то толкаютъ.
Вотъ Бѣлка, наконецъ, ужъ стала и стара,
И Льву наскучила: въ отставку ей пора.
Отставку Бѣлкѣ дали,
И, точно, цѣлый возъ орѣховъ ей прислали.
Орѣхи славные, какихъ не видѣлъ свѣтъ;
Всѣ на отборъ: орѣхъ къ орѣху — чудо!
Одно лишь только худо:
Давно зубовъ у Бѣлки нѣтъ.

5.

Щука.

На Щуку поданъ въ судъ доносъ,
Что отъ нея житья въ прудѣ не стало;
Уликъ представленъ цѣлый возъ,
И виноватую, какъ надлежало,
На судъ въ большой лахани принесли.

Судьи невдалекѣ сбирались:
На ближнемъ ихъ лугу пасли;
Однакожъ имена въ архивѣ ихъ остались:
То были: два Осла,
Двѣ Клячи старыя да два иль три Козла;
Для должнаго жъ въ порядкѣ дѣлъ надзора,
Имъ придана была Лиса за Прокурора.
И слухъ между народа шелъ,
Что Щука Лисынькѣ снабжала рыбный столъ;
Со всѣмъ тѣмъ не было въ судьяхъ лицепріязни;
И то сказать, что Щукиныхъ проказъ
Удобства не было закрыть на этотъ разъ.
Такъ дѣлать нечего: пришло писать указъ,
Чтобъ виноватую предать позорной казни
И, въ страхъ другимъ, повѣсить на суку.
„Почтенные судьи!“ Лиса тутъ приступила: —
„Повѣсить мало; я бъ ей казнь опредѣлила,
Какой не видано у насъ здѣсь на вѣку:
Чтобъ было впредь плутамъ и страшно, и опасно,
Такъ утопить ее въ рѣкѣ“. — „Прекрасно!“
Кричатъ судьи. На томъ рѣшили всѣ согласно,
И Щуку бросили — въ рѣку!

6.

Кукушка и Орелъ.

Орелъ пожаловалъ Кукушку въ Соловьи.
Кукушка, въ новомъ чинѣ,
Усѣвшись важно на осинѣ,
Таланты въ музыкѣ свои
Выказывать пустилась;
Глядитъ: всѣ прочь летятъ,
Одни смѣются ей, а тѣ ее бранятъ.
Моя Кукушка огорчилась,
И съ жалобой на птицъ къ Орлу спѣшитъ она.
„Помилуй!“ говоритъ: — „по твоему велѣнью

Я Соловьемъ въ лѣсу здѣсь названа;
А моему смѣяться смѣютъ пѣнью!“
— „Мой другъ!“ Орелъ въ отвѣтъ: — „я царь, но
я не Богъ!
Нельзя мнѣ отъ бѣды твоей тебя избавить.
Кукушку Соловьемъ честить я могъ заставить;
Но сдѣлать Соловьемъ Кукушки я не могъ“.

7.

Бритвы.

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
Поутру, чуть лишь я глаза продралъ,
И что же узнаю? — Пріятель мой въ тревогѣ:
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю — пріятель сталъ не тотъ:
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ,
„Что сдѣлалось съ тобой, мой милый? ... Я надѣюсь,
Не боленъ ты“. — „Охъ! ничего: я бреюсь“.
— „Какъ! только?“ Тутъ я всталъ — гляжу,
проказникъ мой
У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ будто бы съ него содрать сбирались кожу.
Узнавши, наконецъ, вину бѣды такой,
„Что дива?“ я сказалъ; — „ты самъ себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Вѣдь у тебя не Бритвы — косари:
Не бриться — мучиться ты только съ ними
станешь“.
— „Охъ, братецъ, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужъ глупы:
Да острыми то я порѣзаться боюсь“.
— „А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что Бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,

А острою обреешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею".

—

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей — боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ?

———

8.

Соколъ и Червякъ.

Въ вершинѣ дерева за вѣтку уцѣпясь,
Червякъ на ней качался.
Надъ Червякомъ Соколъ, по воздуху носясь,
Такъ съ высоты шутилъ и издѣвался:
„Какихъ ты, бѣдненькій, трудовъ не перенесъ!
Что жъ прибыли, что ты высоко такъ заползъ?
Какая у тебя и воля, и свобода?
И съ вѣткой гнешься ты, куда велитъ погода".
— „Тебѣ шутить легко",
Червякъ отвѣтствуетъ, — „летая высоко,
Затѣмъ, что крыльями и силенъ ты, и крѣпокъ;
Но мнѣ судьба дала достоинства не тѣ:
Я здѣсь на высотѣ
Тѣмъ только и держусь, что я, по счастью, цѣпокъ!"

———

9.

Бѣдный Богачъ.

„Ну, стоитъ ли богатымъ быть,
Чтобъ вкусно никогда ни съѣсть, ни спить,
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умремъ, вѣдь все оставимъ!
Мы только лишь себя и мучимъ и безславимъ.

Нѣтъ, еслибъ мнѣ далось богатство на удѣлъ,
Не только бы рубля, я бъ тысячъ не жалѣлъ,
Чтобъ жить роскошно, пышно,
И о моихъ пирахъ далеко бъ было слышно;
Я даже дѣлалъ бы добро другимъ;
А богачей скупыхъ на муку жизнь похожа".
Такъ разсуждалъ Бѣднякъ съ собой самимъ,
Въ лачужкѣ низменной, на голой лавкѣ лежа;
Какъ вдругъ къ нему сквозь щелочку пролѣзъ,
Кто говоритъ — колдунъ, кто говоритъ, что бѣсъ;
Послѣднее едва ли не вѣрнѣе:
Изъ дѣла будетъ то виднѣе.
Предсталъ и началъ такъ: „Ты хочешь быть богатъ,
Я слышалъ, для чего; служить я другу радъ.
Вотъ кошелекъ тебѣ: червонецъ въ немъ, не болѣ;
Но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ другой.
Итакъ, пріятель мой,
Разбогатѣть теперь въ твоей лишь волѣ.
Возьми жъ, и изъ него безъ счету вынимай,
Доколѣ будешь ты доволенъ;
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не воленъ,
Пока въ рѣку не бросишь кошелька".
Сказалъ — и съ кошелькомъ оставилъ Бѣдняка.
Бѣднякъ отъ радости едва не помѣшался;
Но лишь опомнился, за кошелекъ принялся.
И что жъ? — Чуть вѣрится ему, что то не сонъ:
Едва червонецъ вынетъ онъ,
Ужъ въ кошелькѣ другой червонецъ шевелится.
„Ахъ, пусть лишь до утра мнѣ счастіе продлится!" [1]
Бѣднякъ мой говоритъ:
„Червонцевъ я себѣ повытаскаю груду;
Такъ, завтра же богатъ я буду
И заживу, какъ сибаритъ".
Однакожъ поутру онъ думаетъ другое.

[1] Этотъ стихъ, существующій въ другихъ изданіяхъ и нужный для риѳмы, ошибочно пропущенъ въ изданіи 1844 г.

„То правда“, говоритъ: „теперь я сталъ богатъ;
Да кто жъ добру не радъ!
И почему бы мнѣ не быть богаче вдвое?
Неужто лѣнь
Надъ кошелькомъ еще провесть хоть день!
Вотъ на домъ у меня, на экипажъ, на дачу;
Но если накупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай къ тому утрачу?
Такъ удержу чудесный кошелекъ:
Ужъ такъ и быть, еще я поговѣю
Одинъ денекъ;
А, впрочемъ, вѣдь пожить всегда успѣю“.
Но что жъ? Проходитъ день, недѣля, мѣсяцъ, годъ—
Бѣднякъ мой потерялъ давно въ червонцахъ счетъ;
Межъ тѣмъ онъ скудно ѣстъ и скудно пьетъ;
Но чуть лишь день, а онъ опять за ту жъ работу.
День кончится, и, по его разсчету,
Ему всегда чего-нибудь не достаетъ.
Лишь кошелекъ нести сберется,
То сердце у него сожмется:
Придетъ къ рѣкѣ — воротится опять.
„Какъ можно“, говоритъ, — „отъ кошелька
отстать,
Когда мнѣ золото рѣкою са́мо льется?“
И, наконецъ, Бѣднякъ мой посѣдѣлъ,
Бѣднякъ мой похудѣлъ;
Какъ золото его, Бѣднякъ мой пожелтѣлъ;
Ужъ и о пышности онъ болѣ не смекаетъ:
Онъ сталъ и слабъ, и хилъ; здоровье и покой,
Утратилъ все; но все дрожащею рукой
Изъ кошелька червонцы вонъ таскаетъ.
Таскалъ, таскалъ ... и чѣмъ же кончилъ онъ?
На лавкѣ, гдѣ своимъ богатствомъ любовался,
На той же лавкѣ онъ скончался,
Досчитывая свой девятый милліонъ.

10.

Булатъ.

Булатной сабли острый клинокъ
Заброшенъ былъ въ желѣзный хламъ;
Съ нимъ вмѣстѣ вынесенъ на рынокъ
И мужику задаромъ проданъ тамъ.
У мужика затѣи не велики:
Онъ отыскалъ тотчасъ въ Булатѣ прокъ.
Мужикъ мой насадилъ на клинокъ черенокъ
И сталъ Булатомъ драть въ лѣсу на лапти лыки,
А дома, запросто, лучину имъ щепать,
То вѣтви у плетня, то сучья обрубать,
Или обтесывать тычины къ огороду.
Ну, такъ, что не прошло и году,
Какъ мой Булатъ въ зубцахъ и въ ржавчинѣ кругомъ,
И дѣти ѣздятъ ужъ на немъ Верхомъ.
Вотъ ёжъ, въ избѣ подъ лавкой лежа,
Куда и клинокъ брошенъ былъ,
Однажды такъ Булату говорилъ:
„Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
И если про Булатъ
Такъ много громкаго неложно говорятъ,
Не стыдно ли тебѣ щепать лучину
Или обтесывать тычину,
И, наконецъ, игрушкой быть ребятъ?“
— „Въ рукахъ бы воина врагамъ я былъ ужасенъ“,
Булатъ отвѣтствуетъ: — „а здѣсь мой даръ напрасенъ:
Такъ, низкимъ лишь трудомъ я занятъ здѣсь въ дому!
Но развѣ я свободенъ?
Нѣтъ, стыдно то не мнѣ, а стыдно лишь тому,
Кто не умѣлъ понять, къ чему я годенъ“.

11.

Купецъ.

„Поди-ка, братъ Андрей!
Куда ты тамъ запалъ? Поди сюда скорѣй
Да подивуйся дядѣ!
Торгуй по-моему, такъ будешь не въ накладѣ“.
Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику Купецъ:
„Ты знаешь польскаго сукна конецъ,
Который у меня такъ долго залежался,
Затѣмъ что онъ и старъ, и по̀дмоченъ, и гнилъ?
Вѣдь это я сукно за англійское сбылъ!
Вотъ, видишь, сей лишь часъ взялъ за него
сотняжку:
Богъ о̀лушка послалъ“.
— „Все это, дядя, такъ“, племянникъ отвѣчалъ; —
„Да въ олухи то, я не знаю, кто попалъ;
Вглядись-ко: ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку“.

—

Обманутъ! Обманулъ Купецъ: въ томъ дива нѣтъ;
Но если кто на свѣтъ
Повыше лавокъ взглянетъ, —
Увидитъ, что и тамъ на ту же стать идетъ;
Почти у всѣхъ во всемъ одинъ разсчетъ:
Кого кто лучше проведетъ,
И кто кого хитрѣй обманетъ.

12.

Пушки и Паруса.

На кораблѣ у Пушекъ съ Парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ, Пушки, выставясь изъ бо̀ртовъ[1] вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
„О, боги! видано ль когда,

1 Въ изд. 1844 г. не подходящее по смыслу „портовъ“.

Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спесиво грудь,
Какъ будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ по Океану,
И только чванятся; а мы — громимъ въ бояхъ!
Не нами ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ Парусами;
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами;
Лети же, помоги могущій намъ Борей[1],
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!“
Борей послушался: летитъ, дохнулъ, и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья Паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что жъ? Корабль безъ Парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ, и валовъ
И носится онъ въ морѣ, какъ колода:
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой недвижимъ: сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ Пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.

—

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ — врагамъ она грозна,
А паруса — гражданскія въ ней власти.

---

[1] Сѣверный вѣтеръ.

13.

Оселъ.

Былъ у крестьянина Оселъ
И такъ себя, казалось, смирно велъ,
Что мужику нельзя имъ было нахвалиться;
А чтобы онъ въ лѣсу пропасть не могъ, —
На шею прицѣпилъ мужикъ ему звонокъ.
Надулся мой Оселъ; сталъ важничать, гордиться
(Про ордена, конечно, онъ слыхалъ)
И думаетъ: теперь большой онъ баринъ сталъ;
Но вышелъ новый чинъ Ослу, бѣдняжкѣ, сокомъ
(То можетъ не однимъ Осламъ служить урокомъ).
Сказать вамъ должно напередъ:
Въ Ослѣ не много чести было;
Но до звонка ему все счастливо сходило:
Зайдетъ ли въ рожь, въ овесъ иль въ огородъ, —
Наѣстся до-сыта и выйдетъ тихомолкомъ.
Теперь пошло инымъ все толкомъ:
Куда ни сунется мой знатный господинъ,
Безъ-умолку звенитъ на шеѣ новый чинъ.
Глядятъ: хозяинъ, взявъ дубину,
Гоняетъ то со ржи, то съ грядъ мою скотину;
А тамъ сосѣдъ, въ овсѣ услыша звукъ звонка,
Ослу коломъ ворочаетъ бока.
Ну, такъ что бѣдный нашъ вельможа
До осени зачахъ,
И кости у Осла остались лишь да кожа.

—

И у людей въ чинахъ
Съ плутами та жъ бѣда: пока чинъ малъ и бѣденъ,
То плутъ не такъ еще примѣтенъ;
Но важный чинъ на плутѣ, какъ звонокъ:
Звукъ отъ него и громокъ, и далекъ.

———

14.

Миронъ.

Жилъ въ городѣ богачъ, по именн Миронъ.
Я имя вставилъ здѣсь не съ тѣмъ, чтобъ стихъ наполнить;
Нѣтъ, этакихъ людей не худо имя помнить.
На богача кричатъ со всѣхъ сторонъ
Сосѣди, — а едва ль сосѣди и не правы,
Что будто у него въ шкатулкѣ милліонъ,
А бѣднымъ никогда не дастъ копейки онъ.
Кому не хочется нажить хорошей славы?
Чтобъ толкамъ о себѣ другой дать оборотъ,
Миронъ мой распустилъ въ народъ,
Что нищихъ впредь кормить онъ будетъ по субботамъ.
И подлинно, кто ни придетъ къ воротамъ, —
Они не заперты никакъ.
„Ахи!“ подумаютъ: — „бѣдняжка разорился!“
Не бойтесь, скряга умудрился:
Въ субботу съ цѣпи онъ спускаетъ злыхъ собакъ;
И нищему не то, чтобъ пить иль наѣдаться, —
Дай Богъ здоровому съ двора убраться.
Межъ тѣмъ Миронъ пошелъ едва не во святыхъ.
Всѣ говорятъ: „Нельзя Мирону надивиться:
Жаль только, что собакъ такихъ онъ держитъ злыхъ
И трудно до него добиться;
А то онъ радъ послѣднимъ подѣлиться“.

—

Видать случалось часто мнѣ,
Какъ доступъ не легокъ въ высокія палаты,
Да только все собаки виноваты —
Мироны жъ сами въ сторонѣ.

15.

Крестьянинъ и Лисица.

Лиса Крестьянину однажды говорила:
„Скажи, кумъ милый мой,
Чѣмъ лошадь отъ тебя такъ дружбу заслужила,
Что, вижу я, она всегда съ тобой?
Въ довольствѣ держишь ты ее и въ холѣ;
Въ дорогу ль — съ нею ты, и часто съ нею въ полѣ;
А вѣдь изъ всѣхъ звѣрей
Едва ль она не всѣхъ глупѣй".
— „Эхъ, кумушка, не въ разумѣ тутъ сила!"
Крестьянинъ отвѣчалъ: „все это суета.
Цѣль у меня совсѣмъ не та!
Мнѣ нужно, чтобъ она меня возила
Да чтобы слушалась кнута".

16.

Собака и Лошадь.

У одного крестьянина служа,
Собака съ Лошадью считаться какъ то стали.
„Вотъ", говоритъ Барбосъ: „большая госпожа!
По-мнѣ хоть бы тебя совсѣмъ съ двора согнали.
Велика вещь возить или пахать!
Объ удальствѣ твоемъ другого не слыхать;
И можно ли тебѣ равняться въ чемъ со мною?
Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою:
Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу,
А ночью домъ я стерегу".
— „Конечно", Лошадь отвѣчала:
„Твоя правдива рѣчь;
Однакоже, когда бъ я не пахала,
То нечего бъ тебѣ здѣсь было и стеречь".

17.

Филинъ и Оселъ.

Слѣпой Оселъ въ лѣсу съ дороги сбился
(Онъ въ дальній путь было пустился);
Но къ ночи въ чащу такъ забрелъ мой сумасбродъ,
Что двинуться не могъ ни взадъ онъ, ни впередъ:
И зрячему бы тутъ не выйти изъ хлопотъ,
Но Филинъ въ близости, по счастію, случился
И взялся быть Ослу проводникомъ.
Всѣ знаютъ, Филины какъ ночью зорки:
Стремнины, рвы, бугры, пригорки —
Все это различалъ мой Филинъ, будто днемъ,
И къ утру выбрался на ровный путь съ Осломъ.
Ну, какъ съ проводникомъ такимъ разстаться?
Вотъ проситъ Филина Оселъ, чтобъ съ нимъ остаться,
И вздумалъ изойти онъ съ Филиномъ весь свѣтъ.
Мой Филинъ господиномъ
Усѣлся на хребтѣ ослиномъ,
И стали путь держать; счастливо-ль только? — Нѣтъ!
Лишь солнце на небѣ поутру заиграло,
У Филина въ глазахъ темнѣе ночи стало.
Однакожъ Филинъ мой упрямъ!
Ослу совѣтуетъ и вкось, и впрямь.
„Остерегись!“ кричитъ: „направо будемъ въ лужѣ“.
Но лужи не было, а влѣво вышло хуже.
„Еще лѣвѣй возьми, еще лѣвѣе шагъ!“
И — бухъ Оселъ, и съ Филиномъ, въ оврагъ.

18.

Змѣя.

Змѣя Юпитера просила,
Чтобъ голосъ дать ей соловья.
„А то ужъ“, говоритъ, — „мнѣ жизнь моя постыла,

Куда ни покажуся я,
То всѣ меня дичатся,
Кто-послабѣй,
А кто меня сильнѣй,
Дай Богъ отъ тѣхъ живой убраться.
Нѣтъ, жизни этакой я болѣ не снесу;
А еслибъ соловьемъ запѣла я въ лѣсу,
То, возбудя бы удивленье,
Снискала бы любовь и, можетъ быть, почтенье,
И стала бы душой веселыхъ я бесѣдъ".
Исполнилъ Юпитеръ Змѣи прошенье;
Шипѣнья гнуснаго пропалъ у ней и слѣдъ.
На дерево всползя, Змѣя на немъ засѣла,
Прекраснымъ соловьемъ Змѣя моя запѣла,
И стая, было, птицъ отвсюду къ ней подсѣла;
Но, возряся въ пѣвца, всѣ съ дерева дождемъ.
Кому понравится такой пріемъ?
„Ужли вамъ голосъ мой противенъ?"
Въ досадѣ говоритъ Змѣя.
— „Нѣтъ", отвѣчалъ скворецъ — „онъ звученъ, дивенъ,
Поешь, конечно, ты не хуже соловья;
Но, признаюсь, въ насъ сердце задрожало,
Когда увидѣли твое мы жало!
Намъ страшно вмѣстѣ быть съ тобой.
Итакъ, скажу тебѣ, не для досады:
Твоихъ мы пѣсенъ слушать рады,
Да только ты отъ насъ по-далѣ пой".

19.

Волкъ и Котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животъ спасая;
За шкуру онъ свою дрожалъ:

Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ Волкъ мой на заборѣ
Кота,
И молитъ: „Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?
Все это вѣдь за мной!“ — „Проси скорѣй Степана;
Мужикъ предобрый онъ“, Котъ-Васька говоритъ.
— „То такъ; да у него я ободралъ барана“.
— „Ну, попытайся жъ у Демьяна“.
— „Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка“.
— „Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ“.
— „Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягненка!
—„Ну, плохо жъ! Но авось тебя укроетъ Климъ!“
— „Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!“
— „Что вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ!“
Сказалъ тутъ Васька Волку:
„Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы — самъ себя вини!
Что ты посѣялъ, то и жни“.

20.

Лещи.

Въ саду у барина въ прудѣ,
Въ прекрасной ключевой водѣ,
Лещи водились.

Станицами они у берега рѣзвились,
И золотые дни, казалось, имъ катились.
Какъ вдругъ
Къ нимъ боринъ напустить велѣлъ съ полсотни щукъ.
„Помилуй!“ говоритъ его, то слыша, другъ: —
„Помилуй, что ты затѣваешь?
Какого ждать отъ щукъ добра:
Вѣдь не останется Лещей здѣсь ни пера;
Иль жадности ты щукъ не знаешь?“
— „Не трать своихъ рѣчей“,
Бояринъ отвѣчалъ съ улыбкою: — „все знаю;
Да только вѣдать я желаю:
Съ чего ты взялъ, что я охотникъ до Лещей?“

21.

Водопадъ и Ручей.

Кипящій Водопадъ, свергаяся со скалъ,
Цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ
(Который подъ герой едва лишь былъ примѣтенъ,
Но силой славился лѣчебною своей):
„Не странно ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться;
Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?“ — „Лѣчиться“,
Смиренно прожурчалъ Ручей.

22.

Левъ.

Когда ужъ Левъ сталъ хилъ и старъ,
То жесткая ему постеля надоѣла:
Въ ней больно и костямъ; она жъ его не грѣла.
И вотъ сзываетъ онъ къ себѣ своихъ бояръ,
Медвѣдей и волковъ пушистыхъ и косматыхъ,

И говоритъ: „Друзья! для старика,
Постель моя ужъ черезчуръ жестка;
Такъ какъ бы, не тягча ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Мнѣ шерсти пособрать,
Чтобъ не на голыхъ камняхъ спать".
— „Свѣтлѣйшій Левъ!" отвѣтствуютъ вельможи: —
„Кто станетъ для тебя жалѣть своей
Не только шерсти — кожи,
И мало ли у насъ мохнатыхъ здѣсь звѣрей:
Олени, серны, козы, лани,
Они почти не платятъ дани;
Набрать съ нихъ шерсти поскорѣй.
Отъ этого ихъ не убудетъ;
Напротивъ, имъ же легче будетъ".
И тотчасъ выполненъ совѣтъ премудрый сей.
Левъ не нахвалится усердіемъ друзей;
Но въ чемъ же то они усердіе явили?
Тѣмъ, что бѣдняжекъ захватили
И до-чиста обрили;
А сами вдвое хоть богаче шерстью были —
Не поступилися своимъ ни волоскомъ;
Напротивъ, всякъ изъ нихъ, кто близко тутъ случился,
Изъ той же дани поживился —
И на зиму себѣ запасся тюфякомъ.

23.

Три Мужика.

Три Мужика зашли въ деревню ночевать.
Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ промышляли;
Поработали, погуляли,
И путь теперь домой на родину держали.
А такъ какъ Мужичокъ не любитъ тощій спать,
То ужинать себѣ спросили гости наши.
Не то бы въ Питерѣ, да не о томъ ужъ рѣчь:

Въ деревнѣ что за разносолъ[1]:
Поставили пустыхъ имъ чашку щей на столъ,
Да хлѣба подали, да, что осталось, каши.
Не то бы въ Питерѣ, да не о томъ ужъ рѣчь:
Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.
Вотъ Мужички перекрестились
И къ чашкѣ пріютились,
Какъ тутъ одинъ, по-смѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего немного для троихъ,
Смекнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить
(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить).
„Ребята“, говоритъ: — „вы знаете Фому?
Вѣдь, въ нынѣшній наборъ забреютъ лобъ ему“.
— „Какой наборъ?“ — „Да такъ! Есть слухъ — война
съ Китаемъ:
Нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ Китайцевъ чаемъ“
Тутъ двое принялись судить и разсуждать
(Они же грамотѣ, къ несчастью, знали:
Газеты и, подчасъ, реляціи[2] читали),
Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.
Пустилися мои ребята въ разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А нашъ того, лукавецъ, и хотѣлъ:
Пока они судили да рядили,
Да войска разводили,
Онъ ни гугу — и щи, и кашу, все пріѣлъ.

—

Иному, до чего нѣтъ дѣла,
О томъ толкуетъ онъ охотнѣе всего:
Что будетъ съ Индіей, когда и отъ чего,
Такъ ясно для него;
А поглядишь — у самого
Деревня между глазъ сгорѣла.

Конецъ осьмой книги.

---

[1] Приправы къ кушаньямъ; разнообразныя кушанья.
[2] Оффиціальныя донесенія съ поля сраженія.

Могила И. А. Крылова
на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Книга девятая.

1.

Пастухъ.

У Саввы, Пастуха (онъ барскихъ пасъ овецъ),
Вдругъ убывать овечки стали.
Нашъ молодецъ
Въ кручинѣ и печали:
Всѣмъ плачется и распускаетъ толкъ,
Что страшный показался волкъ,
Что началъ онъ овецъ таскать изъ стада,
И безпощадно ихъ деретъ.
„И не диковина“, твердитъ народъ: —
„Какая отъ волковъ овцамъ пощада!“
Вотъ волка стали стеречи.
Но отчего жъ у Саввушки въ печи
То щи съ бараниной, то бокъ бараній съ кашей?
(Изъ поваренокъ, за грѣхи,
Въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи;
Такъ кухня у него немножко схожа съ нашей).
За волкомъ поиски; клянетъ его весь свѣтъ;
Обшарили весь лѣсъ, а волка слѣду нѣтъ.
Друзья! Пустой вашъ трудъ: на волка только слава,
А ѣстъ овецъ то — Савва.

2.

Бѣлка.

Въ деревнѣ, въ праздникъ, подъ окномъ
Помѣщичьихъ хоромъ,
Народъ толпился:
На Бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился.
Вблизи съ березы ей дивился тоже дроздъ:
Такъ бѣгала она, что лапки лишь мелькали,
И раздувался пышный хвостъ.
„Землячка старая“, спросилъ тутъ дроздъ: — „нельзя ли
Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?“
— „Охъ милый другъ! тружусь день весь:
Я по дѣламъ гонцомъ у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни ѣсть,
Ни даже духу перевесть“.
И Бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.
— „Да“, улетая, дроздъ сказалъ, — „то ясно мнѣ,
Что ты бѣжишь, а все на томъ же ты окнѣ“.

—

Посмотришь на дѣльца иного:
Хлопочетъ, мечется — ему дивятся всѣ;
Онъ кажется, изъ кожи рвется,
Да только все впередъ не подается,
Какъ Бѣлка въ колесѣ.

3.

Мыши.

„Сестрица! знаешь ли, бѣда!“
На кораблѣ Мышь Мыши говорила: —
„Вѣдь оказалась течь; внизу у насъ вода
Чуть не хватила
До самаго мнѣ рыла“.
(А правда, такъ она лишь лапки замочила).

„И что диковинки? Нашъ капитанъ —
Или съ похмелья, или пьянъ,
Матросы всѣ — одинъ лѣнивѣе другого;
Ну, словомъ, нѣтъ порядку никакого.
Сейчасъ кричала я во весь народъ,
Что кѝ дну нашъ корабль идетъ;
Куда! — Никто и ухомъ не ведетъ,
Какъ будто бъ ложныя я распускала вѣсти;
А ясно — только въ трюмъ [1] лишь стѝитъ заглянуть —
Что кораблю часа не дотянуть.
Сестрица! неужли намъ гибнуть съ ними вмѣстѣ!
Пойдемъ же, кинемся скорѣе съ корабля;
Авось, не далеко земля!“
Тутъ въ Океанъ мои затѣйницы спрыгнули
И — утонули;
А нашъ корабль, рукой искусною водимъ,
Достигнулъ пристани, и цѣлъ, и невредимъ.

—

Теперь пойдутъ вопросы:
А что же капитанъ и течь, и что матросы?
Течь слабая, и та
Въ минуту унята;
А остальное — клевета.

4.

Лиса.

Зимой, ранехонько, близъ жѝла
Лиса у проруби пила въ большой морозъ.
Межъ тѣмъ, оплошность ли, судьба ль (не въ этомъ сила),
Но кончикъ хвостика Лисица замочила,
И кѝ льду онъ примерзъ.

---

[1] Нижняя часть судна, гдѣ помѣщаются товары.

Бѣда не велика, легко бъ ее поправить:
Рвануться только посильнѣй,
И волосковъ хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорѣй.
Да какъ испортить хвость? А хвостъ такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нѣтъ, лучше подождать: вѣдь спитъ еще народъ;
А между тѣмъ, авось, и оттепель придетъ,
Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.
Вотъ ждетъ-пождетъ, а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ;
Глядитъ — и день сверкаетъ,
Народъ шевéлится, и слышны голоса.
Тутъ бѣдная моя Лиса
Туда-сюда метаться,
Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.
По счастью, Волкъ бѣжитъ. „Другъ милый! кумъ! отецъ!“
Кричитъ Лиса: — „спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ!“
Вотъ кумъ остановился,
И въ спáсенье Лисы вступился.
Пріемъ его былъ очень простъ:
Онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.
Тутъ, безъ хвоста, домой моя пустилась дура,
Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.

—

Мнѣ кажется, что смыслъ не теменъ басни сей:
Щепотки волосковъ Лиса не пожалѣй —
Остался бъ хвостъ у ней.

———

5.

Волки и Овцы.

Овечкамъ отъ Волковъ совсѣмъ житья не стало
И до того, что, наконецъ,

Правительство звѣрей благія мѣры взяло
Вступиться въ спасенье Овецъ:
И учрежденъ Совѣтъ на сей конецъ.
Большая часть въ немъ, правда, были Волки;
Но не о всѣхъ Волкахъ вѣдь злые толки.
Видали и такихъ волковъ, и многократъ —
Примѣры эти не забыты —
Которые ходили близко стадъ
Смирнехонько — когда бывали сыты;
Такъ почему жъ Волкамъ въ Совѣтѣ и не быть?
Хоть надобно Овецъ оборонить,
Но и Волковъ не вовсе жъ притѣснить.
Вотъ, засѣданіе въ глухомъ лѣсу открыли;
Судили, думали, рядили,
И, наконецъ, придумали законъ.
Вотъ вамъ, отъ слова въ слово, онъ:
„Какъ скоро Волкъ у стада забуянитъ
И обижать онъ Овцу станетъ,
То Волка тутъ властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ и въ судъ тотчасъ представить,
Въ сосѣдній лѣсъ иль въ боръ“.
Въ законѣ нечего прибавить, ни убавить;
Да только я видалъ: до этихъ поръ —
Хоть, говорятъ, Волкамъ и не спускаютъ —
Что будь Овца отвѣтчикъ иль истецъ,
А только Волки все-таки Овецъ
Въ лѣса таскаютъ.

6.

Крестьянинъ и Собака.

У мужика, большого эконома,
Хозяина зажиточнаго дома,
Собака нанялась и дворъ стеречь,
И хлѣбы печь,

И, сверхъ того, полоть и поливать россаду.
„Какой же выдумалъ онъ вздоръ“,
Читатель говоритъ: — тутъ нѣтъ ни складу,
Ни ладу.
Пускай бы стеречи ужъ дворъ;
Да видано ль, чтобъ гдѣ собаки хлѣбъ пекали,
Или россаду поливали?“
Читатель! я бы былъ неправъ кругомъ,
Когда сказалъ бы: да; да дѣло здѣсь не въ томъ,
А въ томъ, что нашъ Барбосъ за все за это взялся,
И вымолвилъ себѣ онъ плату за троихъ;
Барбосу хорошо: что нужды до другихъ.
Хозяинъ между тѣмъ на ярмарку собрался;
Поѣхалъ, погулялъ; пріѣхалъ и назадъ,
Посмотритъ — жизни сталъ нерадъ;
И рветъ, и мечетъ онъ съ досады!
Ни хлѣба дома, ни россады,
А, сверхъ того, къ нему на дворъ
Залѣзъ и клѣть его обкралъ начисто воръ.
Вотъ на Барбоса тутъ посыпалось руганье;
Но у него на все готово оправданье:
Онъ за россадою печь хлѣбъ никакъ не могъ;
Россадникъ оттого лишь только не удался,
Что, сторожа вокругъ двора, онъ сталъ безъ ногъ;
А вора онъ затѣмъ не устерегъ,
Что хлѣбы печь тогда сбирался.

7.

Два мальчика.

„Сенюша, знаешь ли, покамѣстъ, какъ барановъ,
Опять насъ не погнали въ классъ,
Пойдемъ-ка, да нарвемъ въ саду себѣ каштановъ!
— „Нѣтъ, Ѳедя, тѣ каштаны не про насъ!
Ты знаешь вѣдь, какъ дерево высоко:

Тебѣ, ни мнѣ туда не взлѣзть,
И намъ каштановъ тѣхъ не ѣсть!“
— „И милой, да на что жъ догадка!
Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка.
Я все придумалъ: погоди!
На ближній сукъ меня лишь подсади,
А тамъ мы сами умудримся,
И до-сыта каштановъ наѣдимся“.
Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несутся ногъ.
Тутъ Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтѣлъ, весь потомъ обливался,
И Ѳедѣ, наконецъ, вскарабкаться помогъ.
Взобрался Ѳедя на приволье:
Какъ мышкѣ въ закромѣ, вверху ему раздолье!
Каштановъ тамъ не только всѣхъ не съѣсть —
Не перечесть!
Найдется чѣмъ и поживиться,
И съ другомъ подѣлиться.
Что жъ? — Сенѣ отъ того прибытокъ вышелъ малъ
Онъ, бѣдный, нанизу облизывалъ лишь губки;
Ѳедюша самъ вверху каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки.

—

Видалъ Ѳедюшъ на свѣтѣ я,
Которымъ ихъ друзья
Вскарабкаться наверхъ усердно помогали,
А послѣ ужъ отъ нихъ — скорлупки не видали!

———

8.

Разбойникъ и Извощикъ.

Въ кустарникѣ залегши у дороги,
Разбойникъ подъ вечеръ добычи нажидалъ,
И, какъ медвѣдь голодный изъ берлоги,
Угрюмо даль онъ озиралъ.
Посмотритъ — грузный возъ катитъ, какъ валъ.

„Ого!“ Разбойникъ мой тутъ шепчетъ: — „знать, съ товаромъ
На ярмарку: чай, все сукно, камки[1], парчи.
Кручина, не зѣвай! тутъ будетъ на харчи:
Не пропадетъ сегодня день мой даромъ“.
Межъ тѣмъ подъѣхалъ возъ. Кричитъ Разбойникъ: „стой!“:
И на Извощика бросается съ дубиной;
Ла лихъ схватился онъ не съ олухомъ-дѣтиной
Извощикъ — малый удалой;
Злодѣя встрѣтилъ мостовиной,
Сталъ за добро свое горой,
И моему герою
Пришлося брать поживу съ бою.
И дологъ и жестокъ былъ бой на этотъ разъ.
Разбойникъ съ дюжины зубовъ не досчитался,
Да перешиблена рука, да выбитъ глазъ;
Но побѣдителемъ, однакожъ, онъ остался:
Убилъ Извощика злодѣй.
Убилъ — и къ дѣбычѣ скорѣй.
Что жъ онъ завоевалъ? — Возъ цѣлый пузырей!

—

Какъ много изъ пустого
На свѣтѣ дѣлаютъ преступнаго и злого.

9.

Левъ и Мышь.

У Льва просила Мышь смиренно позволенья,
По близости его, въ дуплѣ завесть селенье,
И такъ примолвила: хотя-де здѣсь, въ лѣсахъ,
Ты и могучъ, и славенъ;
Хоть въ силѣ Льву никто не равенъ,
И ревъ одинъ его на всѣхъ наводитъ страхъ;

[1] Шелковая цвѣтная ткань съ разными узорами.

Но будущее кто угадывать возьмется:
Какъ знать, кому въ комъ нужда доведется!
И какъ я ни мала кажусь,
А, можетъ быть, подчасъ тебѣ и пригожусь".
— „Ты!" вскрикнулъ Левъ: — „ты, жалкое созданье!
За эти дерзкія слова
Ты стоишь смерти въ наказанье!
Прочь, прочь отсель, пока жива,
Иль твоего не будетъ праху".
Тутъ Мышка бѣдная, не вспомняся отъ страху,
Со всѣхъ пустилась ногъ — простылъ ея и слѣдъ.
Льву даромъ не прошла, однакожъ, гордость эта;
Отправяся искать добычи на обѣдъ,
Попался онъ въ тенета.
Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ ревъ и стонъ:
Какъ онъ ни рвался, ни метался,
Но все добычею охотника остался,
И въ клѣткѣ на-показъ народу увезенъ.
Про Мышку бѣдную тутъ поздно вспомнилъ онъ,
Что бы помочь она ему сумѣла,
Что сѣть бы отъ ея зубовъ не уцѣлѣла,
И что его своя кичливость съѣла.

Читатель, истину любя,
Примолвлю къ баснѣ я, и то не отъ себя:
Не по-пу́сту въ народѣ говорится:
Не плюй въ колодезь,—пригодится
Воды напиться.

10.

Кукушка и Пѣтухъ.

„Какъ, милый Пѣтушокъ, поешь ты громко, важно!"
— „А ты, Кукушечка, мой свѣтъ,
Какъ тянешь плавно и протяжно;
Во всёмъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!"

— „Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова“.
— „А, ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтобъ началà ты снова...
Отколь такой берется голосокъ!
И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!..
Да вы ужъ родомъ такъ: собою не велички,
А пѣсни, что твой соловей!“
— „Спасибо, кумъ; зато, по совѣсти моей,
Поешь ты лучше райской птички:
На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я“.
Тутъ Воробей, случась, примолвилъ имъ:—„Друзья,
Хоть вы охрипните, хваля другъ дружку,
Все ваша музыка[1] плоха!“...

—

За что же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ Пѣтуха? —
За то, что хвалитъ онъ Кукушку.

11.

Вельможа.

Какой то, въ древности, Вельможа
Съ богато убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ[2].
Сказать простѣе — умеръ онъ;
И такъ, какъ встарь велось, въ аду на судъ явился
Тотчасъ допросъ ему: „чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?“
— „Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ[3];
Но такъ какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ“.

---

[1] Въ смыслѣ пѣнія.
[2] Богъ Аида, царства тѣней.
[3] Правитель области.

— „Что жъ дѣлалъ ты?“ — „Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ“.
— „Скорѣй же въ рай его! — „Какъ! гдѣ же справедливость?“
Меркурій[1] тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
— „Эхъ, братецъ!“ отвѣчалъ Эакъ[2]: —
„Не знаешь дѣла ты никакъ,
Не видишь, развѣ, ты? — Покойникъ былъ дуракъ!
Что еслибы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!..
И ты бъ тамъ слезъ не обобрался!
Затѣмъ то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался!

—

Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

Конецъ.

---

[1] Богъ торговли и воровъ, проводникъ въ царство мертвыхъ.
[2] Одинъ изъ адскихъ судей.

Крыловъ. IV. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Домъ, гдѣ жилъ и умеръ Крыловъ

въ С.-Петербургѣ (Вас. Остр., 1-я лин., № 8).

Примѣчанія.

Примѣчанія къ стихотвореніямъ и баснямъ.

(1786 — 1838).

1.

Эпиграмма къ N... (Стр. 3.)

Напечатана въ журналѣ: „Лѣкарство отъ скуки и заботъ“ (1786, ч. I, 268 — 269) съ подписью „И. Кр.“ Перепечатана Быстровымъ въ „Москвитянинѣ“ 1849 г. (іюль, ч. I, стр. 27 — 28).

2.

Эпиграмма II. Часто вопрошающему. (Стр. 3.)

Напечатана въ журналѣ „Лѣкарство отъ скуки и заботъ“ (1786, ч. I, 278) безъ подписи. Несомнѣнно принадлежитъ Крылову по непосредственной связи нумераціи (эпиграмма I, эпиграмма II,) безъ связи по мѣсту напечатанія въ журналѣ. Нумерація не можетъ относиться къ отдѣламъ (которые обозначаются въ „Лѣкарствѣ отъ скуки и заботъ“): 1) потому, что эпиграммы относятся къ одному и тому же отдѣлу, а въ данномъ случаѣ нумерація разная, 2) обозначеніе отдѣловъ статей римскими цыфрами дѣлалось только въ самомъ началѣ изданія: тамъ, гдѣ помѣщены эпиграммы, его уже нѣтъ, и 3) отдѣлы обозначаются цифрами вверху заглавія, чего въ данномъ случаѣ нѣтъ.

3.

Стыдливый игрокъ. (Стр. 4.)

Напечат. въ „Утреннихъ Часахъ“ 1788 (ч. I, 79 — 80) безъ подписи. Ѳ. А. Витбергу посчастливилось найти особый экземпляръ первыхъ двухъ частей этого журнала съ печатными помѣтками (фамиліи переводчиковъ и сочинителей и пр.). Экземпляръ этотъ, вѣроятно, принадлежалъ

одному изъ редакторовъ. Подъ стихотвореніемъ „Счастливый игрокъ“ (какъ и слѣдующими двумя, напечатанными въ нашемъ изданіи) помѣтка: „С. И. Крыл.“, т. е. „сочинилъ И. Крыловъ“. См. Витбергъ, „Первыя басни Крылова“, СПБ., 1900, стр. 45 — 46.

4.

Судьба игроковъ. (Стр. 5.)

Напечат. въ „Утреннихъ Часахъ“ (1788, ч. II, стр. 80) и перепеч. у г. Витберга (стр. 46 — 47). См. предыдущее примѣчаніе.

5.

Павлинъ и Соловей. (Стр. 5.)

Напеч. въ „Утреннихъ Часахъ“ 1788 (ч. II, 174 — 176) и у г. Витберга (стр. 47 — 48). См. примѣчаніе къ III стих. Г. Витбергъ приводитъ прозаическую параллель къ этой баснѣ изъ того же журнала (стр. 48 — 49), но она сходна только заглавіемъ, а по содержанію не имѣетъ ничего общаго съ басней Крылова.

6.

Не во время гости. (Стр. 6.)

Напеч. въ „Утреннихъ Часахъ“ 1788 (ч. III, 32) подъ названіемъ: „Недовольный гостьми стихотворецъ“, безъ подписи. Приписано Крылову Майковымъ (Историко-Литер. очерки, СПБ., 1895, стр. 37, 50) въ виду ближайшей его связи съ рядомъ произведеній Крылова, направленныхъ противъ Я. Б. Княжнина (см. „Проказники“, „Почту Духовъ“, письма къ Соймонову и Княжнину). Предположеніе это подтверждается тѣмъ, что это стихотвореніе перепечатано (тоже безъ подписи), съ измѣненнымъ заглавіемъ („Не во время гости“), въ „Зрителѣ“ 1792 г. (ч. I, стр. 111), что могъ сдѣлать только Крыловъ, единственный общій сотрудникъ „Утреннихъ Часовъ“ и „Зрителя“.

Мы даемъ текстъ „Зрителя“. Въ „Утреннихъ Часахъ“ текстъ отличается слѣдующими варіантами.

1. Риѳмохвата.
9. Взбѣситься. Въ домѣ.
11. дома.
12. Зачалъ лишь читать свою онъ оду.
13. вмигъ.

7.

Утро. (Стр. 7.)

Ода „Утро“ напечатана была первоначально въ „Утреннихъ Часахъ“ 1789 г. (ч. IV, 136 — 141) съ подписью

„И. Крыловъ“. Вторично была напечатана въ „Зрителѣ“ 1792 (ч. II, 58 — 64) безъ подписи, но съ указаніемъ въ оглавленіи на авторство Крылова. Мы беремъ этотъ послѣдній текстъ.

Текстъ „Утреннихъ Часовъ“ отъ текста „Зрителя“ отличается слѣдующимъ:

9. сапфирныхъ.
12. Свой дерзновенный взоръ.
15. Невинна горлица.
16. Филомела.
17. Совокупя въ единый гласъ.
19. Громкимъ пѣньемъ.
21. Зари отъ свѣта ризъ багряныхъ.
25. Бѣжитъ въ куста. — За нимъ Темира.
26. Вручая.
30. Печали робкой нѣжный гласъ.
57. Караводъ.
64. ужасный.
70. въ горизонтъ.
86. А взоръ притворно тихій мещетъ.
91. входомъ.
110. варварствомъ.
114. Подъ игомъ роскоши оковъ.
117. Чтобъ, въ оныхъ чувства погубя.
118. Обманчивымъ утѣхамъ вдаться.

По словамъ Плетнева (Соч. и переписка, ч. II, стр. 53), мелкія стихотворенія Крылова, напечатанныя въ „Зрителѣ“, еще не сбросили съ себя чопорнаго убранства прошедшаго вѣка. Молодой поэтъ, какъ и другіе изъ товарищей его, покушался на все, начиная съ переложеній псалмовъ и сочиненія высокихъ одъ до пѣсней и слезныхъ элегій. Ломоносовъ и даже Сумароковъ передъ всѣми носились тогда, какъ живые. Знаменитая ода Ломоносова, начинающаяся стихомъ:

Заря багряною рукою,

видимо одушевляла Крылова, когда онъ сочинялъ слѣдующую строфу въ своей одѣ Утро:

„Заря торжественной десницей“ и пр.

Французскій оригиналъ этого стихотворенія намъ неизвѣстенъ. Передѣлку его, кромѣ Крылова, далъ Княжнинъ (ода „Утро“). У Крылова нѣтъ портретовъ игроковъ, и заключительной строфы Княжнина, во всемъ же остальномъ ихъ стихотворенія очень близки. См. Венгеровъ, „Русская поэзія“, ч. IV, стр. 744, 747.

8.

Ода на заключеніе мира Россіи со Швеціею. (Стр. 11.)

Напечатано въ 1790 г. отдѣльною брошюрой (теперь чрезвычайно рѣдкою), съ такимъ заглавнымъ листомъ:

Ода
Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей
Великой Государынѣ
Императрицѣ
Екатеринѣ Алексѣевнѣ
Самодержицѣ Всероссійской
на
заключеніе мира
Россіи со Швеціею,
которую
всеподданнѣйше приноситъ
Иванъ Крыловъ.
1790 года, Августа [1] дня.
Въ Санктпетербургѣ,
печатано съ дозволенія Указнаго, у І. К. Шнора.

По словамъ Кирпичникова („Починъ“, М. 1895, стр. 218—219), „22 лѣтъ отъ роду Крыловъ написалъ и издалъ на свой счетъ Оду на заключеніе мира Россіи со Швеціею, которая въ полномъ собраніи его сочиненій (Плетнева) помѣщается не на мѣстѣ и поэтому не обращаетъ на себя вниманія біографовъ. Это произведеніе слабое, написанное ex officio и въ томъ родѣ, къ которому Крыловъ не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія; языкъ оды плохой и дѣланный, съ латинизмами, которые подъ перомъ будущаго баснописца не имѣютъ ни малѣйшаго оправданія (напр., „дивясь дѣла ея велики“; Крыловъ здѣсь дерзаетъ употреблять полногласныя формы, напр., города, но только ради размѣра: рядомъ стоятъ: класы, грады и даже града); поэтъ начинаетъ съ искусственнаго „паренія“ и кончаетъ такимъ же. Но все же нѣкоторыя мысли и отдѣльныя выраженія показываютъ въ авторѣ развитого человѣка и будущаго художника слова. Крыловъ начинаетъ, какъ и Ломоносовъ въ своей знаменитой одѣ Елизаветѣ, съ восхваленія тишины... Въ концѣ онъ искусно варьируетъ мысль пѣвца „Фелицы“ (Державина) о гуманности Екатерины, — мысль, которая, увы! — въ 1790 году уже готова была сдѣлаться анахронизмомъ... Отмѣчу двѣ красивыя и сильныя, хотя и придуманныя (а, можетъ быть, даже вычитанныя) антитезы. Описывая морское сраженіе, Крыловъ говоритъ:

Тамъ тьма подобна тьмѣ геенны,
Тамъ свѣтъ ужаснѣй самой тьмы.

[1]) Число (3) почему то пропущено.

Марсу поэтъ влагаетъ въ уста слова:

Я богомъ былъ первѣйшимъ Рима;
Мной Римъ — вселенной богомъ сталъ".

На то же событіе написали оду Колмаковъ (Стихотворенія, СПБ., 1791, стр. 19 — 24) и Богдановичъ (изд. Смирдина, ч. I, стр. 279).

9.

А. И. Клушину. (Стр. 17.)

Написано Крыловымъ на французскомъ экземплярѣ Лафонтена, съ примѣчаніями Коста (1772 г.) подаренномъ Клушину 29 іюля 1792 г. Автографъ принадлежитъ Н. П. Лихачову, который напечаталъ о немъ замѣтку въ „Волжскомъ Вѣстникѣ" 1886, № 169 (см. Лященко, И. А. Крыловъ, „Ист. Вѣст." 1894, ч. XI, стр. 503; также „Ист. Вѣст." 1886, окт., стр. 241). На книгѣ надпись Клушина: „подарена любезнымъ другомъ И. А. Крыловымъ, іюля 29-го дня 1792 г. въ бытность въ типографіи; по причинѣ нашей разлуки на время".

10.

Утѣшеніе Анютѣ. (Стр. 17.)

Напечатано въ „С.-Петербургскомъ Меркуріи" 1793, (ч. II, стр. 56 — 63). Съ подписью Крылова.

11.

Мое оправданіе къ Анютѣ. (Стр. 21.)

Напечатано въ „С.-Петербургскомъ Меркуріи" 1793, (ч. II, 188 — 199). Съ подписью Крылова.

12.

Посланіе къ другу. (Стр. 28.)

Напеч. въ „С.-Петербургскомъ Меркуріи" 1793, (ч. III, стр. 3 — 18). Съ подписью Крылова.
А. И. К. — Клушинъ, пріятель и соиздатель Крылова.

13.

На случай фейерверка. (Стр. 36.)

Напеч. въ „С.-Петербургскомъ Меркуріи" 1793, (ч. III, стр. 191 — 192). Съ подписью Крылова.

14.

Къ счастью. (Стр. 37.)

Напеч. въ „С.-Петербургскомъ Меркуріи" 1793 (ч. IV, стр. 96 — 108). Съ подписью Крылова. По словамъ Бы-

строва (Отрывки изъ записокъ моихъ о Крыловѣ, „Сѣв. Пчела“, 1845, № 203), „въ 1831 году по совѣту И. А. сталъ я заниматься составленіемъ алфавитнаго указателя къ русскимъ періодическимъ изданіямъ, начавъ эту работу со старинныхъ, нынѣ довольно рѣдкихъ журналовъ. Однажды я принесъ къ И. А. Зрителя и Меркурія... И. А. хорошо помнилъ свое прошедшее время, но захотѣлъ снова прочесть прежнія свои сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Между тѣмъ я обратилъ вниманіе его на стихи „Къ счастію“. — „И. А., за что это вы пеняете на фортуну, когда она такъ милостива къ вамъ?“ — „Ахъ, мой милый, со мною былъ случай, о которомъ теперь смѣшно говорить, но тогда... я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя... журналу не повезло; полиція, и еще одно обстоятельство... да кто не былъ молодъ и не дѣлалъ на своемъ вѣку проказъ“... Это подлинныя слова И. А.“

15.

Мой отъѣздъ. (Стр. 44.)

Напечат. въ „С.-Петербургскомъ Меркуріи“ 1793 г. (ч. IV, стр. 205 — 208). Съ подписью Крылова.

16.

Стихи Е. И. Бенкендорфъ. (Стр. 45.)

Напеч. безъ подписи въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ 1808 (ч. I, стр. 207 — 208). Въ 30 стихѣ опечатка: „становилось“.

Рукопись этого стихотворенія (при письмѣ 1795 г. См. отдѣлъ писемъ) находится въ Публичной Библіотекѣ. Она даетъ слѣдующіе варіанты: Заглавіе: Стихи, назначенные послать Елизаветѣ Ивановнѣ фонъ Бекендорвъ (sic), при портретѣ Екатерины II, писанномъ перомъ, на образецъ гравировки, авторомъ.

послѣ 33: За кои мстили Прометею
Завистливыя небеса.
„ 45: Но, не вдаваясь въ цѣнку строгу.

Плетневъ въ обоихъ изданіяхъ помѣстилъ эти стихи въ отдѣлѣ „стихотвореній, найденныхъ по кончинѣ автора въ рукописи и нигдѣ не напечатанныхъ“.

Упоминаемая имъ рукопись, повидимому, исчезла, какъ и рисунокъ Крылова.

Варіанты у Плетнева:

9. представить на картинѣ.
15. на картинѣ.

О. Е. И. Бенкендорфъ, см. въ отдѣлѣ писемъ и въ біографическомъ очеркѣ.

17.

Подражаніе Псалму XVII. (Стр. 47.)

Напеч. въ альманахѣ „Комета Бѣлы“ (СПБ. 1833 г., стр. 371 — 376), съ полною подписью Крылова, помѣтой „1795 г.“ и примѣчаніемъ издателя: „издатель, принося искреннѣйшую благодарность почтеннѣйшему И. А. за дозволеніе украсить его именемъ Кометы Бѣлы, надѣется, что публика съ удовольствіемъ прочтетъ сіе произведеніе любимаго ея писателя, еще никогда не напечатанное и относящееся къ началу его литературнаго поприща“.

Въ своихъ „Отрывкахъ изъ записокъ моихъ о Крыловѣ“ („Сѣверная Пчела“, 1845, № 203) Быстровъ разсказываетъ: „Въ 1795 году И. А. является уже высокимъ лирическимъ поэтомъ. Въ Русскомъ Отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки, въ кипѣ разрозненныхъ газетъ и журналовъ, нашелъ я тетрадь стиховъ, писанныхъ собственною И. А. рукою (это было въ апрѣлѣ 1832 года). „Въ этой тетради есть прекрасная ваша Молитва къ Богу“, сказалъ я И. А. — „Покажите мой милый! „И. А. взялъ рукопись и сталъ читать про себя. Какой огонь, какой благоговѣйный восторгъ одушевлялъ въ то время поэта! И не одна слеза скатилась на грудь его!“

Въ 1833 г. Быстровъ списалъ это стихотвореніе съ автографа Крылова (теперь исчезнувшаго), который, отмѣтилъ собственною рукою слѣдующія поправки“:

строфа 3 стихъ 10 (30 стих.): сгустилъ онъ тучи подъ собой.
„ 4 „ 10 (40 „): Смутясь изъ бездны рвутся вонъ.
„ 5 „ 8 (48 „): столь тѣсны вражьихъ силъ предѣлы.
„ 6 „ 5 (55 „): Бѣги мужей коварныхъ, льстивыхъ.

(См. „Сѣверная Пчела“ 1845, № 208, гдѣ по списку Быстрова, напечатано и самое стихотвореніе).

Сравнительно съ „Кометою Бѣлы“ „Сѣверная Пчела“ даетъ такіе варіанты:

32. облаченный.
50. двинулъ.

Плетневъ въ обоихъ изданіяхъ помѣщаетъ это „Подражаніе“ въ числѣ „стихотвореній, найденныхъ по кончинѣ автора въ рукописи и нигдѣ не напечатанныхъ“. Рукопись находится неизвѣстно гдѣ.

Варіанты у Плетнева:

54. въ гибели.
55. Бѣги мужей коварныхъ.

63. И въ пѣсняхъ я, надежды полныхъ.
64. Твою державу воспою.
65. Чрезъ сѣти ухищреній ада.
83. Оленью.
88. Тысящахъ.
102. Тебя обильно превознесть.

Въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1845 г. (№ 208) напеч. чье то другое переложеніе этого псалма.

Довольно близкое переложеніе церковно-славянскаго текста псалма.

18.

Вольное подражаніе Псалму 37. (Стр. 50.)

Напеч. въ „Аонидахъ“ Карамзина (1796, ч. I, стр. 36—40) съ подписью „И. К—въ“. Съ нѣкоторыми поправками (неизвѣстно кому принадлежащими) перепечатано въ „Пантеонѣ Русской Поэзіи“ (1814 г.), откуда и перешло въ изданія Плетнева. Въ виду того, что составители сборниковъ и хрестоматій часто не церемонились въ тѣ времена съ текстомъ перепечатываемыхъ произведеній, и въ виду того, что нѣтъ никакихъ указаній, чтобы эти перемѣны были произведены Крыловымъ, мы беремъ за основной текстъ — текстъ „Аонидъ“.

Варіанты „Пантеона“ въ виду ихъ немногочисленности указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Въ отдѣльныхъ выраженіяхъ видно (отдаленное, впрочемъ) вліяніе духовныхъ одъ Державина.

Близкое сравнительно переложеніе церк.-слав. текста.

19.

Вечеръ. (Стр. 53.)

Напечат. въ „Аонидахъ“ Карамзина 1796 г. (ч. I, стр. 160 — 162), съ подписью „И. К — въ“. Въ обоихъ изданіяхъ Плетнева помѣщено въ числѣ „стихотвореній, найденныхъ по кончинѣ автора въ рукописи и нигдѣ не напечатанныхъ“. Рукопись неизвѣстна.

Въ Плетневскомъ текстѣ одинъ варіантъ, указанный въ подстрочномъ примѣчаніи.

20.

А. А. Ржевскому. (Стр. 55.)

По словамъ кн. П. А. Вяземскаго (Соч., X, 47), „Крыловъ написалъ трагическую фарсу „Трумпфъ“, которую въ старину разыгрывали въ домашнихъ театрахъ и, между прочими, у Олениныхъ. Старикъ камергеръ Ржевскій на-

писалъ эпиграмму... (она не приведена). Крыловъ отвѣчалъ ему"...

Точками замѣнены у кн. Вяземскаго неудобныя для печати слова. Ихъ легко возстановить, если вспомнить конецъ „Трумфа", послѣднія слова Слюняя (см. I томъ нашего изданія).

Такъ какъ А. А. Ржевскій умеръ въ началѣ 1804 г. (см. Саитовъ, Петербургскій некрополь, М., 1883, стр. 112; Венгеровъ, „Русская Поэзія", VI, 337), а „Трумфъ" былъ написанъ въ 1800 году въ Казацкомъ, то отвѣтъ Крылова можно пріурочить къ 1801 — 1803 гг.

21.

Посланіе о пользѣ страстей. (Стр. 55.)

Напеч. въ „Драм. Вѣст." 1808 (V, 138 — 144), съ подписью *К.*, и вошло въ оба Плетневскія изданія.

22.

Левъ и человѣкъ (басня стр. 60).

Напечат. въ первомъ изданіи басенъ Крылова 1809 (стр. 40—42). Съ небольшими перемѣнами вошла въ изданіе (исправл.) баснь 1811 г. (стр. 36 — 37) и затѣмъ была исключена изъ всѣхъ послѣдующихъ изданій.

Мы беремъ текстъ 1811 г. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ указаны отличія текста 1809 г. Въ Чертковской библіотекѣ (Историческій музей въ Москвѣ) есть любопытный экземпляръ басенъ 1811 г., съ поправками къ тексту этой басни, карандашомъ и чернилами. Поправка указана у насъ въ примѣчаніи. Ее, собственно говоря, слѣдовало бы ввести въ текстъ — въ виду того, что она — *чистовая*, а Крыловъ послѣ 1811 г. не перепечатывалъ самъ этой басни. Въ „Драм. Вѣстникѣ" 1808 г. есть другая басня этого названія, очень слабая и несомнѣнно не принадлежащая Крылову.

Я. К. Гротъ (Труды, III, 245) считаетъ эту басню прототипомъ (по идеѣ) басни „Левъ, Серна и Лисица".

23.

Эпиграммы. (Стр. 61.)

Найдены нами въ бумагахъ Н. И. Стояновскаго, принадлежавшихъ раньше Олениным, а теперь переданныхъ въ Публичную Библіотеку, и напечатаны въ Академическихъ „Извѣстіяхъ" 1904 г. кн. II. Первая изъ нихъ направлена противъ какого то Злова, повидимому, откупщика, который построилъ домъ для бѣдныхъ. Три остальныя направлены

противъ Наполеона I и несомнѣнно относятся къ 1812 году. Въ виду сходства бумаги и почерка (И. А. Крылова) всѣхъ ихъ нужно пріурочить къ одному времени. Вторая эпиграмма упоминаетъ о распространенной въ то время сплетнѣ — незаконномъ происхожденіи Наполеона и указываетъ замѣну непопулярнаго Барклая-де-Толли популярнымъ Кутузовымъ. Адмиралъ-Чичаговъ, который пропустилъ Наполеона при Березинѣ. Третья, эпитафія, написана тогда же и принадлежитъ къ распространенному тогда роду сатирическихъ эпитафій. Четвертая относится къ одному изъ Наполеоновскихъ маршаловъ, Нею, который получилъ отъ Наполеона титулъ принца Можайскаго. Печатаются съ подлинныхъ автографовъ Крылова. Зачеркнутыя мѣста въ первой и третьей эпиграммахъ не приводятся, т. к. не представляютъ интереса.

24.

Е. П. Полторацкой. (Стр. 62.)

Написано на экземплярѣ изданія (принадлежащемъ теперь Публичной Библіотекѣ): „Три новыя басни Крылова“ (СПБ., 1817). Надпись: „Елизаветѣ Павловнѣ Полторацкой отъ сочинителя“. Повидимому, Полторацкая подарила передъ тѣмъ Крылову кружку для питья, въ благодарность за что онъ преподнесъ ей новое изданіе своихъ басенъ (къ изданію 1817 г. приплетены „Новыя басни Крылова“, ч. IV и V, СПБ., 1816, съ тою же надписью: „Е. П. Полторацкой отъ сочинителя“). Напеч. было въ „Сѣв. Пчелѣ“ (1856, № 106) и нами въ „Акад. Извѣстіяхъ“ 1904 г.

Е. П. Полторацкая — родственница Е. М. Олениной, жены начальника и покровителя Крылова.

25.

П. Н. Львовой. (Стр. 63.)

Эти стихи были написаны П. Н. Львовой, потомъ женѣ К. М. Бороздина, при поднесеніи ей экземпляра басенъ 1817 г.

Оригиналъ теперь находится неизвѣстно гдѣ. Печатается съ прекраснаго факсимиле, которое прилагалось къ Плетневскимъ изданіямъ. П. Н. Львова — вѣроятно, дочь писателя Н. А. Львова. Съ Львовымъ Крыловъ былъ знакомъ по Твери. См. біографическій очеркъ.

26.

Эпиграмма. (Стр. 63.)

Напечатана Лобановымъ въ статьѣ „Жизнь и сочиненія И. А. Крылова“ („Сынъ Отечества“, 1847, I, стр. 64), съ

такимъ объясненіемъ: „на одной брошюрѣ: „Нѣкоторыя мысли о сущности басни“, изданной однимъ изъ плохихъ нашихъ баснописцевъ и ему въ даръ присланной, которая теперь хранится у меня, написано его рукою слѣдующее“... По указанію Академическаго Крыловскаго сборника (стр. 218) эта надпись была сдѣлана на брошюрѣ гр. Д. И. Хвостова, съ которымъ Крыловъ находился въ постоянномъ антагонизмѣ, „Нѣкоторыя мысли о сущности басни“.

Брошюру такую мы розыскали, но безъ обозначенія мѣста и года изданія. Она оказалась отдѣльнымъ оттискомъ изъ „Трудовъ Вольнаго Общ. Люб. Росс. Слов.“ (1819, VI, 36 — 48). Самое стихотвореніе можно пріурочить къ 1819 — 1820 гг.

27.

Эпиграмма

(на критиковъ Пушкина). (Стр. 63.)

Вмѣстѣ съ эпиграммой Дельвига (обѣ безъ подписи) напеч. въ „Сынѣ Отечества“ 1820, ч. 64, стр. 233. 17 сент. 1820 г. А. И. Тургеневъ писалъ кн. П. А. Вяземскому („Остафьевскій Архивъ“, II, 71): „вотъ тебѣ эпиграмма, недостойная ея автора Крылова... Не лучше ль „тяжела“?“

Крылову приписываетъ ее Плетневъ (Соч. и переписка, II, 19, 87). „При появленіи въ свѣтъ Пушкина Руслана и Людмилы почти всѣ изъ литераторовъ старой школы вооружились противъ поэмы. Критикамъ въ журналахъ конца не было. Одна изъ нихъ вывела Крылова изъ его равнодушія. Онъ на другой же день послалъ къ какому то журналисту слѣдующую эпиграмму...“ „Для своихъ литературныхъ мнѣній Крыловъ не искалъ подпоры въ журналахъ. Впрочемъ, однажды и онъ бросилъ публикѣ эпиграмму на несправедливаго критика. Это было при появленіи Руслана и Людмилы. И. А. безъ сомнѣнія лучше другихъ умѣлъ цѣнить высокій талантъ Пушкина. Прочитавъ какой то скучный и ошибочный разборъ первой его поэмы, онъ напечаталъ 4 стиха“... Въ предисловіи ко второму изданію „Руслана и Людмилы“ Пушкинъ упоминаетъ о журнальныхъ критикахъ и добавляетъ: „одна изъ нихъ подала поводъ къ эпиграммѣ, приписываемой К****“.

Въ письмѣ къ Гнѣдичу (4 дек. 1820 г.) Пушкинъ упоминаетъ о критической статьѣ на его поэму Воейкова (въ „Сынѣ Отечества“) и прибавляетъ при этомъ: „согласенъ съ мнѣніемъ неизвѣстнаго эпиграмматиста — критика для меня ужасно какъ тяжка“.

Показанія А. И. Тургенева и Плетнева, стоявшихъ

близко къ тогдашнимъ литературнымъ кругамъ, вполнѣ удостовѣряютъ авторство Крылова.

См. еще „Современникъ“ 1854 (т. XLIII, I, 8 — 9), 1857 (V, 72); „Отеч. Зап.“ 1853, VII, 27.

Въ подражаніе Крылову какой то Б — ій (съ подписью „Иркутскъ“) написалъ въ „Благонамѣренномъ“ 1822 (I, 39) такую „эпиграмму“:

Несвязной критикой своей
Ты одного себя безславишь;
Хотя не въ мочь тяжелъ ты въ ней,
А все Руслана не задавишь.

28.

Посланіе В. П. Ушаковой. (Стр. 63.)

Напеч. А. Н. Петровымъ въ „Русской Старинѣ“ 1870 (ч. I, стр. 557). В. П. Ушакова — дочь генералъ-адъютанта П. П. Ушакова, одного изъ воспитателей Великихъ Князей, сыновей Императора Павла I. Она была фрейлиной Императрицы Маріи Ѳеодоровны, у которой въ Павловскѣ гостилъ лѣтомъ 1823 г. Крыловъ (см. „Павловскъ“, Очеркъ исторіи и описаніе, СПБ., 1877, стр. 217 — 222). По словамъ А. Н. Петрова („Русск. Старина“, 1870, ч. I, стр. 557), „въ одномъ изъ двадцатыхъ годовъ XIX стол. Импер. фамилія имѣла лѣтнее пребываніе въ Павловскѣ. Крыловъ былъ также приглашенъ на нѣсколько дней въ Павловскъ и три или четыре дня сряду читалъ по вечерамъ, на половинѣ Императрицы, свои басни и отрывки изъ комедій. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ онъ получилъ приглашеніе къ обѣденному столу, по случаю предстоявшаго праздника въ Императорской фамиліи. Въ ночь, наканунѣ этого обѣда, Крыловъ былъ укушенъ мухой. На лицѣ оказалась большая опухоль, съ которой нельзя было явиться во дворецъ.

Въ назначенный день, утромъ, Крыловъ послалъ словесное извѣщеніе о постигшемъ его несчастіи фрейлинѣ В. П. У — ой [1]), прося ее объяснить о причинѣ его отсутствія, если Императрица обратитъ на это вниманіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Крыловъ написалъ шуточное посланіе, которое велѣлъ передать В. П. не запечатаннымъ, давая тѣмъ понять свое желаніе, чтобы посланію этому не было придано значенія письма, и чтобы оно было прочтено другимъ фрейлинамъ.

За обѣдомъ отсутствіе Крылова было замѣчено Императрицей, и когда ей объяснены были его причины и посланіе Крылова, она много смѣялась и тотчасъ же приказала послать Крылову фруктовъ и конфектъ“.

---

[1]) В. П. Ушаковой.

Всѣ эти свѣдѣнія шли, повидимому, отъ самой В. П. Ушаковой, почему мы текстъ Петрова беремъ за основной.

Вторично это стихотвореніе было напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1900 г. (сентябрь, стр. 484) съ такимъ примѣчаніемъ отъ редакціи: „печатаемые стихи взяты изъ стариннаго рукописнаго сборника. Дѣйствительно ли они принадлежатъ перу И. А. Крылова, желательно бы было знать мнѣніе лицъ, близко знакомыхъ съ біографіею и сочиненіями нашего знаменитаго баснописца“.

Стихи эти напечатаны второй разъ съ такими отступленіями отъ первоначальнаго текста:

4. мухой злой.
6. паѳосской. критской.
7. татарской. калмыцкой.

29.

Пестрыя овцы. (Стр. 64.)

(Басня)

Въ нѣсколькихъ редакціяхъ сохранилась въ Савельевскихъ бумагахъ, автографахъ Крылова, принадлежащихъ теперь Академіи Наукъ. Крыловъ предназначалъ ее, повидимому, для изданія своихъ басенъ 1825 г., но, должно быть, натолкнулся на цензурныя затрудненія, такъ какъ въ это изданіе она не попала. Съ большими ошибками и недоразумѣніями напечатана Кеневичемъ сначала въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 г., III, 386 — 392, потомъ въ обоихъ изданіяхъ его „Примѣчаній“. Относится къ 1821 — 1823 (а не 1825 по Кеневичу), когда Крыловъ работалъ надъ новою книгою своихъ басенъ. Сохранилась въ чистовой и пяти черновыхъ. Первая положена нами въ основу текста. Зачеркнутыя мѣста въ ней не представляютъ особаго интереса. Въ первой черновой интересны слѣдующіе стихи [1]):

4. [А онъ былъ милосердъ (?)].
6—14. Притомъ же наблюдалъ свою онъ очень славу,
А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ.
Въ такой кручинѣ и печали,
Медвѣдя и лису онъ призвалъ на совѣтъ.
Пришли и разсуждать о царскомъ горѣ стали.
18. Ихъ всѣхъ перетерзать. Кому о нихъ жалѣть?

Вторая представляетъ набросокъ начала басни:

Левъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не трудно,

---

[1]) Мѣста зачеркнутыя обозначены [ ], сомнительныя чтенія (?), неразобранныя мѣста — многоточіемъ.

Но это было бы неправосудно.
[Что жъ левъ придумалъ, наконецъ],
Онъ не за тѣмъ въ лѣсахъ носилъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, но имъ давать расправу;
Притомъ сберечь свою онъ хочетъ славу.
Тутъ онъ (?) придумалъ наконецъ,

Третья — продолженія:

Придумалъ и звѣрей сзываетъ на совѣтъ.
„Друзья!“ онъ говоритъ: поставленный Зевесомъ,
Владѣю здѣшнимъ лѣсомъ.
Съ прискорбіемъ давно я примѣчалъ,
Что кто у насъ и слабъ и малъ,
Тому съ трудомъ есть гдѣ $\frac{и \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots}{[\text{не только что кормиться}]}$,
[И при]
Не только что кормиться,
А это не годится.
Кому за слабаго, когда не мнѣ, вступиться?
Я . . . . . вашъ отецъ (?),
И для того хочу, чтобъ бѣдненькихъ овецъ,
Которыхъ между насъ житье бываетъ тошно,
И прокормить (?) и сберегать (?), какъ можно,
И для того луга имъ отвести,
Гдѣ бы (?) обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ бы поскакать, попрыгать для ягнятокъ.
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ $\frac{\text{здѣсь (?)}}{[\text{ихъ ?}]}$ недостатокъ,
[То наряжать волковъ, чтобъ ихъ п],
То волки могутъ ихъ пасти.

Четвертая — набросокъ средины басни.

А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ.
[Какъ сдѣлать — ? — чтобъ свою — сберечь][1]
Какъ сбыть ихъ — и сберечь свою онъ хочетъ славу.
[Придумалъ и зоветъ звѣрей (?) онъ на совѣтъ]
[А то медвѣдя онъ (?) . . . . .]
И вотъ зоветъ,
Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ.
И онъ за тайну открываетъ имъ,
Что, видя пеструю (?) овцу, онъ всякій разъ,
Заболѣваетъ (?), цѣлый день страдаетъ,
И что пришло ему совсѣмъ лишиться глазъ,
И какъ бѣдѣ онъ помогать (?) не знаетъ.

Пятая — черновая всей басни, безъ заключительныхъ строкъ:

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ [истребить] [его] просто $\frac{\text{перевесть}}{[\text{истребить}]}$ нетрудно,
Но это было бы неправосудно;
А онъ былъ милостивъ и подданныхъ отецъ,
[И наблюдалъ свою онъ славу];
Такіе бы ему поступки не по нраву.
При томъ же наблюдалъ свою онъ очень славу;
А видѣть пеструю овцу [ему бѣда] терпѣнья нѣтъ.

---

[1] Sic.

Въ такой [печали] кручинѣ и печали.
Медвѣдя и лису зоветъ онъ на совѣтъ.
Пришли — и разсуждать о царскомъ горѣ стали.
„Всесильный левъ!“ сказалъ медвѣдь:
„На что тутъ много разговоровъ!
Вели [ты ихъ] безъ дальнихъ сборовъ,
Ихъ всѣхъ
[Вели] передушить [кто станетъ ихъ жалѣть?]; кому о нихъ жалѣть?
[Лишь ты бы былъ у насъ въ покоѣ].
Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
[Вертя хвостомъ, смиренно говоритъ]
Смиренно говоритъ: „о [добрый] царь, нашъ добрый царь!
[Ты вѣрно]
Ты вѣрно, гнать не станешь эту тварь,
[Нѣтъ ты совсѣмъ] И не прольешь невинной крови.
[Гдѣ бъ] Напротивъ: повели луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ разгулъ и пища какъ для матокъ,
Такъ и для ихъ ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То ихъ вели волкамъ пасти.
Пускай невинныхъ родъ (?) овецъ вестись
Пускай блаженствуютъ онѣ,
А тамъ, что съ ними ни случись,
Ты будешь въ сторонѣ.

По словамъ Кеневича (Примѣч. къ баснямъ Крылова, изд. 2, стр. 218), „относительно историческаго значенія этой басни не только нѣтъ возможности сказать что-либо положительное, но даже сдѣлать болѣе или менѣе основательное предположеніе. Послѣдняя редакція могла бы быть примѣнена къ занимавшей въ тѣ времена общественное мнѣніе университетской исторіи, но первая редакція, въ которой левъ скорбитъ о томъ, что „бѣдненькимъ овечкамъ нечѣмъ прокормиться и негдѣ пріютиться, что никто за нихъ не заступается“, разрушаетъ это предположеніе. Поэтому вопросъ о томъ, на что здѣсь намекаетъ баснописецъ, остается нерѣшеннымъ“.

Въ виду того, что мѣры Магницкихъ и Руничей были разсчитаны якобы на то, чтобы направить жизнь университетовъ и университетской молодежи на „путь истинный“, спасти ихъ отъ „гидры революціи“, а не „расточить“, мы думаемъ, вопреки Кеневичу, что эта очень смѣлая въ общемъ басня затрогивала университетскій вопросъ.

Медвѣдь — представители тогдашней военщины вродѣ Скалозуба, желавшіе дать въ „Вольтеры фельдфебеля“ и съ радостью объявлявшіе громогласно „всеобщую молву“. —

Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два!
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.

Лиса — мистики и клерикалы, для „спасенія“ заблудшей молодежи и процвѣтанія университетовъ выдвинувшіе Магницкихъ, Руничей и Карнѣевыхъ...

30.

Три поцѣлуя. (Стр. 65.)

Напеч. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1825 г. (стр. 292—293) съ подписью „И. Крыловъ“.

По словамъ Плетнева (соч. и переписка, II, стр. 105), „...въ 1824 году написалъ Крыловъ анакреонтическую оду свою „Три поцѣлуя“, въ воспоминаніе самой пріятной для него шутки трехъ молоденькихъ почитательницъ его таланта. Послѣ обѣда у Оленина онъ сѣлъ въ кресла и заснулъ. Не зная, какъ учтивѣе разбудить его, эти граціи сговорились поцѣловать его одна за другою“.

Въ Публичную Библіотеку поступила изъ бумагъ Н. И. Стояновскаго рукопись этого стихотворенія съ варіантами:

3. Легкой.

6. Прекраснымъ.

и примѣчаніемъ: „Изабелла и Марія Симмсонъ и Анета Оленина. Пріютино. 1824 окт. 4-го“ (приписано внизу).

31.

А. Н. Оленину. (Стр. 66.)

Напечатано въ „Сѣвер. Цвѣтахъ“ 1828 г. (стр. 77—78) съ подписью: „18 апрѣля 1826. И. Крыловъ“.

Хвалебный отзывъ объ этомъ стихотвореніи дала „Сѣвер. Пчела“ 1828, № 5.

32.

Эпитафія. (Стр. 67.)

Напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1829 г. (стр. 11) съ подписью „И. Крыловъ“.

Повидимому, написана на смерть какого то ребенка.

33.

Эпиграмма. (Стр. 67.)

Напечатана впервые нами въ „Академическихъ Извѣстіяхъ“ 1904 г., кн. II. Рукопись (изъ бумагъ Н. И. Стояновскаго, принадлежавшихъ раньше семьѣ Олениныхъ) находится теперь въ Публичной Библіотекѣ. Эта эпиграмма, какъ и шуточныя эпитафіи № 45 (см. дальше), вырѣзаны, повидимому изъ какого-нибудь альбома и позднѣе наклеены на отдѣльные листы. На данной эпиграммѣ помѣта: „Пріютино 16-го августа 1825 года“ и приписка А. Н. Оленина: „Составлено и написано для шутки И. А. Крыловымъ“.

34.

Талія. (Стр. 67.)

Стихотвореніе, прочтенное Крыловымъ на придворномъ маскарадѣ, на которомъ онъ изображалъ музу комедіи, Талію. Напечатано первоначально въ очень рѣдкомъ изданіи: Vers chantés et récités. S. Pétersbourg. Typographie de Pluchart. 1830. Стр. 9 — 10. Перепеч. въ „Словарѣ“ Бантышъ-Каменскаго (II, 184 — 185), у Григоровича („Дѣдушка Крыловъ“, СПБ., 1845, стр. 38 — 40) и Кеневичемъ („Русскій Архивъ“, 1866, стр. 1337). Къ іюньскому номеру „Русской Старины“ приложено, безъ всякихъ объясненій, факсимиле чистовой этого стихотворенія. Варіанты:

4. Людей расцѣнивать.
5. Поднимать.
10. Ужъ право я боюсь.
15. игры, рѣзвость, смѣхъ.

Въ Публичной Библіотекѣ есть списокъ „Таліи“ съ карандашными поправками Крылова. Его отличія:

4. Людей расцѣнивать.
5. $\frac{\text{рѣзвость}}{\text{радость}}$ [1])

О самомъ маскарадѣ въ литературѣ есть такія свѣдѣнія. По словамъ Григоровича (l. c., 38), „въ 1830 году И. А. по желанію Великой Княгини Елены Павловны, явился въ очаровательномъ маскарадѣ, данномъ Ихъ Императорскими Высочествами. Наряженный Таліею, одною изъ девяти музъ, Крыловъ произнесъ тогда Государю и Государынѣ слѣдующіе прекрасные стихи“...

20 февраля 1830 года Н. И. Гнѣдичъ писалъ А. П. Зонтагъ („Русскій Архивъ“, 1896, II, 267 — 268): „посылаю вамъ стихи Крылова, которые говорилъ онъ Императрицѣ въ сюрпризѣ, сдѣланномъ ей Великой Княгинею (Еленою Павловной). Вообразите Крылова, одѣтаго музою Таліей, со всею строгостію древняго греческаго костюма, которая, съ хоромъ другихъ музъ неожиданно предстаетъ предъ императрицей, — и вы почувствуете цѣну стиховъ сихъ... Можете легко представить, зная Крылова, какое дѣйствіе произвели стихи эти надъ слушателями, имъ самимъ читанные: про дѣвушку меня идетъ худая слава“...

8 января того же года кн. А. А. Шаховской писалъ С. Т. Аксакову („Русскій Архивъ“ 1873, I, 0475; Соч. С. Т. Аксакова, М. 1896, IV, стр. 148): „Крыловъ третьяго дня, въ домашнемъ маскарадѣ, который давала Великая Княгиня Государынѣ Императрицѣ, представилъ музу Талію и гово-

[1]) Карандашная поправка Крылова.

рилъ прелестные стихи, имъ сочиненные, которые я къ вамъ пришлю и прислалъ бы теперь, но забылъ взять у Жуковскаго; въ нихъ много остроты, веселости, и очень милой, потому что безъ лестной похвалы домашняго быта высокихъ хозяевъ".

Черновая этого стихотворенія поступила въ Публичную Библіотеку отъ Н. И. Стояновскаго съ наклеенною надписью А. Н. Оленина: „Стихи, говоренные Ива. Анд. Крыловымъ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, въ день даннаго Ея Величеству нечаяннаго маскарада, въ Аничковскомъ дворцѣ (4 генв. 1830 г.) Ея И. Высочествомъ В. К. Еленою Павловною. Сей чернячекъ писанъ и поправленъ рукою автора И. А. Крылова, представлявшаго въ кадрили Ея И. Высочества — музу Талію".

Варіанты къ напечатанному нами тексту въ общемъ неважны и поэтому нами не приводятся.

35.

Эпиграмма. (Стр. 68.)

По разсказу И. Ханенка („Русскій Архивъ", 1869, 074), со словъ родственника Олениныхъ П. А. Львова, „прочитавъ извѣстное стихотвореніе Виктора Гюго:

Enfant, si j'étais roi, je donnerais l'empire
Et mon trône, et mon sceptre, et mon peuple à genoux...
Si j'étais Dieu, je donnerais les mondes etc...
(Les Feuilles D'Automne),

помѣщенные въ переводѣ Деларю въ „Библіотекѣ для Чтенія" (1834, кн. 12) и надѣлавшее въ свое время довольно шуму въ Петербургѣ, Крыловъ написалъ карандашомъ на книгѣ два стиха"...

Цензурныя и административныя преслѣдованія Деларю и его цензора по поводу этихъ стиховъ подробно переданы въ „Дневникѣ" Никитенка (I, стр. 345), въ „Русской Старинѣ" 1880 (сент., 217; окт., 426), 1881 (I, 191) и „Воспоминаніяхъ" Малышева („Ист. Вѣст." 1885, іюнь, 650 — 651).

Вотъ самые стихи Деларю:

Красавицѣ.

Когда бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Волшебница! тогда бъ повергъ я предъ тобой,
Все, все, что власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру,
За взоръ, за взглядъ единый твой!
И еслибъ Богомъ былъ — селеньями святыми
Клянусь — я отдалъ бы прохладу райскихъ струй,
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними,
За твой единый поцѣлуй!

Въ своемъ дневникѣ подъ 22 дек. 1834 г. Пушкинъ (см. соч., изд. Т-ва „Просвѣщенія“, т. VI, 571, срв. ib., 705—706) пишетъ: „цензоръ Никитенко на гауптвахтѣ подъ арестомъ, и вотъ по какому случаю. Деларю напечаталъ въ Библіотекѣ Смирдина переводъ оды В. Гюго, въ которой находилась слѣдующая глубокая мысль: если-де я былъ бы Богомъ, то я бы отдалъ свой рай и своихъ ангеловъ за поцѣлуй Милены или Хлои. Митрополитъ (которому досугъ читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православіе отъ нападеній Деларю и Смирдина. Отсель буря. Крыловъ сказалъ очень хорошо:

Мой другъ! когда бы былъ ты Богъ,
То глупости такой сказать бы ты не могъ.

„Это все равно“, замѣтилъ онъ мнѣ, „что я бы написалъ: „когда бы я былъ архіерей, то пошелъ бы во всемъ облаченіи плясать французскій кадриль“.

36.

Кравчій.

Маскарадное стихотвореніе Крылова, сохранившееся въ его бумагахъ у Савельева и доставленное послѣднимъ Кеневичу, который и напечаталъ его въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 (стр. 1338 — 1340).

Кеневичъ сопровождаетъ его слѣдующимъ разсказомъ: „Въ 1836 году при дворѣ устраивался маскарадъ. Крыловъ былъ въ числѣ приглашенныхъ. За нѣсколько дней до маскарада онъ въ мрачномъ расположеніи духа сидѣлъ послѣ обѣда у своего покровителя, А. Н. Оленина.

— „Что съ вами, дѣдушка?“ спросила В. А., старшая дочь Оленина, къ которой Крыловъ питалъ глубокую привязанность (См. письма къ В. А. въ статьѣ Лобанова. Разсказъ подтвержденъ вполнѣ В. А — ою).

— „Да вотъ бѣда: надо ѣхать во дворецъ въ маскарадъ, а не знаю, какъ одѣться“.

— „А вы бы, дѣдушка, помылись, побрились, одѣлись чистенько, васъ тамъ никто бы и не узналъ!“ — Шутка искренно любимой „фавориточки“ развеселила старика, но не уменьшила заботы. Мы слышали, что разрѣшить трудную задачу, какъ одѣться, удалось знаменитому трагику Каратыгину, который нарядилъ баснописца въ костюмъ боярина - кравчаго. Сообразно съ этою ролью написано... стихотвореніе... Праздникъ былъ устроенъ по англійскому обычаю: кому достался кусокъ пирога со спрятаннымъ въ немъ бобомъ, тотъ и былъ царемъ праздника. Къ этому то царю Крыловъ и обращаетъ рѣчь... Стихотвореніе это государь выслушалъ съ видимымъ удовольствіемъ. Тогда

Крыловъ обратился къ гр. Бенкендорфу съ просьбою доложить государю, что онъ желалъ бы прочесть вновь сочиненную имъ басню. Государь изъявилъ на то согласіе, и Крыловъ прочелъ Вельможу. Вся басня и особенно заключительные стихи такъ понравились государю, что онъ обнялъ автора, поцѣловалъ его и промолвилъ: „пиши, старикъ, пиши!“ Воспользовавшись этимъ случаемъ, Крыловъ испросилъ высочайшаго разрѣшенія напечатать басню и, разумѣется, получилъ. Причина, понудившая Крылова поступить такимъ образомъ, была слѣдующая: Еще за годъ до этого маскарада онъ написалъ Вельможу. Предполагалъ ли Крыловъ, что его произведеніе не будетъ дозволено цензурою, или дѣйствительно цензура его запретила, но только онъ передалъ его тогдашнему министру народнаго просвѣщенія гр. Уварову, для представленія государю Императору. Не знаемъ, по какой причинѣ, Уваровъ не исполнилъ просьбы баснописца; рукопись оставалась у него около года. Между тѣмъ кто то ее списалъ, передалъ другому, тотъ третьему, и такимъ образомъ въ короткое время басня разошлась въ публикѣ во множествѣ списковъ; дошло до того, что ученики Пажескаго Корпуса читали ее на экзаменѣ, а въ публикѣ распространилось мнѣніе, что Крыловъ написалъ басню, которую цензура запретила, а онъ, на зло ей, распространилъ эту басню въ рукописи. Чтобы прекратить эти толки, онъ рѣшился лично просить Государя о дозволеніи напечатать эту басню (разсказъ подтвержденъ нѣсколькими лицами, знавшими Крылова). Такимъ образомъ, появилась въ печати послѣдняя изъ басенъ Крылова“.

Бантышъ-Каменскій въ своемъ „Словарѣ“ (II, 185), ссылаясь на слова самого Крылова, говоритъ: Крыловъ былъ одѣтъ „кравчимъ, въ русскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, въ красныхъ сапогахъ, съ подвязанною серебристою бородою (Крылова одѣвалъ актеръ Каратыгинъ)“[1]. Онъ „прочелъ августѣйшимъ хозяевамъ послѣднюю басню „Вельможа“, написанную въ 1835 г. Ихъ Императорскія Величества благоволили изъявить ему свое удовольствіе“.

Въ Савельевскихъ автографахъ Крылова, принадлежащихъ теперь Академіи Наукъ, сохранилась черновая этого стихотворенія, набросаннаго на оборотѣ пригласительной записки на обѣдъ къ гр. С. В. Строгановой (отъ 3 января 1836 г.).

37.

Эпитафія Е. М. Олениной.

Вырѣзана на могилѣ Олениной (Тихвинское кладбище Александро-Невской Лавры). Оленина умерла 3 іюля 1838 г.

[1]) См. рис. Агина при III томѣ нашего изданія.

См. В. И. Саитовъ, Петербургскій Некрополь, М., 1883, стр. 96 — 97 и Бантышъ-Каменскій, Словарь, II, 191.

По рукописи, съ варіантами (и ошибкой: „воспоминанья“ — вмѣсто „вспоминанья“), напеч. въ „Отчетѣ Публичной Библіотеки“ за 1893 г. (стр. 170).

По словамъ Плетнева, [1]) „Въ послѣдній разъ сидѣлъ онъ надъ риѳмою черезъ пять мѣсяцевъ послѣ своего юбилея. Это было одно изъ самыхъ грустныхъ для него событій: 3-го іюля 1838 года скончалась Е. М. Оленина. Онъ почтилъ ея прахъ эпитафіею, которая и вырѣзана на ея надгробномъ камнѣ“.

38.

На переводъ „Альзиры“.

Эта эпиграмма напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 г. (стр. 895), въ числѣ „старинныхъ стихотвореній, доставленныхъ А. Н. Афанасьевымъ“. На принадлежащемъ мнѣ экземплярѣ „Альзиры“ 1811 г., она написана на заглавномъ листѣ почеркомъ начала XIX в. См. также „Подъ знаменемъ науки“ М., 1902, стр. 705 — 706. Изданія перевода Карабанова („Вольтеръ. Альзира или американцы“) — 1786, 1798, 1811 г.г. Время написанія эпиграммы Крылова неизвѣстно.

Сочувственный отзывъ о переводѣ Карабанова былъ помѣщенъ въ „Зеркалѣ свѣта“ Ѳ. Туманскаго (1786, ч. II, стр. 165 — 168).

39.

На переводъ Буало.

На переводъ „Науки о стихотворствѣ“ Буало (1804, СПБ. 1824) гр. Д. И. Хвостова. Объ этомъ переводѣ упоминается въ перепискѣ митрополита Евгенія съ Державинымъ въ 1806 и 1813 г.г. (Гротъ, Переписка, 131, 133, 148, 149). Напеч. Гречемъ въ его „Учебной книгѣ Россійской словесности“ (СПБ., 1819 — 1822, III, 262) сначала съ подписью Дмитріева (см. „Русск. Старина“ 1892, іюнь, 160; іюль, 585). Въ изданіи 1830 (III, 223) безъ подписи и въ изданіи 1844 (III, 212) съ подписью Крылова.

Въ принадлежащемъ Публичной Библіотекѣ рукописномъ сборникѣ (№ 11) эта эпиграмма читается такъ:

„Что вижу, Буало! Конечно, ты вздурился!
Какой прескаредный нарядъ!“
— „Молчи, мой другъ! Хвостовымъ нарядился:
Сбираюсь въ маскарадъ“.

[1]) Въ Публичную Библіотеку поступила изъ бумагъ Н. И. Стояновскаго рукопись этого стихотворенія (кажется, только одна подпись руки Крылова — такого содержанія: „И. Крыловъ 6 января 1839 года“).

П. А. Вяземскій прямо приписываетъ эту эпиграмму Крылову и цитируетъ ее (соч., VIII, 90) въ такомъ видѣ:

„Ты ль это, Буало? Скажи, что за нарядъ?
„Тебя узнать нельзя, конечно, ты вздурился?"
— Молчи, нарочно я въ Хвостова нарядился:
Я ѣду въ маскарадъ.

40.

Отрывокъ изъ „Одиссеи".

Напечат. по рукописи Быстровымъ въ „Сѣверной Пчелѣ" 1845 (№ 203) и перепечатано Кеневичемъ въ его „Примѣчаніяхъ" (2 изд., стр. 281 — 283).

Въ 1846 г. Жуковскій писалъ Гоголю („Отчетъ Публичной Библіотеки", 1887, стр. 44): „Отрывокъ перевода Крылова изъ Одиссеи хорошъ, но думаю, что мой переводъ, при такой же точности, опрятнѣе. Нашъ дѣдушка Крыловъ не подмелъ горницы: убралъ ее прекрасно, да по полу валяются бумажки".

По словамъ Быстрова („Сѣверная Пчела", 1845, № 203), „говорятъ, что И. А. изучилъ греческій языкъ въ совершенствѣ въ самое короткое время. Такъ, но къ этому надо прибавить, что И. А. началъ учиться по-гречески безъ грамматики, по Новому завѣту, и скоро такъ успѣлъ, что въ состояніи былъ переводить классиковъ. Въ Геродота И. А., такъ сказать, влюбился и предполагалъ также перевести его. Когда А. Н. Оленинъ изъявилъ намѣреніе издать въ свѣтъ въ буквальномъ русскомъ переводѣ Одиссею, съ рисунками греческихъ древностей, то Иванъ Андреевичъ не прочь былъ отъ любимой мысли своего начальника и друга и перевелъ изъ этой поэмы, экзаметромъ, 27 стиховъ первой пѣсни... По словамъ И. А., экзаметръ ему не дался. „Я не могу сладить съ этимъ Голіаѳомъ", говорилъ иногда И. А.".

41.

Пиръ.

Напечат. въ Крыловскомъ Академическомъ Сборникѣ (стр. 272 — 273) съ автографа, принадлежавшаго В. А. Олениной и съ ея помѣткою: „эта басня въ то время, какъ была написана Крыловымъ, цензура запретила ее печатать. В. Аленина. Равно какъ и два года басню Вельможа не позволяли печатать". Рукопись теперь находится въ Публичной Библіотекѣ, куда поступила отъ Н. И. Стояновскаго. Провѣрено по рукописи.

42.

Экспромтъ.

Изъ альбома Анны Алексѣевны Олениной, впослѣдствіи Андро. Переписано ея рукою съ подписью „Экспромтъ

И. А. Крылова". См. „Русская Старина" 1890, августъ, стр. 397. Неизвѣстнаго года.

43.

Эпиграмма.

Помѣщена Плетневымъ въ обоихъ его изданіяхъ въ числѣ стихотвореній, заимствованныхъ изъ журналовъ и сборниковъ, но безъ указанія, откуда именно. Въ печати мы этой эпиграммы не встрѣчали, кромѣ Плетневскихъ изданій.

44.

Шуточныя басни.

Напечатаны нами (съ нѣкоторыми опечатками) въ Академическихъ „Извѣстіяхъ" 1904 г. кн. II, и одновременно г. Ильинскимъ въ „Русской Старинѣ". Рукопись находится въ Публичной Библіотекѣ и поступила туда отъ Н. И. Стояновскаго, раньше же принадлежала Олениным. Рука В. А. Олениной съ собственноручными поправками Крылова. Это, несомнѣнно, пародіи на нелѣпыя басни гр. Д. И. Хвостова.

45.

Шуточныя эпитафіи.

См. примѣчанія къ № XXXIII. На первой эпитафіи поставленъ № XVI, внизу ея рисунокъ — могила съ воткнутымъ гребешкомъ. При второй эпитафіи съ боку справа и слѣва поставлено: † И. А. Крыловъ. † М. П. Сумарокова (ученица Крылова, о которой см. въ біографическомъ очеркѣ при первомъ томѣ). Въ третьей эпиграммѣ Тараторка — тоже Сумарокова.

Въ четвертой эпиграммѣ Кулибинъ — извѣстный изобрѣтатель-самоучка того времени.

46—62.

Вошли въ оба изданія Плетнева въ отдѣлъ „стихотвореній, найденныхъ по кончинѣ автора и нигдѣ не напечатанныхъ". Въ печати разыскать намъ не удалось. Рукопись находится неизвѣстно гдѣ. Судя по формѣ и содержанію этихъ стихотвореній, они относятся къ XVIII в. и вообще близко примыкаютъ къ произведеніямъ Крылова, помѣщеннымъ въ началѣ этого тома.

Примѣчанія къ баснямъ въ IX книгахъ.

Книга I.

1. Ворона и Лисица (1807) [1].

Впервые напечатана въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ (1808 г., I, 16), съ слѣдующими болѣе характерными отличіями отъ послѣдняго, установленнаго Крыловымъ текста:

5. Ворона, сидя на суку.
6. Сбиралась ужъ клевать кусочекъ свой сырку.
17. Какой умильненькой носокъ.
19—21. Спой, свѣтикъ, не стыдись, будь съ лисанькой дружнѣе,
Я, чай, вѣдь соловья ты чище и нѣжнѣе.
24. И, вздумавъ оправдать лисицыны слова.

Сюжетъ заимствованъ изъ басни Лафонтена „Le Corbeau et le Renard“, заимствованной въ свою очередь изъ басенъ Эзопа и Федра. До Крылова этотъ же сюжетъ обрабатывали Тредьяковскій, Сумароковъ и Херасковъ. Анонимная передѣлка была помѣщена въ „Прохладныхъ часахъ“ (1793, I, 451—452). Бенитцкій напечаталъ эту же басню въ „Цвѣтникѣ“ (1809 г., I 395—398). См. еще „Дѣтское чтеніе“ 1785, III, 160.

2. Дубъ и Трость (1805).

Напеч. въ „Московскомъ Зрителѣ“ (1806 г. I, 73—75) вмѣстѣ съ „Разборчивою невѣстой“, съ подзаголовкомъ: „Двѣ басни. Для С. К. Бкндрфвой.“ Обѣ эти басни, вѣроятно,

[1] Басня появилась въ 1-ой книжкѣ журнала за 1808 г. Въ виду сложности цензурованія и печатанія журналовъ въ тѣ времена, ее правильнѣе было бы пріурочить къ предшествующему году.

были посвящены Софьѣ Ивановнѣ Бенкендорфъ (о ней см. въ біографическомъ очеркѣ при первомъ томѣ нашего изданія, въ отдѣлѣ писемъ въ третьемъ томѣ и въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 г., 1148). С. К. Бенкендорфъ не знаютъ самыя подробныя генеалогіи рода Бенкендорфовъ. Издатель „Московскаго Зрителя“ кн. Шаликовъ прибавилъ къ этимъ двумъ баснямъ примѣчаніе: „Я получилъ сіи прекрасныя басни отъ И. И. Д. (Дмитріева). Онъ отдаетъ имъ справедливую похвалу и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ то удовольствіе, которое онѣ принесли ему... Имя любезнаго поэта обрадуетъ, конечно, и читателя моего журнала такъ, какъ обрадовало меня.“

Болѣе существенныя отличія первоначальной редакціи басни отъ послѣдней при жизни Крылова:

1—12. Тростинкѣ какъ то дубъ изволилъ сдѣлать
честь —
Съ ней разговоръ завесть.
— „Куда тебя обидѣла природа!“
Онъ началъ: „вѣдь тебѣ овсянка ужъ тяжка
Чуть мелкой рябью лишь погода
Подернетъ по водѣ слегка,
Нагнешься такъ ты сиротливо!...
Не такъ, какъ я!... Чело подъемля горделиво
До мѣстъ, гдѣ видишь ты небесную лазурь,
Спокойно вѣтви тамъ мои распространяю,
Долинамъ цѣлымъ здѣсь я солнце заслоняю
И посмѣваюся порывамъ злѣйшихъ бурь;
Я наслаждаюсь тихимъ миромъ
Среди стихійныя войны...
Какъ разно мы съ тобой сотворены!

24—28. А ты еще во-вѣкъ не уклонялъ лица.
Какъ сдерживалъ порывы ихъ ужасны;
Погнуть тебя досель всѣ силы ихъ напрасны.

34. Бунтуетъ.

Въ рукописяхъ Крылова находится нѣсколько десятковъ передѣлокъ этой басни, но, сравнительно съ приведенной выше печатной версіей, особаго интереса онѣ не представляютъ.

Передѣлка басни Лафонтена „Le chêne et le roseau“.

Кромѣ Крылова, тотъ же сюжетъ обработали Сумароковъ, Княжнинъ, Николевъ и Дмитріевъ.

По свидѣтельству Лобанова (стр. 48) первыя три басни (кромѣ настоящей, еще „Разборчивая Невѣста“, „Старикъ и трое молодыхъ“) были переведены въ Москвѣ въ 1805 г.

3. Музыканты (1808).

Напеч. въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ 1808 г. (I, 128), съ слѣдующимъ отличіемъ отъ окончательнаго текста:

8. Завертѣлась.

Въ экземплярѣ басенъ 1811 г. Чертковской библіотеки къ 15-му стиху рукописная поправка Крылова: „и я не нахвалюсь ихъ поведеньемъ.“

Гоголь высоко цѣнилъ эту басню, т. к. видѣлъ въ ней выраженіе здраваго взгляда на практическую дѣятельность: „Особенно слышно, какъ онъ держитъ сторону ума“.

Въ концѣ басни немного видоизмѣненная народная пословица.

4. Ворона и Курица (1812).

Непеч. въ „Сынѣ Отечества“ (1812, II, № 8, 87 подъ заглавіемъ „Ворона“), съ однимъ только существеннымъ отличіемъ въ 18-омъ стихѣ: „А вѣдь воронъ, ты знаешь, не ѣдятъ“; въ 26-омъ стихѣ пропущено слово „она“.

Басня Крылова, вѣроятно, написана была по поводу извѣстія, сообщеннаго „Сыномъ Отечества“ (1812, II, 44): „Очевидцы разсказываютъ, что въ Москвѣ французы ежедневно ходили на охоту — стрѣлять воронъ и не могли нахвалиться своимъ soupe aux corbeaux. Теперь можно дать отставку старинной русской пословицѣ: „Попалъ, какъ куръ во щи“, а лучше говорить: Попалъ, какъ ворона во французскій супъ“. Къ Сыну же Отечества была приложена тогда каррикатура Теребенева: „Французскій вороній супъ“, съ соотвѣтствующимъ стихотворнымъ текстомъ. Срв. еще „Подарокъ дѣтямъ въ память 1812 года.“ СПБ. 1814 г (Азбука).

5. Ларчикъ (1807).

Напеч. въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ 1808 года (VI, 56), съ слѣдующимъ отличіемъ отъ основного текста:

5. Принесли ларецъ.

Въ изданіи 1809 года въ 6-омъ стихѣ „метался“.

По словамъ Жихарева („Записки“, М., 1891 г. стр. 430), Крыловъ читалъ эту басню у кн. Шаховского за нѣсколько дней до 19 мая 1807 года.

Въ экземплярѣ басенъ 1811 г. Чертковской библ. въ 27 ст. вм. „догадался“ Крыловъ написалъ „доискался“.

6. Лягушка и Волъ (1807).

Напеч. въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ (1808 г.. I, 24), съ слѣдующими болѣе существенными отличіями отъ послѣдняго прижизненнаго текста:

9. Прибавилось; стихи 14—17 (нравоученіе) пропущены.

Переводъ басни Лафонтена „La grenouille qui veut se faire aussi grosse que le boeuf.“ До Крылова эту басню переводили Сумароковъ и анонимные переводчики въ „Модномъ изданіи“ и журналѣ „И то и сіо“.

См. прим. къ б. „Ворона и лисица“.

7. Разборчивая невѣста (1805).

Напеч. въ „Московскомъ Зрителѣ“ (1806 г., I, 75—78) См. примѣчанія къ баснѣ „Дубъ и трость“. Первоначальный текстъ отличается отъ послѣдняго прижизненнаго слѣдующими стихами:

1 Смекала.

5—6. Не вѣтренъ, не угрюмъ, имѣлъ бы милліонъ
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ.

Къ середнему сему была брюзглива.

18—19. И думать смѣхъ: тотъ малъ, а тотъ безъ орденовъ;
У этого въ мозгу всѣ норки пусты.

28. Затѣи, право, не у мѣста.
30. Съ поклономъ проводила.
31. Пойду ли я за этихъ чудаковъ?
54. Улыбки, рѣзвости.
63. Какъ женщина на насъ ни искоса глядитъ.
65. Соскуча жизнь вести унылу, одинаку
66. Красавица ко браку
67. Кратчайшій путь взяла.
69. Каляку.

Переводъ басни Лафонтена „La fille“. До Крылова ее переводили гр. Хвостовъ и анонимный переводчикъ въ „Другѣ Просвѣщенія“ 1806 г.

Въ экземплярѣ басенъ 1811 г., принадлежащемъ Чертковской библіотекѣ, въ стихѣ 48 собственноручная поправка Крылова „сушитъ тоска“, въ 58 „обожателей“, стихи 65, 67 передѣланы такъ:

Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Безъ выбору она взяла
Кого ей перваго судьба дала.

8. Парнасъ (1808).

Напеч. въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ (1808 г., I, 135—136). Отличія:

Вмѣсто стиховъ 1 и 2.

Какъ въ Греціи богамъ пришли минуты грозны,

И сталъ ихъ колебаться тронъ
Иль, такъ сказать, простѣе взявши тонъ,
Какъ боги выходить изъ моды стали вонъ,
То начали богамъ прижимки дѣлать разны:
Ни храмовъ ни чинить, ни жертвъ не отпускать;
Что боги ни скажи, всему смѣяться,
И даже, гдѣ они изъ дерева случатся,
Самихъ ихъ на дрова таскать.
Богамъ худыя шутки:
Житье тѣснѣе каждый годъ,
И наконецъ, имъ сказанъ въ сутки
Совсѣмъ изъ Греціи походъ.
Какъ ни были они упрямы,
Пришло очистить храмы,
Но это не конецъ: — давай съ боговъ лупить
Все, что они успѣли накопить.
Не дай Богъ изъ боговъ разжалованну быть!
Угодьи божески міряна расхватали,
Когда дѣлить ихъ стали,
Безъ дальнихъ выписокъ и словъ,

6. Что музы тутъ живали.
10. Свѣтъ.
11—15. Одинъ изъ нихъ, кто болѣ былъ востеръ,
Кричитъ: „Друзья, робѣть не надо!
Вы видите, насъ цѣлое здѣсь стадо,
То какъ не замѣнить намъ девяти сестеръ.
16, Составимъ свой мы хоръ.
18. То выдадимъ указъ.
20. Тому быть приняту не можно на Парнасъ.

По мнѣнію Кеневича (примѣчанія къ баснямъ Крылова, СПБ., 1878), эта басня направлена противъ либеральныхъ сотрудниковъ Александра I, незадолго передъ тѣмъ удаленныхъ отъ дѣлъ. Вѣроятнѣе, впрочемъ, предположеніе Я. К. Грота, что Крыловъ въ ней осмѣиваетъ Россійскую Академію, которая была часто мишенью его остротъ и въ которой засѣдало тогда нѣсколько притязательныхъ и бездарныхъ баснописцевъ въ родѣ гр. Хвостова (Соч. Державина, VIII, 910).

9. Оракулъ (1807.)

Напеч. „въ Драматическ. Вѣстникѣ“ (1808 г., I, 183—184). Жихаревъ („Записки“ М. 1891, стр. 415) упоминаетъ объ этой баснѣ подъ 7 мая 1807 года.

Отличія первоначальнаго текста:

7. Оглушенъ.
13. Зачѣмъ къ нему.

16. Куда въ немъ умъ дѣвалая.

Основная идея этой басни сходна со стихами Лафонтена о вдовѣ стихотворца Коллета, сочинявшей стихи при жизни мужа и прекратившей писать ихъ съ его смертью. Объ „умномъ секретарѣ“ Крыловъ писалъ въ „Почтѣ Духовъ“ и „Ночахъ“.

10. Василекъ (1823).

Напеч. въ „Сынѣ Отечества“ (1823 г., ч. 86) съ помѣтою Павловскъ. Іюля 15 дня 1823 года“ и перепечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ (1824 года стр. 30—31). Болѣе существенныя отличія первоначальнаго текста:

16. Могъ летать. Зналъ бы болѣ свѣтъ.
21. И восхитительной для сердца красотой.
36—37. О вы, кому судьбой удѣлъ счастливый данъ
Носить высокій санъ.
40. Достигнетъ.

Сохранилось нѣсколько рукописей этой басни: 1) Въ Румянцевскомъ Музеѣ, изъ собранія автографовъ, принадлежавшаго И. Е. Бецкому, съ его надписью: „подлинникъ Крылова, писанный въ Павловскѣ во время его тамъ лѣченія. Получилъ отъ А. Н. Рюля въ февралѣ 1824 года.“ Болѣе важныя отличія:

5. Между тѣмъ зефиру такъ онъ жалобно шепталъ.
36. Кому судьбой здѣсь счастливою данъ
37. Носить высокій санъ.
41. И кедру и цвѣтку благоволить равно.

2) Рукопись, которою пользовался Кеневичъ (ст. 194), теперь неизвѣстная:

22. Цвѣты пушистые.
38. Возьмите.

Въ 1823 г. Крылова разбилъ параличъ, и онъ, полуживой, еле добрался къ Оленинымъ. Императрица Марія Ѳеодоровна, очень расположенная къ баснописцу, услышавъ о его болѣзни, приказала А. Н. Оленину перевезти его въ Павловскъ, причемъ прибавила: „Подъ моимъ надзоромъ онъ скорѣе поправится.“ Басня „Василекъ“ и вызвана чувствомъ благодарности Императрицѣ за ея заботы. См. Кеневичъ, стр. 194 — 5.

При своемъ появленіи она обратила на себя общее вниманіе (см. „Русскій Архивъ“ 1901, IV, 557 и 1903, III, 456).

11. Роща и Огонь (1809).

Напеч. впервые въ изданіи 1809 г. (стр. 34—35). Отличія первоначальнаго текста:

2. Бываетъ, что корысть себя подъ дружбой кроетъ.
3. Тогда она.
18. Все это ничего.
27—28. Однако-же сказать я не запнусь,
Что я въ могуществѣ и съ солнцемъ потянусь.
32—34. И такъ, когда зимою
Ты хочешь зеленѣть, какъ лѣтомъ и весною,
Такъ только у себя мнѣ дай ты уголокъ.

Среди Академическихъ рукописей Крылова (папка III, листъ 11) есть любопытная поправка къ стихамъ 27—28.

Коль правду говорить (а правду я люблю),
То солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.

12. Чижъ и Ежъ (1814).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ (1815, XVII, стр. 100, ценз. дозв. 18 декабря 1814г.). Отличія первоначальнаго текста:

10. Хоръ громкой
13. Кумъ милой.

Въ рукописяхъ Публичной Библіотеки находятся три автографа этой басни 1) „Ежъ и чижъ“ съ водянымъ знакомъ на бумагѣ, „1806 г.“

Ея отличія:

1. Покой и музыку любя
3—4. Не изъ корысти, не изъ славы,
А для своей забавы.
5—10. Какъ изъ морей,
И въ блескѣ, и во славѣ всей,
Фебъ лучезарный показался,
И громкой соловьевъ по рощѣ свистъ раздался.
18. Такъ нынѣ я.

2) Отдѣльный чистовой листъ съ поправками, на бумагѣ водяной знакъ „1812“.

3) Въ тетради изъ почтовой бумаги съ водяными знаками „1806“ и съ очень любопытною припискою Оленина: „Басни были читаны самимъ авторомъ у Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, по требованію Ея Величества, въ 12-ый день мая 1814 г. На сей конецъ авторъ тщательно старался ихъ переписать своею рукою, какъ то доказываетъ сія рукопись“. Автографъ этой басни находится и среди Академическихъ рукописей (I, 66). Повидимому, эта басня — отвѣтъ на упреки, почему Крыловъ не воспѣваетъ Александра. Въ виду водяныхъ знаковъ на бумагѣ можно предположить, что она написана была значительно раньше 1814 года. Ее можно считать развитіемъ мысли, брошенной мимоходомъ Карамзинымъ въ его стихотвореніи

1793 г.: „Отвѣтъ моему пріятелю, которой хотѣлъ, чтобы я написалъ похвальную оду Великой Екатеринѣ“ (см. Венгеровъ, „Русская поэзія“ VII, 89):

Мнѣ ли славить тихой лирой
Ту, которая порфирой
Скоро весь обниметъ свѣтъ?
Лишь безумецъ зажигаетъ
Свѣчку тамъ, гдѣ Фебъ сіяетъ.
Бѣдный чижикъ не дерзнетъ
Пѣть гремящей Зевса славы:
Онъ любовь одну поетъ;
Съ нею въ рощицѣ живетъ.

13. Волкъ и Ягненокъ (1808).

Напеч. въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ (1808, I, 199-200). Отличія первоначальнаго текста:

6. Надо-же.
11—15. Съ пескомъ и съ иломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое!
16. Замѣтить удостоитъ.
17. Ягненокъ отвѣчалъ.
19. То гнѣвомъ онъ себя напрасно безпокоитъ.
20. И вамъ питья мутить.
22. Бездѣльникъ.
28. Брата.
34. Чѣмъ я. Мнѣ скучно слушать.

Переводъ басни Лафонтена: „Le loup et l'agneaux“. До Крылова ее переводили Тредьяковскій и Сумарокозъ.

14. Обезьяны (1808).

Напеч. въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ (1808, I, 103—104). Отличія первоначальнаго текста:

5. Я вамъ скажу тому примѣръ.
13. Тихонько толкъ.
28. Сѣти тутъ.
29. Что жъ время, говорятъ, терять.
32. Премножество внизу разостлано.
34. Обвиваться.

Басни, основанныя на подражательности обезьянъ, есть у Эзопа и Пиль-Пая, въ „Панчатантрѣ“, у Бонавентуры Деперье и Ла Мотта.

Разсказы, подобные Крыловской баснѣ, о подражательности обезьянъ и уловкахъ охотниковъ за ними были напечатаны въ Новиковскомъ „Дѣтскомъ чтеніи“ (II, 126; VI, 388). По идеѣ эта басня примыкаетъ къ многочислен-

нымъ произведеніямъ Крылова, въ которыхъ онъ осмѣиваетъ нашу галломанію.

15. Синица (1811).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ (1811, IV, стр. 102—103) съ слѣдующимъ отличіемъ отъ послѣдней редакціи:

26. Не обижаючи синицына лица.

Рукопись находится среди Академическихъ автографовъ (папка I; листъ 9—10). Болѣе важныя ея отличія отъ окончательной редакціи:

5. Дрогнули жители Нептуновой столицы.
6. Во слѣдъ синицы
Летятъ стадами птицы.
22—28. Синица со стыдомъ отправилась домой,
А море цѣло.
Какъ басню эту толковать?
Не худо выше силъ намъ дѣлъ не затѣвать,
Чтобъ послѣ со стыдомъ отъ дѣла не отстать,
А чтобы болѣе не осрамиться,
Не кончивъ дѣла, имъ не надобно хвалиться.

Басня является развитіемъ народной пословицы, которая въ Новиковскомъ „Кошелькѣ“ приведена въ такомъ видѣ: „Ходила синица море зажигать, море не зажгла, а славы много надѣлала“. Снѣгиревъ цитируетъ ее такъ: „Синица за море залетѣла и море зажигать хотѣла; синица много нашумѣла, да не было изъ шума дѣла.“ Кирпичниковъ („Очерки по исторіи новой русской литературы“ СПБ. 1896 г. стр. 194) сближаетъ образъ, легшій въ основу этой басни, съ миѳомъ о борьбѣ (сначала побѣдоносной, потомъ комичной) маленькой птички (въ „Панчатантрѣ“ Турухтана, въ античныхъ преданіяхъ Алкіона, у малороссовъ Ремеза) съ моремъ-океаномъ.

16. Оселъ (Когда вселенную... 1815).

Вошла первая въ изданіе 1815 г. (ч. III, стр. 5). Отличія первоначальнаго текста:

7. Какъ муха.
9—22. Однако же оселъ спесиваго былъ духу,
Какъ ростомъ оставаться съ муху?
13. Оселъ къ Юпитеру присталъ.
24. И свѣтъ бы больше ихъ о мнѣ заговорилъ.
27. И до того ему.
30. Изъ мошки сталъ оселъ скотиной превеликой.
41—42. Смыслъ этой басни мы найдемъ,
Когда подумаемъ немножко,

Не лучше ль маленькой прожить на свѣтѣ мошкой,
Чѣмъ добиваться быть большимъ осломъ.

17. Мартышка и Очки (1815).

Напеч. въ первый разъ въ изданіи 1815 г. (ч. III, стр. 11) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ. По идеѣ напоминаетъ басню Невѣдомскаго (СПБ. 1812, стр. 4) „Бѣлка".

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 10—11).

18. Два Голубя (1809)

Вошла первоначально въ изданіе 1809 г. (стр. 6—10). Болѣе важныя отличія первоначальнаго текста:

10—11. Диковинки земного круга
Судить и видѣть самъ собой.

Послѣ 12-го стиха было еще два:

Во снѣ и на яву походъ лишь видитъ свой
И ни о чемъ другомъ не можетъ рта разинуть.

15. Иль братца хочешь ты покинуть?
16. Жестокой! Ежели меня тебѣ не жаль.
20. Упрашивать.
21. Теперь и кормъ такъ скуденъ, малъ.
24. Останься, другъ любезной мой!
28. Силки да ястреба.
40. И лучшія узнавъ диковинки на свѣтѣ.
44—45. Тамъ это слышалъ я, тамъ то попалось мнѣ,
А тамъ такое видѣлъ диво.
47. Леталъ со мной въ той сторонѣ.
48. По сихъ словахъ, друзья.
52. Къ счастію засохшій дубъ попался.
79—83. И тутъ не всѣ бѣды окончились на немъ.
Мальчишка въ близости рѣзвился:
Набравшій камушковъ, онъ въ цѣль метать учился
И, чтобъ узнать, вѣрна ль рука,
Хвать камнемъ голубка.
Какъ срѣзалъ съ ногъ онъ бѣдняка.

Переводъ басни Лафонтена „Les deux pigeons". До Крылова ее переводили Сумароковъ, гр. Хвостовъ и Дмитріевъ.

19. Червонецъ (1811).

Напеч. въ „Чтеніи въ, Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова" (1812, V, стр. 55-56 ценз. дозв. 17 ноября 1811 г.) съ однимъ отличіемъ въ стихѣ 20·

Измаранъ

Черновая этой басни находится среди академическихъ рукописей (I, 39—40) съ слѣдующими болѣе существенными отличіями:

3. Но просвѣщеньемъ мы зовемъ.
4. Нерѣдко роскоши.
12. Имъ не навлечь безславья вмѣсто славы.

20. Троеженецъ (1814).

Напеч. въ „Сынѣ Отечества“ (1814 г., XV, стр. 23—24) съ слѣдующими отличіями отъ окончательнаго текста:

9—10. И чтобъ никто не могъ впередъ
Такое сдѣлать злодѣянье.
11. А если де найду.
14. Въ сердцахъ у нихъ боязнь.
18. Отъ зла людей.

Гречъ разсказывалъ Кеневичу, что басня эта была написана по поводу разбиравшагося въ сенатѣ разводнаго дѣла Е. Б. Фукса, который, разведясь съ первой женою и не дождавшись окончанія дѣла, возникшаго по поводу его развода со второй, перешелъ изъ лютеранскаго вѣроисповѣданія въ православное и вступилъ въ третій бракъ.

21. Безбожники (1814).

Впервые вошла въ изданіе 1815 г. (ч. III, стр. 9—10). и перепечатывалась безъ перемѣнъ. Сохранилось нѣсколько рукописей этой басни (о нихъ см. также „Библіографическія Записки“ 1859 г. стр. 86—87): 1) Рукопись Публичной Библіотеки (автографъ Крылова № 3). 2) То же (автографъ № 13) съ заглавіемъ рукою Крылова „Безбожные“ и водянымъ знакомъ на бумагѣ „1810“. Болѣе существенныя отличія этой рукописи:

15. Тутъ боги Зевсу бьютъ челомъ.
16. Чтобъ отвратилъ онъ зло иль силой, иль умомъ
17. И даже всѣ согласны въ томъ.

Первоначальное нравоученіе, очень любопытное, зачеркнуто и замѣнено текстомъ, очень близкимъ къ печатному. Раньше оно гласило такъ:

„О вы,
Которымъ Богъ вручилъ о царствахъ попеченье:
Любите мудрости ученье,
Оно людей къ добру ведетъ,
Но бойтесь, если въ нихъ невѣріе гнѣздится;
— Иль придетъ часъ, оно, какъ туча, разродится,
Присягу и родство, и дружбу разорветъ,
И каменнымъ дождемъ на царство упадетъ.

3) То же (автографъ № 22) на бумагѣ съ водянымъ знакомъ „1812“. Болѣе существенныя отличія этой редакціи.

8. И слѣпъ, и безтолковъ.
15. Олимпъ съ мольбой къ Зевесу приступилъ.
16. Чтобъ грозную бѣду.
24—25. Они въ дѣлахъ своихъ казнятся.
34. Ближатъ.

4) „Библіографическія Записки“ даютъ изъ неизвѣстной намъ рукописи варіантъ стиховъ 24—25:

То намъ ли въ небесахъ ихъ дерзости бояться?
Кому не вѣдомо изъ васъ,
Что камни, стрѣлы ихъ не досягнутъ до насъ.

5) Академическая (I, 1—2 „Безбожные“). Болѣе существенныя отличія этой рукописи:

15. Олимпъ съ мольбой къ Зевесу приступилъ,
Чтобы грозящую бѣду онъ отвратилъ.

Самый образъ этой басни основанъ на классическомъ миѳѣ (борьба Титановъ — дѣтей земли съ Олимпійскими богами). Подъ безбожнымъ народомъ Крыловъ, можетъ быть, подразумѣвалъ французовъ.

22. Орелъ и Куры (1808).

Напеч. въ „Драматическ. Вѣстникѣ“ (1808 г. II, 150—151). Отличія первоначальнаго текста:

1. Въ день лѣтній, солнечный, желая нагуляться.
7. Для царей. 22. Честнѣе. 30. Поэтовъ. 32. Но, чувствуя лишь то, что сильно и прекрасно.

Басня эта нѣсколько сходна съ баснею Дмитріева „Орелъ и Каплунъ“.

Книга II.

1. Лягушки, просящія царя (1809)

Напеч. впервые въ изданіи 1809 г. (стр. 36—39), съ слѣдующими отличіями отъ послѣдняго прижизненнаго текста:

6. Пришли къ Юпитеру царя.
10. Трепнулся.
25. Чуть смѣютъ на него глядѣть.
40. Лягушки снова за вытье.
65. Безумныя! вѣщалъ.
66. Не мнѣ ли не было нигдѣ житья отъ васъ.

Въ экземплярѣ басенъ 1809 года, принадлежащемъ Публичной Библіотекѣ, вмѣсто 40-го стиха собственноручная поправка Крылова: „Лягушки вновь челобитье“.

Передѣлка басни Лафонтена „Les grenouilles qui demandent un roi". До Крылова эту басню переводилъ Василій Майковъ.

2. Левъ и Барсъ (1815).

Напеч. впервые въ изданіи 1815 г. (стр. 13—14). Отличія первоначальнаго текста:

4 — 7. Хоть разобраться льзя бъ имъ было по правамъ,
Но сильные въ правахъ бываютъ часто слѣпы
И вѣрятъ болѣе когтямъ.

3. Вельможа и Философъ (1815).

Напеч. (въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова" 1815, XVI, стр. 56). Отличія первоначальнаго текста:

4. И будто книгу разбираешь.
7. Ну не успѣемъ.
9. Неужли ужъ отъ нихъ.
12. Какъ.

Автографъ этой басни находится среди академическихъ Крыловскихъ рукописей (I, 3). Отличія его отъ послѣдняго прижизненнаго текста.

4. И будто книгу разбираешь.
7. Ну не успѣемъ.
9. Неужели отъ.
11. Бѣда.
12. Какъ съ.
14. Еще въ него не вобрались.

Кеневичъ предполагаетъ, что эта басня представляетъ сатиру на какое то незадолго передъ тѣмъ открытое коллективное учрежденіе, но самъ оговаривается, что подтверждающихъ данныхъ для этого онъ не нашелъ. Безъ особыхъ основаній онъ пріурочиваетъ ее къ 1814 г. (между тѣмъ ценз. дозв. 1815 г. апрѣль).

Гротъ въ академическомъ изданіи Державина (ч. VIII, стр. 917—918) указалъ на то, что Крыловъ несомнѣнно имѣлъ въ данномъ случаѣ въ виду „Бесѣду" и въ особенности гр. Хвостова. Хвостовъ передъ тѣмъ написалъ на Крылова пасквиль, въ которомъ изобразилъ его въ видѣ Обжоркина. Крыловъ и отомстилъ своему недоброжелателю баснею.

4. Моръ Звѣрей (1809).

Напеч. въ изданіи 1809 г. (стр. 13—14). Отличія первоначальнаго текста.

6. На часъ по тысячѣ валится ихъ.

8. Такой же части ждя, чуть бродятъ.
9—10. Тѣ жъ звѣри да не тѣ въ бѣдѣ великой той.
11. Какъ святой.
12. Давъ курамъ роздыхъ и покой
Лиса постится въ подземельи.
13. И пища имъ на умъ нейдетъ.
17. Въ сей крайности совѣтъ звѣрей.
25. Дозволитъ принести себя.
28. Смягчитъ жестокость ихъ.
32—34. Итакъ
Пусть всякъ
Подробно здѣсь разскажетъ,
Кого въ чемъ совѣсть вяжетъ.
36—37. Охъ! признаюсь, не правъ и я.
42. И въ жертву отдаюсь охотно—только спѣрва
43. Не худо бъ всѣмъ свои грѣхи здѣсь перечесть,
44. На комъ ихъ болѣ есть.
46. Онъ правосудію прямая будетъ жертва.
49—59. Къ чему щадить овецъ? Я думаю безъ лести,
И всѣ то жъ скажутъ здѣсь, хоть самъ спросить изволь,
Для твари глупой, подлой толь
Царю по вкусу быть чрезмѣрно много чести.
61. Разрѣшенья.
67—68. И всѣ кто былъ зубкомъ иль ноготкомъ богаты,
Тѣ вышли вонъ.
85. По немъ у насъ и моръ такой.
89. Кто по-безсильнѣе.

Передѣлка басни Лафонтена „Les animaux malades de la peste“. Кромѣ Крылова, ее переводили Леонтьевъ (1766 г.), Княжнинъ, кн. Д. П. Горчаковъ (1806 г.) и гр. Хвостовъ.

5. Собачья дружба (1815).

Вошла въ первое изданіе 1815 г. (ч. III, стр. 17—18) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ. Извѣстны двѣ рукописи этой басни: 1) Принадлежащая Публичной Библіотекѣ („Автографъ Крылова № 4“) съ заглавіемъ „Дружество“. Ея болѣе существенныя отличія:

7. Не лаютъ на прохожихъ днемъ.
8. Философствовать.
11. Кудланъ.
15. Честь.
16. Глядѣть въ глаза.
20. Что еслибы съ тобой.
21. Такое дружество другъ къ другу пламенѣло.
23. Что мы бъ не взвидѣли, какъ время пролетѣло

26. Кудланушка.
32. Примѣромъ дружества пса ставятъ съ давныхъ дней.
36. Сказалъ Кудланъ.—„Дай лапку!“
37. Тутъ новые.
38. Вертѣть хвостомъ и цаловаться.
42. Кудланъ съ Барбосомъ къ ней несутся,
Рвутъ кость другъ у́ друга, хрипятъ.
47—51. Хотя . . . . . (неразборчиво)
А только дружбою такою,
Едва ль не цѣлой полонъ свѣтъ.

2) Академ. (I, 6—8). Болѣе важныя отличія:
3. Хоть сидя бы передъ дворомъ.
7. Не лаютъ на прохожихъ днемъ.
8. Толковать.
35. Докажемъ же ее мы въ наши времена.
36. Тутъ перервалъ Кудланъ.
48. И можно молвить не грѣша,
49. Что въ немъ друзья почти всѣ дружбой одинаки.

Кеневичъ предполагаетъ, что эта басня намекаетъ на тогдашнія политическія событія: дружественная и многимъ обязанная Россіи Австрія въ январѣ 1815 года заключила съ Англіей и Франціей оборонительный союзъ противъ Россіи и Пруссіи. „Не эта ли вражда сторонъ, стремящихся къ миру, и вызвала басню?“

6. Раздѣлъ (1812).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ 1813 (VIII, стр. 69, ценз. дозв. 16 августа 1812 г.). Въ 11-омъ стихѣ отличіе отъ послѣдняго текста:

А нашъ раздѣлъ и послѣ мы сведемъ.

Автографъ находится среди академическихъ рукописей I, 15—16). Его отличія:
6. Про деньги, про товаръ.
7. Вдругъ сдѣлался пожаръ.
11. А счеты наши всѣ и послѣ мы сведемъ.
13. Кричитъ.

Другой автографъ принадлежитъ Публичной Библіотекѣ. Въ концѣ его рисунокъ—изображеніе какого то генерала въ мундирѣ.

Кеневичъ предполагаетъ, что басня направлена противъ разногласій и проявленій грубаго эгоизма во время нашествія Наполеона.

7. Бочка (1815).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ (1815 г., XVI, стр. 55).

Отличія первоначальной редакціи.

2. Два.
7. Воротилася.
8. Попрежнему.
11. И напиталась такъ простымъ виномъ.
18. Онъ долженъ былъ разстаться
19—24. Нельзя довольно вамъ, отцы, остерегаться,
Когда ввѣряете наставнику дѣтей.
Намъ стоитъ только съ юныхъ дней
Лишь вреднымъ толкомъ напитаться.
24. Имъ станешь вѣчно отзываться.

По мнѣнію Галахова, эта басня направлена противъ воспитанія на иностранный ладъ. По мнѣнію Кеневича — противъ увлеченія мистицизмомъ, которое тогда захватило высшіе классы русскаго общества и самого императора Александра I.

8. Волкъ на псарнѣ. (1812).

Напеч. въ „Сынѣ Отечества“ 1812 г. (ч. I, № 2, стр. 81—82) безъ подписи. Отличія:

13. Къ углу.
24. Вашихъ стадъ. Тамъ же (стр. 176) даны поправки:
5. Въ клѣтяхъ — въ хлѣвахъ.
20. И началъ такъ: къ чему.—И началъ такъ: друзья къ чему.
24. Вашихъ стадъ. — Здѣшнихъ стадъ.

Извѣстно нѣсколько рукописей этой басни: 1) Принадлежащая Публичной Библіотекѣ („Автографъ Крылова № 5“). Болѣе существенныя ея отличія:

3. Встревожился весь псарный дворъ.
5. Псы взвыли по клѣтямъ и рвутся.
6. Псари кричатъ: „Робята, воръ!“
7—8. И, словомъ, псарня стала адомъ.
11. Огня, огня! кричатъ.
13—19. И видитъ онъ, что, наконецъ,
Пришло ему разсчесться за овецъ,
Однако же хитрецъ,
Какъ добрый дипломатъ, вступилъ въ переговоры.
28—29. Тутъ ловчій перервалъ: ты сѣръ, а я ужъ сѣдъ.

2) То же („Автографъ № 11“). Болѣе существенныя отличія:

13. Дай попытаюся вступить въ переговоры.
30—33. И волчью я натуру крѣпко знаю.
Съ волками быть иной
Не можетъ мировой,
Какъ только шкуру съ нихъ долой.

Басня эта направлена противъ Наполеона, пытавшагося, но неудачно, вступить въ переговоры съ русскимъ правительствомъ. По словамъ Быстрова („Сѣверная Пчела", 1846, № 64), Крыловъ передалъ женѣ Кутузова собственноручный списокъ этой басни, а она отправила ее при письмѣ мужу. Послѣ сраженія подъ Краснымъ, Кутузовъ прочиталъ ее собравшимся вокругъ офицерамъ и, при словахъ: „А я, пріятель, сѣдъ", снялъ свою бѣлую фуражку и потрясъ наклоненною головой. Есть свидѣтельство, что Воейтковъ не разъ по просьбѣ Кутузова пересказывалъ ему наизусть эту басню (Акад. изданіе соч. Державина, томъ VI, стр. 245). См. еще „Русскій Архивъ" 1868 г. стр. 2000, „Рус. Стар." 1874 г. т. X, стр. 659—661, 1877 г. т. XVIII, стр. 307, Соч. Михайловскаго-Данилевскаго, т. V, стр. 243; „Русскій Инвалидъ" 1837 г. № 39 и 1839 г. № 32.

Лежащій въ основѣ этой басни образъ напоминаетъ начало притчи Ржевскаго „Волкъ" („Свободные часы" 1763 г. II, стр. 592).

Закрался нѣкогда ловити волкъ овецъ,
Однако пойманъ былъ овечій самъ ловецъ.

Срв. еще „Два сосѣда" Хемницера.

9. Ручей (1811).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова" (1812, V, 59—60, ценз. дозв. 17 ноября 1811 года). Болѣе существенныя отличія первоначальной редакціи:

5— 6. „Несытая рѣка!" ручей журчитъ сердито,
Услыша пастуха: „что если бъ дно твое.

18. У каждой хижинки, вкругъ каждаго кусточка.

Намъ извѣстны двѣ рукописи этой басни: 1) Публичной Библіотеки („Автографъ Крылова № 18"), съ слѣдующими болѣе важными отличіями:

7. Подобно было какъ мое.
16. Ни куричѣ не сдѣлалъ зла.
22. И дѣлая всегда одно добро.
31. Куда въ ручьѣ смиренность дѣлась.
33. Крутитъ сѣдую пѣну въ клубы,
34. И въ ярости онъ ломитъ дубы.

2) Академіи Наукъ (I, 19—21). Отличія:

20. Орошалъ. 22. Короче, дѣлая. 23. Причиня. 27. И что жъ? На самой той недѣлѣ. 28. Вдругъ туча. 34. Ломаетъ.

По указанію Лобанова (стр. 53), Крыловъ „по какой то особенной причинѣ преимущественно любилъ свою басню „Ручей".

См. письмо къ барону Бюлеру въ III томѣ нашего изданія.

10. Лисица и Сурокъ. (1813).

Впервые напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ (1813, XI, стр. 97—98).

Сохранились двѣ рукописи: 1) Публичной Библіотеки, въ тетради съ собственноручною надписью Крылова: „По сей рукописи сочинитель имѣлъ счастіе читать свои басни Ея Императорскому Величеству Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ января 11 дня 1814 года“. Отличіе:

25. Расходъ съ приходомъ.

2) Академіи Наукъ (I, 25—26). Отличіе:

9. Подъ судъ попала.

11. Прохожіе и Собаки. (1814).

Впервые вошла въ изданіе 1815 г. (III, 20). Отличія:

9. Собакъ намъ не исправить.

10—11. Пойдемъ, увидишь самъ, что лучше ихъ оставить.

13—14. Какъ стало ни одной собаки не слыхать.

15. Хулители.

Намъ извѣстны двѣ рукописи 1) Въ указанной выше тетради 11 янв. 1814 года. Отличія:

9. Собакъ намъ не исправить (и другія отличія, указанныя выше изъ первопечатнаго текста).

2) Въ указанной выше тетради 12 мая 1814 года. Отличія тѣ же.

Въ обоихъ случаяхъ заглавія: „Собаки и прохожіе“.

3) Академіи Наукъ (I, 8), съ заглавіемъ „Прохожіе“. Отличіе отъ предшествующихъ редакцій въ первомъ стихѣ: зарей. Эта басня Крылова нѣсколько напоминаетъ одно выраженіе Вольтера (заимствованное у итальянскаго сатирика Боккалини) въ предисловіи къ трагедіи „Alzire ou les américains“ и стихотвореніе Гете „der Klöffer“.

12. Стрекоза и Муравей. (1808).

Напеч. впервые въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ 1808 г. (II, 61) и безъ перемѣнъ [1]) перепечатывалась во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ. Переводъ басни Лафонтена. „La Cigale et la Fourmi“.

Переводы этой басни до Крылова — Сумарокова, Хемницера и въ „Прохладныхъ Часахъ“ (1793 г. I, 122—123 и II, 465). Въ „Кіевской Старинѣ“ (1902 г. октябрь 1—4) на

[1]) Исключая въ стихѣ 12-омъ „придетъ“ вмѣсто „пойдетъ“.

печатана очень любопытная малорусская версія этой басни. См. еще „Дѣтское Чтеніе“ 1785, 96.

13. Лжецъ. (1811).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ 1812 г. (V, 61—63, ценз. дозв. 17 ноября 1811 г.).

Отличія:

23. Ну что жъ диковинки!
23. На сей землѣ чудесъ розсѣяно повсюду.
29. Онъ кажется и простъ.

32-го стиха нѣтъ.

44. А все чуднѣе мостъ.

Извѣстны двѣ рукописи: 1) Академіи Наукъ (I, 16—19). Отличія:

13. Ни свѣчъ, ни шубъ.
17. Спѣетъ.
23. На сей землѣ чудесъ разсѣяно повсюду.
30. Странное.
39. Хоть съ гору огурца мы здѣсь и не найдемъ.
50. Диковинная вещь.

2) Въ указанной выше тетради 11 января 1814 года.

Басня эта нѣсколько напоминаетъ басню Геллерта „der Bömer und sein Sohn“, Эмбера „Le Paysan et son fils“, Сумарокова „Хвастунъ“ и „Господинъ Лжецъ“, Хемницера „Лжецъ“ и „Лгунъ“ Левшина.

Съ этою баснею очень часто сближали анекдотъ о томъ, какъ Крыловъ отодвинулся, чтобы „пропустить“ слишкомъ большую стерлядь лгуна въ англійскомъ клубѣ, но разсказъ этотъ слишкомъ мало имѣетъ общаго съ фабулой басни.

14. Орелъ и Пчела. (1813).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ (1813 г. XIII, 91—92) и потомъ Крыловымъ не измѣнялась. Намъ извѣстны двѣ рукописи: 1) Въ указанной выше тетради 11 января 1814 г. Отличія:

13. Ну стоятъ ли твои труды такихъ заботъ?
15. Которой воскъ тутъ или медъ
Твоей работы?
29. Для пользы общей.

2) Академіи Наукъ (I, 23—24) Отличія:

Послѣ 12-го стиха: Ну стоитъ ли твой трудъ такихъ заботъ?

29. Для пользы общей.

Эта басня имѣетъ нѣкоторое сходство съ басней Невѣдомскаго „Орелъ и пчела“ („Басни и сказки“ СПБ. 1812 г. стр. 33—34).

15. Заяцъ на ловлѣ. (1813).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ 1813 г. (XIII, 54—55) и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Рукопись есть въ Академической Библіотекѣ (I, 22).

Современники видѣли въ ней намекъ на претензіи Австріи послѣ пораженія Наполеона союзниками, но они забывали, что она была написана до этого.

16. Щука и Котъ. (1813).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ 1813 г. (XIII, 92—93) съ однимъ отличіемъ:

32. Ее стащилъ.

Басня эта осмѣиваетъ неудачу адмирала Чичагова, который не сумѣлъ удержать Наполеона при переходѣ черезъ Березину и даже умудрился потерять при этомъ часть полковыхъ обозовъ. О Чичаговѣ см. „Русскій Архивъ“ (1868 г. стр. 1819). Рукопись принадлежитъ Публичной Библіотекѣ, съ надписью: Fable Le Chat et le Brochet de Крыловъ ecrite par lui même l'an 1813. Autographe de Kriloff, fabuliste russe“. На бумагѣ остатокъ водяного знака 180...

17. Волкъ и Кукушка. (1813).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ 1813 г. (XIII, 153 — 154). Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 30—32). Отличія:

3. Что за люди у васъ, что за собаки!
4. Хотя ты ангелъ будь.
17. И даже говорятъ.
22. Прощай!
24. Въ тиши, въ довольствѣ.
31. Такъ знай же, куманекъ.
34. Вездѣ онъ видитъ зло.

18. Пѣтухъ и Жемчужное зерно (1809).

Напеч. въ изданіи 1809 г. (стр. 18) Отличія:

5—10. Ну что за прибыль, что на взглядъ
Ячменнова зерна собою повиднѣе!
Я, право, вдвое былъ бы радъ
Когда бы что-нибудь здѣсь вырылъ посытнѣе.
Невѣжи судятъ точно такъ:
Чево не возьмутъ въ толкъ, то все у нихъ пустякъ.

Переводъ басни Лафонтена „Le coq et la perle“. Кромѣ Крылова, ее переводили — Третьяковскій, Сумароковъ, Бе-

нитскій („Талія“ СПБ. 1807, I, 183—184) и гр. Хвостовъ. См. также журналъ „Вечера“ (I, 88).

19. Крестьянинъ и Работникъ (1815).

Вошла впервые въ изданіе 1815 г. (ч. III, 37). Отличія:

2. Тому хотя.
20. Собравшись съ силой.

21-го стиха нѣтъ.

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 26—28) съ заглавіемъ „Старикъ и Работникъ“. Отличія:

2. Хотя молиться.
5. Такъ избавителю отъ нихъ же первыхъ худо.
8. Такъ это, право, чудо.
15. Подкомкалъ подъ себя, ломаетъ.
18. Другъ мой милой.
20. Собравши съ силой.
23. И по́дъ сердце проболъ (sic) его желѣзной вилой.
24. Медвѣдь взревѣлъ, упалъ.
25. И, силъ лишивши, издыхаетъ.
28. Ну такъ, что опустилъ и руки мой Степанъ.
31. Медвѣдя бы продать я могъ,
Когда бы поберегъ
Его ты шкуру.

20. Обозъ (1812).

Напеч. впервые въ „Сынѣ Отечества“ 1812 г. (ч. II, №7, стр. 46—47). Отличія:

18. Таскалъ бы воду ужъ.
20. Небось, ужъ время не потратимъ.
26. Коня кидаетъ въ бокъ
30. Прыжки.

Рукопись есть въ Академіи Наукъ (I, 28—30). Отличія:

3. Наверху другихъ.
5. На хребтѣ.
9. И то диво.
18. Таскалъ бы воду ужъ, коль.
19. Смотрите-ко.
20. Небось, ужъ время не потратимъ.
24. Но только подъ гору перевалилась.
30. Пошли прыжки.

Среди Оленинскихъ бумагъ, принадлежащихъ теперь Публичной Библіотекѣ, есть копія этой басни съ собственноручными поправками Крылова, въ общемъ неинтересными.

Эта басня имѣла цѣлью оправдать медлительность Кутузова, на которую многіе тогда негодовали.

21. Вороненокъ (1811).

Впервые вошла въ изданіе 1811 г. „Новыя басни“ (стр. 5—6). Отличія:

7. Что и когтей марать.
13. Поднялся и сталъ кружить надъ.
22. Тутъ поздно онъ.

Переводъ басни Лафонтена „Le Corbeau voulant imiter l'Aigle“. Кромѣ Крылова, ее переводили Сумароковъ, А. Д. въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1755 г., гр. Хвостовъ и А. Соболевъ („Басни“ СПБ. 1815 г.) Противопоставленіе большого вора воришкѣ есть у Крылова въ „Почтѣ Духовъ“. Кургановъ (изданіе 10, М. 1831 г. стр. 374) и „Товарищъ разумной и замысловатой“ (М. 1787 г. I, 80—81) цитируютъ слова Діогена про судей, которые вели мелкаго вора на висѣлицу: „Большіе воры ведутъ маленькаго плута на висѣлицу“, „малаго вора большимъ осудить не трудно“.

22. Слонъ на воеводствѣ (1808).

Напеч. въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ 1808 г. (IV 7—8). Отличія:

11. Вдругъ.
22. Слонъ сказалъ.

23. Оселъ и Соловей (1811).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ 1811 г. (I, 55—56). Отличія:

4. Желалъ.
6. Велико ли въ тебѣ умѣнье.
20. Скончалъ пѣвецъ и ждалъ хвалы себѣ потомъ.
22. Слышать.

Рукопись принадлежитъ Публичной Библіотекѣ — въ тетради съ надписью Н. И. Гнѣдича: „Экземпляръ басенъ, сколотый булавкой, которой И. А. Крыловъ въ такомъ видѣ имѣлъ съ собою, когда читалъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ Зимнемъ Дворцѣ 1813 года, будучи у нея вмѣстѣ со мною“. Отличія:

6. Велико ли въ тебѣ умѣнье.
20—21. Скончалъ пѣвецъ и ждалъ хвалы себѣ . .
Ну что жъ? сказалъ оселъ: хотя.
21. „Изрядно!“ говоритъ оселъ.

—

Кеневичъ слышалъ отъ В. Т. Плаксина, что въ видѣ осла Крыловъ изобразилъ какого то вельможу (гр. Разумовскаго или кн. А. Н. Голицына), который поставилъ

ему въ примѣръ Дмитріева. Въ литературныхъ кругахъ осла этой басни отождествляли и съ кн. П. А. Вяземскимъ [1]), который первоначально ставилъ Дмитріева выше Крылова. (См. басню „Прихожанинъ“).

Басня эта нѣсколько напоминаетъ притчу Дидро „L'âne et le rossignol“. До Крылова многіе русскіе поэты пытались, но не вполнѣ удачно, изобразить въ стихахъ соловьиное пѣніе. См. „И то и сіо“ № 31; Гротъ, Сочин. Державина I, 692, II, 126, 695, 729; „Досуги“ Попова 1772 г. I,—30; Венгеровъ, „Русская Поэзія“ VI, 333.

Книга III.

—

1. Откупщикъ и Сапожникъ (1811).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ 1811 г. (стр. 1—4) Отличія:

5—6. Винъ по горло, черезъ край.
32. И поешь.
34. И вѣрно! Что жъ.
41. Богатѣй.
46. Ужъ тѣмъ ведется свѣтъ.
63—72. А съ нимъ принесъ заботу, сокрушенье,
Безсонницу, тоску и подозрѣнье.
То спрячетъ деньги за замокъ.
То дорогой мѣшокъ
Украдкою схоронитъ подъ заборомъ,
Замечетъ хворостомъ и соромъ
И ходитъ ночью самъ дозоромъ.
Ну, словомъ, жизнь пошла — хоть кинуться въ рѣку.

Рукопись принадлежитъ Публичной Библіотекѣ (въ указанной выше тетради 1813 г.).

Переводъ басни Лафонтена „Le Savetier et le Financier“. Кромѣ Крылова ее переводили Сумароковъ, анонимъ въ книгѣ „Басни въ стихахъ и прозѣ, выбранныя изъ лучшихъ писателей“ (Изданіе Рѣшетникова, 1788 г., стр. 55—60) и гр. Хвостовъ. Срв. „Товарищъ разумной и замысловатой“ (М. 1787, I, 113—114).

2. Крестьянинъ въ бѣдѣ (1811).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ 1811 (стр. 15—16). Отличія:

---

[1]) См. сочиненія Вяземскаго (т. I 155—156).

4. Стѣны тамъ.
8. Съ богатствомъ.
26. Возьми-тка.
Послѣ 36-го стиха: Совѣтовъ ихъ не оберешься.

3. Хозяинъ и Мыши (1809).

Напеч. въ „Цвѣтникѣ“ 1809 г. (II, 332—333). Отличія:
14. Въ амбарахъ день.
24. Скорѣе со двора.
Рукописи: 1) Берлинская (см. „Русская Старина“ 1893 г., апрѣль, стр. 57, статья Г. Шляпкина), съ заглавіемъ „Хозяинъ и кошки“. Отличіе:
14. Въ амбарахъ день.
2) Публичной Библіотеки (въ указанной выше тетради 1813 г.) съ отличіемъ въ 26-мъ стихѣ: „Крысы“

4. Слонъ и Моська (1808).

Напеч. въ „Драматическ. Вѣстникѣ“ 1808 г. (IV, 55). Отличіе:
4. Смотрителей.
Рукопись принадлежитъ Публичной Библіотекѣ (указанная выше тетрадь 1813 г.).
Гротъ сближаетъ съ этою баснею одно мѣсто въ „Мысляхъ Философа по Модѣ“, но оно, какъ указано нами въ примѣч. къ III т. нашего изданія, восходитъ къ „Живописцу“ Новикова, и басню напоминаетъ очень мало.

5. Волкъ и Волченокъ (1811).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ 1811 г. (20—21). Отличія:
2. Трудомъ когтей своихъ питаться.
6—7. На счетъ сосѣдній пообѣдать.
15. Да ободрать и съѣсть.
23. Или ужъ очень смирны.

6. Обезьяна (1811).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ 1811 г. (22) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.
Очень напоминаетъ притчу Сумарокова (первоначально напечатанную въ „Трудолюбивой Пчелѣ“): „Пахарь и Обезьяна“.

7. Мѣшокъ (1809).

Напеч. впервые въ „Цвѣтникѣ“ 1809 г. (VII, 33—37). Отличія:
4. Нижнихъ.
14. Съ мѣшкомъ.
19. Съ умильностью.

31. Хоть такъ онъ вретъ.
35. Чтобъ ни сказалъ.
40. Ни на чье лицо не намекали.
49. Теперь нерѣдко съ тѣмъ вельможей.

Въ Румянцевскомъ Музеѣ есть экземпляръ „Новыхъ басенъ“ 1811 г. съ собственноручными поправками Крылова. Въ 43-мъ стихѣ этой басни поправка: „Нѣкогда за стойкою сидѣли“.

Гротъ сближаетъ эту басню съ однимъ мѣстомъ въ „Ночахъ“ объ откупщикахъ и подрядчикахъ, но оно къ ней не имѣетъ никакого отношенія, т. к. смыслъ ея не въ „богатствѣ съ грѣхомъ пополамъ“, а въ отношеніи людей къ богатству.

8. Котъ и Поваръ (1812).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русской Слова“ 1813 г. (VIII, 67, ценз. дозв. 16 августа 1812 г.) съ отличіемъ въ 25-мъ стихѣ: „И уже“. Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 13—14). Отличія:

11. Ахъ ты проклятый!
25. Тутъ поваръ (?) волю давъ обильныхъ словъ теченью.

По мнѣнію Кирпичникова („Очерки“ стр. 194) „басня Котъ и Поваръ, напечатанная наканунѣ пріѣзда Кутузова къ русской арміи, имѣетъ тѣснѣйшую связь съ политическими событіями и выражаетъ убѣжденіе патріотовъ въ необходимости болѣе крутыхъ мѣръ сперва по отношенію къ Наполеону, съ которымъ деликатничали до самаго его вторженія, а потомъ по отношенію къ мало способнымъ генераламъ, ведшимъ къ гибели армію и страну.“

9. Левъ и Комаръ (1809).

Впервые вошла въ изданіе 1809 г. (26 — 27). Отличія:

5—6. Послушай здѣсь,
Какъ больно комаромъ наказанъ левъ за спесь.
7. Вотъ слухъ какой о томъ дошелъ мнѣ стороною.

Переводъ басни Лафонтена „Le lion et le moucheron“. Кромѣ Крылова эту басню переводили А. Д. въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ 1755 г., анонимъ въ „Другѣ Просвѣщенія“ 1806 г. (III, 105—106) и Дмитріевъ.

10. Огородникъ и Философъ (1811).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ 1811 г. (51—53). Отличія:

17. И подлѣ моего твой огородъ во всемъ.

28. Такъ худо.
39. Грядъ не взрылъ.
50. И все изроетъ.

Рукопись находится въ Публичной Библіотекѣ (въ указанной выше тетради 1813 г.). Кеневичъ (стр. 78) цитируетъ, повидимому, другую рукопись: стихъ 42 „за заступъ взялся свой“ въ первой рукописи перечеркнутъ и замѣненъ: „взялъ заступъ свой“.

Басня эта нѣсколько напоминаетъ „Les deux jardiniers“ Флоріана.

Въ ней Крыловъ между прочимъ затрогиваетъ вопросъ о плугѣ, введеніе котораго очень волновало тогда наше дворянство. Крыловъ иронически относится къ этому новшеству. По словамъ Тихонравова (соч. III, I, стр. 335), „въ то самое время, когда толки о плугѣ и сохѣ были въ большомъ ходу, когда они были предметомъ журнальныхъ статей, когда являлись попытки устранить нѣкоторое неудобство англійскаго плуга въ русскомъ хозяйствѣ, въ то самое время Крыловъ написалъ басню „Огородникъ и Философъ“, въ которой осмѣивалъ излишнее увлеченіе теоріею и пренебреженіе живыми опытами, которые представляетъ самое хозяйство. Въ этомъ отношеніи Крыловъ совершенно сходится съ Ростопчинымъ“. Покровитель Крылова Оленинъ интересовался вопросомъ о плугѣ, и онъ ставится въ „Модной Лавкѣ“ и баснѣ „Огородникъ и Философъ“ (см. Майковъ, соч. Батюшкова, III, 635). Изъ полемической литературы по этому вопросу слѣдуетъ отмѣтить „Мнѣніе о плугѣ и сохѣ“ (Спб. 1807 г.) и „О новоизобрѣтенныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ“ О. (Оленина?) въ „Драматическомъ Вѣсникѣ“ 1808 г. (V, 29—32). Плетневъ (Переписка съ Гротомъ, II, 683—684) говоритъ, что „Крыловъ въ такихъ басняхъ, какова „Огородникъ и Философъ“, придерживается россійскаго обскурантизма.“

11. Крестьянинъ и Лисица (1811).

Впервые вошла въ „Новыя басни“ 1811 г. (29—30) съ отличіемъ:

17. Что даже часто мнѣ.

Автографъ этой басни находится въ указанной выше тетради 1813 г.

12. Воспитаніе Льва (1811).

Впервые вошла въ изданіе 1811 г. („Новыя басни“, 31—34). Отличія:

24. Что кротъ неутомимъ.
66. Я съ радостью тебѣ правленье.
73. Птицѣ водъ.

87—88. Что пользы мало въ томъ или и вовсе нѣтъ,
Чтобъ знать, кто какъ у птицъ живетъ,
Когда кого звѣрьми владѣть зоветъ природа.

Въ Публичной Библіотекѣ находится любопытный экземпляръ басенъ 1819 г. съ собственноручными поправками Крылова къ 7-му и 8-му стихамъ (правда, перечеркнутымъ съ припискою сбоку „не нужно“):

А ложь въ устахъ царя гнусна,
И долженъ слово царь хранить ненарушимо.
Итакъ лисицу мимо.
А слово царское быть должно нерушимо.
Царю и царству ложь въ устахъ царя вредна.
Итакъ лисицу мимо.

Эту басню считали намекомъ на воспитаніе императора Александра I республиканцемъ Лагарпомъ, но подобные намеки вообще не въ характерѣ нашего баснописца, всегда уклончиваго и осторожнаго. Въ современномъ обществѣ Крыловъ могъ наблюдать много случаевъ воспитанія, несоотвѣтствовавшаго положенію воспитываемыхъ. Несомнѣнно этотъ общій вопросъ онъ и затрогиваетъ въ своей баснѣ. Срв. Воспом. Вигеля, II, 7,15.

Самый образъ „Воспитаніе Льва“, можетъ быть, взятъ изъ басни Флоріана „L'éducation du lion“, другого содержанія.

13. Старикъ и трое молодыхъ (1805) [1].

Напеч. въ „Московскомъ Зрителѣ“ 1806 г. (II,72). Отличія:

1—14. Какой то старичекъ развесть задумалъ садъ...
„Пускай бы строиться — да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда уже нога занесена изъ свѣта?
Какой тутъ складъ!
Ну, право, дѣдушка, ты дожилъ ужъ до дѣтства:
Не двѣсти жъ лѣтъ въ твоемъ написаны вѣку!“
Такъ говорили старику
Три взрослыхъ молодца изъ ближняго сосѣдства —
И продолжали такъ, смѣясь его трудамъ:
„Затѣялъ дѣло ты не по своимъ годамъ:
А лучше бъ ты молился дома Богу
Объ отпускѣ грѣхамъ своимъ
Да собирался бъ понемногу
Очистить мѣсто здѣсь другимъ

[1] См. примѣч. къ б. „Дубъ и Трость“.

И замыслы свои, держась разсудка правилъ,
Для нашихъ ты бъ ровесниковъ оставилъ:
Лишь въ нашемъ возрастѣ не бѣгаютъ трудовъ,
Съ которыхъ надобно полвѣка ждать плодовъ.
А въ старости глубокой, хилой
Приличнѣе всего знакомиться съ могилой."

16—23. Къ трудамъ отъ мягкихъ я ногтей моихъ привыкъ,
Но часто не себѣ я только въ вѣкъ мой сѣялъ,
Не одного себя я въ жизнь мою лелѣялъ,
И трудъ тотъ былъ всегда по сердцу моему,
Гдѣ видѣлъ пользу я не мнѣ лишь одному:
Чему же вамъ дивиться?...
Садя теперь, и той я мыслью веселюсь,
Что если тѣни сихъ деревьевъ не дождусь.

24. Прохладиться.
25-го стиха нѣтъ.
26. Да льзя ли.
29. Иль на пригожство.
30. Ахъ! сколько въ старости прекраснѣйшихъ дѣвиц.
31. Проводилъ.
32—33. Не смѣйтеся! А, можетъ быть,
Вамъ прежде моего лежать въ земной утробѣ!...
И, можетъ быть, на вашемъ сидя гробѣ,
Придется нѣсколько зарей мнѣ проводить.
34. Какъ напрорекъ старикъ, такъ точно послѣ было.
36. Улыбкой.
39. Другой, за славою гонясь, въ чужой землѣ.
40—42. Палъ въ брани — въ честь себѣ, а матери — къ страданью.
44. И занемогъ; быть можетъ, живъ бы былъ,
45. Но добрый врагъ его поторопилъ
Послѣднею Природѣ данью.
46—47. Нашъ старичокъ на гробѣ ихъ
Оплакалъ всѣхъ троихъ.

Рукописи: 1) Въ экземплярѣ басенъ 1819 г., принадлежащемъ Публичной Библіотекѣ, съ надписью Гнѣдича: „Басни, исправленныя самимъ авторомъ для изданія, вышедшаго 1825 года. Подлинникъ подаренъ мнѣ. Н. Гнѣдичъ. Спб. 1824 года." Поправки сдѣланы на вклеенныхъ между страницами листахъ (съ водяными знаками 1819 г.).

2) Академическія (III, 3—6, IV, 10 и V, 6). Всѣ эти рукописи, сравнительно съ указанною выше печатною редакціей, особаго интереса не представляютъ.

Переводъ басни Лафонтена: „Le vieillard et les trois

jeunes hommes". Кромѣ Крылова переводилъ эту басню Невѣдомскій.

Прозаическій пересказъ въ „Дѣтскомъ чтеніи" (1785, IV, 127—128).

Въ концѣ ея сказалось обычное для Крылова недовѣріе къ медикамъ и ихъ теоріямъ. „Отъ мягкихъ ногтей"— передѣлка стариннаго выраженія „отъ младыхъ ногтей".

Въ „Московскомъ Зрителѣ" эта басня помѣщена, вѣроятно, самимъ Крыловымъ („Дубъ и Тростъ" и „Разборчивая Невѣста" были переданы въ этотъ журналъ Дмитріевымъ).

14. Дерево (1814).

Напеч. въ изданіи „Новыя басни Крылова" (ч. IV, Спб. 1816 г., 8—9). Отличія:

5-го стиха нѣтъ.

9—12. Когда бъ вокругъ меня не этотъ сбродъ,
Я вѣрно бъ выросла (sic) до облакъ въ годъ,
И скрасилась бы мной здѣсь цѣлая долина;
Теперь же тонокъ (sic) я и сухъ какъ хворостина.

28. То до того ты только бъ возросло.

Автографы этой басни находятся: 1) Въ указанномъ выше экземплярѣ басенъ 1819 года (Публичной Библіотеки); 2) въ указанной выше рукописи 12 мая 1814 года, и 3) Академическая (I, 50—51). Отличія второй рукописи:

5—7. Ни корню пищи нѣтъ,
Ни вѣткамъ вокругъ меня свободы,
Притомъ же солнечный мнѣ чуть мелькаетъ свѣтъ.

9—12. Когда бъ вокругъ меня не этотъ сбродъ,
Я вѣрно бъ выросло до облакъ въ годъ,
И скрасило бъ собой здѣсь цѣлую долину.
Теперь же не расту и въ половину.

14. И молодому другу.

17. Но торжество не долго это было.

18. То жаромъ солнечнымъ его печетъ.

20. И бурей.

23. Укрытое ты лѣсомъ возрастало.

25. Деревья крѣпкія тебя бы берегли.

26. Нѣкогда большихъ деревъ не стало.

28. То до того ты столько бъ возросло.

15. Гуси (1811).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова" (Спб. 1811, 53—54) съ однимъ отличіемъ:

14. И насъ какъ птицъ простыхъ.

См. стихотвореніе А. Волкова: „Къ баснѣ Крылова Гуси" въ „Сѣв. Набл.", 1817, I, 130.

Надъ родовою гордостью Крыловъ смѣялся и раньше (напр., въ „Почтѣ духовъ“).

16. Свинья (1811).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ 1811 г. (41) и перепечатывалась потомъ безъ перемѣнъ.

По словамъ кн. Вяземскаго (соч. VIII, 53), „Блудовъ сказалъ о новомъ собраніи басенъ Крылова, что вышли новыя басни Крылова съ свиньею и съ виньетками. „Свинья на барскій дворъ когда то затесалась“ и пр.: строгій и нѣсколько изысканный вкусъ Блудова не допускалъ появленія Хавроньи въ поэзіи“. Въ книгѣ „Мысли и замѣчанія гр. Блудова“ (Спб. 1866 г., 4) напечатано: „Что это за басня!“ вскричалъ Крыловъ, прочитавъ „Пьяницу“ А. Измайлова: „какія отвратительныя картины и какой площадной, подлый слогъ“. — „Да“, сказалъ ему Д. (Дашковъ?): „Это ваша свинья въ платьѣ квартальнаго“. Хорошій урокъ для писателей, имѣющихъ талантъ и славу. Ихъ примѣръ заразителенъ.“

17. Муха и Дорожные (1808).

Напечат. въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ 1808 г. (III 85—87). Отличія:

7. Спустился.
8. И въ два кнута мучитель.
9. Съ лакеемъ лошадей.
23. Ярманкѣ.
27. Лакеи гуторя.
28. Болтаютъ вздоръ.
30. Грибовъ искать.
31. Одна.
32. Она.
34. Встащились и всползли.
38. Ноги.
40. Во все.

Передѣлка басни Лафонтена: „Le coche et la mouche“. Кромѣ Крылова ее переводили Сумароковъ, Невѣдомскій и гр. Хвостовъ. Срв. „Басни и сказки для дѣтей“ П. Шарапова (Спб. 1820, 7—9) и „Полное собраніе соч. Жуковскаго“ подъ редакціей Архангельскаго (XI, 29).

18. Орелъ и Паукъ (1811).

Напечат. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ (1812, V, 57—58, ценз. дозв. 17 ноября 1811 г.). Отличія:

29. Нѣтъ, на это я бы не рѣшился.
34. Итакъ прошу не величаться.
44. Чтобъ ихъ опять на низъ снести и съ паутиной.

Автографъ принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 11—13). Отличія:

7. Тутъ рощи.
9. Каспійское сердито.
10. Вороно крыло.
16. Долетаетъ.
33. Сдержаться.
34. Итакъ прошу не величаться.
40. Держа.
42. Какъ будто Богъ снабдилъ ихъ силою орлиной.

Нѣсколько напоминаетъ басню Бенитскаго „Орелъ и Муравей“ („Талія“, Спб. 1807 г., I, 174—176) и стихотвореніе Экушаръ-Лебрена „Moyen sûr de parvenir“.

Эту басню считали намекомъ на паденіе Сперанскаго, но она была напечатана за нѣсколько мѣсяцевъ до этого; кромѣ того, при всей своей нелюбви къ „либералисту“ Сперанскому (тотъ называлъ его въ свою очередь „препорядочнымъ невѣждой“), Крыловъ врядъ ли сказалъ бы про него, что онъ „безъ ума и даже безъ трудовъ“ встащился наверхъ, „держась за хвостъ вельможи“. Злобное пріуроченіе этой басни къ Сперанскому могло быть сдѣлано его врагами уже послѣ ссылки. Державинъ изобразилъ Сперанскаго въ видѣ паука въ басняхъ „Выборъ министра“ и „Цвѣтъ и Паукъ“.

19. Лань и Дервишъ (1814).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ 1815 (Спб., XVII, 99, ценз. дозв. 18 декабря 1814 г.). Отличія:

1. Лишась своихъ.
13. Лань дервишу.
19. Такъ добродѣтельный, любя едину благость.
21. И если онъ богатъ, ему.
22. Бѣднымъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (въ тетради F. XIV, № 13). Болѣе интересное отличіе:

21. И если онъ богатъ, ему избытки.

2) Въ указанной выше тетради 11 января 1814 г.
3) Академическая (I, 36).

20. Собака (1816).

Вошла впервые въ „Новыя басни Крылова“ (ч. IV, Спб. 1816, 11). Отличія:

5. Общественныхъ не нарушая правъ.
6. Но ужъ у ней такой былъ нравъ.

Автографъ принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 70—71. Отличія тѣ же, которыя указаны выше; кромѣ того, въ 16-мъ стихѣ вмѣсто „оставляешь“ „покидаешь“.

21. Орелъ и Кротъ (1814).

Впервые вошла въ „Новыя басни Крылова“ (ч. IV, Спб., 1816, 3—4). Отличія:

11—14. Что корнемъ онъ не крѣпокъ и не цѣлъ,
Что даже, можетъ быть, онъ скоро и свалится,
Такъ, чтобы вить на немъ гнѣзда
Не принималъ орелъ напраснаго труда.

32—33. Несчастный! онъ сказалъ: за то бѣда мнѣ эта,
Что не послушалъ я совѣта.

Рукописи: 1) Академическая (I, 60—62). 2) Публичной Библіотеки (въ тетради F. XIV, № 13). 3) Въ указанной выше тетради 12 мая 1814 г. и 4) Въ указанномъ выше экземплярѣ басенъ 1819 г. (Публичной Библіотеки). Отличія въ общемъ не существенны.

Книга IV.

1. Квартетъ (1811).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ 1811 г. (12—13) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ. Автографъ въ указанной выше рукописи 1813 г. (Публичной Библіотеки) Отличіе:

19. Сказалъ.

По словамъ Дмитріева („Взглядъ на мою жизнь“, 292—293), „въ 1810 году министръ юстиціи кн. Лопухинъ назначенъ предсѣдателемъ департамента дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ; просвѣщенія, Завадовскій — департамента законовъ; военный, гр. Аракчеевъ — департамента военнаго; бывшій военный министръ Мордвиновъ — департамента государственной экономіи. Есть преданіе, что Крыловъ по этому случаю написалъ свой „Квартетъ“, разумѣя подъ мартышкой — Мордвинова, подъ осломъ — Завадовскаго, подъ козломъ — Лопухина, подъ медвѣдемъ — Аракчеева.“

Вигель даетъ иное толкованіе этой баснѣ („Воспоминанія“, М. 1893, III, 152): „Крыловъ хотя и выдалъ особу свою „Бесѣдѣ“, но, говорятъ, тайкомъ подсмѣивался надъ нею. Доказательствомъ тому поставляютъ вскорѣ послѣ ея

открытія выданную имъ басню Квартетъ.“ Дѣйствительно, при учрежденіи „Бесѣды“ было много курьезныхъ мѣстническихъ счетовъ, и Крылову противъ воли приходилось принимать въ нихъ участіе.

Сравн. еще Гротъ, „Соч. Державина“, VIII, 910.

2. Листы и Корни (1811).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ 1811 г. (IV, Спб., 100—101). Отличіе:

21. Кто смѣетъ съ нами такъ считаться дерзновенно.

Подъ корнями Крыловъ несомнѣнно подразумѣваетъ крѣпостныхъ крестьянъ, вообще низшіе классы населенія, и самою баснею указываетъ ихъ значеніе для жизни государства.

3. Волкъ и Лисица (1816).

Въ первый разъ вошла въ изданіе 1816 г. „Новыя басни“ (ч. IV, Спб., 5—6). Болѣе существенныя отличія:

1—4. Охотно любятъ то дарить и уступать,
Что некуда самимъ дѣвать.
Я про лису хочу примѣръ сказать,
Затѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

Автотрафъ принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 44). Басня эта напоминаетъ одинъ эпизодъ изъ „Roman de Renard“.

4. Бумажный змѣй (1814).

Напеч. въ „Сынѣ Отечества“ 1814 г. (ч. XI, 73, ценз. дозв. 10 января 1814 г.), съ заглавіемъ: „Бумажный змѣй и Мотылекъ“. Отличія:

1—2. Бумажный змѣй, увидя съ высока.

16. Безъ устали пустого.

Рукопись, съ тѣмъ же заглавіемъ, что и въ „Сынѣ Отечества“, принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 59).

По идеѣ эта басня напоминаетъ басню „Моднаго изданія“ „Стрѣла“ (I, 233—234).

5. Лебедь, Щука и Ракъ (1814).

Впервые вошла въ „Новыя басни Крылова“ (ч. IV, 1816, стр. 10), съ однимъ отличіемъ:

7. Возу нѣту ходу.

Рукописи: 1) Въ указанной выше тетради 12 мая 1814. — Отличія:

6. И трое вмѣстѣ всѣ въ него.
7. А возу нѣту ходу.
12. Нынче.

2) Академическая (I, 55), 3) Въ альбомѣ у А. А. Бахрушина. Срв. басню Державина „Лашманы и дубъ“ (соч. Академ. изданіе III, 556).

Въ этой баснѣ видѣли сатиру на неурядицы въ Государственномъ Совѣтѣ или пререканія во время Вѣнскаго Конгресса, который былъ однако открытъ позднѣе написанія басни. Впрочемъ затронутое въ этой баснѣ явленіе настолько типично для нашей жизни, что для нея можно было бы и не подыскивать отдѣльнаго конкретнаго случая.

6. Скворецъ (1816).

Вошла впервые въ „Новыя басни Крылова“ 1816 г. (ч. IV, Спб., 25—26). Отличіе:

22—24. То не путемъ
Онъ верещалъ козленкомъ.

Срв. „Соловей и скворецъ“ Николева.

7. Прудъ и Рѣка (1814).

Вошла впервые въ „Новыя басни Крылова“ 1816 г. (ч. IV, Спб. 14—16). Отличія:

4. Неужели таки ты, сестрица.
48. По всякой день.

Рукописи: 1) Въ указанной выше тетради 12 мая 1814 г. (Публичной Библіотеки). Отличія:

25. Его ко мнѣ закинетъ.
41-го стиха нѣтъ.
48. По всякой день.

2) Академическая (I, 47—49). Отличія:

4. Ужели ты никогда, сестрица.
11. Какъ мой удѣлъ.

Остальныя отличія тѣ же, что и въ предшествующей рукописи.

8. Тришкинъ кафтанъ (1815).

Напеч. въ „Сынѣ Отечества“ 1815 г. (ч. XXIII, 24) съ однимъ отличіемъ:

4. Кафтанъ готовъ.

Факсимиле этой басни приложено къ Академическому Крыловскому Сборнику 1869 г. и включено также въ „Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей“ (Спб 1873, № 25, на стр. 33 транскрипція Кеневича).

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки, въ указанной выше тетради F. XIV, № 13. Отличія:

1. Прорвался.
4. Кафтанъ готовъ.

16. Видалъ я, иногда.
17. Такимъ же образомъ иные.

2) Тоже (автографъ Крылова № 10). Отличія:

5. Короче.
6-го стиха нѣтъ.
7. Смѣется Тришкѣ всякъ.

3) Тоже (автографъ Крылова № 20). Очень неразборчивая черновая съ чернильнымъ наброскомъ женской головы. Изъ стиховъ, которые можно разобрать, представляютъ интересъ слѣдующіе:

У Тришки на локтяхъ кафтанъ прорвался.
Портного бы призвать, и дѣло все съ концомъ.
Но Тришка малый былъ съ умомъ.
Онъ говоритъ: „И сами мы зашьемъ.“
И тотчасъ за иглу принялся.
На четверть онъ обрѣзалъ рукавовъ.
. . . . . .
У барина кафтанъ на локоткахъ продрался.
. . . . . .
Плащъ (?) у боярина прорвался.
. . . . . .

4) Академическая (I, 71—72).

Басня несомнѣнно направлена противъ тѣхъ помѣщиковъ, которые думали поправить свои хозяйственныя дѣла перезалогами имѣній въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Срв. письмо Гоголя къ матери отъ 22 февраля 1836 г. (Шенрокъ, Письма Гоголя, I, 366): „Письмо ваше я получилъ. Радъ, если вы точно избавитесь отъ хлопотъ взятіемъ денегъ изъ ломбарда, и душевно желаю, чтобы не случилось такъ, какъ въ первый разъ, когда вы должны были всякій разъ занимать, чтобы уплачивать проценты, что было нѣсколько похоже на человѣка, отрѣзывающаго себѣ фалды, съ тѣмъ, чтобы заплатать локти“.

9. Механикъ (1816).

Впервые вошла въ „Новыя басни Крылова“ (ч. IV, Спб. 1816 г. 12—13). Отличія:

1—3. Какой-то молодецъ, но только не умомъ,
Огромной каменной купилъ съ деревней домъ.
Домъ, правда, дѣдовской, но строенной на славу:
И прочность и уютъ — все было въ домѣ томъ.
4. Молодчику.

Крыловъ не предугадывалъ, что то, надъ чѣмъ онъ смѣялся, будетъ, черезъ нѣсколько десятилѣтій, довольно обычнымъ явленіемъ.

10. Пожаръ и Алмазъ (1814).

Вошла впервые въ „Новыя басни Крылова“ (ч. IV, Спб. 1816, стр. 28—29). Отличія:

4. Тогда жъ при.
16. Затемняетъ.

Рукописи: 1) Въ указанной выше тетради 11 янв. 1814 г. Отличія:

4. Тогда жъ при общей тутъ тревогѣ.
7—8. Какъ ты ничтоженъ предо мной,
Сказалъ ему огонь, со всей своей игрой.
16. Ослабляетъ.
31. Ты живешь.
36. Пожаръ тушить.

2) Академическая (I, 42—43). Отличія:

4. Тогда жъ при.
10. Отличить.
27. Отвѣтствуетъ алмазъ.
36. Пожаръ тушить.

3) Въ принадлежащей Публичной Библіотекѣ тетради F. XIV, № 13.

Какъ извѣстно, Крыловъ очень любилъ пожары, благодаря чему изображеніе ихъ у него отличается особенною яркостью.

11. Пустынникъ и медвѣдь (1807).

Напеч. въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ 1808 г. (I, 142—144). Отличія:

5. Одинакой.
7. Складно.
39. Вотъ какъ то вздумалось.
48. Усни.
62. Ужъ я жъ.

Переводъ басни Лафонтена „L'ours et l'amateur des jardines“.

Кромѣ Крыловскаго намъ извѣстны слѣдующіе переводы этой басни: Сумарокова „Другъ невѣжа“ въ „Покоящемся Трудолюбцѣ“ (1784, II, 222), въ „Иртышѣ, превращающемся въ Иппокрену“ (Н. Смирнова, 1790, I, 26—29), въ „Прохладныхъ часахъ“ (1793, I, 73), въ указанныхъ выше басняхъ Рѣшетникова (1788, 31—36), гр. Хвостова „Медвѣдь и Огородникъ“ и въ басняхъ Додстлея (М. 1839, 94—96).

Жихаревъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ стр. 409, подъ 3 мая 1807 г. пишетъ: „Послѣ чаю Крыловъ поподчивалъ насъ баснею „Медвѣдь и Пустынникъ“. Это переводъ изъ Лафонтена, но какой переводъ — прелесть! Стоитъ ориги-

нала. Медвѣдь у него совершенно живой... А какъ читаетъ этотъ Крыловъ! Внятно, просто, безъ всякихъ вычуръ и, между тѣмъ, съ необыкновенною выразительностью; всякій стихъ такъ и врѣзывается въ память. Послѣ него, право, читать совѣстно".

12. Цвѣты (1816).

Первый разъ вошла въ „Новыя басни" 1816 г. (ч. IV, стр. 19—20) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

13. Крестьянинъ и Змѣя (1813).

Напеч. впервые въ „Сынѣ Отечества" 1813 г. (IX, 43). Отличія:

1. Къ крестьянину пришла змѣя проситься въ домъ.
2. Не даромъ жить, безъ дѣла.
9. Твердитъ.
13. Къ несчастью, правда все, но я не такова.
15. Была дала.
19—20. И, словомъ, всѣхъ я змѣй
Добрѣй.
25. У насъ увидятъ и полюбятъ.
29. А, сверхъ того, голубушка моя.
33. Отцы! Въ догадъ ли вамъ, на что здѣсь цѣлю я?

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 46—47). Отличія:

13. Къ несчастью, правда все, но я не такова.
22. Хозяинъ.
29. А сверхъ того, голубушка моя.
33. Отцы! Вы видите, на что здѣсь цѣлю я?

14. Крестьянинъ и Разбойникъ (1814).

Вошла впервые въ „Новыя басни Крылова" 1816 г. (IV, 18), съ однимъ отличіемъ въ стихѣ 6-мъ — „Мужичка".

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки въ тетради 12 мая 1814 г. Отличія:

2. На ярмонкѣ.
4. Брели подъ вечеръ домой.
7. Плачется.

2) Академіи Наукъ (I, 34—35).

15. Любопытный (1814).

Напеч. въ первый разъ въ „Сынѣ Отечества" 1814 г. (ч. XVIII, 69) съ однимъ отличіемъ въ 7-мъ стихѣ: „Натура".

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (автографъ Крылова № 22, на бумагѣ водяной знакъ „1812"). Отличія:

6 Ужъ подлинно чудесъ палата.

7. Натура.

2) Академическая (I, 18).

Булгаринъ („Сѣверная Пчела“ 1845 г. № 8) говоритъ, что въ этой баснѣ Крыловъ осмѣялъ кн. Вяземскаго, написавшаго стихи, въ которыхъ упоминаетъ о трехъ великихъ баснописцахъ Иванахъ — Лафонтенѣ, Хемницерѣ и Дмитріевѣ. Крылова онъ пропустилъ умышленно, не желая, по собственному признанію, задѣвать Дмитріева. Какъ большинство свидѣтельствъ Булгарина, этотъ разсказъ заслуживаетъ мало вѣроятія: Крыловъ такъ же мало могъ приравнять Лафонтена и Хемницера къ букашкамъ, какъ себя сравнить со слономъ. Вѣроятнѣе другой разсказъ, сообщенный Кеневичу Куниымъ (стр. 152) и, кромѣ того, напечатанный въ Рус. Старинѣ (1870, II, 84). За обѣдомъ у А. С. Норова одинъ пріѣзжій провинціалъ разсказывалъ о своемъ посѣщеніи Академическаго музея. Кто то изъ слушавшихъ спросилъ у него: „Ну, а слона видѣли?“ — „Какого слона?“ — „Да слона, что въ Музеѣ!“ — „Ну, виноватъ! Слона то я и не замѣтилъ.“

16. Левъ на ловлѣ (1808).

Напеч. въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ (I, 1808, 196, подъ заглавіемъ: „Левъ, Собака, Лисица и Волкъ“; въ виду того, что напечатана въ первой книжкѣ журнала, скорѣе была написана въ 1807 г.). Отличія:

5. Зарокъ всѣ.

10. И ну скорѣй къ товарищамъ.

Передѣлка басенъ Лафонтена „La Genisse, la Chivrè et la Brebis en sociétè avec le Lion“ и Эзопа „Левъ, Лисица и Оселъ“. Другія обработки той же басни принадлежатъ Тредьяковскому, Сумарокову, Хемницеру, В. Майкову и Державину.

17. Конь и Всадникъ. (1814).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ Крылова (1816 г. СПБ. ч. V, 10—11). Отличія:

28. Со всѣхъ попавши ногъ.

30. Узнавши смерть его сѣдокъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки тетрадь F XIV, № 13. Отличія:

6. Мой всадникъ.

15. Не легка.

16. Мой расходился конь ретивой.

17. Въ немъ разыгралась кровь и разгорѣлся взоръ.

20. Черезо.

2) Тоже. Отдѣльный листокъ съ водянымъ знакомъ „1812“. Отличія:

6. Съ собою всадникъ разсуждалъ.
23. Сѣдокъ узду.
26. Вѣтръ.
30. Узнавши смерть его сѣдокъ
31. Добрый конь.

3) Тоже. Въ тетради 12 мая 1814 г.

4) Академическая (I, 53—55). Отличіе въ 37 стихѣ— „по имени свобода“.

Эта басня напоминаетъ стихотвореніе Державина „Колесница“, Пнина „Верховая Лошадь“ („Любитель Словесности“ 1806, II, 207—208) и слова Тальбота въ „Орлеанской Дѣвѣ“ Шиллера о разумѣ. Идея этой басни понималась очень различно. Одни видѣли въ ней предубѣжденіе Крылова противъ освобожденія крестьянъ, хотя онъ втеченіе всей своей литературной дѣятельности горячо заступался за обездоленный народъ; другіе считали ее протестомъ противъ того общественнаго движенія, которое завершилось 14 декабря 1825 г., хотя эта басня была написана еще въ 1814 году. Самъ Крыловъ былъ нѣсколько виноватъ въ послѣднемъ толкованіи, т. к. въ изданіи басенъ 1825 г. поставилъ эту басню на первомъ мѣстѣ и прибавилъ къ ней очень выразительную картинку. Вѣроятнѣе всего, что онъ первоначально имѣлъ въ виду Францію и послѣдствія Великой революціи.

18. Крестьяне и Рѣка. (1814).

Впервые вошла въ „Новыя басни Крылова“ 1816 г. (ч. IV, СПБ., 30—31) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1—2) Публичной Библіотеки, въ тетради F.XIV, № 13. Отличія:

8. Изрыты.
24. Вздохнули и пошли домой.

Въ той же тетради, ниже другая редакція этой же басни.

3) Тоже. Въ тетради 11 января 1814 г.

4) Академическая (I, 52—53).

19. Добрая Лисица. (1814).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ (1815, СПБ., XVII, 43—44, ценз. дозв. 18 декабря 1814 г. Подъ заглавіемъ „Лисица“). Отличія:

3. Еще должны.
10. Такое горе видя.

11-го стиха нѣтъ.

36—37. Когда птеняточекъ ко сну потянетъ,
Межъ тѣмъ какъ съ гнѣздышкомъ зефиръ качать ихъ станетъ.

38. Прибаюкивалъ.

Рукописи: 1) Публичной (Библіотеки въ тетради F.XIV, № 13. 2) Тоже въ тетради 12 мая 1814 г. Отличія:

15. Къ сироткамъ вы снесите.

Остальныя отличія тѣ же, что и въ первопечатномъ текстѣ.

3) Академическая (I, 62—64). Отличія:

1. Весной стрѣлокъ.
20. Ободрать.
34. Порадовать.

Эта басня немного похожа на басни Флоріана „Le Renard qui prêche“ и „La jeune Poule et le vieux Renard“.

Батюшковъ высоко ставилъ эту басню (соч. II, 314—315) и списалъ ее въ свою записную книжку.

20. Мірская сходка. (1816).

Впервые вошла въ „Новыя басни“ 1816 г. (СПБ., IV, 22) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 45). Отличія:

8. По свѣту.
13. Что въ волкѣ знаетъ кто худого.
15. Какъ надо собраны.
18—19. Какъ? Да на сходкѣ той ужель и овцы были?

Книга V.

—

1. Демьянова уха. (1813).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ (XI, СПБ., 1813, 95—96 и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 4—5)

По словамъ Лобанова (стр. 54—55), эта басня была направлена противъ товарищей Крылова по „Бесѣдѣ“, которые душили всѣхъ во время засѣданій своими слишкомъ длинными чтеніями. Забавная пародія П. Н. Семенова на „Демьянову уху“ напеч. въ „Библіографическихъ Запискахъ“ (1861 г. 456—457.) Нѣсколько походитъ на басню Барба „La politesse vilageoise“ (см. Fleury Krylov Paris 1869 page 71—75).

2. Мышь и Крыса. (1816).

Впервые вошла въ „Новыя басни“ 1816 г. (г. V. СПБ., 4), съ однимъ отличіемъ: 14. Весь долженъ свѣтъ глядѣть его очами.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки („Автографъ Крылова № 21“). Отличія:

3. Попала.
4. Теперя погулять и намъ.
9. Я такъ думаю, что льву.
10. Страшнѣе.
14. Весь долженъ свѣтъ глядѣть.

2) Академическая (I, 49—50).

3. Чижъ и Голубь. (1814).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ 1816 г. (V, стр. 1) съ однимъ отличіемъ въ 4-омъ стихѣ: „Середь бѣлова дня“.

Рукопись находится въ тетради 12 мая 1814 г. (Публичной Библіотеки).

Другая принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 60).

Эта басня нѣсколько напоминаетъ басню Федра „Воробей и Заяцъ“).

4. Водолазы. (1813).

Напеч. въ „Описаніи торжественнаго открытія Императорской Публичной Библіотеки 2 января 1814 года“ (СПБ. 1814 г. 99—103).

Отличія: 1. Странное.
25. Безплотныхъ.
28. Безсмысленныхъ животныхъ.
33—34. Что весь ученой бредъ
Былъ нравовъ простотѣ во вредъ.
41. Созвавъ со всѣхъ сторонъ.
42. Онъ учредилъ.
98. Хотя близъ береговъ ласкаться счастьемъ можно.

Въ этомъ „Описаніи“ находятся нѣкоторыя данныя, бросающія свѣтъ на самое возникновеніе этой басни. Оленинъ предложилъ Крылову тему „О пользѣ истиннаго просвѣщенія и о пагубныхъ слѣдствіяхъ суемудрія“ (стр. 140). Онъ выполнилъ эту задачу „съ успѣхомъ и пріятно“. 7 ноября 1813 г. Олениңъ писалъ Крылову (стр. 148—149): „Четвертымъ (вопросомъ, который поставилъ Оленинъ) давно уже занимался человѣкъ Вамъ весьма коротко знакомый, а именно И. А. Крыловъ. Онъ знаетъ, съ какимъ удовольствіемъ прекрасный его трудъ былъ уже принятъ въ кругу

его пріятелей и знакомыхъ (которые иногда строго разбираютъ его творенія). Теперь остается ему только согласиться сей трудъ самому прочесть предъ публикою въ день торжественнаго открытія Императорской Публичной Библіотеки. Вотъ о чемъ я рѣшился Васъ, Милостивый Государь мой, письменно просить, и надѣюсь, что Вы въ томъ мнѣ не откажете. Я увѣренъ, что почтенная публика съ большимъ удовольствіемъ будетъ слушать пріятный и поучительный Вашъ апологъ, который Вы нынѣшнимъ лѣтомъ на дачѣ моей сочинили, подъ названіемъ „Водолазы".

Въ литературѣ о Крыловѣ эта басня истолковывалась самымъ различнымъ образомъ. Плетневъ видитъ въ ней „рѣшеніе одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ касательно просвѣщенія". Стоюнинъ считаетъ взглядъ Крылова на науку страннымъ, т. к. онъ „видитъ въ ней какую то губительную глубину, забывая о томъ, что она развиваетъ только истину и несетъ людямъ свѣтъ и добро". По мнѣнію Кеневича, басня направлена противъ политическаго и религіознаго вольнодумства, какъ „пагубнаго суемудрія и причины народныхъ бѣдствій". Галаховъ думаетъ, что Крыловъ не возстаетъ противъ наукъ, но „только требуетъ ученія по силамъ человѣку, умѣреннаго, серединнаго между невѣжествомъ, происходящимъ отъ лѣности, и глубокимъ, пучиннымъ знаніемъ, или всезнаніемъ, происходящимъ отъ дерзости ума и ведущимъ, по словамъ пустынника, къ гибели". По мнѣнію Грота „вѣроятно, Крыловъ разумѣлъ собственно не глубину, а гордость знанія, которая ведетъ къ безвѣрію и къ отрицанію всего, что налагаетъ на человѣка спасительныя узы". Самую басню онъ ставитъ въ связь съ громкой исторіей по поводу перевода Эстетики Ансильона, вызвавшаго протесты среди строгихъ защитниковъ православія. (Эта полемика изложена въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ" 1872 г. I, 179—209).

Общій смыслъ этой басни, кажется, лучше всего выясняютъ слѣдующія сопоставленія.

Нашествіе французовъ въ 1812 году опять поставило на очередь вопросъ о вредѣ „французскихъ лжеумствованій". По словамъ Д. (Дашкова?) въ „СПБ. Вѣстникѣ" (1812 г. I, 5), „Ужасныя происшествія, недавно возмутившія спокойствіе Европы, довольно показали, сколь пагубны могутъ быть всякія новизны философіи и политики, когда необузданное властолюбіе и другія страсти обратятъ ихъ въ свою пользу". О вредѣ излишняго или слишкомъ глубокаго просвѣщенія говорилъ и писалъ Гнѣдичъ („Описаніе" и брошюра Тихонова о Гнѣдичѣ, стр. 49—51, 53—54). Никитенко („Дневникъ" I, 167) упоминаетъ о какомъ то генералѣ Ш., ко-

торый думалъ: „Все хорошо въ мѣру; излишекъ въ просвѣщеніи такъ же вреденъ, какъ и во всемъ другомъ".

Подавляющее большинство изслѣдователей считаетъ эту басню реакціонною. Противъ обычнаго толкованія ея выступилъ г. Нечаевъ въ брошюрѣ „Объ отношеніи Крылова къ наукѣ" СПБ. 1895 г. По его мнѣнію, Крыловъ написалъ эту басню для того, чтобы доказать, „какъ выгодно и плодотворно употребленіе правильныхъ пріемовъ въ ученыхъ работахъ". Сама по себѣ эта мысль совершенно не вѣрна, но брошюра г. Нечаева интересна въ томъ отношеніи, что онъ удачнѣе своихъ предшественниковъ разъясняетъ значеніе иносказательныхъ образовъ Крылова. Г. Нечаеву возражалъ г. Лященко въ брошюрѣ „Басня Крылова „Водолазы", въ которой онъ противопоставляетъ новому взгляду прежнее представленіе о реакціонномъ смыслѣ этой басни.

Попытка примиренія обоихъ противоположныхъ взглядовъ принадлежитъ Л. Н. Майкову („Какъ понимать басню Крылова „Водолазы", Рус. Старина, 1896 г. Февраль). По его мнѣнію, „басня написана на тему о пользѣ просвѣщенія, и баснописецъ явнымъ образомъ признаетъ его необходимость и важность; онъ съ полнымъ сочувствіемъ говоритъ о людяхъ образованныхъ, но это не мѣшаетъ ему осуждать какъ лѣнивыхъ къ ученію, такъ и полузнаекъ, возвышающихъ свой голосъ не по праву".

Образъ пустынника нѣсколько напоминаетъ начало басни „Царь, Крестьянинъ и Пустынникъ" въ журналѣ „Зеркало Свѣта" 1786, III, 318—320. Срв. также притчу Лузанова „Вода" въ „Духѣ журналовъ" 1816 г. г. IX, № 6, стр. 31.

5. Госпожа и двѣ служанки. (1816).

Вошла впервые въ „Новыя басни Крылова" (СПБ., 1816, V, 5—6) и перепечатывалась потомъ безъ перемѣнъ.

Передѣлка басни Лафонтена „La vieille et les deux servantes".

6. Камень и Червякъ. (1814).

Вошла впервые въ „Новыя басни" Крылова (СПБ. 1816, V, 7) съ отличіемъ въ 6-омъ стихѣ: „Былъ часа два—три".

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки въ тетради 12 мая 1814 г. Отличія:

5. Такъ что же сдѣлалъ онъ такова.

19—20. Такъ нечево тебѣ напрасно тратить словъ
И долгимъ здѣсь бытьемъ твоимъ гордиться,
А развѣ тѣмъ ты можешь похвалиться,

Что въ нѣсколько вѣковъ
Не пролежалъ ты здѣсь боковъ.

—

Есть люди, коихъ, Богъ, конечно, избираетъ
Таковъ вельможа, мудрый вождь,
Хоть иногда судьба ихъ жизнь ... (неразборчиво)
Но жизнь сія, какъ благотворный дождь,
Здѣсь по слѣдамъ своимъ лишь благо оставляетъ.

—

Вы спросите: ково жъ намъ къ камню примѣнить?
Про тѣхъ не стоитъ говорить.

2) Академіи Наукъ (I, 58—59). Отличія:
5. А чтожъ надѣлалъ онъ такова.
19—20. (То же, что и въ первой рукописи).

7. Медвѣдь у пчелъ. (1816).

Впервые вошла въ „Новыя басни“ Крылова (СПБ. 1816, V, 8—9) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1 Публичной Библіотеки („Автографъ Крылова № 22“ на бумагѣ съ водянымъ знакомъ „1812“). Отличія:
2. Надъ пчелами
22. Теплую къ себѣ.
2) Академическая (I, 69).

8. Зеркало и Обезьяна. (1815)[1].

Напеч. въ „Сынѣ Отечества“ 1816 г. (г. XXVII стр. 32, 3—7 января подъ заглавіемъ „Мартышка и Зеркало“). Отличія:
6. Я право бъ умерла съ тоски.
17. И вчера.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки („Автографъ Крылова № 10“).

2) Тоже („Автографъ Крылова № 17“, подъ заглавіемъ „Мартышка и Медвѣдь“). Отличія:
3. Взгляни-тко шепчетъ, милой мой.
5. Что за ужимки, за прыжки.
7. На нее родилась чуть похожа.
10. Я право ихъ могу.
11—18. Какъ часто то жъ бываетъ ... въ мірѣ.

[1] Крыловъ читалъ эту басню въ торжественномъ засѣданіи Публичной Библіотеки 2 января 1816 г.

Я даже видѣлъ и вчера,
(Что Климычъ любитъ взять, всѣ знаютъ)

3) Академическая (I, 67).

Въ „Воспоминаніяхъ“ княг. С. В. Мещерской (Тверь, 1902, стр. 16) говорится: „Былъ у бабушки (Мусиной-Пушкиной) Крыловъ и говорилъ новую басню: „Обезьяна и Зеркало“. Намъ ее прочитали; помню, какъ слова, „что Климычъ на руку нечистъ, всѣ это знаютъ“ меня поразили: я была долго увѣрена, что говорилось о бабушкиномъ буфетчикѣ Егорѣ Климычѣ“.

9. Комаръ и Пастухъ. (1814).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ Крылова (СПБ. 1816, ч. V 13). Отличія:

2. Изъ-за кустовъ.
3. Къ нему, обливши ядомъ жало.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки въ тетради F.XIV, № 13. Отличія:

1. Подъ рощей.
2. Увидя то, змѣя изъ-за кустовъ.
3. Обливши ядомъ жало.

2) Тоже. (Въ тетради 12 мая 1814 г.). Отличія:

2. Изъ-за кустовъ
3. Обливши ядомъ жало.
9. Бѣдняка какъ будто не бывало.

3) Академическая (I, 65).

Эта басня напоминаетъ „Culex“ Вергилія.

10. Крестьянинъ и Смерть. (1807).

Напеч. въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ 1808, IV, 24. Отличія:

10. При томъ.
11. Боярщина, подушное.

Рукопись принадлежитъ Публичной Библіотекѣ (Тетрадь 1813 года) съ однимъ отличіемъ въ 1-омъ стихѣ: Валежнику набравъ.

Передѣлка басни Лафонтена „La mort et le bûcheron“.

Кромѣ Крылова эту басню переводили: Тредьяковскій, А. Сумароковъ, П. Сумароковъ („Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену“ 1791, ноябрь, стр. 50), Державинъ, гр. Хвостовъ, Невѣдомскій и Агаѳи („Басни“ Астрахань, 1814 г.). Анонимная передѣлка въ „Калліопѣ“ 1817 г. (164—165). Срав. „Талія“ Бенитскаго (I, 184—185) и „Московскій Зритель“ 1806 г. (IV, декабрь, 63—64). Жихаревъ (стр. 291) упоминаетъ объ этой баснѣ подъ третьимъ февраля 1807 года.

11. Рыцарь. (1816).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ Крылова 1816 г. (ч. V, 14—15). Отличія:

19. Состроить.
21. Теперя и овса ты видишь не всегда,
22—23. А воду пьешь изъ мутнаго пруда,
Тогда.

Содержаніе рѣчи Рыцаря навѣяно, конечно, тѣми нелѣпыми фантастическими романами, которые такъ любилъ читать Крыловъ.

12. Тѣнь и Человѣкъ. (1814).

Напеч. въ „Сынѣ Отечества“ 1814 г. (ч. XII, 206). Отличія:

1. Чудакъ.
8. Видалъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки („Автографъ Крылова № 9“).

2) Тоже. Въ тетради 11 января 1814 года. Отличія:

1. Чудакъ.
3. Наконецъ, что мочи есть.
8. Видѣлъ я сколько разъ.

3) Академическая (I, 38).

Напоминаетъ басню Хемницера „Дуракъ и Тѣнь“.

13. Крестьянинъ и Топоръ. (1816).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ Крылова 1816 г. (ч. V, 17). Съ однимъ отличіемъ въ 7-омъ стихѣ: „У меня щипать лучину“.

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 41). Отличія:

2. Вздурился.
7. Ты будешь у меня щипать лучину.
10. Пробыть.

14. Левъ и Волкъ. (1816).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ Крылова 1816 г. (ч. V стр. 19) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

15. Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ. (1816).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ Крылова 1816 г. (ч. V, 20—21) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Нѣсколько походитъ на басню Эзопа „Пѣшеходцы и Медвѣдь“.

16. Подагра и Паукъ. (1811 г.).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ 1811 г. (8—10). Отличія:

2. Такъ въ баснѣ Лафонтенъ сказалъ—и утвердилъ.
3. Не мнѣ за нимъ судить, вывѣшивать и мѣрить.
4—6. Насколько правды тутъ; при томъ же ужъ кому,
Коль не ему,
Намъ въ басняхъ вѣрить.
29—31. Подалѣ отъ аптекъ въ деревнѣ жить я рада,
А то меня хирурги—доктора
Тамъ сгонятъ съ каждаго богатаго двора.
35. Штофамъ.
38. Пропасть.
39. Но только что съ работою.
40. По утру щеткою все смелъ слуга долой.
43—45. Паукъ туда—сюда—гдѣ сѣть сновать ни станетъ,
Иль щетка, иль крыло вездѣ его достанетъ.
72. Видались.
73. И не мѣнялись.
74. Довольны.
76. Подагра жъ все гоститъ.

Передѣлка басни Лафонтена „La Goutte et l'Araignée“. Кромѣ Крылова эту басню переводилъ Тредьяковскій.

17. Левъ и Лисица. (1819).

Вошла впервые въ изданіе басенъ 1819 г. (ч. VI, 73) съ отличіемъ въ стихѣ 8-омъ—„Къ чему“.

Переводъ басни Эзопа „Левъ и Лисица“.

18. Хмель. (1816).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ Крылова (ч. V, 1816, 2—3) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

19. Слонъ въ случаѣ (1816).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ Крылова (ч. V, 1816, 23). Отличія:

5. Ни то ... ни то.
11—14. Хоть когти бъ были у него,
Прибавилъ волкъ.
А то вѣдь нѣту ничего.
20—22. Послушайте жъ меня, я радъ божиться,
Не будь лишь у него такихъ большихъ ушей,
Такъ дворъ бы и не зналъ о немъ, ей, ей.

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 33—34) Отличія:

2. Пошла.

Отличія въ стихахъ 11—14 и 20—22 тѣ же, что и выше. Стиховъ 23 и 24-го нѣтъ.

20. Туча (1815)

Напеч. въ „Сынѣ Отечества“ 1815 г. (XXIII. 100)). Отличія:

2. Пронесясь
3. Не освѣжа ее ни каплею одною.
4. Дождемъ густымъ надъ моремъ пролилась.
9. И какъ на то смотрѣть не больно.
12. Безъ тебя и такъ воды довольно.

Рукопись принадлежитъ Публичной Библіотекѣ (тетрадь F XIV, № 13, подъ заглавіемъ „Гора и Туча“).

Текстъ ея значительно отличается отъ первопечатнаго:

Въ жары, когда пожгло и рощи и поля,
И камнемъ сдѣлалась земля
И отъ засухи и отъ зною,
Большая туча пронеслась
И, надъ моремъ остановясь,
Дождемъ обильнымъ пролилась.
„Что пользы сдѣлала ты щедростью такою?“
Сказала ей гора:
„И какъ на то смотрѣть не больно?
Когда бы на поля ты (лишнее слово) свой дождь ты пролила,
То бъ область цѣлую отъ голода спасла
А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно!“

По преданію басня эта была написана по поводу пожалованія аренды псковскому губернатору во время голода, противъ котораго правительство не приняло своевременно мѣръ.

21. Клеветникъ и Змѣя (1814).

Напеч. въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ СПБ., 1815, XVII, 45—46, ценз. дозв. 18 декабря 1814 г.). Отличія:

3. И они.

5—7. Въ какомъ то торжествѣ въ аду
Для дня рожденія Аттилы иль Нерона,
Иль, можетъ быть, Наполеона,—
Боюсь сказать,
Чтобъ не солгать:

Да, впрочемъ, все равно; извѣстно, дни такіе
У Сатаны
Всѣ въ табель включены,
И торжества для нихъ уставлены большія;
Такъ въ торжествѣ такомъ,
Готовясь въ ходъ, змѣя съ клеветникомъ
Другъ другу уступить ни пяди не хотѣли.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (тетрадь F.XIV, № 13).
2. Тоже („Автографъ Крылова № 19“).
3. Тоже (въ тетради 12 мая 1814.)
4. Академическая (I, 56—57).

Отличія тѣ же, что и въ первопечатной редакціи.

22. Фортуна и Нищій (1816).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ Крылова (1816 г. V, 26—28) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукопись принадлежитъ Публичной Библіотекѣ (тетрадь F.XIV, № 13). Отличія:

14. Такъ, напримѣръ, того хозяинъ дому.
23. Достала.
37. А если.

23. Лягушка и Юпитеръ (1814).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ Крылова 1816 г. (ч. V, 29—30). Отличія:

6. Подъ тѣнью ивнячка, межъ травки.
10. По нихъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (тетрадь F.XIV, № 13). Кромѣ отличій первоначальной редакціи въ ней есть еще слѣдующія:

14. Въ моемъ помѣстьѣ.
16. Кричитъ лягушка.
19. Безмозглая.
25. Такихъ головъ.
26. Опричь себя.

2) Тоже (тетрадь 11 января 1814 г.). Отличія:

10. Могли въ нихъ ползать мухи.
12. Меня, несчастную, не погубите.
15. Изсыхала.

3) Академическая (I, 35).

24. Лиса-строитель (1815) [1].

Вошла впервые въ „Новыя басни“ 1816 г. (СПБ., ч. V, 31—32). Отличія:

[1] Крыловъ читалъ эту басню въ торж. засѣданіи Публ. Библ. 2 янв. 1816 г. („Сынъ Отечества“ 1816 ч. 27 44—45).

16—18. Смотрѣли, видѣли: строенье,
Заглядѣнье!

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (IV, 36, на бумагѣ съ водянымъ знакомъ „1812“).

25. Напраслина (1816).

Вышла впервые въ „Новыя басни“ 1816 г. (ч. V, 33—34). Отличія:

16. Другіе же всѣ житія.
33. Въ келью.

Въ „Библіографѣ“ 1894 г. (III, 147) и въ „Литературномъ Вѣстникѣ“ (I, 39—40 1901 г.) г. Перетцъ указалъ любопытные источники этой басни: разсказы изъ „Великаго Зерцала“ и „Смѣющагося Демокрита“ (М. 1769, 112—113). Крыловъ, вѣроятно, пользовался вторымъ сборникомъ. См. также „Апофѳегмата“ (стр. 67).

26. Фортуна въ гостяхъ (1816).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ 1816 г. (ч. V, 35—37). Отличія:

1. На укоризны
4. А разсмотрѣть.
13. Отъ счастья поживиться.

Книга VI.

1. Волкъ и Пастухи (1816).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ 1816 г. (ч. V, 22) съ отличіемъ въ 6-омъ стихѣ: „Сказалъ имъ, уходя въ досадѣ“.

Рукопись принадлежитъ Публичной Библіотекѣ (Отдѣльный чистовой листокъ въ витринѣ). Срв. подобную басню въ соч. кн. П. А. Вяземскаго (т. III, 21 5—216 1821 г. Въ „Рус. Стар.“ 1904, I, 115 она приписывается В. Л. Пушкину).

Самъ Крыловъ причислилъ эту басню къ разряду заимствованныхъ, но она только отчасти напоминаетъ басню Лафонтена „Le Loup et le Berger“.

2. Кукушка и Горлинка (1816).

Напеч. въ брошюрѣ „Три новыя басни Крылова, читанныя въ торжественномъ собраніи Публичной Библіотеки января 2 дня 1817 года“ (СПБ.. 1817, 5—7). Такъ какъ брошюра была напечатана ко 2 января 1816 г., то басня

несомнѣнно была написана въ предшествующемъ году. Отличія:

4—5. Или о томъ, что ужъ прошла весна.
12. Меня совсѣмъ.
19. За тебя.
20—23. Такъ у тебя ужъ дѣти есть?
Когда же ты гнѣздо успѣла сплесть?
27. Я, сидя на гнѣздѣ, напрасно потеряла.

Рукопись принадлежитъ Публичной Библіотекѣ (тетрадь F.XIV, № 13). Кромѣ отличій первопечатнаго текста есть еще одно въ 28-омъ стихѣ: „Смѣшнѣй". Другая, Академическая рукопись (IV, 37—38) на бумагѣ съ водянымъ знакомъ „1816".

Крыловъ упрекалъ родителей за то, что они отдаютъ своихъ дѣтей въ „наемничьи руки", еще въ „Почтѣ Духовъ".

3. Гребень (1818).

Напеч. въ „Чтеніи въ торжественномъ собраніи Императорской Россійской Академіи въ 5-ый день декабря 1818 года" (СПБ. 1818. 55—56). Отличія:

3. Изъ рукъ дитя.
11. Гладокъ, плавенъ.
24 Голова теперь.
25. Со злости.
30. Доколѣ.

Плетневъ („Переписка Грота и Плетнева" III, 13) говоритъ: „Басню Гребень я особенно люблю не только потому, что она самая граціозная, но и потому что она удивительно глубока по идеѣ и истинна въ приложеніи къ жизни".

4. Скупой и Курица (1819).

Напеч. въ изданіи 1819 г. (ч. VI, 65) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Передѣлка басенъ Эзопа „Вдова и курица" и Лафонтена „La poule aux oeufs d'or". Кромѣ Крылова эту басню переводили Тредьяковскій и Ломоносовъ. Срв. басню Хемницера „Невѣжество и Скупость".

5. Двѣ бочки (1819).

Напеч. въ изданіи 1819 г. (ч. VI, 66) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

По словамъ Fleury (126—127) во французской литературѣ есть нѣсколько басенъ на эту тему, но именъ авторовъ онъ не указываетъ.

6. Алкидъ (1818).

Напеч. въ „Чтеніи въ торжественномъ собраніи Императорской Россійской Академіи“ (5 декабря 1818 г., 54—55), безъ 14-го стиха послѣдней редакціи.

Передѣлка басни Эзопа „Геркулесъ и Аѳина“.

7. Апеллесъ и Осленокъ (1816).

Напеч. въ „Сынѣ Отечества“ (1816 г. XXXII, 97). Отличія:

2. И тѣмъ.
4. Долженъ былъ.
6. Къ себѣ просилъ
7. Запрыгали въ Осленкѣ кости
9. И всякому кричитъ
10. Замученъ.
11. Все проситъ, чтобы я
Былъ съ нимъ, какъ съ тѣнью неразлученъ.
13. Писать съ меня.

Гречъ разсказывалъ Кеневичу, что въ образѣ осленка Крыловъ изобразилъ Катенина, который „однажды въ Библіотекѣ преважно сказалъ, что ему Крыловъ ... надоѣлъ своими вѣчными приглашеніями“. На самомъ дѣлѣ Крыловъ приглашалъ его раза два. По словамъ кн. Вяземскаго (соч. VIII, 148), „Левъ Пушкинъ (братъ Александра) разсказывалъ, что однажды зашла у него рѣчь съ Катенинымъ о Крыловѣ. Катенинъ сильно нападалъ на баснописца и почти отрицалъ дарованіе его. Пушкинъ, разумѣется, опровергалъ нападки. Катенинъ, извѣстный самолюбіемъ своимъ и заносчивостью рѣчи, все болѣе и болѣе горячился. „Да у тебя, вѣрно, какая-нибудь личность противъ Крылова.“—„Нисколько. Сужу о немъ и критикую его съ одной литера турной точки зрѣнія“. Споръ продолжался. „Да онъ и не хорошій человѣкъ (сорвалось у Катенина съ языка): при избраніи моемъ въ Академію, этотъ подлецъ, одинъ изо всѣхъ, положилъ мнѣ черный шаръ“.

8. Охотникъ (1819).

Вошла впервые въ изданіе 1819 г. (ч. VI, 69—70) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

9. Мальчикъ и Змѣя (1819).

Вошла впервые въ изданіе 1819 г. (ч. VI, 87) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ. Срв. басню Эзопа „Мальчикъ, ловящій саранчу, и Скорпіонъ“.

10. Пловецъ и Море.

Вошла впервые въ изданіе 1819 г. (ч. VI, 71) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ. Срв. басню Эзопа „Претерпѣвшій кораблекрушеніе и море".

11. Оселъ и Мужикъ (1819).

Вошла впервые въ изданіе 1819 г. (ч. VI, 77—78) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ..

12. Волкъ и Журавль (1816).

Вошла впервые въ изданіе 1816 г. (ч. IV, 27). Отличія:

1. Что волкъ жадненекъ.
2. Онъ ѣвши.
4. Съ однимъ изъ нихъ случилася.
11. Свой долгой носъ.

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (I, 32—33).

Передѣлка басни Лафонтена „Le Loup et la Cigogne", которую онъ заимствовалъ у Эзопа или Федра. Кромѣ Крылова эту басню переводили Тредьяковскій, Сумароковъ, М. Х. (Херасковъ?) въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ 1756 г., два анонима въ „Прохладныхъ часахъ" 1793 г. (I, 449—450 и II, 475), Измайловъ въ „СПБ. Вѣстникѣ" 1812 г. (I, 281) 129—130 и гр. Хвостовъ.

13. Пчела и Мухи (1817).

Напеч. въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ" 1817, № 4, стр. 129—130. Отличія:

2. Туда съ собой. 22. Нигдѣ, друзья. 26. Кто для отечества трудится.

14. Муравей (1819).

Вошла впервые въ изданіе 1819 г. (ч. VI, 73 — 75). Отличія:

19. Славой.
21. Ползъ.
28. То на возу листокъ.
35—36. Что въ городѣ народъ
Большой уродъ!

Рукопись (На бумагѣ съ водянымъ знакомъ „1812") принадлежитъ Публичной Библіотекѣ. Отличія:

3. Говорятъ навѣрно.
19. Чтобъ тамъ.
22. И въ городъ въѣхалъ.
28. То листикъ вдругъ потянетъ.
35—36. Что въ городѣ народъ большой уродъ.
42—46. Такъ дворянинъ или чиновникъ такъ иной

Въ уѣздѣ у себя и важенъ и завиденъ.
И всѣхъ онъ тамъ знатнѣй,
И всѣхъ славнѣй,
И всѣхъ умнѣй,
Въ столицу жъ пріѣзжай—какъ этотъ муравей,
Чуть-чуть онъ будетъ виденъ.

15. Пастухъ и Море (1819).

Вошла впервые въ изданіе 1819 г. (ч. VI, 84—85). Съ отличіемъ въ 8-омъ стихѣ „но видя, наконецъ".

Переводъ басни Лафонтена „Le Berger et la mer". Сумароковъ перевелъ ту же басню подъ заглавіемъ „Пастухъ—Мореплаватель".

16. Крестьянинъ и Змѣя (1819).

Вошла впервые въ изданіе 1819 г. (ч. VI. 72) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

17. Лисица и Виноградъ (1808).

Напеч. въ „Драматическомъ Вѣстникѣ" 1808 г. (IV, 16). Отличія:

3. У кумушки на виноградъ
Глаза и зубы разгорѣлись.
5. Одно бѣда.

Переводъ басни Лафонтена „Le Renard et les Raisins". Кромѣ Крылова, ее переводили Тредьяковскій, Сумароковъ и Бенитскій („Талія" 1807, 177—179).

18. Овцы и Собака (1819).

Вошла впервые въ изданіе 1819 г. (ч. VI, 75) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

19. Медвѣдь въ сѣтяхъ (1819).

Вошла впервые въ изданіе 1819 г. (ч. VI, 78—79). Съ отличіемъ въ 7-омъ стихѣ: „Окутанъ". Ср. басню Эзопа „Медвѣдь и Лисица".

20. Колосъ (1819).

Вошла впервые въ изданіе 1819 г. (ч. VI, 80—81). Отличія:

15-го стиха нѣтъ.
24. Собралъ насъ.
28-го стиха нѣтъ.

21. Мальчикъ и Червякъ (1819).

Вошла впервые въ изданіе 1819 (ч. VI, 82—83) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукопись принадлежитъ Публичной Библіотекѣ („Автографъ Крылова № 6“). Отличія:

13. При томъ же, кажется.
15. Позволилъ. Вотъ червякъ на дерево ползетъ.
17. Листочкомъ кормится (?) безъ нужды.
19. Кудрявый царь.
27. Тряхнуть ее.
28. Въ кражѣ яблока.
30. Я слышалъ это точно.
39. Червякъ мой работать пустился.
40. И яблоко.

22. Похороны (1816).

Напеч. въ „Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности“ 1817 г. (ч. VII, 63—64) и въ брошюрѣ „Три новыя басни Крылова“ (2 января 1817 г.) Басни „Похороны“, „Водопадъ и Ручей“ были доставлены Крыловымъ Обществу въ октябрѣ 1816 г. и прочитаны на засѣданіи 28 октября. „Труды“ Общества, VIII, 100. Отличія:

2. Схоронить.
5. Толпы.
7. Провожали.
14. Молитву мы съ собой.
15. Покойникъ встанетъ сей же часъ.
17. Лишь одного при томъ.
20. Въ живомъ здѣсь не было въ немъ проку никакова.
24. Какъ много богачей.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (въ тетради F. XIV, № 13).

2) Академіи Наукъ (III, 16—17).

23. Трудолюбивый Медвѣдь (1819).

Вошла впервые въ изданіе 1819 г. (ч. VI, 89) съ отличіемъ въ 7-мъ стихѣ „Березняку“.

24. Сочинитель и Разбойникъ (1816).

Напеч. въ брошюрѣ „Три новыя басни Крылова“ (2 января 1817 г., 8—11) Отличія:

17. Ввалили.
52. Которымъ.
63. Упоена.
72. Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ, ужель ты счелъ?
75. Нахлопнула.

Рукопись принадлежитъ Публичной Библіотекѣ (въ тетради F. XIV, № 13).

Отличія:

17. Ввалили.
59. И связи разрывалъ святыя обществъ? Ты.
71. Еще случится.
72. Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ, ужель ты счелъ?

Эту басню обыкновенно относятъ къ Вольтеру и Франціи. Я. Толстой (Кеневичъ, 178—179 и Модзалевскій, Я. Н. Толстой, СПБ., 1899, 25—26) и Гоголь отрицаютъ это пріуроченіе, но съ ними трудно согласиться: картина страны, „полной убійствами и грабежами, раздорами и мятежами“ и революція, понятая, какъ слѣдствіе проповѣди философовъ, слишкомъ ясно указываютъ на Францію и Великую Французскую революцію. Такъ смотрѣли на дѣло многіе изъ современниковъ Крылова: Гнѣдичъ (см. брошюру о немъ Тихонова, стр. 60), Митрополитъ Евгеній (Гротъ, „Переписка Евгенія съ Державинымъ“ стр. 201; также Академическій Сборникъ, V, 201). Срв. Остафьевскій Архивъ (III, 3, 5, 135). Въ „Духѣ журналовъ“ (1818 г. № 5) напеч. „французская революція ограбила ядомъ всѣ источники въ Европѣ“. Подшиваловъ (Соч. Тихонравова, III, 2, стр. 150) писалъ: „Полсвѣта въ пламени горятъ за зло—вольтеровскіе софизмы“. Даже для барона Корфа („Русская Старина“ 1899, XII, 496) Вольтеръ былъ „фернейскимъ развратителемъ“. Срв. также Жихаревъ, записки, 225. и „Труды Общества Люб. Рос. Словес“. XII, М. 1818, 90):

Горе вамъ, Вольтеры, Дидероты:
Твореній вашихъ ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаяся, вѣкъ отъ вѣку лютѣетъ.

25. Ягненокъ (1819).

Вошла впервые въ изданіе 1819 г. (ч. VI, 91—92). Съ отличіемъ въ 33-емъ стихѣ: „Взревѣли“.

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (III, 24, на бумагѣ съ водянымъ годомъ „1816“) Отличія:

14. И слава ваша.
15. Ужли же не глядѣть? Ужели не.
40. Потомъ онъ сталъ хирѣть, а тамъ совсѣмъ.

Книга VII.

1. Совѣтъ Мышей (1811).

Вошла впервые въ „Новыя басни“ 1811 стр. 23—24. Отличія:

13—14. Да, впрочемъ, объ умѣ мы сами часто судимъ
По бородѣ.

36—38. У всѣхъ
По ней одной подымутъ насъ на смѣхъ:
Какой же съ ней въ дѣлахъ намъ будетъ и успѣхъ?
Она не только насъ, подполицу всю сгубитъ.

Въ одномъ изъ писемъ кн. Вяземскому, который упрекалъ Крылова въ обскурантизмѣ, Пушкинъ очень забавно примѣнилъ къ самому баснописцу послѣднія строчки этой басни: „Молчи! все знаю я сама, да эта крыса мнѣ кума".

2. Мельникъ (1823).

Напеч. въ „Полярной Звѣздѣ" 1826 г. (374—375) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (II, 45 — 48, семь чистовыхъ и черновыхъ редакцій, не представляющихъ особаго интереса сравнительно съ печатнымъ текстомъ).

Въ опредѣленіи хронологіи этой басни, какъ и остальныхъ басенъ VII-ой книги, Кеневичъ допустилъ очень существенныя ошибки.

Хотя онѣ впервые вошли по большей части въ изданіе 1825 г., которое было дозволено цензурою 30 августа 1824 года, но ихъ слѣдуетъ пріурочить къ болѣе раннему времени на основаніи свидѣтельствъ рукописей и упоминаній современниковъ.

1) 3-го Марта 1824 г. Бестужевъ-Марлинскій писалъ Я. Н. Толстому („Пушкинъ и его современники", II, СПБ., 1904, 69): „Крыловъ написалъ 27 прелестнѣйшихъ басенъ". Срв. „Рус. Стар." 1889 г., ноябрь, стр. 376.

2) 1-го февраля 1824 г. Измайловъ писалъ Дмитріеву. („Рус. Арх." 1871, II, 981): „Крыловъ написалъ нѣсколько новыхъ басенъ. Я слышалъ только четыре, читанныхъ имъ при мнѣ у А. Н. Оленина. Очень хороши. Три изъ нихъ напечатаны будутъ во 2-омъ № „Соревнователя" [1]

3) 1-го мая 1823 г. Карамзинъ пишетъ Вяземскому („Старина и Новизна" I. 141): „Крыловъ почти совсѣмъ здоровъ, но простился съ баснями". Но уже 21-го января слѣдующаго года онъ оговаривается (стр. 149): „Съ удовольствіемъ слышу, что Крыловъ написалъ 20 новыхъ басенъ и бросилъ перо только отъ усталости".

4) Въ „Литературныхъ листкахъ" Булгарина (СПБ., 1824, I, 111, ценз. разрѣш. 28-го января 1824 г.) напечатано: „И. А. Крыловъ, который такъ долго отдыхалъ на своихъ лаврахъ, намѣревается издать вновь свои басни и прибавить седьмую часть, которая будетъ состоять изъ двадцати новыхъ

[1] Дѣйствительно, въ „Соревнователѣ" въ 1824 г. были напечатаны „Кошка и Соловей", „Двѣ Собаки", „Рыбьи пляски".

басенъ. Изъ сихъ басенъ, читанныхъ въ нѣкоторыхъ обществахъ, мы замѣтили слѣдующія: Котъ и Соловей, Котелъ и Горшокъ, Ворона, Пляска рыбъ и Прихожанинъ; послѣдняя можетъ служить руководствомъ критикамъ, которымъ кажется все дурно, что не ихъ прихода. Радуемся пробужденію таланта перваго русскаго баснописца и нетерпѣливо ожидаемъ исполненія сего намѣренія".

Ниже (стр. 146—147, ценз. разрѣш. 28 февраля 1824 г.) онъ напечаталъ слѣдующую поправку: „Мы объявили въ № 3 Листковъ, что г. Крыловъ написалъ 20 новыхъ басенъ; теперь мы узнали достовѣрно, что новыхъ басенъ написано имъ 27 и, безъ сомнѣнія, при новомъ изданіи будетъ 30 или болѣе" (Срв. еще Остафьевскій Архивъ", III, 70, 71).

Изъ сопоставленій всѣхъ этихъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что VII книга басенъ, впервые вошедшая въ изданіе 1825 г., была готова уже къ началу 1824, г. т. е. всѣ эти басни (Василекъ, Булыжникъ и Алмазъ, Плотичка, Паукъ и Пчела, Крестьянинъ и Змѣя, Котелъ и Горшокъ, Левъ состарившійся, Лисица и Оселъ, Свинья подъ дубомъ, Муха и Пчела, Мельникъ, Змѣя и Овца, Скупой, Волкъ и Мышенокъ, Два Мужика, Рыбьи пляски, Котенокъ и Скворецъ, Двѣ собаки, Кошка и Соловей, Прихожанинъ, Ворона; 27-я басня, несомнѣнно, Пестрыя Овцы, запрещенныя цензурою) могутъ быть отнесены самое позднее къ 1823 году. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ есть прямыя указанія, что онѣ написаны раньше этого года. Они будутъ приведены нами на соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

Въ письмѣ къ барону Дельвигу 8-го іюня 1825 г. Пушкинъ писалъ: „Какую Крыловъ выдержалъ операцію? Дай Богъ ему многія лѣта. Его „Мельникъ" хорошъ, какъ „Демьянъ и Фока".

3. Булыжникъ и Алмазъ (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ".

Напеч. въ „Сѣверной Пчелѣ" (1825 г. № 1, ценз. дозв. 29-го декабря 1824 г.), впервые вошла въ изданіе 1825 г. и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: [1]) Академіи Наукъ (III, 21).

Болѣе интересныя отличія:

14. Не понимаю я, за что онъ въ знать попался.
15. Со мною сколько лѣтъ здѣсь по грязи валялся.
17—18. Кто знаетъ, если я въ столицу покажуся,
Быть можетъ, что и тамъ я въ дѣло пригожуся.
19—20. Взялъ камень мужичокъ, взвалилъ на возъ
И въ городъ онъ ево привезъ.
21—22. Мой камень думаетъ, что разомъ.

Засядетъ рядомъ онъ съ алмазомъ.
Мой камень въ дѣло взятъ.

Въ концѣ рукописи зачеркнутые наброски нравоученія:

Какъ часто я слыхалъ такое разсужденье:
За что онъ въ почести, въ чинахъ и въ уваженьи.
Мы вмѣстѣ съ нимъ росли . . .

2) Публичной Библіотеки („Автографъ Крылова № 8“).

4. Мотъ и Ласточка (1818).

Напеч. въ „Чтеніи въ торжественномъ собраніи Россійской Академіи“ 1818 г. 5 декабря (53—54). Отличія:

9. Отколь опять.
25. На полу.

Рукопись принадлежитъ Публичной Библіотекѣ („Автографъ Крылова № 8“).

Передѣлка басни Эзопа „Молодой Человѣкъ и Ласточка“. Срв. „Пропойца“ въ Модномъ изданіи 1779, III, 141—142.

5. Плотичка (1821 г.).

Вошла впервые въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 258—261) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Сохранилась въ очень любопытной рукописи (Письмо Крылова къ А. А. Оленину), принадлежащей А. К. Пожарскому и воспроизведенной въ нашемъ изданіи при первомъ томѣ. Письмо было написано, повидимому, въ іюлѣ 1821 г. и, какъ помѣтилъ самъ Оленинъ, получено имъ 3-го августа 1821 года. Отличія:

5. Такъ привлекаетъ насъ заманчиво порокъ.
Вотъ, юной другъ, тебѣ сравненье и урокъ.
6. Онъ и для взрослова хорошъ и для ребенка.
8. Прибасенка.
15. За тайну признаюсь.
Я самъ тово жъ боюсь.
19. Но шутка шуткою.—Чтобъ мнѣ заговорясь.
Не выпустить и дѣла вонъ изъ глазъ.
20. Послушай же.
24. Журить.
25. Шалость есть къ паденью первый шагъ.
27—28. Потомъ порокомъ—и, къ несчастью,
Намъ не даетъ опомниться никакъ.
Напрасно мы надѣялись сначала
Себя во время перемочь,
Такая мысль всегда въ погибель вовлекала —
Бѣги сперва ты лучше прочь.
29. А чтобъ тебѣ еще сильнѣй представить.

37. Въ рѣкѣ.
39. Проворна и лукава.
42. Клялъ промыслъ свой.
45. Вотъ, кажется.
55. Сегодня съ рукъ сошло.
61. Я вижу всѣ обманы ихъ насквозь.
62. Смотри—вотъ уда.
63. Гляди же.
64. Какъ хитрецовъ я снова проведу.

Другая рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (II, 3—4). Срв. басню „Воробей и сынъ его“ въ „Цвѣтникѣ избранныхъ стихотвореній“ (М. 1816, II). По свидѣтельству В. А. Олениной, Крыловъ написалъ эту басню для одного изъ племянниковъ ея матери, Полторацкаго, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ.

6. Крестьянинъ и змѣя (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ“. Вошла впервые въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 263). Отличія:

4. Хитра.
5. Въ мужика.
13. Кумъ-Матвѣй.

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (II, 51—53).

7. Свинья подъ дубомъ (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ“.

Вошла впервые въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 268—269). До этого была напечатана въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1825 г. № 5) съ отличіемъ въ 14-мъ стихѣ: „Промолвилъ“. Рукопись этой басни есть у А. А. Журавлева, но намъ не удалось съ ней познакомиться. Другая рукопись, черновая, очень неразборчивая, принадлежитъ Академіи Наукъ (II, 41).

Срв. басни: Эзопа—„Пѣшеходцы и Яворъ“, Лессинга: „Дубъ и Свинья“ („Избранныя басни Лессинга“, перев. Папышева, СПБ., 1816, стр. 6—7) и „Овца и Свинья“ („Сѣверный Вѣстникъ“ 1805, III, 340—341). Басни Лессинга переложилъ въ стихи Васильевъ („Басни“. 1817, стр. 15). Еще раньше она была переведена прозою въ „Дѣтскомъ Чтеніи“ (1785, III, 128).

8. Паукъ и Пчела (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ“. Вошла впервые въ изд. 1825 (VII, 261—2). Отличія: 4. Ярмонку. 9—10. Увидя то, завистливый Паукъ.

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (II, 7 и III, 46.—„Паукъ“. Отличія особаго интереса не представляютъ.

Срв. „Пчела и паукъ“ Гольберга („Басни нравоучительныя“ бар. Гольберга, переводъ Фонвизина, М. 1761, стр. 68), „Паукъ“ Геллерта („Басни и сказки“, перев. Матинскаго, СПБ., 1783, стр. 55—56) и „Вѣчная слава“ („Модное изданіе“, I, 235).

9. Лисица и Оселъ (1823).

См. примѣчаніе къ баснѣ „Мельникъ“.

Напеч. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1825 г. (321—322) и вошла затѣмъ въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 266—267) съ отличіемъ въ 8-мъ стихѣ „нынче“.

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (II, 22—25, 31): а) чистовая. Въ 24 стихѣ отличіе „Поскользнись“. в) черновая:

1. Отколѣ, умна голова?
3. Иду, онъ говоритъ, отъ стараго я льва.
4. Куда вся дѣлась сила.
6. И со страстей пускался я бѣгомъ.
8—10. А нынче въ старости, чуть шевелясь, безъ силъ
Лежитъ въ пещерѣ, какъ колода.
11—13. Зато ужъ всякъ къ нему безъ страху заходилъ.
И поплатился онъ старинными долгами.
14—16. Всякъ принималъ его кто зубомъ, кто рогами.
21. Пускай впередъ другихъ не обижаетъ.
22—25. Такъ души низкія, будь силенъ, знатенъ ты,
Они у ногъ твоихъ и льстить и . . . рады,
Но поскользнись лишь съ высоты,
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

с) черновая:

4. Куда, кума, его.
11. Въ звѣряхъ.
12. Пропалъ ко льву весь страхъ.
14. Мимо тутъ.
23. Возвесть.

d) черновая.

1. Гдѣ былъ ты, умна голова?
3—21. Въ пещерѣ былъ у старова я льва,
Оселъ въ отвѣтъ: Куда его дѣвалась сила.
Бывало зарычитъ, такъ лѣсъ кругомъ стоналъ,
И я, куда бѣжать, не зналъ,
Гдѣ прятаться отъ этого урода.
Теперь онъ тутъ, чуть шевелясь, безъ силъ,
Лежитъ въ пещерѣ, какъ колода.
Зато ужъ всякъ туда безъ страху заходилъ.

И поплатился левъ старинными долгами.
Всякъ принималъ его кто зубомъ, кто рогами.
— Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ,
Лиса Осла перерываетъ.
— Да какъ не такъ! Когда онъ ноги протянулъ,
И я его лягнулъ.
Пускай впередъ другихъ не обижаетъ.

22—25. Какъ много есть людей, коль силенъ будешь ты,
Тогда твои имъ страшны взгляды,
Но упади лишь съ высоты,
То менѣ всѣхъ отъ нихъ ты жди себѣ пощады.

Срв. басню „Левъ состарившійся".

10. Муха и Пчела (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ".

Напеч. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" 1825 г. (261—262) и потомъ вошла въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 269—270). Впослѣдствіи перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (Автографъ Крылова № 14).

2) Академіи Наукъ (III. 40).

Передѣлка басни Лафонтена „La Mouche et la Fourmi"; ее переводилъ Тредьяковскій.

11. Змѣя и Овца (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ".

Вошла впервые въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 273) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Академическая рукопись (II, 40) имѣетъ слѣдующія отличія:

7. Какъ вдругъ.
9. Кровь ядомъ въ немъ горитъ.
14. И съ жизнію разстался.
17. Злость.

12. Котелъ и Горшокъ (1823)

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ".

Вошла впервые въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 264—265) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Академическія рукописи (II, 14—17) имѣютъ слѣдующія отличія:

а) чистовая.
7. На огнѣ
23. Вѣрно.
b) черновая.

7. Другъ безъ друга и на огнѣ имъ скучно.
15. Въ одной телѣгѣ сидя.
19—20. Горшокъ и чести ужъ не радъ,
Однако жъ онъ не думаетъ назадъ.

c) Черновая.

14. Пускается съ котломъ горшокъ въ дорогу мой.
22—27. Какъ были странствія ихъ далеки,
Не знаю, только то провѣдать я успѣлъ,
Что нашъ котелъ домой пріѣхалъ цѣлъ,
А отъ горшка одни остались черепки.
Сей басни мысль простая,
Что въ дружбѣ и въ любви равéнство вещь святая.

Переводъ басни Лафонтена „Le pot de terre et le pot de fer". Кромѣ Крылова, ее переводили Сумароковъ и Бунина.

13. Дикія козы (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ".

Впервые вошла въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 274—275). Съ отличіями въ 23-емъ стихѣ „Пошелъ къ веснѣ съ сумой", 33-емъ: „Въ дикихъ тратить кормъ напрасно" и 34-омъ „Не лучше ли бъ своихъ поболѣе беречь?"

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (II, 54—55, обѣ черновыя, съ незначительными въ общемъ отличіями). Вторая изъ нихъ называется „Пастухъ".

Эту басню пріурочивали къ дарованію Александромъ I конституціи Польшѣ 1815 г., но тогда басня слишкомъ сильно бы запоздала, да и не въ характерѣ Крылова было затрогивать такія острыя темы.

Передѣлка басни Эзопа „Пастухъ и Козы".

14. Соловьи (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ".

Вошла впервые въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 278—279). Отличія:

23—26. И началъ пѣсни мой пѣвецъ:
И вечеръ пѣснями кончаетъ,
И солнечный восходъ онъ пѣснями встрѣчаетъ.

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (II, 5) Отличія:

5. Въ тюрьму попалъ.
18. Могу бѣду.
22. Себѣ свободу заслужу.
23—26. То же, что и въ первопечатной редакціи.
29—30. Кто худо пѣлъ, хозяинъ тѣмъ давно
Открылъ и клѣтки и окно.
33. И слаще и нѣжнѣй.

В. А. Оленина („Литературный Архивъ“ СПБ., 1902 г. 75) дѣлаетъ къ этой баснѣ такое примѣчаніе: „Для батюшки, А. Н. Оленина“.

15. Голикъ (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ“.

Вошла впервые въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 276) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (II, 9, 11, 49). Отличія несущественны.

Булгаринъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1845, № 9) сообщаетъ: „Крыловъ никогда и никому не разсказывалъ, по какому случаю написана имъ какая басня, но когда близкій или пріятный ему человѣкъ сообщалъ ему свою догадку, онъ отрицалъ такимъ образомъ, что отрицаніе его можно было принять за подтвержденіе догадки. „Быть можетъ, и похоже!“ говорилъ Крыловъ. „Случай, и только!...“ Только отъ подлиннаго смысла басни „Голикъ“ Крыловъ не отпирался“. Дальнѣйшихъ разъясненій Булгаринъ не даетъ.

16. Крестьянинъ и Овца (1821).

Напеч. въ „Полярной Звѣздѣ“ 1823 г. (стр. 112) и затѣмъ вошла въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 280—281). Огличія.

3. Судьей былъ волкъ.
4. Допросъ отвѣтчику,
   Другой запросъ истцу.
5. Сказать по пунктамъ.
9. Перышки да косточки.
14—15. Ни плутовства,
   Ни воровства.
17. И волчій приговоръ.
18—25. Понеже куръ овца сильнѣй,
   И съ ними ночь была, какъ видится изъ дѣла,
   То, признаюсь по совѣсти моей,
28. А.

Рукописи: 1) Академіи Наукъ (III, 15).

2) А. К. Пожарскаго (См. примѣч. къ баснѣ „Плотичка“), подъ заглавіемъ „Овца“. Отличія въ общемъ тѣ же, что и въ первопечатномъ текстѣ.

17. Скупой (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ“.

Вошла впервые въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 281—283). Отличіе въ 24-омъ стихѣ: „Ѣшь теперь“.

Рукописи: 1) Академіи Наукъ (II, 70—73 и V, 9). От-

личія въ общемъ несущественны. Срв. притчу „Скупой“ въ изд. „Лира или собраніе разныхъ въ стихахъ сочиненій и переводовъ нѣкотораго музъ любителя“ (СПБ. 1773, ст. 67).

18. Богачъ и Поэтъ (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ“.

Напеч. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1825 г. (283—284) и потомъ вошла въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 277 — 278). Впослѣдствіи перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (II, 10, 46 и III, 26—28). Отличія въ общемъ несущественны.

Срв. стихотвореніе Шиллера „Раздѣлъ Земли“.

19. Волкъ и мышенокъ (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ“.

Вошла впервые въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 283—284) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки („Автографъ Крылова № 2“)

2) Академіи Наукъ (III, 39 — „Волкъ“, 41 — „Волкъ и Мышь“). Отличія въ общемъ несущественны.

20. Два мужика (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ“.

Вошла впервые въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 284—284) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки („Автографъ Крылова № 12“).

2) Академіи Наукъ (II, 74—76). Отличія въ общемъ не существенны.

21. Котенокъ и Скворецъ (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ“.

Вошла впервые въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 288—289). Отличія:

2-3. Философъ, говорунъ презнатный.

24. Тутъ на свои манеры.

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (II, 34 и V, 3—„Скворецъ и котенокъ“). Отличія несущественны.

Срв. басню Лафонтена „Le deux moineaux“

22. Двѣ Собаки (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ“.

Напеч. въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ (1824, IV, 64—65). Отличія:

7. Обрадуясь ей, какъ роднѣ.
16. Пенять.
24. По-старому.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки („Автографъ Крылова № 15“).

2) Академіи Наукъ (II, 66—69). Отличія въ общемъ не существенны.

Срв. „Двѣ собаки“ въ книгѣ „Басни и сказки Геллерта“ (переводъ Матинскаго СПБ., 1788 г. I, 70—71), „Двѣ Со́баки“ кн. Вяземскаго въ „Сынѣ Отечества“ 1819 г. и въ соч. III, 76 и „Два кота“ Измайлова.

23. Кошка и Соловей (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ“.

Напеч. въ „Соревнователѣ“ 1824 г. (II, 128 — 130), съ примѣчаніемъ редакціи: „Вотъ одно изъ новыхъ произведеній г. почетнаго члена Общества И. А. Крылова! Общество, раздѣляя съ почтенными читателями своего журнала чувство удовольствія при неожиданномъ появленіи новыхъ басенъ классическаго нашего баснописца, предварительно извѣщаетъ ихъ, что втеченіе нынѣшняго года оно часто будетъ украшать „Соревнователь Просв. и Благотвор.“ сими драгоцѣнными произведеніями русскаго Лафонтена. Пріятно извѣстить отечественную публику, что И. А. Крыловъ написалъ еще до 20 басенъ. Черезъ нѣсколько времени онъ предполагаетъ сдѣлать новое изданіе своихъ сочиненій. Кто не согласится, что подобный трудъ, съ его стороны, есть примѣрная, чистѣйшая благодарность за ту любовь, которую повсюду торжественно изъявляютъ ему соотечественники? Онъ столько могъ быть увѣренъ въ своей неизмѣнной славѣ, что, вѣроятно, по одному благородному стремленію къ пользѣ согражданъ принялся вновь за литературные труды—и съ тѣмъ большимъ, конечно, восторгомъ принято будетъ появленіе новаго его изданія“.

Отличія:

6. Первыми.
7. Лиса, моя кума.
14. Повѣрь, что не хочу.
24. Только лишь.
29. Нѣтъ видно.

Послѣ 29-го. Все безъ начала, безъ конца.

Вошла потомъ въ изданіе 1825 г. (кн. VII, 288—289).

Академическія рукописи (II, 8 — 13) существенныхъ варіантовъ не даютъ.

Срв. стихотвореніе Державина „На птичку“ (Академ. изданіе III, 482).

Басня эта несомнѣнно имѣетъ въ виду тогдашнюю русскую литературу и цензуру.

24. Рыбьи пляски (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ".

Напеч. въ „Соревнователѣ" (VII, 1824, 3—5) и „Сынѣ Отечества" (1824 г. ч. 95 стр. 33—35) съ такимъ примѣчаніемъ редакціи:

„Басня сія напечатана въ № 7 „Соревнователя Просвѣщенія" на сей годъ, съ пропусками и ошибками. Здѣсь помѣщается она, по желанію почтеннаго автора, съ исправленнаго списка". Отличія второго текста:

2. Не только что лѣса—и воды.

Послѣ 4-го. Какъ водится, пошли на голоса.

10. Съ бережка.

12. И дѣлится съ кумой.

15. Что покривилися Ѳемидины вѣсы.

28. Здѣсь секретарь.

33. Ну, какъ суды идутъ?

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (II, 57—65):

a) Чистовая. Отличія въ общемъ тѣ же, что и въ первопечатной редакціи.

b) Черновая, очень неразборчивая. Болѣе интересныя строчки изъ разобранныхъ:

Имѣя въ области своей лѣса и воды,
Левъ . . . . . .
Хотѣлъ взять волка—онъ . . .
И, наконецъ, Лисѣ онъ это мѣсто далъ.
И вотъ лиса на воеводство сѣла,
Лиса примѣтно потолстѣла.
У ней въ деревнѣ былъ крестьянинъ, сватъ и кумъ.

c) Чистовая съ поправками. Болѣе интересные варіанты:

29. За правду здѣсь почтенъ всѣмъ водянымъ народомъ.

33. Ну, какъ они живутъ, богатъ, ли здѣшній...

d) („Рыбья пляска"). Эта редакція сильно отличается отъ печатнаго текста:

Когда то въ царствѣ льва такъ развратились нравы,
Что безъ суда и безъ расправы,
Кто посильнѣй, тотъ слабова давилъ.
Не только что въ лѣсахъ, но и въ глубинѣ подводной.

Былъ ропотъ всенародной
[Народъ бѣлугой вылъ]
И всякій день до льва онъ доходилъ.
Онъ слушать уставалъ прошенья.

Въ лѣсахъ на тигровъ, на волковъ,
А изъ воды на щукъ и рыбаковъ.
И, вышедъ, наконецъ, отъ жалобъ изъ терпѣнья,
Пустился самъ свои осматривать владѣнья.
Вотъ идетъ, а мужикъ, расклавши огонекъ,
Наудя рыбъ, изжарить ихъ сбирался.
(Затѣмъ слѣдуетъ 21-й, 22-й и 24-й стихи печатной редакціи).
„Всесильный царь, сказалъ мужикъ, оторопѣвъ:
„Я старостою здѣсь надъ водянымъ народомъ,
А это старшины, все жители воды.
Мы собрались сюды
Поздравить здѣсь тебя съ твоимъ приходомъ".
„Ну, какъ они живутъ? Богатъ ли здѣшній край?"
„Великой государь! Имъ не житье здѣсь, рай!
Богамъ о томъ мы только и молились,
Чтобъ дни твои безцѣнные продлились".
(А рыбки между тѣмъ на сковородкѣ бились).
(Затѣмъ 37-ой и 38-ой стихи печатной редакціи).
„О мудрый левъ! мужикъ (тутъ плутъ) отвѣтствовалъ:
„Онѣ
На радости, тебя увидя, пляшутъ".
Не могши болѣ тутъ обмана левъ стерпѣть,
„Я вижу", говоритъ, „что ты чудакъ великой!
Какъ можно музыки на балѣ не имѣть?
Однако жъ я тотчасъ ихъ сдѣлаю съ музыкой!"
И плута онъ въ когтяхъ своихъ заставилъ пѣть.

е) Чистовая съ поправками („Рыбья пляска"):

Отъ жалобъ на судей,
На сильныхъ и на богачей,
Левъ, вышедъ изъ терпѣнья,
Пустился самъ свои осматривать владѣнья.
Онъ идетъ—а мужикъ, расклавши огонекъ,
Наудя рыбъ, изжарить ихъ сбирался.
Бѣдняжки прыгали отъ жару, кто какъ могъ;
Всякъ, видя близкой свой конецъ, метался,
На мужика разинувъ зѣвъ.
„Кто ты? Что дѣлаешь" спросилъ сердито левъ.
„Всесильный царь!" сказалъ мужикъ, оторопѣвъ:
„Я старостою здѣсь надъ водянымъ народомъ;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды,
Поздравить здѣсь тебя съ твоимъ приходомъ".
„Ну, какъ они живутъ? Богатъ ли здѣшній край?"
„Великій государь! Здѣсь не житье имъ, рай.
Богамъ о томъ мы только и молились,

Чтобъ дни твои безцѣнные продлились".
(А рыбки, между тѣмъ, на сковородкѣ бились).
„Да отчего же", Левъ спросилъ, „скажи ты мнѣ,
Онѣ хвостами такъ и головами машутъ?"
„О мудрый царь!" мужикъ отвѣтствовалъ: „Онѣ
Отъ радости, тебя увидя, пляшутъ".
Дальше слѣдуютъ три стиха, зачеркнутыхъ Крыловымъ:
Тутъ старосту лизнувъ левъ милостиво въ грудь,
Еще изволя разъ на пляску ихъ взглянуть,
Отправился въ дальнѣйшій путь.

Конецъ этой редакціи, какъ и слѣдующая редакція, заключаютъ въ себѣ черновые наброски новаго заключенія басни, которое вошло въ печатный текстъ и замѣнило собою первоначальный, болѣе смѣлый замыселъ.

g) Черновая.

Когда то въ царствѣ льва такъ развратились нравы
и дальше какъ въ рукописи д.

h) [Левъ, получа въ свои владѣнья воды],
[А съ ними подданныхъ несмѣтное число]
Какой то левъ завоевалъ
Не только что лѣса, и воды.

По свидѣтельству В. А. Олениной („Литерат. Архивъ", стр. 75), эта басня была написана Крыловымъ „во время гр. Аракчеева". „Когда онъ сначала написалъ эту басню, было написано вмѣсто послѣднихъ четырехъ стиховъ:

Тутъ левъ изволилъ
Въ грудь лизнуть,
А самъ отправился
Въ дальнѣйшій путь.

Ему приказано было передѣлать этакъ" (какъ въ изданіи 1843 г.)

Гротъ приводитъ („Труды" III, 245) преданіе, объясняющее такъ происхожденіе этой басни: „Во время одного изъ своихъ путешествій по Россіи, императоръ Александръ I въ какомъ то городѣ остановился въ губернаторскомъ домѣ. Готовясь уже къ отъѣзду, онъ увидѣлъ изъ окна, что на площади приближается къ дому довольно большое число людей. На вопросъ государя, что это значитъ, губернаторъ отвѣчалъ, что это депутація отъ жителей, желающихъ принести его величеству благодарность за благосостояніе края. Государь, спѣша отъѣздомъ, отклонилъ пріемъ этихъ лицъ. Послѣ распространилась молва, что они шли съ жалобой на губернатора, получившаго между тѣмъ награду".

25. Прихожанинъ (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ“

Напеч. впервые въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1825 г. (284 — 285).

Отличія:

17. Имъ.
22. Прелестный.
30. Этого.

Рукописи: 1) По указанію г. Пиксанова въ архивѣ Булгарина находится автографъ Крылова — двѣ первыя строчки этой басни, съ датой „іюля 8-го дня 1837 года“.

2) Академіи наукъ (II, 21 — „Проповѣдникъ“ — и 78) Отличія въ общемъ не существенны.

По указанію В. А. Олениной („Литер. Архивъ“ 75) эта басня написана на эпиграмму кн. Вяземскаго. Это свидѣтельство подтверждается самыми разнообразными данными. Человѣкъ литературной партіи и даже секты, кн. Вяземскій въ общемъ довольно холодно относился къ Крылову и въ началѣ своей дѣятельности ставилъ его ниже Дмитріева. Въ стихотвореніи о трехъ знаменитыхъ Иванахъ баснописцахъ (1822 г.) онъ не упомянулъ о Крыловѣ. Въ біографіи Дмитріева и критическихъ отзывахъ о немъ онъ всегда превозносилъ своего литературнаго единомышленника и принижалъ Крылова. О несправедливомъ предпочтеніи Дмитріева говоритъ и сынъ его кн. П. П. Вяземскій (соч. СПБ., 1893, 510 — 511). Лобановъ говоритъ (стр. 75), что и вообще въ Москвѣ къ Крылову относились довольно холодно и предпочитали ему Дмитріева, за что онъ и отплатилъ своею баснею.

Въ 1824 г. по поводу этого даже завязалась литературная полемика. Воейковъ въ „Новостяхъ Литературы“ (1824, VII, 43) поставилъ переводы Хемницера и Крылова изъ Лафонтена „далеко ниже“ Дмитріева. Конечно, въ данномъ случаѣ онъ хотѣлъ угодить своимъ вліятельнымъ друзьямъ Арзамасцамъ. За Крылова вступился въ „Литературныхъ Листкахъ“ (I, 61 — 63) Булгаринъ, и началась литературная война, которая, повидимому, была не совсѣмъ пріятна обоимъ баснописцамъ. Позднѣе („Сѣверная Пчела“ 1845 г., № 9), Булгаринъ вспоминалъ, что стихотвореніе и статьи Вяземскаго о Дмитріевѣ задѣли Крылова. „Изъ рѣчей его можно было догадываться, что сердце его уязвлено“. Началась журнальная война: „Но что дѣлалъ тогда онъ, когда спорили о немъ въ журналахъ? Онъ не говорилъ ни слова объ этомъ, даже со мною, своимъ ратоборцемъ хотя читалъ все, что было писано! Я тоже молчалъ, какъ

будто ничего не бывало, и иногда только читалъ ему написанныя на меня эпиграммы, которыя онъ нарочно похваливалъ. Однажды только онъ сказалъ мнѣ: „Напрасно ты за меня поссорился и раздражилъ противъ себя сильныхъ словесниковъ: мнѣ, право, это больно!“—„Богъ милостивъ, И. А., хоть и укусятъ, а не съѣдятъ!“ отвѣчалъ я. — „А все уже тебѣ нельзя жить далѣе въ этомъ приходѣ“, примолвилъ онъ. Чрезъ нѣсколько дней на вечерѣ у А. Н. Оленина И. А. Крыловъ прочелъ новую басню свою, одну изъ превосходнѣйшихъ: „Прихожанинъ“. Когда И. А. Крыловъ кончилъ послѣдніе стихи ... я подошелъ къ нему и поклонился съ улыбкою. И. А. Крыловъ будто не понималъ меня, хотя всѣ догадались, что значитъ эта басня“.

По содержанію басня эта напоминаетъ стихотвореніе Баратона „Les pleureurs“ и Лебрена „Le Sermon“. Лобановъ говоритъ (стр. 75), что Крыловъ составилъ эту басню изъ анекдота о мужикѣ, случайно имъ баснописцу разсказаннаго. Скорѣе всего Лобановъ, а, можетъ быть, и самъ Крыловъ взяли этотъ разсказъ изъ старинныхъ анекдотическихъ сборниковъ. Въ „Спутникѣ и Собесѣдникѣ веселыхъ людей“ (М. 1776 г. III, 5) напечатано: „Крестьянинъ изъ другого прихода. „Одинъ проповѣдникъ говорилъ въ деревнѣ проповѣдь. Всѣ слушатели, кромѣ только одного крестьянина, проливали слезы. Другой спросилъ его: „Для чего ты не плачешь?“ — „Я не этого прихода“, отвѣтствовалъ онъ“. Въ сборникѣ „Отрада въ скукѣ или книга веселія и размышленія“ (М. 1788 г. II, 131) этотъ анекдотъ переданъ еще ближе къ баснѣ Крылова. „Въ нѣкоторой деревнѣ священникъ, сказывая проповѣдь, внятнымъ слогомъ и чувствительными выраженіями привелъ въ слезы слушающихъ его поселянъ. Всѣ плакали, выключая однаго крестьянина. Его спросили, для чего онъ не плачетъ. На сіе отвѣчалъ онъ: „Я не здѣшняго прихода“.

26. Ворона (1823).

См примѣч. къ баснѣ „Мельникъ“.

Напеч. въ „Полярной Звѣздѣ“ (1825 г. стр. 375—376) съ отличіемъ въ 7-омъ стихѣ: „Натыкавши себѣ павлиныхъ перьевъ въ хвостъ“.

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (II, 18 — 20 и III, 22). Отличія въ общемъ не существенны.

Передѣлка басни Лафонтена „Le geai paré des plumes du paôn“. Тредьяковскій при переводѣ этой басни замѣнилъ сою вороной, Сумароковъ — коршуномъ, въ „Прохладныхъ часахъ (1793 I, 414 — 415) и въ „Ежемѣсячныхъ

сочиненіяхъ“ (1756, I, 565, M. X.) — сорока; въ „Полезномъ съ пріятнымъ“ (V, № 16, стр. 13) опять появляется ворона.

Книга VIII.

1. Левъ состарившійся (1823).

См. примѣч. къ баснѣ „Мельникъ“.

Напеч. въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ“ 1825 г. (290 — 291) и потомъ перепечатывались безъ перемѣнъ.

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (II, 26 — 33) Отличія въ общемъ не существенны.

Передѣлка басни Лафонтена „Le lion devenu vieux“. Кромѣ Крылова ее переводили Тредьяковскій, Сумароковъ, Ключаревъ (Въ „Полезномъ и пріятномъ препровожденіи времени“ 1795, VII, 141), Державинъ (VIII, 836) и Измайловъ въ 1815 г.

2. Левъ, Серна и Лиса (1830).

Вошла впервые въ изданіе 1830 г. (ч. VIII, 369 — 371) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи принадлежатъ: 1) Публичной Библіотекѣ (отдѣльный чистовой листокъ съ несущественными отмѣнами).

Другая — Академіи Наукъ (III, 52). Первая половина ея близка къ печатному тексту и интереса не представляетъ. На оборотѣ находится любопытная черновая (съ двойнымъ заглавіемъ „Льстецъ“ и „Левъ, Серна и Лиса“), показывающая, что первоначально Крыловъ хотѣлъ дать иное развитіе своей баснѣ (указанныя дальше строчки перечеркнуты:)

Лиса ко Льву въ большую дружбу вкралась,
Передо Львомъ
Вертитъ хвостомъ ...
Лиса ко Льву въ большую милость вкралась,
Всему въ немъ ахала,
На все въ немъ дивовалась,
И честью Лисьею ему клянется,
Что онъ сильнѣй Самсона
И во сто разъ премудрѣй Соломона.
Ну, такъ что Левъ, душой къ ней примѣнясь,
Жить безъ нея не могъ (друзья у сильныхъ рѣдки),
И Лисинькина похвала
Какъ сладкій медъ ему была.
За то со своего стола
Онъ часто жаловалъ Лису своимъ обѣдомъ.

Гротъ сближаетъ эту басню съ баснею „Левъ и Человѣкъ“, хотя сходства между ними собственно нѣтъ никакого (если не считать общности идеи — побѣды ума надъ силой).

3. Крестьянинъ и Лошадь (1830).

Вошла впервые въ изданіе 1830 г. (ч. VIII, 363 — 364) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (III, 53 и V, 4—5). Публичной Библіотекѣ (отдѣльный чистовой листокъ). Отличія не существенны.

4. Бѣлка (1830).

Напеч. въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1830 г. (ч. XXXIII, 74) и вошла въ изданіе 1830 г. (ч. VIII, 365 — 366) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотекѣ (отдѣльный чистовой листокъ), 2) Академіи Наукъ (III, 53), съ интереснымъ заключеніемъ:

На что жъ орѣхи ей? Пустое только бремя:
Награда дорога, когда она во время.

5. Щука (1830).

Напеч. въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г. (I, 143, 27 Марта). Отличія:

2. Рѣкѣ.

25. Такъ утопить ее. Прекрасно.

Редакція прибавила слѣдующее примѣчаніе: „Издатель Литературной Газеты весьма благодаритъ знаменитаго нашего баснописца за прекрасный подарокъ и съ удовольствіемъ извѣщаетъ читателей, что И. А. Крыловъ написалъ до 20 новыхъ басенъ, носящихъ на себѣ яркую печать его остроумія и поэтическаго таланта“. Ниже на 226 стр. находится извѣстіе о томъ, что Смирдинъ пріобрѣлъ у Крылова право на напечатаніе новаго изданія басенъ“ съ новою восьмою книгою, состоящею изъ 21 басни“.

Рукописи принадлежатъ Публичной Библіотекѣ (отдѣльный чистовой листокъ) и Академіи Наукъ (III, 54 — 55). Отличія незначительны.

6. Кукушка и Орелъ (1830).

Вошла впервые въ изданіе 1830 г. (ч. VIII, 368 — 369) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (Изъ собранія авто-

графовъ Батюшкова, 2) Академіи Наукъ (III, 55). Отличія незначительны.

Кеневичъ слышалъ, что басня эта написана по случаю неудачной замѣны въ Педагогическомъ Институтѣ въ 1817 г. Мартынова Толмачевымъ. Это указываетъ на болѣе раннее составленіе этой басни.

7. Бритвы (1828).

Напеч. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1829 года (ценз. дозв. 27 декабря 1828 года, 67-68), перепечатано въ „Подснѣжникѣ“ (СПБ. 1829 г. 29-30) съ такимъ примѣчаніемъ: „Басня сія перепечатывается по желанію почтеннаго нашего баснописца. Въ спискѣ, съ котораго она была напечатана въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“, пропущены были два стиха, 5 и 6-ой“. Потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (III, 58—59) и Публичной Библ. (изъ Оленинскихъ бумагъ). Отличія незначительны. Крыловъ затронулъ въ этой баснѣ очень распространенное у насъ явленіе. Срв. напр., „Записки А. М. Тургенева“ („Русская Старина“ 1895 г., іюль, 74): „На многія лѣта долго, долго незабвенный въ памяти NN. всегда изволилъ говаривать, что чѣмъ офицеръ глупѣе, тѣмъ онъ въ службѣ полезнѣе, и что лучше дурака никто въ караулъ не вступитъ“.

8. Соколъ и Червякъ (1830).

Впервые вошла въ изданіе 1830 г. (ч. VIII, 377—378) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи принадлежатъ Публичной Библіотекѣ (два отдѣльныхъ чистовыхъ листка съ позднѣйшими поправками). Отличія незначительны.

9. Бѣдный Богачъ (1828).

Напеч. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1829 (127—130, цензурное дозволеніе 27 декабря 1828 г.) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки подъ заглавіемъ „Скупой Богачъ“. 2) Среди Оленинскихъ бумагъ (поступившихъ въ Публичную Библіотеку отъ Н. И Стояновскаго). 3) Академіи Наукъ (III, 34, 36). Отличія незначительны.

10. Булатъ (1830).

Вошла впервые въ изданіе 1830 г. (ч. VIII, 381—383) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (отдѣльный чистовой

листокъ). 2) Академіи Наукъ (Ш, 42), Отличія незначительны. Срв. „Статуя Геркулеса и Прохожій“ кн. П. А. Вяземскаго (соч. III, 331, 1823 г.).

Современники примѣняли эту басню къ А. П. Ермолову, отставленному по интригамъ Паскевича и забытому правительствомъ, но лежащій въ основѣ басни образъ мало подходитъ къ положенію опальнаго генерала, кромѣ того, не въ характерѣ Крылова были подобныя оппозиціонныя выходки противъ правительства, въ особенности Государя.

11. Купецъ (1830).

Вошла первые въ изданіе 1830 г. (ч. VIII, 383—384) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (Отдѣльный чистовой листокъ), 2) Академіи Наукъ (III, 59). Отличія несущественны.

12. Пушки и Паруса (1827).

Напеч. впервые въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1829 г. (149—150). Отличія:

3. Люковъ.
11. Равнаго намъ сану.
15. Съ собой несемъ.
22. Тучами густыми небеса.
26. Не стало ихъ. Межъ тѣмъ бушуетъ непогода.
28. Сдѣлался.
29. И въ морѣ носится, какъ вялая колода.

Рукописи: 1) Изъ собранія рукописей, хранящихся въ Собственной Его Величества Библіотекѣ Зимняго Дворца. Автографы отдѣла князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Полулистъ почтовой бумаги большого формата, сбоку помѣта карандашомъ: „написано собственною рукою И. А. Крылова въ 1827 г.“ Сообщено намъ В. И. Саитовымъ. Отличія:

3. Люковъ.
11. Графскаго иль княжескаго
15. Съ собой несемъ
28. Сдѣлался.
29. И въ морѣ носится, какъ вялая колода.

2) Среди указанныхъ выше Оленинскихъ бумагъ (копія съ поправками Крылова). 3) Публичной Библіотеки (Отдѣльный чистовой листъ съ позднѣйшими поправками). Отличія незначительны. По указанію В. А. Олениной („Литературный Архивъ“ 75) эта басня была написана будто бы „во время Императора Александра I.“ Она направлена противъ зазнавшейся военщины, которая въ тѣ времена третировала

штатскихъ и даже гражданскія власти. См. напр., „Воспоминанія“ Сафоновича („Русскій Архивъ“ 1903 г. кн. II).

13. Оселъ (1830).

Впервые вошла въ изданіе 1830 г. (кн. VIII, 388—389) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (отдѣльный чистовой листокъ съ позднѣйшими поправками); и 2) Академіи Наукъ (III, 47). Отличія незначительны. Срв. басню Эзопа „Собака“.

14. Миронъ (1829).

Вошла впервые въ изданіе 1830 г. (кн. VIII, 385—386) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (отдѣльный чистовой листокъ съ позднѣйшими поправками). 2) Академіи Наукъ (III, 33, 37, на оборотѣ какія то выкладки съ годами 1828 и 1829). Отличія незначительны.

15. Крестьянинъ и Лисица (1830).

Вошла впервые въ изданіе 1830 г. (кн. VIII, 387) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (отдѣльный чистовой листокъ съ позднѣйшими поправками). 2) Академіи Наукъ (III, 38). Отличія незначительны.

16. Собака и Лошадь (1830).

Вошла впервые въ изданіе 1830 г. (кн. VIII, 392) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (отдѣльный чистовой листокъ) и 2) Академіи Наукъ (III, 54). Отличія незначительны.

17. Филинъ и Оселъ (1830).

Впервые вошла въ изданіе 1830 г. (кн. VIII, 390—391) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки съ такимъ нравоученіемъ:

Иному также и ученье
Не пользу, но одно наводитъ ослѣпленье.
До книгъ онъ все еще бредетъ прямымъ путемъ,
А съ книгами чѣмъ болѣе знакомъ,
Тѣмъ болѣ голова ево идетъ кругомъ.
Не дай Богъ въ путь идти съ такимъ проводникомъ!

Такое нравоученіе сближаетъ эту басню съ другими баснями, какъ „Водолазы“, „Огородникъ и Философъ“ и т. д.

2) Академіи Наукъ (III, 50. Заглавіе: „Оселъ и Филинъ“) Отличія незначительны.

18. Змѣя (1830).

Впервые вошла въ изданіе 1830 г. (кн. VIII, 395—396) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (отдѣльный чистовой листокъ съ позднѣйшими поправками). 2) Академіи Наукъ (III, 30 — 32). Наиболѣе существенныя отличія въ концѣ:

23 — 30. „Нѣтъ“, птицы ей въ отвѣтъ:

„Онъ силенъ, дивенъ,
Но издали сладка бесѣда намъ твоя,
А то твое намъ страшно жало.
Ты можешь удивлять талантомъ всѣхъ своимъ,
Но если хочешь быть почтенъ или любимъ.
Къ тому однихъ талантовъ мало“.

19. Волкъ и Котъ (1830).

Вошла впервые въ изданіе 1830 г. (кн. VIII, 397—399) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (отдѣльный чистовой листокъ съ позднѣйшими поправками) и 2) Академіи Наукъ (III, 48. Заглавіе „Волкъ и Охотники“). Отличія несущественны.

20. Лещи (1830)

Вошла впервые въ изданіе 1830 г. (кн. VIII, 399—400) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (отдѣльный чистовой листокъ). 2) Академіи Наукъ (III, 51, 56. Заглавіе „Лещи и Щуки“). Отличія несущественны.

21. Водопадъ и Ручей (1816).

Напеч. впервые въ „Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности“ 1817 г. (ч. VII, 65, подъ заглавіемъ „Ручей и Водопадъ“). Доставлена была Крыловымъ Обществу еще въ 1816 г. Отличія:

2. Съ презрѣньемъ нѣкогда ручью сказалъ.
4-го стиха нѣтъ.
5. Столь бѣденъ.
6. Толпа гостей.
7. Не мудрено, коль пышности моей
Приходитъ кто дивиться.

Срв. басню Пессльe „Le torrent et le ruisseau“.

22. Левъ (1830).

Вошла впервые въ изданіе 1830 г. (кн. VIII, 393—394) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи, 1) Публичной Библіотеки (отдѣльный чистовой листъ съ позднѣйшими поправками) и 2) Академіи Наукъ (III, 18). Отличія несущественны.

23. Три мужика (1830).

Вошла впервые въ изданіе 1830 г. (кн. VIII, 400—402 и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (III, 56 — 57 и 60). Въ первой нравоученіе формулировано такъ:

И въ свѣтѣ я видалъ людей съ такимъ разсудкомъ:
Готовы разсуждать они и такъ и сякъ
О мирѣ, о войнѣ, — вверхъ дномъ всѣ царства ставятъ.
Послушать, кажется, они всѣмъ свѣтомъ правятъ,
Лишь о своихъ дѣлахъ не думаютъ никакъ,
И часто отъ того ложатся натощакъ.

Во второй:

Друзья, чѣмъ толками пустыми заниматься,
. . . . . съ васъ ни справокъ
Не будетъ, ни въ совѣтъ не спросятъ васъ никакъ,—
Вы бъ лучше подъ носомъ смотрѣли поточнѣе,
То было бы для васъ прочнѣе,
И не легли бъ вы на тощакъ.

Срв. разсказъ Legrand d'Aussy: „Les deux bourgeois et le villain". Существуютъ, впрочемъ, у насъ подобные народные анекдоты, которыми могъ воспользоваться Крыловъ

Книга IX.

1. Пастухъ (1833).

Напеч. въ „Новосельѣ" 1833 (СПб. I, 401—402, ценз. дозв. 1 февраля 1833 г.) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (IV, 10—11). Отличія незначительны.

2. Бѣлка (1833).

Напеч. въ „Новосельѣ" 1833 (СПБ. I, 402—403) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (III, 23 и IV, 11—12). Отличія несущественны.

3. Мыши (1833).

Напеч. въ „Новосельѣ“ 1833 (СПБ. I, 404—405) съ отличіемъ въ 28-мъ стихѣ „Достальное“.

Рукописи: 1) Румянцевскаго музея („Мыши“ 1833). 2) Академіи Наукъ (III, 29. Заглавіе „Двѣ мыши“). Отличія несущественны.

4. Лиса (1833).

Напеч. въ „Новосельѣ“ 1833 (СПБ. I, 1833, 405—406). Съ отличіемъ въ 11-мъ стихѣ: „Попортить“.

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (III, 20). Отличія несущественны.

Содержаніе этой басни заимствовано изъ очень распространенной русской сказки.

5. Волки и Овцы (1833).

Напеч. въ „Новосельѣ“ 1833 г. (СПБ., I, 407—408) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ (IV, 11—12). Отличія несущественны.

6. Крестьянинъ и Собака (1834).

Напеч. въ „Новосельѣ“ 1834 г. (СПБ., II, 473—474) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (IV, 27, 28. Первая называется „Собака и Мужикъ“). Отличія несущественны.

7. Два мальчика (1835).

Напеч. въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1836 г. (т. XIV, 65—66, ценз. дозв. 31 декабря 1835 г.) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (копія съ собственноручными поправками Крылова). 2) Академіи Наукъ (IV, 29—30, 32, на бумагѣ съ водянымъ знакомъ „1828“). Отличія незначительны. Срв. басню Лафонтена „Le singe et le chat“.

См. также „басни“ Аристарха (Одесса, 1840, 70—72).

8. Разбойникъ и Извозчикъ (1834).

Напеч. въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1834 г. (т. Ш, 235, ценз. дозв. 31 марта 1834 г.) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи принадлежатъ Академіи Наукъ (IV, 13)—съ интереснымъ отличіемъ въ 13-мъ стихѣ: „Пришлось брать Трою съ бою“; 24—26, 30, 35). Отличія въ общемъ несу-

щественны. Въ Академич. III, 23 есть еще одно только заглавіе „Разбойникъ и возъ пузырей“.

Вѣроятно, къ этой баснѣ и двумъ другимъ („Левъ и Мышь“, „Крестьянинъ и Собака“) относятся слѣдующія слова Никитенка („Записки и Дневникъ“, СПБ., 1893 г. I, 326, подъ 12 апрѣля 1834 года): „И. А. Крыловъ написалъ три слабыя басни, какъ бы въ доказательство того, что талантъ его старѣетъ. У него былъ договоръ со Смирдинымъ, въ силу котораго тотъ платилъ ему за каждую басню 300 рублей: теперь онъ требуетъ съ него 500 рублей, говоря, что собирается купить карету, и ему нужны деньги!“

9. Левъ и Мышь (1834).

Напеч. въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1834 г. (т. III, 236) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (изъ собранія Савваитова съ заглавіемъ „Левъ и Мышенокъ“). Болѣе интересныя отличія:

1. Мышенокъ полевой
   Просилъ у льва смиренно позволенье
3. . . . . и . . . . . со всей своей семьей,
   А къ этому прибавилъ.
4—10. Что какъ-де силою себя ты ни прославилъ,
   И какъ ни малымъ я кажусь,
   Но въ нужде, можетъ, самъ тебѣ я пригожусь.
11. Ты, существо ничтожно.
12—15. Такова случая представить невозможно,
   Чтобъ помощи левъ сталъ искать въ мышахъ.
   Прочь, мерзкой, прочь отсель, чтобъ духъ твой здѣсь не пахъ.
16—17. Отъ этакой тревоги
   Бѣднякъ давай скорѣй Богъ ноги.
   Простылъ его и слѣдъ.

2) Академіи Наукъ (IV, 26, 30). Отличія этихъ рукописей незначительны. По словамъ Кеневича (250) автографъ этой басни хранился въ собраніи автографовъ А. С. Норова. Передѣлка басни Лафонтена „Le Lion et le Rat“, которую переводилъ Сумароковъ.

10. Кукушка и Пѣтухъ (1835).

Напеч. въ сборникѣ „Сто русскихъ Литераторовъ“ (II, СПБ., 1841 г. 15—16) съ отличіемъ въ 16 стихѣ: „Промолвилъ“.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (копія съ собственноручными поправками Крылова). Отличія незначительны 2) Рядъ рукописей Академіи Наукъ: а) IV, 1:

— „Куда ты, кумушка, поешь какъ величаво!“
Пѣтухъ кукушкѣ говорилъ:
„Мнѣ льстить не для чего, а, право,
Я, слушая тебя, въ такомъ восторгѣ былъ“. . .
— „Спасибо, куманекъ! Твои хвалы мнѣ лестны:
Вѣдь ты у насъ и самъ пѣвунъ большой,
Твой слушать голосокъ я рада всей душой.
Да и кому твои таланты неизвѣстны?
Пусть говорятъ, что твой напѣвъ не очень чистъ,
Да это все одно злословье.
Зато, дай Богъ тебѣ здоровья,
Ужъ какъ ты голосистъ!“
— „То правда, что пою я важно,
Зато ужъ тянешь ты такъ плавно и протяжно!
Когда бъ не этотъ свистъ проклятый соловья,
Тебя бъ заслушался бы я.
Поди жъ съ народомъ ты, хоть тресни,—
Имъ все бы слушать лишь дроздовъ,
Щегловъ, малиновокъ да соловьевъ,
А наши попусту лишь пѣсни“.
— „Давай же съ этихъ поръ
Другъ друга мы хвалить—имъ всѣмъ наперекоръ“.
Пошли друзья выхваливать другъ дружку.
Что жъ? Слава всетаки плоха:
Какъ ни хвали кукушка пѣтуха,
Какъ ни хвали пѣтухъ кукушку,
А въ томъ увѣренъ я,
Не замѣнить имъ соловья.

b) IV, 3. Болѣе интересныя мѣста этой редакціи:
Когда замѣчу я, что, не боясь грѣха,
Писатели—друзья такъ хвалятъ дружка дружку—
Все хвалитъ, кажется, Пѣтухъ Кукушку,
Кукушка хвалитъ Пѣтуха.
. . . . . .
Хвалите вы себя хоть до упаду—
Далеко вамъ до соловья.

c) IV, 6. Въ ней интересно ааключеніе:
Вамъ эта басенка, писатели-друзья!

d) IV, 28—29.

e) IV, 29.

f) IV, 31—32. Двѣ черновыя съ водянымъ знакомъ на бумагѣ „1828“. Отличія несущественны.

Басня эта осмѣиваетъ расхваливаніе другъ друга издателей „Сѣверной Пчелы“ Булгарина и Греча. (См. указаніе Колмакова со словъ самого Крылова въ „Русскомъ Архивѣ“, 1865 г., VIII, 1011). Эти взаимныя похвалы осмѣи-

вали Пушкинъ, Бѣлинскій и Герценъ. (См „Русская Старина“, 1881, XI, 524 и 1898, II, 329). Слова Герцена особенно характерны: „Булгаринъ посвятилъ Гречу своего „Дмитрія-Самозванца“—Гречъ, въ знакъ благодарности, посвятилъ Булгарину „Поѣздку въ Германію“; Гречъ издалъ „Русскую Грамматику“ — Булгаринъ написалъ къ ней предисловіе, восхвалявшее друга, такъ же какъ и въ біографіи при изданіи сочиненій Греча. Нѣтъ ни одного человѣка въ Москвѣ, который бы умѣлъ врознь понять Минина и Пожарскаго, какъ нѣтъ ни одного человѣка въ Петербургѣ, который бы умѣлъ понять врознь Греча и Булгарина, хоть бы одинъ жилъ для удовольствія и нравственныхъ наблюденій въ Парижѣ, а другой для нравственныхъ наблюденій и удовольствія въ Дерптѣ. Союзъ Булгарина съ Гречемъ открытый конкубинатъ“.

Срв. еще „Зап.“ Жихарева, 303.

Басня эта, судя по рукописямъ, писалась одновременно съ „Вельможей“, которую Лобановъ называетъ послѣдней (стр. 55). Въ виду этого мы пріурочиваемъ ее къ 1835 г.

11. Вельможа (1835).

Напеч. въ „Сынѣ Отечества“ 1836 г. (ч. 175 стр. 64, ценз. дозв. 3 января 1836 г.) и потомъ перепечатывалась безъ перемѣнъ.

Рукописи: 1) Публичной Библіотеки (копія съ собственноручными поправками Крылова). 2) Академіи Наукъ (IV. 1, 33—34 на бумагѣ съ водянымъ знакомъ „1828“). Отличія несущественны.

См. примѣч. къ маскарадному стихотворенію „Кравчій“ (въ этомъ же томѣ нашего изданія). Срв. „Почта духовъ“, письмо XXI (наше изданіе, т. II, 488).

Объ этой баснѣ В. А. Оленина („Литературный Архивъ“, 75) разсказываетъ: „Цензура два года не разрѣшала печатать. На маскарадѣ у Вел. Кн. Елены Павловны, онъ испросилъ разрѣшеніе у самого Государя Николая I.

Когда И. А. Крыловъ читалъ на маскарадѣ у В. Кн. Елены Павл. свою басню (до самаго маскарада цензура ровно два года не разрѣшала печатать) Вельможа, Государь Н. I-й былъ очень доволенъ и хохоталъ.

Странно! — Черезъ кого же они были таковы?“

По словамъ Лобанова (56) „Послѣдняя басня его: Вельможа, написанная въ 1835 году, которою онъ заключилъ свое служеніе, и которая оканчивается стихами:

Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью:
Ну такъ и кажется, что быть ему въ раю!

долго оставалась въ его кабинетѣ, какъ бы подъ спудомъ, и тогда только явилась въ публику, когда авторъ самъ лично, въ присутствіи всего двора имѣлъ счастіе прочитать ее Государю Императору. Это было въ 1836 году“

Приложенія

Приложения

Стихотворенія и басни, приписываемыя Крылову.

1.

Стихи г-жѣ К. ...

На четыре времени года.

Пріятности весны прохладной вобразя,
И сколь она сердца къ любви склонять способна,
Не вспомнить мнѣ тебя, прекрасная, нельзя,
А, вспомня, не сказать, что ты веснѣ подобна.
Влекущій насъ подъ тѣнь несносный лѣтній зной
Нерѣдко въ тяжкое томленіе приводитъ,
Но взоръ плѣняющій Темиры[1] дорогой
И лѣто самое въ сей силѣ превосходитъ.
Плодами богатя, подобя нивы раю,
Намъ осень подаетъ веселые часы;
Мнѣ жъ мнится, что тогда я нѣжной плодъ сбираю,
Коль взоромъ числю я когда твои красы.
Когда же зимніе воображу морозы,
Тогда, чтобъ мысли толь холодныя согрѣть
И видѣть въ февралѣ цвѣтущи нѣжны розы,
Мнѣ стоитъ на тебя лишь только посмотрѣть.

2.

Эпиграмма.

Желаешь ты тово, чтобъ быть тебѣ богатымъ,
И ищешь способовъ?.. Будь только вороватымъ
И превзойди своимъ коварствомъ сатану —
Возьми ты за себя прекрасную жену.

---

[1] Обычное названіе для возлюбленной въ лирикѣ XVIII в.

3.

Стихи г-жѣ К....

Позволь плѣненному тобою,
Любовь, мнѣ кисть на время взять
И наполняй меня собою:
Хочу Темиру я писать.
Позволь и дай мнѣ вспоможенье,
Мое ты сердце успокой.
Мой духъ, оставь свое волненье,
Любовь, води моей рукой.
Представь ее мнѣ безъ убору,
И безъ него мила она;
Представь, когда встрѣчать Аврору
Она встаетъ отъ нѣжна сна;
Тогда, какъ день, гоня мракъ ночи,
Природу оживляетъ вновь;
Когда ея драгія очи
Вперяютъ нѣжность и любовь.
Въ лицѣ играя, жаръ прелестный
Ее плѣняетъ и томитъ,
И ей желанья неизвѣстны
Во сердце нѣжное селитъ;
Волнуетъ кровь и сердце бьется,
Видна въ очахъ нѣжнѣйша страсть;
Вздыханьемъ томна грудь мятется,
И познаетъ любови власть.
Она свои красы зрѣть тщится
Восторгъ пріятный полюбя;
Потомъ сама себя стыдится
И ихъ скрываетъ отъ себя.
Она любови гласу внемлетъ,
Въ лицо ея вступаетъ стыдъ,
Но тщетно духъ мой предпріемлетъ
Спасать толико нѣжный видъ.
Дабы представить вамъ подробно
Ея всѣхъ прелестей соборъ,
То не перо къ тому удобно —
Къ тому удобенъ нѣжной взоръ.

4.

Эпиграмма.

Напрасно человѣкъ
Въ наукахъ тратитъ вѣкъ:
Сколь въ нихъ премудрости сыскати не желаетъ,
Родится глупымъ онъ и глупымъ умираетъ.

5.

Письмо къ дядюшкину племяннику.

О ты, котораго разумнымъ закрестили
И титломъ знатока публичнаго почтили;
О ты, который намъ явилъ примѣръ собой,
Что можетъ человѣкъ доволенъ быть судьбой,
И ѣздить четверней по правилу въ каретѣ,
Примѣтнымъ быть глупцомъ во всемъ ученомъ свѣтѣ,
И чести знакъ[1] таскать у лѣвова ребра,
Когда имѣетъ онъ довольно серебра:
Скажи, великой мужъ, повѣдай намъ безъ лести,
Какою выслугой дошелъ къ такой ты чести,
Что, къ удивленію знакомыхъ всѣхъ людей,
Ты можешь мучить вдругъ четверку лошадей? [2]
Когда бъ ты былъ женатъ, то я бы почиталъ,
Что ты достоинство рогами поималъ;
Но ты, хотя съ тѣхъ поръ сбираешься жениться,
Какъ могъ въ десятокъ вдругъ порядочно влюбиться,
Однако все еще понынѣ не женатъ,
Такъ, слѣдственно, еще понынѣ не рогатъ.
Я слышалъ, красотой найти путь къ счастью можно,
Но ты судьбой скроенъ не такъ то осторожно.
То правда, иногда съ умомъ выходятъ въ честь,
Но ты донынѣ трехъ не можешь перечесть:
За что же столько ты счастливъ, чиновенъ, знатенъ?
Неужели за то, что твой тупей [3] пріятенъ?
Никакъ путей твоихъ понять я не могу.
Постой, авось, либо скажу и не солгу,
Подумаю, въ родню твою высоку глядя,
Конечно, этому причиною твой дядя.

6.

Олень и Заяцъ.

Людскіе завсегда намъ видимы пороки.
Своихъ не примѣчать
Другихъ цѣнить и на другихъ ворчать
Мы ужасть какъ жестоки!
Олень со зайцемъ дружбу свелъ,
И съ зайцемъ разговоръ придворной онъ имѣлъ.
Другъ друга взапуски они превозносили,
Своихъ знакомыхъ поносили и такъ гласили:
„Ты“, заяцъ говорилъ оленю,—„всѣмъ красивъ:

[1] Шпагу.
[2] Тогда чины давали право на выѣздъ извѣстнымъ числомъ лошадей.
[3] Верхняя часть парика.

И станомъ и рогами,
Глазами, выступкой, проворностью, ногами,
Одно лишь только есть: я слышалъ—ты пужливъ."
„Какой ужасной вздоръ!"
Сказалъ ему олень:
„О мнѣ и левъ, и даже весь извѣстенъ дворъ:
„Тебѣ совралъ какой то пень.
„То правда, что всегда,
„Когда
„Услышу я собакъ, хоть ихъ и не терплю,
„Привыкъ давать скачки съ размаху;
„Но это не отъ страху,
„А съ ними взапуски я бѣгаться люблю:
„И, впрочемъ, ежели моей угодно волѣ,
„Я часто здѣсь на этомъ полѣ,
„Лишь только захочу,
„Ужасно какъ собакъ щечу."
„Ты знаешь, я съ тобой не стану лицемѣрить;
„А мнѣ, равно, велишь ли вѣрить?—
„Сказали точно мнѣ: когда собачій лай
„Раздастся въ здѣшній край,
„Тогда возьметъ тебя труслива суета."
„Какая", заяцъ рекъ, — „несносна клевета
„Кто?.. Я!.. Чтобъ я собакъ боялся!
„Клеветнику бъ тому въ глаза ты насмѣялся:
„Скажи ему, что онъ дуракъ:
„Не только я никакъ
„Не бѣгаю собакъ,
„Но съ ними часто здѣсь играю на лугу.
„Пріятель твой судилъ меня немножко строго:
„Знакомыхъ и родни собакъ мнѣ ужасть много;
„А въ нуждѣ я и самъ съ собакою смогу."
—„Но чу!" сказалъ Олень,—„ихъ голосъ раздается,
„А мнѣ изъ нихъ въ родню никто не доведется,
„Такъ вѣрно то родня твоя,
„А не моя.
„Мое почтенье имъ, останься ты съ друзьями:
„Мнѣ быть неловко съ вами,
„Такъ я отсель къ своимъ знакомымъ побѣгу."
Лай близокъ, храбрецы мои чуть-чуть умчались,
Однакожъ храбростью и послѣ величались.

7.

Новопожалованный Оселъ.

Когда чины невѣжа ловитъ,
Не счастье онъ себѣ, погибель тѣмъ готовитъ.

Оселъ добился въ знатной чинъ
Въ то время во звѣриномъ родѣ
Чинъ Царска Спальника былъ въ знати и въ модѣ:
И сталъ Оселъ великой господинъ.
Оселъ мой всѣхъ пренебрегаетъ,
Вертитъ хвостомъ,
Копытами и лбомъ
Придворныхъ всѣхъ толкаетъ.
Достоинствомъ его ослиный полонъ умъ,
Оселъ о должности не тратитъ много думъ:
Не мыслитъ, сколь она опасна.
Ослу достоинства даны:
На знатность мой оселъ съ той смотритъ стороны,
Съ какой она прекрасна;
Онъ знаетъ: ежели въ чинахъ хотя дуракъ,
Ему почтеньемъ долженъ всякъ.
Знать должно: ночью Левъ любилъ ужасно сказки,
И спальникъ у него точилъ побаски.
Настала ночь, осла ведутъ ко Льву въ берлогъ,
Оселъ мой чуетъ,
Что онъ со Львомъ ночуетъ,
И сказокъ сказывать хотя оселъ не могъ,
Однако въ слабости ослу признаться стыдно.
Ложится Левъ, оселъ
Въ берлогѣ сѣлъ:
Ослу и то ужъ кажется обидно;
Однакожъ терпитъ онъ.
„Скажи-тко“, Левъ сказалъ Ослу, „ты мнѣ побаску“
Тутъ началъ проповѣдь, не сказку,
Мой новой Аполлонъ.
„Скажи“, сказалъ онъ Льву, „за что Царями вы?
За то ли только, что вы Львы?
Мнѣ кажется, ослы ничѣмъ другихъ не хуже,
Кричать я мастеръ дюже;
Что жъ до рожденія, ослы не хуже Львовъ;
Ословъ
Гораздо родъ не новъ;
Отецъ мой тамъ то былъ: мой дѣдъ былъ тамъ и тамо“.
И родословную свою оселъ велъ прямо.
Мой Левъ не спалъ,
И родословную и брань осла внималъ,
Осла прилежно слушалъ,
Потомъ,
Наскуча дуракомъ,
Онъ всталъ, и Спальника Сіятельнаго скушалъ.

8.

Картина.

Невѣжѣ пастуху, безмозглому дѣтинѣ
Попался на картинѣ
Изображенный миръ:
Тутъ славной виденъ былъ Природы щедрой пиръ:
Зеленые луга, текущи чисты воды,
При нихъ гуляющи звѣрей различныхъ роды,
Которы, позабывъ вражды свои,
Играли, прыгали, гуляли, пили, ѣли,
И безъ коварности другъ на̀ друга глядѣли;
Какъ будто бъ были всѣ они одной семьи.
Межъ прочимъ тутъ пастухъ увидѣлъ близко рѣчки,
Вкругъ волка ластились двѣ смирныя овечки;
А онъ въ знакъ дружества овечекъ сихъ лизалъ.
Собаки въ далекѣ отъ нихъ спокойно спали.
Пастухъ, примѣтя то, сказалъ:
„Конечно, на волковъ всклепали,
Что будто бы они
Охотники кратить овечьи дни,
И будто бы еще про нихъ вѣщаетъ слава,
Овецъ въ лѣса таскать,
И тамо ихъ глодать,
Въ томъ волчья вся забава:
А мнѣ такъ кажется, противно то уму,
Чтобъ слуху вѣровать сему;
Вотъ волкъ и вотъ овца, они рѣзвясь играютъ,
Здѣсь ихъ не въ ссорѣ вижу я,
Они, какъ будто бы друзья,
Другъ къ другу ластятся, другъ друга обнимаютъ,
Нѣтъ! слухамъ вѣрить я не буду никогда;
Что волки бѣшены, пустыя то лишь враки.
Коль ссорятся они съ овцами иногда,
Такъ вѣрно ихъ мутятъ коварныя собаки.
Сошлю собакъ изъ стада вонъ!“
Какъ со́вралъ мой пастухъ, такъ сдѣлалъ послѣ онъ.
Собакъ оставилъ,
И стадо безъ собакъ въ лѣса гулять отправилъ;
За ними въ слѣдъ
Самъ издали идетъ,
И видитъ волка съ три бѣгущихъ къ стаду прямо;
Но мой пастухъ не оробѣлъ
И подозрѣнія ни мало не имѣлъ;
Онъ мыслитъ: волки тѣ рѣзвиться будутъ тамо,
И что они идутъ къ овечкамъ для игры;

Но волки тѣ овецъ изрядно потазали,
И доказали,
Что на картинкахъ лишь къ овцамъ они добры.
А мой совѣтъ: къ словамъ пустымъ не прилѣпляйся,
Ни описаніямъ пристрастнымъ не ввѣряйся,
Старайся болѣ самъ людей ты примѣчать,
И истинну хвалу отъ ложной различать.

9.

Къ рѣкѣ М. ...

Рѣзвися, рѣчка дорогая;
Играй, мой кроткій, милой другъ,
Водой блестящей окропляя
Душистой, бархатной сей лугъ,
Катись кристальною струею
Съ моей сердечною слезою,
Сверкая въ мягкой муравѣ!
А я, старинку вспоминая
И ею духъ мой услаждая,
Простую пѣснь спою тебѣ.
Страна родная, драгоцѣнна,
Тебя я буду помнить вѣкъ!
Гдѣ юность райская, безцѣнна,
Являла тысячи утѣхъ;
Въ объятьяхъ матери гдѣ нѣжныхъ,
Не проливалъ я токовъ слезныхъ,
Гдѣ чистой радостью дышалъ;
Душой гдѣ страсти не владѣли,
Глаза вездѣ невинность зрѣли,
Гдѣ я въ забавахъ утопалъ!
Румяной, розовой росою
Когда алѣли облака,
Когда брильянтовой росою
Кропились пестрые луга,
Я бѣгалъ въ рощахъ ароматныхъ,
Подъ сѣнію березъ прохладныхъ,
Гдѣ пѣлъ мнѣ пѣсню соловей,
Гдѣ для меня журчалъ ручей;
Гдѣ все со мною восхищалось,
Гдѣ все со мною улыбалось:
Леталъ—и зефиръ легкорылый
За мною въ слѣдъ порхалъ;
Оставя свой цвѣточекъ милый,
Въ кудряхъ рѣзвился и жужжалъ.
Когда жъ я жаромъ утомлялся,
Когда къ твоимъ брегамъ бѣжалъ,

Въ прохладны волны погружался
И въ нихъ отраду обрѣталъ.
Весенній какъ цвѣтокъ прекрасный
Живится утренней росой,
И вновь свой запахъ онъ пріятный
Льетъ въ свѣжемъ воздухѣ струей:
Такъ духъ мой, снова оживленный,
Пріятны чувства изливалъ,
И я, тобою прохлажденный,
Всю цѣну жизни ощущалъ.
Какъ бѣлый чистой голубокъ
Весной летитъ съ вѣтвистой липки,
Какъ легкій, тихій вѣтерокъ, —
Такъ я летѣлъ въ свой теремъ свѣтлый,
Гдѣ улыбалися забавы,
Гдѣ просто было, безъ прикрасъ,
Безъ роскоши — сердецъ отравы —
Пріятно, чисто, безъ убранствъ,
И гдѣ любовь меня встрѣчала
Съ горячею въ глазахъ слезой,
Гдѣ радость нѣжно обнимала,
Гдѣ счастливъ былъ я самъ съ собой!
Куда же дни златые скрылись?
Невинные, блаженны дни!
Забава, радость удалились,
Остались горести одни.
Скажи мнѣ, рѣчка дорогая,
Въ брегахъ цвѣтущихъ протекая,
Не унесла ль ты ихъ съ собой?
Ихъ нѣтъ — и солнце не сіяетъ,
Терзается мой духъ тоской!
Ихъ нѣтъ — и эхо воздыхаетъ
Уныло по лѣсамъ со мной!

10.

Жалобы отчаянной.

Тиранъ! на то ли ты родился,
Чтобы взглянуть разъ и — плѣнить?
На то ли огнь любви разлился
Въ груди моей, чтобъ слезы лить?
Тиранъ! на то ли ты родился?
Когда бъ я это прежде знала,
Страшилась бы твоихъ оковъ:
Въ тебѣ я счастье полагала,
Ты былъ моя душа, мой богъ!
Когда бъ я это прежде знала!

Но—ахъ!—и птичка погибаетъ,
Не зная хитрости сѣтей;
Томится, рвется, умираетъ:
Скажите жъ, какъ бѣжать людей?
И птичка въ сѣти попадаетъ.
Пусть грозный, страшный громъ раздастся
И грудь невѣрну поразитъ!..
Увы! какъ бѣдной мнѣ остаться;
Меня воспоминанье умертвитъ —
Пускай, пускай тиранъ живетъ!

11.

Пѣсня

(Съ французской: Petits chagrins de tems en tems).

Печали малыя даны,
Чтобъ радостямъ придать цѣны;
Нерѣдко о пустомъ, случится,
Сердечко бѣдное крушится,
Въ тоскѣ, въ слезахъ лишается утѣхъ,
А послѣ все выходитъ смѣхъ.
Дѣвица, страстію горя,
И тайнѣ сердца измѣня,
Признанье въ бездну скрыть желаетъ
И за порокъ его считаетъ;
Въ тоскѣ, въ слезахъ лишается утѣхъ.
А послѣ все выходитъ смѣхъ.
У Лизы милыхъ болѣ нѣтъ;
Сестра—вдова въ шестнадцать лѣтъ:
Скучаютъ обѣ жить на свѣтѣ,
И смерть одна у нихъ въ предметѣ;
Въ тоскѣ, въ слезахъ лишаются утѣхъ,
А послѣ все выходитъ смѣхъ.

12.

Обѣдъ у Медвѣдя.

Медвѣдь обѣдъ давалъ,
И созвалъ не одну родню свою, медвѣдей,
Но и другихъ звѣрей-сосѣдей,
Кто только на глаза и въ мысль ему попалъ.
Поминки ль были то, рожденье ль, именины,
Но только праздникъ тотъ принесъ Медвѣдю честь,
И было у него попить что и поѣсть.
Какое кушанье! какой десертъ и вины!
Медвѣдь примѣтилъ самъ,
Что гости веселы, пирушкою довольны;

А чтобы угодить и болѣе друзьямъ,
Онъ тосты затѣвалъ, и пѣсни пѣлъ застольны;
Потомъ, какъ со стола ужъ начали сбирать,
Пустился танцовать.
Лиса въ ладоши хлопъ: „Ай, Миша, какъ пріятенъ!
Какъ ловокъ въ танцахъ онъ, какъ легокъ, милъ и статенъ!“
Но Волкъ, сидѣвшій рядомъ съ ней,
Ворчалъ ей на ухо: „Ты врешь, кума, ей-ей!
Откуда у тебя такая блажь берется?
Ну, что тутъ ловкаго? какъ ступа, онъ толчется“.
— „Вздоръ самъ ты мелешь, кумъ,“ Лиса на то въ отвѣтъ: —
„Не видишь, что хвалю танцора за обѣдъ!
А если похвала въ немъ гордости прибавитъ,
То, можетъ быть, онъ насъ и ужинать оставитъ“.

13.

Посланіе къ В. П. Ушаковой и П. А. Хилковой.

Варвара Павловна! Графиня! Помогите,
Отъ васъ однѣхъ отрады жду!
Хотите ль знать мою бѣду?
Прочтите:
Вчера, извѣстно вамъ, мы вмѣстѣ за столомъ
Ея Высочества Великія Княгини
Обѣдали; былъ споръ о томъ и о другомъ;
Потомъ,
Мнѣ помнится, упалъ изъ рукъ графини
(Любезнѣйшей изъ всѣхъ любезныхъ Катеринъ)
Неосторожный апельсинъ;
Потомъ нашъ графъ Моденъ съ пріятнѣйшимъ привѣтомъ,
На зло сосѣдкамъ злымъ, мнѣ въ шляпу положилъ
„Матильду“ и съ причетомъ:
Съ Агнесой, Глостеромъ, съ угрюмою толпой
Степныхъ разбойниковъ, съ святымъ анахоретомъ,
Съ Малекъ Аделемъ и съ войной!
И я подумалъ: въ шляпѣ дѣло!
Пришелъ домой!
Но что же? Боже мой!
Ужъ въ шляпѣ у меня несчастіе скипѣло!
Матильда, чтобъ спасти Рихардову жену,
Осталася въ плѣну,
Глазами плакала, а сердцемъ восхищалась,
Что плѣнницей осталась;

Герой Малекъ Адель, какъ вѣтреный дитя,
Пустился въ разныя проказы:
Разсудка здраваго послушать не хотя,
Забывъ султановы указы,
Матильду онъ съ собой на шлюпку посадилъ,
И въ первый разъ тогда великолѣпный Нилъ
Увидѣлъ, какъ деспо̀тъ востока
Къ ногамъ невольницы смиренно положилъ
Могущество, любовь, желанья и Пророка.
Но были бъ всѣ его труды по пустякамъ,
Когда бъ не вздумалось Матильдѣ по пескамъ
Пустыннымъ прогуляться,
Чтобъ незнакомому отшельнику признаться
Въ такой винѣ, въ которой безъ вины
Мы были, будемъ, быть должны
Обвинены!
Матильда каялась, но, къ счастью, не успѣла
Докаяться; толпа разбойниковъ степныхъ
Въ часъ добрый налетѣла,
Чтобъ исповѣдь прервать; и тутъ же слѣдомъ ихъ,
Какъ будто по звонку, явился
Малекъ Адель герой
Съ мечомъ, съ верблюдами, палаткой и водой.
Съ разбойниками онъ ни мало не чинился —
Онъ по-просту ихъ всѣхъ оставилъ безъ чиновъ[1];
Матильду жъ взялъ, съ отцомъ духовнымъ не простился —
И былъ таковъ!
И на пути, въ степи, подъ страшнымъ зноемъ
Полумонахиня была обручена
Съ полукрестившимся героемъ,
И радъ былъ этому проказникъ Сатана!
Но это ли бѣда? Бѣда надъ головою!
Султанъ, разгнѣванный сей свадьбою степною,
Отправилъ палачей за мужемъ и женой!
Матильда, правда, спасена!
Но другъ Малекъ Адель!.. Что будетъ онъ несчастный?
Я въ шляпѣ роюся напрасно!
Въ ней ничего ужъ болѣ нѣтъ!
Сосѣдки, сжальтеся! Мнѣ третій томъ пришлите!
Или — тогда ужъ потужите[2]:
Сойдетъ съ ума сосѣдъ!

---

[1] Вар.: головъ.
[2] Вар.: не шутите.

14.

Имениннику Ильѣ Васильевичу Буяльскому.

Тебя я не видалъ, но знаю:
Ты человѣчество живишь ...
Чего же я тебѣ желаю?
Того, чѣмъ ты другихъ даришь:
Чтобы цвѣло все оживленьемъ,
Чтобъ миръ былъ въ тѣлѣ и въ сердцахъ ...
Я не парю воображеньемъ,
Но чту вездѣ — добро въ дѣлахъ.

15.

Конь.

У ѣздока, наѣзднika лихого,
Былъ конь, какого
И въ табунахъ степныхъ на рѣдкость поискать ...
Какая стать!
И ростъ, и красота, и сила!
Такъ щедро всѣмъ его природа наградила ...
Какъ онъ прекрасенъ былъ съ наѣзникомъ въ бояхъ!
Какъ смѣло въ пропасть шелъ и выносилъ въ горахъ...
Но, съ смертью сѣдока, достался конь другому
Наѣзднику, да на бѣду—плохому.
Тотъ приказалъ его въ конюшню свесть
И тамъ, на привязи, давать и пить и ѣсть;
А за усердіе, за службу удалую,
Вѣкъ не снимать съ него уздечку золотую ...
Вотъ годы цѣлые безъ дѣла конь стоитъ;
Хозяинъ на него любуется, глядитъ,
А сѣсть боится
Чтобъ не свалиться.
И сталъ нашъ конь въ лѣтахъ,
Потухъ огонь въ его глазахъ,
И спалъ онъ съ тѣла:
И какъ вскормленному въ бояхъ не похудѣть безъ дѣла!
Коня всѣмъ жаль: и конюхи плохіе
Да и наѣзники лихіе
Между собою говорятъ:
„Ну кто бъ коню такому былъ не радъ,
Кабы другому онъ достался.“
Въ томъ и хозяинъ сознавался,
Да для него вотъ та бѣда,
Что конь въ возу не ходитъ никогда.

И въ правду: есть кони ужъ отъ природы,
Такой породы:
Скорѣй его убьешь,
Чѣмъ запряжешь.

Примѣчанія къ стихотвореніямъ и баснямъ, приписываемымъ Крылову.

1.

Стихи г-жѣ К.

Напечатано въ журналѣ: „Лѣкарство отъ скуки и заботъ“ (1786, I, 71). Вначалѣ помѣщено „письмо, полученное іюня 19 дня“: „уже давно погребены въ моихъ бумагахъ (надобно знать, бѣлыхъ, для того, что я очень рѣдко принимаюсь за перо) нѣкоторыя изъ моихъ сочиненій; я ихъ предалъ вѣчному забвенію въ намѣреніи никакой не выпускать въ свѣтъ, опасаясь на всякую строку по крайней мѣрѣ трехъ дюжинъ критикъ. Но лишь только увидѣлъ ваши листы, наполненные остротою, то въ тотъ же часъ честолюбіе воспламенило мою душу, и я, позабывъ всѣ свои разсужденія о критикахъ, восхотѣлъ, дабы и мои творенія имѣли честь быть помѣщены между разныхъ прекрасныхъ статей, наполняющихъ ваши еженедѣльныя изданія, и для того посылаю къ вамъ нѣкоторыя изъ оныхъ сочиненій, подъ которыми прошу не ставить моего имени—или, нѣтъ, поставьте К. Этакое тщеславіе! А я какъ скоро услышу объ нихъ мнѣніе знающихъ особъ, и оное будетъ въ пользу сочинителя, то, конечно, потщусь быть и впредь участникомъ въ вашемъ достойномъ намѣреніи.“ Редакція сопроводила это такимъ примѣчаніемъ: „помѣщая присланное въ сіи листы, которые таковыми прекрасными твореніями новую получатъ похвалу, и впредь подобное сему съ должною благодарностію пріемлено будетъ.“

Мы склонны приписать Крылову какъ это стихотвореніе изъ „Лѣкарства отъ скуки и заботъ“, такъ и нѣсколько слѣдующихъ, подписанныхъ буквою К., на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Крыловъ несомнѣнно участвовалъ въ этомъ журналѣ, 2) изъ писателей на К въ немъ участвовали Караба-

новъ и Костровъ, въ сочиненія которыхъ эти стихотворенія не вошли, 3) Крыловъ не разъ разсказывалъ, что въ началѣ литературной карьеры его очень поддержала печатная похвала редакторовъ журнала одному изъ присланныхъ имъ произведеній. См. II томъ нашего изданія, стр. 298—299.

2.

Эпиграмма.

Напечатано въ журналѣ „Лѣкарство отъ скуки и заботъ“ (1786, I, 72) съ подписью „К....“ См. пред. прим.

3.

Стихи г-жѣ К.

Напечатано въ журналѣ „Лѣкарство отъ скуки и заботъ“ (I, 76—77). См. прим. къ I стих.

К.— можетъ быть, Константинова, въ которую, по разсказамъ Алабина, былъ влюбленъ Крыловъ. См. біогр. очеркъ.

4.

Эпиграмма.

Напечатано въ журналѣ „Лѣкарство отъ скуки и заботъ“ (1786, I, 77) съ подписью „К....“ См. прим. къ I стих.

5.

Письмо къ дѣдушкину племяннику.

Напечат. въ журналѣ „Лѣкарство отъ скуки и заботъ“ (I, 91—93). См. прим. къ I стих.

6.

Олень и Заяцъ.

Напечатана безъ подписи въ „Утреннихъ Часахъ“ (1788, III, 62—64). Приписана Крылову Майковымъ (Ист. литер. очерки, СПБ., 1895, стр. 37, 48—49), какъ и басня „Новопожалованный оселъ“: „по живости и непринужденности разсказа онѣ очень походятъ на типическія басни Крылова.“ „Новопожалованный оселъ“ „представляетъ замѣтное сходство съ „Осломъ“ Крылова („Когда вселенную Юпитеръ населялъ“).“

7.

Новопожалованный Оселъ.

Напеч. безъ подписи въ „Утреннихъ часахъ“ (1789, IV, 108—110) и приписана Крылову Майковымъ (Ист. лит. очерки, стр. 37, 47—48). См. пред. прим.

8.

Картина.

Напеч. безъ подписи въ „Утреннихъ часахъ“ (1789, IV, 110—112) и связана съ предшествующею баснею общею нумераціею (басня I и II). Если приписывать Крылову первую басню, то нѣтъ основанія не приписывать ему и второй.

9.

Къ рѣкѣ М.

Напеч. въ „Полезн. и пріятномъ препровожденіи времени“ (1795, V, стр. 46—48) съ подписью „К—въ“, которая изъ всѣхъ сотрудниковъ этого журнала можетъ принадлежать только Крылову. М. — можетъ быть, Москва.

10.

Жалобы отчаянной.

Напечатано въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ (1795, VII, 349) съ подписью „К—ъ“. См. пред. примѣчаніе.

11.

Пѣсня.

Напечатано въ „Московскомъ Зрителѣ“ (1806 II, 67) съ подписью „К—въ“. Приписано Крылову впервые нами. Основанія приведены нами въ „Русскомъ Архивѣ“ (1902, III. 568—569).

12.

Обѣдъ у медвѣдя.

Найдена съ подписью Крылова А. Н. Петровымъ въ рукописномъ сборникѣ начала XIX (Шувчинскаго) и напечатана въ „Русской Старинѣ“ (1870, II, 81—86). Кеневичъ (ib. и Примѣчанія къ баснямъ Крылова, изд. 2, СПБ., 1878, стр. 259—260) заподозрилъ ея принадлежность Крылову: 1) нѣтъ никакихъ ея слѣдовъ въ рукописяхъ Крылова, 2) „какъ по внѣшней отдѣлкѣ, такъ и по содержанію она несравненно ниже всего, написаннаго Крыловымъ.“ Я. К. Гротъ („Русск. Стар.“ 1870, II. 414—416) значительно ослабилъ эти возраженія и пришелъ къ выводу: „хотя подписанное подъ новою баснею имя Крылова и не составляетъ вполнѣ достовѣрнаго свидѣтельства объ ея происхожденіи, однакожъ нѣтъ и достаточныхъ данныхъ, чтобы отвергнуть это показаніе современника“. Позднѣе Гротъ частнымъ образомъ высказалъ Кеневичу, что онъ „готовъ оставить сомнительную басню въ подозрѣніи; но чтобы

положительно отвергнуть ея принадлежность Крылову, находитъ наши (Кеневича) доводы недостаточными.“

Дѣйствительно, мы не знаемъ рукописей нѣсколькихъ несомнѣнныхъ басенъ Крылова; „ниже“, „выше“ — слишкомъ субъективно, чтобы на нихъ строить какіе-либо научные выводы. Намъ лично „Обѣдъ у медвѣдя“ кажется лучше такихъ басенъ Крылова, какъ „Два извощика“ и нѣк. др. Кеневичъ предположилъ, что эта басня была списана съ печатнаго текста. Межову („Библіографъ“, 1885, I, 27) удалось розыскать ее безъ подписи въ „Духѣ журналовъ“ (1816 № 46 ч. 15 и 16, стр. 443 и 444: этотъ текстъ взятъ выше нами). Басня эта несомнѣнно направлена противъ гр Д. И. Хвостова, съ которымъ Крыловъ находился въ постоянномъ антагонизмѣ. Этимъ, конечно, и объясняется отсутствіе подписи подъ нею.

Въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ вообще не брезгали расхваливать въ глаза Хвостова за его стихи, чтобы занять у него денегъ или получить приглашеніе на его обѣды.

По содержанію „Обѣдъ у Медвѣдя“ очень напоминаетъ басню В. Л. Пушкина „Медвѣдь и его гости“ (Вѣстникъ Европы“, 1815, часть LXXX; соч. В. Л. Пушкина, СПб., 1893, стр. 16).

Насколько вообще опасно полагаться на показанія рукописныхъ сборниковъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая.

Въ одномъ такомъ сборникѣ начала XIX, принадлежащемъ Московскому антиквару Шибанову, мы нашли съ подписью Крылова басню З н а к о м ы е. Эту басню очень легко было бы пріурочить къ группѣ басенъ Крылова изъ крестьянской жизни, но мы разыскали ее въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1825 г. (№ 45) съ подписью „—НО—“ и вспомнили, что такъ подписывался Н. Остолоповъ. Среди его „апологическихъ стихотвореній (СПБ., 1827), дѣйствительно, помѣщены „Знакомые“ (стр. 51).

13.

Посланіе Ушаковой и Хилковой.

Напечатано въ „Библ. Зап.“ (1861, стр. 33—35 вмѣстѣ съ „Посланіемъ Жуковскаго Варварѣ Павловнѣ Ушаковой и графинѣ Прасковьѣ Александровнѣ Хилковой.“ (Въ Гатчинѣ). Примѣчаніе: „Списано съ автографовъ, принадлежитъ Ѳ. Ф. Юрьеву. Оба стихотворенія сообщены Г. Н. Геннади.“ Въ концѣ „Посланія И. А. Крылова“ указано: „жестокимъ сосѣдкамъ отъ горестнаго сосѣда Крылова“.

Къ этому стихотворенію Крылова тѣсно примыкаетъ „Посланіе“ Жуковскаго:

Не грѣхъ ли вамъ, прекрасная графиня,
Съ Варварой Павловной сосѣда забывать?

Оба посланія написаны по поводу романа м—мъ Коттень „Матильда".

Гр. Хилкова — вѣрнѣе гр. Гендрикова, урожд. княжна Хилкова. П. А. Ефремовъ въ своихъ изданіяхъ сочиненій Жуковскаго (1885, II, 406, 522 и 1901, 238—239) оба посланія приписываетъ Жуковскому и пріурочиваетъ ихъ къ 1823—1824 г.г. Находящаяся у него рукопись написана Жуковскимъ. „Жестокимъ сосѣдкамъ отъ горестнаго сосѣда" написано не Крыловымъ; „Крылова", повидимому, приписано тою же рукою, которая помѣтила, что рукопись—автографъ Крылова (Геннади?). Можно было бы предположить, что Крыловъ въ шутку подражалъ посланію Жуковскаго, а послѣдній переписалъ это для себя на память, но для этого пока нѣтъ данныхъ. Самое стихотвореніе относится къ Гатчинѣ, гдѣ, кажется, Крыловъ не былъ.

14

Буяльскому.

Напечатано въ „Сѣверной Пчелѣ" 1848 г. (№ 16) съ такимъ объясненіемъ: „знаменитый нашъ хирургъ и операторъ, заслуженный профессоръ и академикъ И. В. Буяльскій оказалъ нѣсколько разъ пособіе нашему великому баснописцу И. А. Крылову, и они болѣе 20 лѣтъ находились въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ. И. А. Крыловъ всегда обѣдалъ въ семейномъ кругу И. В. Буяльскаго, въ день его именинъ, 20-го іюля; но въ 1836 году не могъ явиться къ обѣду, и И. В. Буяльскій получилъ, черезъ незнакомаго ему человѣка, пакетъ, въ которомъ находились слѣдующіе стихи ... Когда, чрезъ нѣсколько дней, И. А. Крыловъ появился въ семействѣ И. В. Буяльскаго, всѣ стали приставать къ нему, чтобъ онъ сознался, не онъ ли прислалъ стихи. Крыловъ улыбался и отвѣчалъ: „не знаю... слишкомъ плоховаты, но намѣреніе доброе." Но каковы бы ни были стишки, а они, по всей вѣроятности, Крылова, потому что хотя онъ и хотѣлъ измѣнить почеркъ, но не умѣлъ, а только поставилъ буквы покрупнѣе. Когда намъ на дняхъ показали подлинникъ, мы, не зная дѣла, тотчасъ узнали почеркъ И. А. Крылова. Стихи эти, хотя и не высокаго піитическаго достоинства, но обнаруживаютъ прекрасную черту характера знаменитаго баснописца и потому мы помѣстили ихъ на листахъ „Сѣверной Пчелы".

Стишки дѣйствительно плоховаты и не могутъ быть оправданы даже добрымъ намѣреніемъ. Сомнительно,

чтобы они принадлежали Крылову. Подъ ними подпись: „Неизвѣстный, 20-го іюля 1836 г. СПБ.“

15.

Конь.

Самое раннее, извѣстное намъ, свидѣтельство о баснѣ „Конь“ находится въ перепискѣ Грота съ Плетневымъ (т. II, СПБ., 1896, II, 418). 7 марта 1845 г. Гротъ пишетъ Плетневу: „Читалъ ли ты басню „Конь“, будто бы послѣднюю Крылова? По моему мнѣнію, это подлогъ; я въ ней не нахожу ничего Крыловскаго.“

Плетневъ ему отвѣчаетъ 14 марта (стр. 422—423): „Басня „Конь“ есть подлогъ: я въ томъ увѣренъ сколько по характеру Крылова, столько и по стихамъ сочиненія. Это сплетни, до которыхъ такъ лакомы всѣ праздные и невѣжественные люди. Никто не знаетъ и четверти настоящихъ басенъ Крылова, а за сплетенную всѣ ухватились.“ Въ первое собраніе сочиненій Крылова (1847 г.) Плетневъ этой басни не включилъ; во второе (1859 г.) она попала (стр. 453—454) изъ альманаха „Утро“. Сдѣлано это было не Плетневымъ, а издателями.

„Утро“ (М., 1859, 213—214) напечатало ея текстъ (воспроизведенный нами выше) съ такимъ примѣчаніемъ: „Эта басня, какъ многимъ извѣстно, давно ходитъ по рукамъ, приписываемая Крылову. Читателямъ судить, принадлежитъ ли она славному баснописцу.“

„Библіографическія Записки“ 1859 (стр. 58) дали, по принадлежащему редакціи списку, нѣсколько варіантовъ къ тексту „Утра“:

1. У одного наѣздника
5. И быстрота и сила.
8. Какъ (И).
9. Смертью сѣдока.
13. За отличіе.
14. (съ него).
20. Межъ тѣмъ конь старится, потухъ etc.
22. И какъ вскормленному въ бояхъ
Не похудѣть безъ дѣла!
23. Конюхи простые.
27. Когда бъ другому.
28. Да, конь хорошъ, въ томъ и хозяинъ.

Въ 1864 г. извѣстный библіографъ Лонгиновъ рѣшительно заявилъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (изданіе 2, стр. 1158): „басня эта, какъ я знаю достовѣрно, написана не Крыловымъ. Авторъ ея живъ, но я не имѣю права назвать его.“

Это не помѣшало Гербелю („Христоматія для всѣхъ[1]," СПБ., 1873, стр. 617) напечатать ее съ именемъ Крылова.

Въ предисловіи къ своему изданію басенъ (1875 г.) Кеневичъ опять заявилъ, что неоднократно приписываемая Крылову басня К о н ь вовсе не принадлежитъ ему, а написана другимъ лицомъ.

Въ литературныхъ кругахъ авторомъ этой басни называли С. А. Маслова.[2]

Въ Историческомъ Музеѣ, въ Чертковской библіотекѣ, мы разыскали рукопись „Коня" съ текстомъ, который отличается отъ печатнаго. Подъ нимъ (переписанъ онъ другою рукою) подпись: „Степанъ Масловъ" и его же примѣчаніе: „написана басня въ 1835 году и оставлена почитаемому П. И. Бартеневу[3] на память въ 1871 году Августа накануне (sic) дня Бородинской битвы."

Рукопись эта даетъ текстъ въ такомъ видѣ."

Конь.

Въ горахъ у одного наѣздника лихого
Былъ славный конь, какого
По табунамъ степнымъ на рѣдкость отыскать.
Какая стать[4] и сила!
Такъ всѣмъ его природа надѣлила.
Какъ онъ прекрасенъ былъ съ наѣзникомъ въ бояхъ,
И смѣло въ пропасть шелъ, и выносилъ въ горахъ!
Но съ смертью ѣздока достался конь другому,
Наѣзднику жъ — да не такому.
Онъ приказалъ коня за саклей помѣстить
И тамъ на привязи кормить,
А для отличія, за службу боевую,
Ввѣкъ не снимать съ него уздечку золотую.[5]
Коня всѣмъ жаль, и конюхи простые
Да и наѣздники лихіе
Между собою говорятъ:
„Кто бы коню такому былъ не радъ!
Когда бъ другому онъ достался!"
Да, конь хорошъ, наѣзникъ самъ въ томъ сознавался,
Но для него вотъ въ томъ бѣда,
Что онъ въ возу не ѣздилъ никогда!
Что жъ дѣлать! Есть ужъ отъ природы
Кони такой породы,
Что ты его скорѣй убьешь,
Чѣмъ запряжешь.

По мнѣнію г. Ефремова („СПБ. Вѣдом.", 1873, № 326), „всѣмъ имѣющимъ понятіе о нравственномъ характерѣ Кры-

---

[1] Срв. „СПБ. Вѣдом." 1873, № 310 (замѣтка Гербеля).

[2] Его некрологъ — „Русскій Архивъ". 1878, VI, 258—261; его стихотвореніе — А. Дмитріевъ, „Пермскій Край", Пермь, 1895, III, стр. 13—15.

[3] Тогда былъ библіотекаремъ Историческаго Музея.

[4] На поляхъ къ этому слову вставка, которой нельзя разобрать.

[5] Два эти стиха вставлены позднѣе въ рукопись.

лова и его самоустраненіи отъ всѣхъ сколько-нибудь щекотливыхъ сюжетовъ... ясно, что подобной басни Крыловъ написать бы не рѣшился."

Окончательно этотъ спорный вопросъ былъ запутанъ замѣткою Крузе въ „Русской Старинѣ" 1881 (авг. стр. 623—631; стр. 631—2—текстъ изъ сборника „Утро"). По его словамъ, „басня „Конь" была написана И. А. Крыловымъ по случаю удаленія генерала Ермолова[1] съ Кавказа и увольненія его отъ дѣйствительной службы Россіи. Въ „Конѣ" изображенъ знаменитый, неустрашимый полководецъ, военные подвиги котораго, въ особенности на Кавказѣ, въ горахъ, ознаменовали исторической славой русское оружіе. Конь обладалъ еще и другими достоинствами и качествами, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ были и такія черты личнаго характера, которыя уже не соотвѣтствовали новымъ воззрѣніямъ и требованіямъ, и коня поставили въ конюшню на сытый кормъ, надѣвъ на него золотую уздечку. Первый, писанный рукой Крылова экземпляръ басни былъ полученъ, тотчасъ по написаніи ея, А. П. Ермоловымъ отъ самого И. А. Крылова, посредствомъ частнаго пути, при его собственноручномъ письмѣ, вмѣстѣ съ которымъ и сохранялся тщательно и бережно мастистымъ воиномъ. Кому достались и сохранились ли до сихъ поръ въ цѣлости эти два драгоцѣнные манускрипта, послѣ смерти А. П. Ермолова, я достовѣрно не знаю. Равно... не могу сказать теперь на память, въ которомъ именно году басня была написана. Я имѣлъ честь и счастье близко знать А. П. Ермолова и пользоваться его особенною благосклонностію и довѣріемъ, а потому я видѣлъ у него собственными глазами и басню и письмо Крылова въ оригиналахъ, съ которыхъ и списалъ, съ его разрѣшенія, копіи. А. П. Ермоловъ дѣлился такими предметами вообще, какъ и интимными разговорами, только съ самыми приближенными людьми, въ скромности которыхъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ. О баснѣ же „Конь" онъ сознался только по смерти Крылова, а до того хранилъ о ней абсолютное молчаніе. Ему извѣстенъ былъ и слухъ, распущенный нѣкоторыми людьми о Масловѣ, какъ авторѣ басни, но понятно, какъ онъ относился къ подобной шуткѣ.[2] Когда басня „Конь" была въ первый разъ напечатана, я принесъ А. П. Ермолову экземпляръ сборника „Утро" и показалъ. Онъ замѣтилъ мнѣ, что очень сожалѣетъ о ея

[1] Въ 1827 г. вслѣдствіе столкновеній съ Паскевичемъ.

[2] Основываясь на личныхъ впечатлѣніяхъ отъ Маслова и высокой оцѣнкѣ художественныхъ данныхъ стихотворенія „Конь", и Крузе и П. А. Ефремовъ утверждаютъ, что онъ не могъ написать подобной басни.

напечатаніи, что это можетъ возбудить и вызвать непріятныя послѣдствія, а пользы не будетъ никакой и никому ... Теперь, послѣ всего, мною переданнаго, всякія сомнѣнія насчетъ принадлежности басни „Конь“ перу Крылова упраздняются окончательно, и она можетъ занять по праву свое мѣсто въ слѣдующемъ изданіи полнаго собранія его басенъ. Не придетъ же никому въ голову предположеніе, что И. А. Крыловъ могъ прислать А. П. Ермолову отъ своего имени басню, импровизированную другимъ.“

Изъ всѣхъ извѣстныхъ версій Крузе отдаетъ предпочтеніе тексту Погодинскаго „Утра“, такъ какъ у Погодина былъ вѣрный списокъ: „при томъ же въ то время[1] была полная возможность тотчасъ исправить текстъ, еслибы въ немъ оказались погрѣшности или отступленія.“

Авторитетный голосъ Крузе какъ будто бы окончательно рѣшилъ вопросъ. Никто не выражалъ никакихъ сомнѣній въ вѣрности сообщаемыхъ имъ данныхъ, только въ 1895 г. А. Дмитріевъ въ біографіи Д. Д. Смышляева (Пермь, 1895 и въ сборникѣ „Пермскій край“, Пермь 1895, III, стр. 15) опять напомнилъ о Масловѣ: „Извѣстная басня „Конь“, впервые напечатанная въ литературномъ сборникѣ „Утро“, перепечатанная въ „Библіографическихъ Записках“ и приписываемая И. А. Крылову,.... сколько мнѣ извѣстно, принадлежитъ перу С. А. Маслова. Она была посвящена А. П. Ермолову и послана къ нему въ Саратовъ, гдѣ проживалъ нѣкоторое время опальный герой Отечественной войны и умиротворитель Кабарды.“

„Извѣстность“ этой басни не помѣшала „Варшавскому Дневнику“ черезъ четыре года перепечатать ее въ видѣ свѣжей новости. Нѣкоторыя газеты подхватили ее и перепечатали, другія напомнили объ „Утрѣ“, Масловѣ и Крузе. Завязалась полемика, которая окончилась ссылкой на авторитетъ Крузе.[2]

Окончательно разрѣшить спорный вопросъ объ этой баснѣ могутъ только рукописи, если онѣ сохранились у наслѣдниковъ Ермолова. Пока приходится считаться съ двумя категорическими утвержденіями, взаимно исключающими другъ друга. Несомнѣнно, и Ермоловъ, и Крузе вполнѣ были увѣрены въ подлинности басни и письма Крылова; съ другой стороны, мудрено предположить, что-

---

[1] Въ 1859 г., когда еще былъ живъ Ермоловъ.

[2] См. 1899 — „Варшавскій Дневникъ“ № 24; „Новости“ №№ 26, 41; „Новое Время“ №№ 8231, 8232, 8237, 8241; „Моск. Вѣд.“ №№ 28, 54 „Одесск. Новости“, № 4524; „Новое Обозрѣніе“, № 5206; „Русск. Вѣд.“ №№ 30,47. (П. А. Ефремовъ, о несомнѣнной (?) баснѣ Крылова и мнимомъ стихотвореніи Пушкина); „Бирж. Вѣд.“, 26, 56.

бы Масловъ безъ всякихъ основаній настойчиво въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ приписывалъ себѣ авторство очень слабой въ общемъ басни.

Не въ характерѣ Крылова, къ старости слишкомъ даже уклончиваго и осторожнаго, было играть въ оппозицію и становиться на сторону опальныхъ; еще менѣе подходитъ къ нему противоположеніе Александра I и Николая I, какъ наѣздника „лихого“ и „на бѣду плохого“. „Хозяинъ на него любуется“ — совершенно не подходитъ къ положенію Ермолова, къ которому новый императоръ относился очень подозрительно и враждебно. Противоположеніе: „и конюхи плохіе, да и наѣздники лихіе“ сдѣлано только для риѳмы и очень слабо.

Невольно напрашивается вопросъ: не сдѣлался ли Ермоловъ, который могъ не знать почерка Крылова, жертвой мистификаціи и не былъ ли „Конь“ такимъ же „подкидышемъ“, какъ и извѣстные стихи Шишкову (гр. Хвостова), присланные отъ имени баснописца, признанные Крыловскими и напечатанные по приказу Шишкова?

Еслибы это предположеніе подтвердилось (Маслову могло быть неудобно сознаться въ своей мистификаціи, но онъ имѣлъ полное основаніе настаивать на своемъ авторствѣ), оно устранило бы всѣ противорѣчія и недоразумѣнія въ этомъ запутанномъ вопросѣ.

Несбывшіеся творческіе замыслы Крылова.

Крылова еще въ самомъ началѣ XIX вѣка называли „писателемъ классическимъ“, но и до сихъ поръ мы не имѣемъ ни его полной біографіи, ни научнаго изданія его сочиненій.

Разсѣянныя по разнымъ общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ коллекціямъ его рукописи до сихъ поръ еще не приведены въ извѣстность и не изучены. Значительная часть ихъ, принадлежащая теперь Академіи Наукъ и Публичной Библіотекѣ, была подъ руками у Кеневича; но онъ отнесся къ нимъ въ своихъ „Примѣчаніяхъ“ (два изданія 1869 и 1878 гг.) очень поверхностно и небрежно, многое въ нихъ пропустилъ, исказилъ при переписке или невѣрно прочелъ.

Небольшая статья А. И. Кирпичникова (въ „Починѣ“ 1895, перепечатанная въ обоихъ изданіяхъ его „Очерковъ“) даетъ нѣсколько бѣглыхъ, случайныхъ, совсѣмъ не претендующихъ на полноту, дополненій и поправокъ къ Кеневичу и академическому Крыловскому сборнику. Было нѣсколько мимолетныхъ упоминаній о рукописяхъ Крылова въ „Библіографическихъ Запискахъ“ и „Русскомъ Архивѣ“. Если указать еще нѣсколько факсимиле при изданіяхъ сочиненій Крылова (1847 и 1859 гг.), въ Академическомъ Сборникѣ и при „Русской Старинѣ“ 1878 г., то вся литература объ автографахъ и рукописяхъ Крылова будетъ исчерпана.

Между тѣмъ рукописи Крылова представляютъ драгоцѣнный источникъ для изученія его творчества и разъясняютъ многое въ его своеобразной личности.

Давно уже установился взглядъ, что Крыловъ писалъ мало и лѣниво, стихотворенія и басни выливались у него будто бы нечаянно, сразу, сами собою, когда какая-нибудь

внѣшняя причина побѣждала закоренѣлую лѣнь опустившагося и отяжелѣвшаго „дѣдушки“. Но даже бѣглаго знакомства съ рукописями Крылова достаточно, чтобы разрушить эту легенду: Крыловъ долго и упорно работалъ надъ своими баснями, иныя изъ нихъ передѣлывалъ десятки разъ; нѣкоторыя не давались ему, и онъ бросалъ ихъ послѣ ряда неудачныхъ попытокъ. Въ бумагахъ его то и дѣло мелькаютъ заглавія предположенныхъ, но не написанныхъ басенъ, наброски первыхъ стиховъ, стихи законченные, но не обработанные, достаточно однако уясняющіе „несбывшіеся творческіе замыслы Крылова“. Думаемъ, что эти membra disjecta произведеній знаменитаго баснописца представляютъ большой интересъ: въ отдѣльныхъ стихахъ чувствуется рука мастера; во многихъ случаяхъ можно уловить мысль, „мораль“; самый выборъ предметовъ даетъ нѣкоторые просвѣты въ творчество Крылова.

Кой-чего намъ не удалось разобрать; съ большимъ трудомъ можно было прочесть отдѣльные слова или стихи. Кто хоть разъ видалъ автографы или факсимиле Крылова, тотъ знаетъ, какихъ усилій стоитъ разобрать его почеркъ, и что отдѣльныя мѣста у него представляютъ иногда неодолимыя трудности. Самъ Крыловъ не всегда разбиралъ свой почеркъ.

По словамъ П. А. Плетнева[1] „года за полтора до кончины его (Крылова), я пришелъ къ И. А. попросить его автографъ. Близъ него въ комнатѣ мы ни лоскутка не нашли его почерка. Служанка принесла съ чердака цѣлую корзину басенъ, его рукою переписанныхъ. Выбравъ для меня листокъ, онъ въ очки разсмотрѣлъ заглавіе, написанное довольно крупно, но стиховъ и по догадкѣ не могъ разобрать“. Внукъ друга и покровителя Крылова, А.Н.Оленина, А.П.Олениныъ разсказывалъ намъ, что когда то его бабушка, Елисавета Марковна, возмущенная тѣмъ, что И. А. слишкомъ долго ничего не писалъ, заперла его въ комнатѣ и обѣщала не выпускать до тѣхъ поръ, пока онъ не напишетъ басни. Спустя нѣкоторое время, И. А. постучался и сказалъ, что басня готова. Событіе показалось настолько крупнымъ, что чтеніе отложили и пригласили къ нему обычныхъ посѣтителей гостепріимной семьи Олениныхъ. Среди общаго напряженнаго вниманія Крыловъ взошелъ на что то въ родѣ домашней эстрады, громко прочелъ заглавіе и запнулся: прочесть наскоро набросаннаго текста онъ не могъ и настолько основательно его забылъ, что не былъ въ состояніи возстановить его даже по догадкѣ. Такъ басня безслѣдно пропала...

[1] Сочиненія и переписка, Спб. 1885, II, стр. 27—28.

Если самъ баснописецъ становился втупикъ передъ своимъ почеркомъ, то нельзя ставить въ упрекъ и намъ, что не все нами разобрано.

При печатаніи текстовъ Крылова мы слѣдовали слѣдующимъ правиламъ. Изъ орѳографическихъ особенностей сохранены только тѣ, которыя указываютъ на своеобразность произношенія или образованія формъ. Мѣста, зачеркнутыя Крыловымъ, заключены въ прямыя скобки [ ]. Если внутри ихъ что-нибудь было особо зачеркнуто, мы ставили малыя скобки ( ). Неразобранныя мѣста вездѣ обозначаются многоточіемъ, сомнительныя сколько-нибудь чтенія — вопросительнымъ знакомъ въ скобкахъ. Поправки и надписанное сверху или внизу обозначается особо, при помощи продольныхъ чертъ и скобокъ (при зачеркиваніи).

Приводимые ниже тексты взяты нами изъ рукописей Крылова, принадлежащихъ Академіи Наукъ. Ихъ пять папокъ, разнаго времени. Дальше онѣ, при заглавіяхъ, обозначаются римскими цифрами.

1. Заяцъ. (II, стр. 31).[1]

Попался заинька въ тенета,
И отведенъ ему $\frac{\text{въ жилье}}{\text{[въ житье]}}$ пустой сарай:
[Какъ хочешь, бѣгай въ немъ, играй,]
[Попрыгать тамъ (?) была бы лишь охота —]
[Лишь худо то, что заперты ворота.]
[Сарай бы (?) ничего —]
[Лишь худо то, что заперты ворота.]
[Есть гдѣ попрыгать, поиграть]
[Лишь спрятаться (?) нельзя (?), ни убѣжать]
[И.....]
[Лишь (нѣ) спрятаться нельзя, ни убѣжать]
[..... . ворота]

2. [Мужикъ и лисъ.] (III, 32).

[Мужикъ въ курятникѣ лисицу изловилъ]

3. Отрывокъ басни безъ заглавія. (III, 32).

[Змѣю въ своемъ увидѣлъ огородѣ,]
[И хочетъ онъ ее убить].

4. Открывокъ басни безъ заглавія. (III, 38).

Федюшѣ мачеха къ святой $\frac{.....}{\text{[кафтанъ]}^{2}}$ скроила (?)
Кафтанъ бы и (?) хорошъ, да только въ томъ порокъ,

---

[1] Первыя пять строчекъ чернилами, остальныя 8 — карандашомъ. Карандашъ вездѣ почти совершенно стерся. Рукописи второй папки, повидимому, предназначались для изданія 1825 г., т. е. должны быть отнесены къ 1822—1823 гг.

[2] Зачеркнуто и подчеркнуто.

Что узокъ онъ и коротокъ.
Но..... отъ его.....
Ну, говоритъ, носи, мой миленькій дружочекъ.

5. Слѣпой нищій и мальчикъ. (IV, 10).

6. Наброски басни безъ заглавія. (V, 2).

Не знаю я, въ какомъ судѣ,
[Когда] При комъ, когда и гдѣ,
[Но вотъ что до меня (?)]
Но стопы дѣлъ судья скопилъ
[Что, наконецъ, рѣшилъ, собравши ихъ]
Что $\frac{\text{наконецъ}}{\text{[нѣкогда]}}$ рѣшилъ [окончить тѣ дѣла].....
[Судьи, засѣвши вкругъ судейскаго стола]
[Гораздо ночи захватили]
[Ихъ ко]
Что, наконецъ, рѣшивъ окончить тѣ дѣла,
Судьи, засѣвши вкругъ стола,
Гораздо ночи захватили.
.....[но], наконецъ (?), разсѣвшися они.....
Остались на столахъ подсвѣчники одни.
И что жъ? Подсвѣчникъ тутъ одинъ развеличался (?)
И такъ огарку говоритъ,
Который въ немъ еще горитъ:
Ну что ты здѣсь, вонючій, растрещался?
Смотри, какъ ты.....
Вотъ..... все мое ты обонянье
[..... бы ты]
[Узнаешь ты до]
[..... ты до.....]
..... ты до.....
Не знаю $\frac{\text{я.....}}{\text{[я зачѣмъ ты.....]}}$
..... я..... здѣсь не.....
Огарокъ отвѣчалъ
[Ты здѣсь (?) стоишь..... для украшенья]
[Ты..... стоишь..... для украшенья]
[Ты здѣсь]
[Ты] [Ты очень...]
[Ты очень] Въ судъ..... нуженъ ты весьма для украшенья,
[Но пользы отъ тебя (?) въ дѣлахъ не ожидай никакъ.
Я свѣчу, и безъ меня
Сегодня не было бъ ни одного рѣшенья.

7. Щука и медвѣдь. (IV, 1).

Со щукой Миша дружбу свелъ.

A) 8. Орелъ и охотникъ. (V, 10—11).

[$\frac{\text{Проголодавшійся}}{\text{(Пернатыхъ царь)}}$ орелъ]
[На каменной скалѣ нахмурившись сидѣлъ]
[И на поля $\frac{\text{вокругъ}}{\text{[кругомъ]}}$ онъ быстро озирался]
[(Гдѣ бъ добычь высмотрѣть — орелъ проголодался)]

[Орлу на сердцѣ не легко]
[Ужъ солнце было высоко]
[А въ добычу ему никто не попадался,].
[И сильно онъ проголодался]
[При неудачѣ / [Въ несчастьѣ] (это) (мнѣ / (намъ) извѣстно по себѣ,)]
[Кому пенять, коль не судьбѣ?]
[(Орелъ) / И онъ на ней ..... за то, что онъ не кушалъ]
[(Охотникъ жалобы его подслушалъ)]
[Охотникъ прилучась (?) въ бѣдѣ его подслушалъ]
[И сдѣлать вызвался ему добро.]
Пернатыхъ царь / (Проголодавшійся) орелъ
На каменной стѣнѣ нахмурившись сидѣлъ,
И на поля вокругъ онъ быстро озирался,
[Гдѣ бъ добычь (подх) ухватить]
Орлу на сердцѣ не легко.
Ужъ солнце было высоко,
А [въ добычу ему] въ добычу ему [.....] никто не попадался,
И сильно онъ проголодался.

Б) [Скворецъ и охотникъ. (?)]

Пернатыхъ царь орелъ
На каменной скалѣ нахмурившись / [задумчиво] сидѣлъ
[И быстро въ дальную окружность озирался]
И вкругъ на ..... / [въ дальность (?)] [вокругъ] / [на поля] онъ быстро озирался
[Не попуст у / [ому] [.....] / [.....] онъ..... глубоко]
[Ужъ солнце было высоко]
[А въ когти]
[А въ когти жертвою (?) никто не попадался,
[И сильно онъ проголодался].
Орлу на сердцѣ нелегко.
Ужъ солнце было высоко,
А въ добычу ему никто не попадался,
И сильно онъ проголодался.

9. А) Два извощика. (IV, 2—3).

[Ну, другъ! Одры! — Чтобъ волки васъ заѣли!]
[Ну, ну же (?), соколы, чтобъ всѣхъ васъ взяли (?) черти (?)]
[Три (воза такъ)..... такъ мужикъ дорогой погонялъ]
[А между тѣмъ обозъ на высотѣ стоялъ]
[Гонялъ (?). Пахомъ ево (.....) съ обозомъ обогналъ].
[Мужикъ дорогою три воза погонялъ]
Ну, други! Ну, живѣй! Чтобъ волки васъ заѣли!
[Три воза такъ мужикъ дорогой погонялъ]
Такъ..... лошадокъ (?) понукалъ (?)
[А между тѣмъ обозъ на высотѣ стоялъ]
Извощикъ, между тѣмъ обозъ [ево] одинъ стоялъ
[Глядитъ, Пахомъ ево съ обозомъ обогналъ].

Тутъ, сидя на возу, Пахомъ его догналъ.
[Давно съ Москвы? — Вчера]
Давно съ Москвы? — Вчера. — А я такъ болѣе недѣли.
Что, братъ Пахомушка! Ума не приложу!
Съ десятокъ одровъ я (?) держу
И на воза, кажись, [я] гружу
[И, кажется, воза — не пуще]
[А а.....] не такъ то чтобъ помногу
А.....
[А.....здѣсь.....]
Какъ идетъ у тебя? — Не худо, слава Богу!
Съ моею парою съ сотняжку я зашибъ!
Ну, какъ тутъ не возьметъ кручина?
Скажи (?) жъ, Пахомушка, что за причина —
[Вѣдь, кажется] Вѣдь я, братъ, тоже не дремлю [.....]
Какъ [себѣ (?)] же отъ нихъ себѣ ты ждешь поживы?
[И] Ихъ у тебя табунъ — до съ голоду чуть живы,
А я хоть двухъ держу, до-сыта ихъ кормлю.
[А я хоть двухъ держу, до-сыта ихъ кормлю]

Б) Два извощика.

[Ну, други, ну, живѣй! Чтобъ волки васъ заѣли!]
[Ну, одры..... осовѣли]
Ну, други [ну живѣй] осовѣли—
Ну, одры, живѣй, чтобъ волки васъ заѣли!
Такъ идя [ходя] у [вкругъ] возовъ бранилъ и (?) [лошадокъ] погонялъ
Извощикъ лошадей, обозъ однакожъ сталъ.
Гляди [Тутъ тоже] [тутъ], Пахомъ его тутъ съ возомъ обогналъ.
—„Давно съ Москвы?—„Вчарась“.—„А я такъ болѣе недѣли,
[Совсѣмъ меня пострѣлы (?) съѣли (?)!
Что, братъ [что б] Пахомушка! Ума не приложу,
Съ десятокъ одровъ я держу,
Совсѣмъ меня пострѣлы съѣли (?),
А на воза, кажись, гружу
Не такъ, чтобы помногу.
[Какъ идетъ у тебя? — Да ладно, слава Богу!]
Ну истинно, совсѣмъ погибъ.
Какъ идетъ у тебя?“ — „Да ладно, слава Богу!
Сотняжку нынѣшнимъ путемъ себѣ зашибъ“.
— „Вотъ какъ тутъ не возьметъ кручина!
[Скажи, Пахомушка, какая бы причина]
Скажи жъ, сосѣдушка, со мной что за причина
[Вѣдь я, братъ, тоже не дремлю]
[И, кумъ, какой тебѣ ждать отъ твоихъ (?) поживы?]
[Ихъ у тебя табунъ, да съ голоду чуть живы]
[А[1] я хоть двухъ [пару ихъ] держу, да лучше ихъ кормлю]
Вѣдь я, братъ, тоже не дремлю,
А ихъ лишь попусту кормлю.
И, кумъ, какой тебѣ ждать отъ твоихъ (?) поживы:
Ихъ у тебя табунъ, да съ голоду чуть живы.
Попробуй-ка, съ меня примѣръ возьми,

[1] Приписано позднѣе.

Держи [хоть двухъ] [ихъ менѣе][1], да лучше ихъ кормлю.
.....
Да, пара у меня.....
Зато ужъ ихъ (?) кормлю и берегу.

В) Два извощика.

[Пахомъ ..... въ извозъ пустился]
[Едва-едва тащился]
[И, наконецъ, середь дороги сталъ].

Изъ-за этихъ помарокъ и поправокъ, недописанныхъ и неотдѣланныхъ стиховъ для внимательнаго наблюдателя вырисовывается творческая работа Крылова, упорная и настойчивая.

Мы узнаемъ нѣсколько новыхъ темъ, характерныхъ для круга поэтическихъ интересовъ знаменитаго баснописца; мы видимъ Крылова въ его творческой лабораторіи, въ которой, по выраженію Жуковскаго, „съ полу не подобраны еще бумажки“, но лежитъ и много цѣннаго; мы получаемъ, наконецъ, почти отдѣланную басню „Два извощика“, pendant къ баснямъ Крылова изъ народнаго быта.

Мы слишкомъ мало знаемъ Крылова и слишкомъ хорошо должны знать его, чтобы считать лишнимъ каждый новый фактъ, вводящій насъ въ тайну творчества этого „загадочнаго писателя . . .“

---

[1] Зачеркнуто и потомъ подчеркнуто.

Хронологическій списокъ

„Басенъ въ IX книгахъ“ И. А. Крылова.

1805: 1) Дубъ и Трость, 2) Разборчивая невѣста, 3) Старикъ и трое молодыхъ.

1807: 4) Ворона и Лисица, 5) Ларчикъ, 6) Лягушка и Волъ, 7) Оракулъ, 8) Пустынникъ и Медвѣдь, 9) Крестьянинъ и Смерть.

1808: 10) Музыканты, 11) Парнасъ, 12) Волкъ и Ягненокъ, 13) Обезьяны, 14) Орелъ и Куры, 15) Стрекоза и Муравей, 16) Слонъ на воеводствѣ, 17) Слонъ и Моська, 18) Муха и Дорожные, 19) Левъ на ловлѣ, 20) Лисица и Виноградъ.

1809: 21) Роща и Огонь, 22) Два голубя, 23) Лягушки, просящія царя, 24) Моръ звѣрей, 25) Пѣтухъ и Жемчужное зерно, 26) Хозяинъ и Мыши, 27) Мѣшокъ, 28) Левъ и Комаръ.

1811: 29) Синица, 30) Червонецъ, 31) Ручей, 32) Лжецъ, 33) Вороненокъ, 34) Оселъ и Соловей, 35) Откупщикъ и Сапожникъ, 36) Крестьянинъ въ бѣдѣ, 37) Волкъ и Волченокъ, 38) Обезьяна, 39) Огородникъ и философъ, 40) Крестьянинъ и Лисица, 41) Воспитаніе Льва, 42) Гуси, 43) Свинья, 44) Орелъ и Паукъ, 45) Подагра и Паукъ, 46) Совѣтъ Мышей, 47) Квартетъ, 48) Листы и Корни.

1812: 49) Ворона и Курица, 50) Раздѣлъ, 51) Волкъ на псарнѣ, 52) Обозъ, 53) Котъ и Поваръ.

1813: 54) Лисица и Сурокъ, 55) Орелъ и Пчела, 56) Заяцъ на ловлѣ, 57) Щука и Котъ, 58) Волкъ и Кукушка, 59) Крестьянинъ и Змѣя, 60) Демьянова уха, 61) Водолазы.

1814: 62) Чижъ и Ежъ, 63) Троеженецъ, 64) Безбожники, 65) Прохожіе и Собаки, 66) Дерево, 67) Лань и Дервишъ, 68) Орелъ и Кротъ, 69) Бумажный Змѣй, 70) Ле-

бедь, Щука и Ракъ, 71) Прудъ и Рѣка, 72) Пожаръ и Алмазъ, 73) Крестьянинъ и Разбойникъ, 74) Любопытный, 75) Конь и Всадникъ, 76) Крестьяне и Рѣка, 77) Добрая Лисица, 78) Чижъ и Голубь, 79) Камень и Червякъ, 80) Комаръ и Пастухъ, 81) Тѣнь и Человѣкъ, 82) Клеветникъ и Змѣя, 83) Лягушка и Юпитеръ.

1815: 84) Оселъ, 85) Мартышка и Очки, 86) Левъ и Барсъ, 87) Вельможа и Философъ, 88) Собачья Дружба, 89) Бочка, 90) Крестьянинъ и Работникъ, 91) Тришкинъ кафтанъ, 92) Зеркало и Обезьяна, 93) Туча, 94) Лиса - строитель.

1816: 95) Собака, 96) Волкъ и Лисица, 97) Скворецъ, 98) Механикъ, 99) Цвѣты, 100) Мірская сходка, 101) Мышь и Крыса, 102) Госпожа и двѣ Служанки, 103) Медвѣдь у Пчелъ, 104) Рыцарь, 105) Крестьянинъ и Топоръ, 106) Левъ и Волкъ, 107) Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ, 108) Хмель, 109) Слонъ въ случаѣ, 110) Фортуна и Нищій, 111) Напраслина, 112) Фортуна въ гостяхъ, 113) Волкъ и Пастухи, 114) Кукушка и Горлинка, 115) Апеллесъ и Осленокъ, 116) Волкъ и Журавль, 117) Похороны, 118) Сочинитель и Разбойникъ, 119) Водопадъ и Ручей.

1817: 120) Пчела и Мухи.

1818: 121) Гребень, 122) Алкидъ, 123) Мотъ и Ласточка, 124) Овцы и Собаки, 125) Крестьянинъ и Змѣя, 126) Трудолюбивый Медвѣдь.

1819: 127) Левъ и Лисица, 128) Скупой и Курица, 129) Двѣ Бочки, 130) Охотникъ, 131) Мальчикъ и Змѣя, 132) Пловецъ и Море, 133) Оселъ и Мужикъ, 134) Муравей, 135) Пастухъ и Море, 136) Медвѣдь въ сѣтяхъ, 137) Колосъ, 138) Мальчикъ и Червякъ, 139) Ягненокъ.

1821: 140) Плотичка, 141) Крестьянинъ и Овца.

1823: 142) Василекъ, 143) Мельникъ, 144) Булыжникъ и Алмазъ, 145) Крестьянинъ и Змѣя, 146) Свинья подъ дубомъ, 147) Паукъ и Пчела, 148) Лисица и Оселъ, 149) Муха и Пчела, 150) Змѣя и Овца, 151) Котелъ и Горшокъ, 152) Дикія Козы, 153) Соловьи, 154) Голикъ, 155) Скупой, 156) Богачъ и Поэтъ, 157) Волкъ и Мышенокъ, 158) Два мужика, 159) Котенокъ и Скворецъ, 160) Двѣ Собаки, 161) Кошка и Соловей, 162) Рыбьи пляски, 163) Прихожанинъ, 164) Ворона, 165) Левъ состарившійся.

1827: 166) Пушки и Паруса.

1828: 167) Бритвы, 168) Бѣдный Богачъ.

1829: 169) Миронъ.

1830: 170) Левъ, Серна и Лиса, 171) Крестьянинъ и Лошадь, 172) Бѣлка, 173) Щука, 174) Кукушка и Орелъ, 175) Соколъ и Червякъ, 176) Булатъ, 177) Купецъ, 178) Оселъ,

179) Крестьянинъ и Лисица, 180) Собака и Лошадь. 181) Филинъ и Оселъ, 182) Змѣя, 183) Волкъ и Котъ, 184) Лещи, 185) Левъ, 186) Три Мужика.

1833: 187) Пастухъ, 188) Бѣлка, 189) Мыши, 190) Лиса. 191) Волки и Овцы.

1834: 192) Крестьянинъ и Собака. 193) Разбойникъ и Извощикъ. 194) Левъ и Мышь.

1835: 195) Два Мальчика, 196) Кукушка и Пѣтухъ, 197) Вельможа.

Указатель
произведеній Крылова
(ко всѣмъ 4-мъ томамъ).

(Римскія цыфры указываютъ томъ, арабскія — страницы; первый рядъ цыфръ относится къ тексту, слѣдующія цыфры, нѣсколько отставленныя—къ упоминаніямъ во вступительныхъ статьяхъ и примѣчаніяхъ; названія произведеній, только упоминаемыхъ нами, но не напечатанныхъ въ нашемъ изданіи, взяты въ скобки; названія произведеній, приписываемыхъ Крылову, набраны курсивомъ).

Алкидъ	IV, 251—252	409
Американцы	II, 231—294	I стр. LXXVII
Апеллесъ и Осленокъ . .	IV, 252—253	409
Безбожники	IV, 139—140	368—369
Блаженство	IV, 103—106	357
Богачъ и Поэтъ	IV, 289—290	422
Бочка	IV, 151—152	372—373
Бритвы	IV, 305—306	431
Булатъ	IV, 309	431—432
Булыжникъ и Алмазъ . .	IV, 274—275	415—416
Бумажный Змѣй . . .	IV, 200	390
Буяльскому	IV, 454	460—461
Бѣдный Богачъ	IV, 306—308	431
Бѣлка (Въ деревнѣ) . . .	IV, 322	435
Бѣлка (У льва)	IV, 303	430
Бѣшеная семья	I, 138—193	LXXVI—LXXIX
Василекъ	IV, 124—126	363
Введеніе (къ „Зрителю“) .	III, 204—205	—
Вельможа	IV, 330—331	439—440
Вельможа и Философъ .	IV, 145—146	370
Вечеръ	IV, 53—54	342
Водолазы	IV, 220—223	398—400
Водопадъ и Ручей . . .	IV, 318	434

Волки и Овцы	IV, 324—325	436
Волкъ и Волченокъ . .	IV, 174—175	381
Волкъ и Журавль . . .	IV, 256	410
Волкъ и Котъ	IV, 316—317	434
Волкъ и Кукушка . . .	IV, 162—163	377
Волкъ и Лисица	IV, 199—200	390
Волкъ и Мышенокъ . .	IV, 290—291	422
Волкъ и Пастухи . . .	IV, 247	407
Волкъ и Ягненокъ . . .	IV, 128—129	365
Волкъ на псарнѣ . . .	IV, 152—153	373—374
Вольное подражаніе псалму 37	IV, 50—53	342
Ворона	IV, 298—299	428—429
Ворона и Курица . . .	IV, 118—119	360
Ворона и Лисица . . .	IV, 115—116	358
Вороненокъ	IV, 166—167	379
Воспитаніе Льва	IV, 183—186	383—384
Выборъ изъ „Пѣсни Пѣсней“	IV, 95—100	357
Годъ Меркурія мончился.	III, 385	—
Голикъ	IV, 286—287	421
Госпожа и двѣ Служанки	IV, 223—225	400
Гребень	IV, 248—249	408
Гуси	IV, 189—190	386—387
Два Голубя	IV, 134—137	367
Два Извозчика	IV, 470—472	—
Два Мальчика	IV, 326—327	436
Два Мужика	IV, 291—292	422
Двѣ Бочки	IV, 250—251	408—409
Двѣ Собаки	IV, 293—294	422—423
Демьянова уха	IV, 218—219	397
Дерево	IV, 188—189	386
Дикія Козы	IV, 284—285	420
Добрая Лисица	IV, 215—216	396—397
Дубъ и Трость	IV, 116—117	358—359
Жалоба отчаянной . .	IV, 450—451	458
Заяцъ	IV, 468	—
Заяцъ на ловлѣ	IV, 160	377
Зеркало и Обезьяна . .	IV, 226—227	401—402
Змѣя	IV, 315—316	434
Змѣя и Овца	IV, 282—283	419
Илья-Богатырь	II, 95—174	—
Каибъ	III, 295—339	—
Камень и Червякъ . . .	IV, 225	400—401
Картина	IV, 448—449	458
Квартетъ	IV, 197—198	389—390

Клеветникъ и Змѣя . . .	IV, 238—239	407—408
(Клеопатра)	—	I, стр. LII, LXXIII—LXXIV
Клушину	IV, 17	339
Колосъ	IV, 263—264	411
Комаръ и Волкъ	IV, 74—75	357
Комаръ и Пастухъ . . .	IV, 227	402
Конь	IV, 454—455	461—465
Конь и Всадникъ . . .	IV, 212—214	395—396
Котелъ и Горшокъ . . .	IV, 283—284	419—420
Котенокъ и Скворецъ . .	IV, 292—293	422
Котъ и Поваръ	IV, 178—179	382
Кофейница	I, 3—70	LXXII—LXXIII
Кошка и Соловей . . .	IV, 294—295	423—424
Кравчій	IV, 68—69	353—354
Крестьяне и Рѣка . . .	IV, 214	396
Крестьянинъ въ бѣдѣ . .	IV, 171—172	380—381
Крестьянинъ и Змѣя (Змѣя къ Крестьянину) . . .	IV, 209—210	394
Крестьянинъ и Змѣя (Когда почтенъ)	IV, 278—279	417
Крестьянинъ и Змѣя (къ Крестьянину)	IV, 261	411
Крестьянинъ и Лисица (Лиса Крестьянину) . . .	IV, 314	433
Кр-нъ и Лисица (Скажи) .	IV, 182—183	383
Крестьянинъ и Лошадь .	IV, 302	340
Крестьянинъ и Овца . .	IV, 287—288	421
Крестьянинъ и Работникъ	IV, 163—164	378
Крестьянинъ и Разбойникъ	IV, 210—211	394
Крестьянинъ и Смерть .	IV, 228	402
Крестьянинъ и Собака .	IV, 325—326	436
Крестьянинъ и Топоръ .	IV, 230	403
Кукушка и Горлинка . .	IV, 247	407—408
Кукушка и Орелъ . . .	IV, 304—305	430—431
Кукушка и Пѣтухъ . .	IV, 329—330	437—439
Купецъ	IV, 310	432
Къ другу моему	IV, 28—36	339
Къ рѣкѣ М.	IV, 449	458
Къ соловью.	IV, 112	357
Къ спящему дитяти. . .	IV, 85—87	357
Къ счастью	IV, 37—43	339—340
Лань и Дервишъ . . .	IV, 193—194	388
Ларчикъ	IV, 119—120	360
Лебедь, Щука и Ракъ .	IV, 201	390—391
Левъ	IV, 318—319	435

Левъ и Барсъ	IV, 144—145	370
Левъ и Волкъ	IV, 231	403
Левъ и Комаръ	IV, 179—180	382
Левъ и Лисица	IV, 235	404
Левъ и Мышь	IV, 328—329	437
Левъ и Человѣкъ . . .	IV, 60—61	343
Левъ на ловлѣ	IV, 212	395
Левъ, Серна и Лиса . .	IV, 301—302	429—430
Левъ состарѣвшійся . .	IV, 300—301	429
Лещи	IV, 317—318	434
Лжецъ	IV, 157—159	376
Лиса	IV, 323—324	436
Лиса—строитель	IV, 242—243	406—407
Лисица и Виноградъ . .	IV, 261—262	411
Лисица и Оселъ	IV, 281	418
Лисица и Сурокъ . . .	IV, 154—155	375
Листы и Корни	IV, 198—199	390
Львовой	IV, 63	344
Лѣнтяй	I, 495—528	LXXXI
Любопытный	IV, 211	394—395
Лягушка и Волъ . . .	IV, 120	360—361
Лягушка и Юпитеръ . .	IV, 241	406
Лягушки, просящія царя.	IV, 142—144	369—370
Мальчикъ и Змѣя . . .	IV, 254	409
Мальчикъ и Червякъ . .	IV, 264—266	411—412
Мартышка и Очки . . .	IV, 133—134	367
Медвѣдь въ сѣтяхъ. . .	IV, 262—263	411
Медвѣдь у пчелъ . . .	IV, 225—226	401
Мельникъ	IV, 273—274	414—415
Механикъ	IV, 204—205	392
Миронъ	IV, 313	433
Мірская сходка	IV, 216—217	397
Модная Лавка	II, 3—92	I, стр. XXXII, LXXXI—LXXXII
Мое оправданіе	IV, 21—27	339
(Мои горячки)	—	I, стр. XLIII
Мотъ и Ласточка . . .	IV, 275—276	416
Моръ Звѣрей	IV, 146—148	370—371
Мой отъѣздъ	IV, 44—45	340
Мужикъ и Лиса	IV, 468	—
Музыканты	IV, 117—118	360
Муравей	IV, 258—259	410
Муха и Дорожные . . .	IV, 191—192	387
Муха и Пчела	IV, 281—282	419
Мысли философа по модѣ	III, 272—282	—
Мышь и Крыса	IV, 219	398

Мыши	IV, 322—323	436
Мѣшокъ	IV, 176—178	381—382
На новый годъ	IV, 100—103	357
Напраслина.	IV, 243—244	407
На случай грозы . . .	IV, 83—85	357
Не во время гости . . .	IV, 6—7	336
Несчастный Меносъ . .	III, 386—388	—
Новопожалован. Оселъ .	IV, 446—447	457
Ночи	III, 208—256	—
Ночь	IV, 107—109	357
Обезьяна	IV, 175—176	381
Обезьяны	IV, 129—130	365—366
Обозъ	IV, 164—166	378
Обѣдъ у Медвѣдя . . .	IV, 451—452	458—459
Овцы и Собаки	IV, 262	411
Огородникъ и Философъ.	IV, 180—182	382—383
Ода на заключеніе мира .	IV, 11—17	338—339
Ода на фейерверкъ . .	IV, 36—37	339
Оленину	IV, 66	350
Олень и Заяцъ	IV, 445—446	457
Оракулъ.	IV, 124	362—363
Орелъ и Кротъ	IV, 195—196	389
Орелъ и Куры	IV, 140—141	369
Орелъ и Паукъ	IV, 192—193	387—388
Орелъ и Пчела	IV, 159—160	376
Орелъ и Охотникъ . . .	IV, 469—470	—
Оселъ (Былъ у крестьянина)	IV, 312	433
Оселъ (Когда вселенную)	IV, 132	366—367
Оселъ и Заяцъ	IV, 74	357
Оселъ и Мужикъ . . .	IV, 255—256	410
Оселъ и Соловей . . .	IV, 168	379—380
Откупщикъ и Сапожникъ	IV, 169—171	380
Отрывки басенъ безъ заглавій	IV, 468—469	—
Отрывокъ изъ „Одиссеи“	IV, 70—71	356
Отъѣздъ изъ деревни . .	IV, 109—112	357
Охотникъ	IV, 353—354	409
Павлинъ и Соловей . .	IV, 5—6	336
Парнасъ	IV, 122—123	361—362
Пастухъ	IV, 321	435
Пастухъ и Море	IV, 259—260	411
Паукъ и Громъ	IV, 73—74	357
Паукъ и Пчела	IV, 280	417—418
Пестрыя Овцы	IV, 64—65	347—349
Пирогъ	I, 449—492	I, стр. LXXXI

Пиръ	IV, 71—72	356
Письма	III, 395—432	433—446
Письмо къ дядюшк. плем.	IV, 445	457
Письмо о пользѣ желаній	IV, 91—95	357
Пловецъ и Море . . .	IV, 254—255	410
Плотичка	IV, 276—278	416—417
Подагра и Паукъ . . .	IV, 233—235	404
Подражаніе псалму 14-му	IV, 77—78	357
„ „ 17-му	IV, 47—50	341—342
„ „ 51-му	IV, 80—81	357
„ „ 71-му	IV, 76—77	357
„ „ 87-му	IV, 81—83	357
„ „ 93-му	IV, 79—80	357
„ „ 96-му	IV, 78—79	357
Пожаръ и Алмазъ . , .	IV, 205—206	393
Полторацкой	IV, 62	344
Посланіе о пользѣ страстей	IV, 55—60	343
Посланіе Ушаковой . . .	IV, 63—64	346—347
Посланіе Ушаковой и Хилковой	IV, 452—453	459—460
Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ .	III, 283—295	—
Похвальная рѣчь Ермалафиду	III, 368—380	—
Похвальная рѣчь наукѣ убивать время	III, 344—356	—
Похороны	IV, 266—267	412
Почта Духовъ	II, 306—515; III, 3—199	(II, 300 (
Примѣчанія на комедію „Смѣхъ и Горе“ . . .	III, 357—367	—
Прихожанинъ	IV, 297—298	427—428
Проказники	I, 257—395	I, стр. LXXVI—LXXIX
Прохожіе и Собаки . .	IV, 155—156	375
Прудъ и Рѣка	IV, 202—203	391
Пустынникъ и Медвѣдь .	IV, 206—208	393—394
Пушки и Паруса . . .	IV, 310—311	432—433
Пчела и Мухи	IV, 257	410
Пѣсня	IV, 451	458
Пѣтухъ и Жемчужное Зерно	IV, 163	377—378
Разборчивая Невѣста . .	IV, 120—122	361
Разбойникъ и Извозчикъ .	IV, 327—328	436—437
Раздѣлъ	IV, 150—151	372
Разсужденіе о дружествѣ	III, 266—272	—

Рецензія на „Марѳу Посадницу“	III, 389—392	—
Ржевскому	IV, 55	342—343
Роща и Огонь	IV, 126—127	363—364
Ручей	IV, 153—154	374—375
Рыбьи пляски	IV, 296—297	424—426
Рыцарь	IV, 229	403
Рѣчь, говоренная повѣсою	III, 256—266	—
Свинья	IV, 190	387
Свинья подъ дубомъ	IV, 279	417
Синица	IV, 131	366
Скворецъ	IV, 201—202	391
Скупой	IV, 288—289	421—422
Скупой и Курица	IV, 250	408
Слонъ въ случаѣ	IV, 236—237	404—405
Слонъ и Моська	IV, 173—174	381
Слонъ на воеводствѣ	IV, 167	379
(Слѣпой нищій и Мальчикъ)	—	IV, 469
Собака	IV, 194—195	388—389
Собака и Лошадь	IV, 314	433
Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ	IV, 231—233	403
Собачья дружба	IV, 149—150	371—372
Совѣтъ Мышей	IV, 272—273	413—414
Соколъ и Червякъ	IV, 306	431
Соловьи	IV, 285—286	420—421
Сонетъ къ Нинѣ	IV, 106—107	357
(Сонный Порошокъ)	—	I, стр. LXXVII
Сочинитель въ прихожей	I, 197—254	I, стр. LXXVI—LXXIX
Сочинитель и Разбойникъ	IV, 267—269	412—413
Старикъ и трое Молодыхъ	IV, 186—188	384—386
Стихи Бенкендорфъ	IV, 45—47	340
Стихи Г-жѣ К.	IV, 443 и 444	456—457 и 457
Стрекоза и Муравей	IV, 156—157	375—376
Стыдливый Игрокъ	IV, 4	335—336
Судьба Игроковъ	IV, 5	336
Талія	IV, 67—68	351—352
Театръ	III, 380—385	—
Три мужика	IV, 319—320	435
Три поцѣлуя	IV, 65—66	350
Тришкинъ кафтанъ	IV, 204	391—392
Троеженецъ	IV, 138—139	368
Трудолюбивый Медвѣдь	IV, 267	412

Трумфъ	I, 399—444	I, стр. LXXX—LXXXI
Туча	IV, 237—238	405
Тѣнь и Человѣкъ	IV, 230	403
Уединеніе	IV, 87—91	357
Урокъ Дочкамъ	II, 177—228	I, стр. LXXXI—LXXXII
Утро (ода)	IV, 7—11	336—337
Утѣшеніе Анюты	IV, 17—21	339
Филинъ и Оселъ	IV, 315	433—434
Филомела	I, 73—134	I, стр. LXXV—LXXVI
Фортуна въ гостяхъ	IV, 244—246	407
Фортуна и Нищій	IV, 239—241	406
Хмель	IV, 236	404
Хозяинъ и Мыши	IV, 172—173	381
Цвѣты	IV, 208—209	394
Червонецъ	IV, 137—138	367—368
Чижъ и Ежъ	IV, 127—128	364—365
Чижъ и Голубь	IV, 219—220	398
Щука	IV, 303—304	430
Щука и Котъ	IV, 161—162	377
Щука и Медвѣдь	IV, 469	—
Экспромтъ	IV, 72—73	356—357
Эпиграммы:		
Желаешь ты	IV, 443	457
Къ N.	IV, 3	335
На переводъ Альзиры	IV, 70	355
На Злова	IV, 61	343—344
На переводъ Буало	IV, 70	355—356
На переводъ Гюго	IV, 68	352—353
На Наполеона	IV, 62	343—344
На Нея	IV, 62	343—344
Напрасно человѣкъ	IV, 444	457
На рецензентовъ „Руслана и Людмилы“	IV, 63	345—346
На Хвостова	IV, 63	344—345
Федулъ твердитъ	IV, 73	357
Часто вопрошающему	IV, 3	335
Ѣстъ Федька	IV, 67	350
Эпитафіи:		
Какъ утромъ	IV, 67	350
Наполеону	IV, 62	343—344
Олениной	IV, 69	354—355
Эпитафіи шуточныя	IV, 75	357
Ягненокъ	IV, 270—271	413

Поправки и дополненія

къ I—IV томамъ.

Къ I тому.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ въ біографическомъ очеркѣ при I томѣ при печати перепутаны страницы: попали не на мѣсто стр. 44, 47, 34 и 37.

Стран.	Строка:	Напечатано:	Слѣд. читать:
7	12 сн.	къ	въ
11	4 св.	деревни	деревеньки
19	8 „	Анюта	Анюша
61	2 сн.	же	те
66	12 св.	себѣ	къ себѣ
80	12 сн.	стѣламъ	стрѣламъ
83	2 „	ужъ мы ко	уже мы къ
84	14 св.	къ дну	въ дно
89	5 сн.	всечастной	всечасной
90	14 св.	чтобы	дабы
93	2 „	я къ	ко
95	8 сн.	вотъ	се
96	8 „	возсѣвши	возсѣдши
100	6 „	страха	страховъ
104	послѣ 7 сн.	пропущ.: чѣмъ Филомелѣ ты въ свирѣпствѣ угрожаешь.	
107	11 св.	тобой	собой
112	13 сн.	въ оригиналѣ послѣ „груди“ пропущ. какое то слово (вѣроятно, „моей“)	
116	2 „	пропущ. обозначеніе дѣйств. лица *Линсей*	
143	сбоку	вмѣстѣ	всѣ
147	2 сн.	это	что
148	—	то	та
153	—	выдумалъ	выдумывалъ

Стран.	Строка:	Напечатано:	Слѣд. читать:
157	—	потому	для того
—	7 сн.	каждая по платку	всякая платокъ
172	—	и ты	ты
201	8 св.	поставить это	поставитъ то
215	9 „	потому	для того
219	4 „	этомъ	семъ
221	9 „	пылкаго	пылкія
223	2 „	вы	и вы
224	10 сн.	начать	зачать
238	4 „	это ничего	ничего
272	11 св.	рабость	робость
278	—	отъ	для
279	3 „	Метастазиса	Мдтастазея
285	—сн.	станетъ дѣло	станетъ
286	4 св.	тѣмъ дѣло	тѣмъ
293	5 „	объ этомъ	о семъ
305	15 „	потому	для того
307	8 „	письмо ко мнѣ	письмо
325	4 „	она избавитъ	избавитъ
347	2 „	этомъ	этотъ
—	3 сн.	потому	для того
351	13 св.	Ланцетинъ	Таратора
—	примѣчаніе второе нужно уничтожить		
357	7 сн.	сдужить	служить
368	15 св.	такъ какъ теперь	какъ нынѣ
379	12 „	защиты	защищенія
386	5 св.	забылъ	позабылъ
390	18 „	на что	по что
403	1 „	находилъ	находился
413	5 сн.	подсунсяя	подсунься
483	3 „	ненонятность	непонятность

Ко II-му тому.

Стр. 3. примѣч.	2	—Срв. „А изъ Украины всѣхъ лучшая Рязань“ („И то и сіо“, 22).
326	5—8 „	вѣроятно, намекъ на Соймонова
353	6 „	срв. дальше письмо Х-е
384	2 св.	намекъ на очень распространенный тогда lues
447	12 „	вѣроятно, намекъ на Соймонова
452	16 „	срв. выше стр. 442

Къ III-му тому.

Стр. 38. Къ прим. 1. Выходка противъ „Бесѣд. гражданина“ объясняется его нападками на „Утренніе часы“ и „Почту духовъ“ за сатиру (см. I, 76— „Бредни празднаго педанта“, Разсужденіе о томъ, сколько здравое сужденіе, критика, споспѣшествуетъ природнымъ дарованіямъ, и сколько осмѣиваніе, сатира, вредитъ онымъ—стр. 149, „Отрывокъ повѣсти школьнаго Педанта о себѣ самомъ въ большомъ свѣтѣ“—стр. 183). Въ личныхъ намекахъ этихъ статей трудно теперь разобраться.

Стр. 120. Примѣч. 2. См. стр. 38 и предыдущее дополненіе и дальше стр. 296.

Стр. 207 стр. 1 и 2 сн. этой статьи, по недостатку мѣста, мы не могли перепечатать.

Стр. 273. Прим. 3 Брейтигамъ—сапожникъ См. Вигель, V, 39.

Стр. 368. Прим. 1. См. В. В. Сиповскій, Карамзинъ, стр. 513—516.

Стр. 389. Прим. 2.—Стр. 429—430, 441. Передѣлка эта принадлежала П. Сумарокову (Жихаревъ, 380).

Стр. 418—420. Письмо VIII найдено нами безъ подписи въ „Сынѣ Отечества“ 1814, XIII, 37—38 (срв. ib. 74—76, П. Г.). Оно напечатано въ такомъ видѣ:

Перечень письма въ Москву отъ 12 Августа 1814 года.

Во время твоего послѣдняго пребыванія въ Спб. слышалъ ты, мой другъ, о приготовленіяхъ, которыя дѣлаются для открытія Императорской Публичной Библіотеки, и я думаю, помнишь ты по сему случаю разсужденія. Тебѣ казалось, что сколько ни полезно такое учрежденіе, но оно еще рановременно для насъ; ты говоритъ, что, можетъ быть, долго залы Библіотеки простоятъ безъ чтецовъ или будутъ предметомъ одного пустого любопытства. Нынѣ я спѣшу тебя увѣдомить о противномъ, и такъ какъ я имѣю честь находиться въ числѣ служащихъ при сей Библіотекѣ, то ты можешь повѣрить, что я пишу не то, что слышалъ, а то, что вижу. Императорская Публичная Библіотека открыта еще съ небольшимъ два мѣсяца, а уже число читателей довольно значительно.—Во всѣ назначенные для чтенія дни верхняя и нижняя залы ими наполнены; множество молодыхъ людей проводятъ здѣсь съ пользою время, которое, можетъ быть, по недостатку способовъ пропало бы у нихъ

въ праздности. Но, чтобъ дать тебѣ вѣрное и подробное о семъ понятіе, то скажу тебѣ только, что въ сіи два мѣсяца взято для входа въ Библіотеку, 261 билетъ и болѣе 200 книгъ находятся ежедневно на столахъ у читателей. Замѣть, что въ семъ значащемъ количествѣ нѣтъ 8 романовъ или сказокъ, а все книги, касающіяся до наукъ или до классической словесности.—И такъ попеченія нашего Августѣйшаго Монарха и въ семъ случаѣ не потеряны! Да насладится Онъ нѣкогда подъ сѣнью священныхъ лавровъ своихъ зрѣлищемъ, достойнымъ Его, зрѣлищемъ рвенія, съ какимъ Россіяне прибѣгаютъ почерпать въ источникѣ просвѣщенія, отверзтомъ для нихъ обожаемымъ ихъ Монархомъ.

Стр. 428. Примѣч. 1. См. „Жильблазъ“ Лесажа.

„ 429 стр. 2—3 св. бумагу—Кирпичниковъ („Починъ“, 1895, 226) разобралъ „Булатъ“, но наше чтеніе, кажется, вѣрнѣе.

Стр. 438 стр. 13 сн. П. М.—П. И.

„ 439. Къ письму VIII. Оно теперь розыскано нами въ печати. См. выше.

Къ IV-му тому

Стр. 339. Къ № 8 (См. еще „На заключеніе мира съ Готѳами“ Н. Эмина (Спб., 1790) и „На торжество мира, заключеннаго съ Швеціею“ (Спб. 1791).

Стр. 343. Эпиграммы—напечат. также (будто бы впервые) г. Ильинскимъ въ „Русской Старинѣ“ 1905, іюнь, 681—684. Маркизъ Марбефъ—губернаторъ Корсики, жившій въ домѣ родителей Наполеона, Карла и Летиціи Бонапартъ.

Стр. 350. Стих. 31 и 33 по недосмотру переставлены (1826 и 1825 г.г.).

Стр. 373. „Забіяка“—см. Жихаревъ, 119.

„ 375. „Лисица и сурокъ“—срв. наше изданіе, II. 332.

„ 381. „Слонъ и Моська“—срв. наше изданіе, III. 278.

„ 382. „Огородникъ и Филосовъ“—срв. Жихаревъ, 296.

„ 383. „Воспитаніе Льва“—срв. Вигель, II, 7, 15

„ 387. „Орелъ и Паукъ“—срв. Вигель, II, 26.

„ 404. „Туча“—срв. Вигель, I, 197.

„ 411. „Овцы и Собаки“—найдена нами въ „Журналѣ Древней и Новой Словесности“ 1818, I, 20, съ варіантами: 3. Размножить 5. Хоть правда. „Крестьянинъ и Змѣя“—ib. 79, съ заглавіемъ „Мужикъ и Змѣя“ и вар.: 3. Тебѣ меня. 8. Самъ молвилъ такъ. 13. Подъ ней ты.

Стр. 412. „Сочинитель и Разбойникъ“ — срв. Жихаревъ, 225. „Трудолюбивый Медвѣдь“ напеч. подъ заглавіемъ „Медвѣдь и Мужикъ“ въ „Журн. др. и нов. Слов.“ 1818, I, 179—180. Варіантъ: 7. Березняку.

Стр. 435. „Три мужика“—срв. наше изданіе, III. 9.

„ 461. „Конь“ — въ „Старинѣ и Новизнѣ“ кн. IX, стр. 323 упоминается рукопись этого стих. 1830 (якобы автографъ Крылова).

1944 г.
Р. Акт № С 148/19
Рум 5744

44-21624

A30 6-1 12-4